

БАНДЫ СССР

ПОМНИ 90-Е

ЖЕКА

Annotation

1988 год. По стране гарцует тройка — Мишка, Райка, Перестройка. Пацаны не выбирали, как им жить — судьба распорядилась за них. Не они такие — жизнь заставила.

Глава 1. Жека и корифаны

1988 год Жека запомнил по двум причинам. Он закончил восьмой класс средней школы и поступил в технарз. Конечно, в школу можно было ходить и дальше, но учиться придётся ещё хрен знает сколько, и носить хрен пойми что из одежды ему не хотелось, да и не взяли бы — две тройки не давали никакой шанс поступить в девятый класс. Из четырёх восьмых в школе набирали только один девятый. Поэтому, получив аттестат о неполном среднем, Жека только с облегчением вздохнул, и пошёл по жизни дальше. Куда поступать? Да кто ж его знает... Город рабочий. По идее, надо бы в металлургию или горношахтное, но мать как всегда, влезла в планы.

— Иди в торговый техникум. Будешь колбасу нам с работы таскать...

Экзамены в техникум сдал на хорошо — алгебра, русский, история. Эти предметы он любил. Не то, что черчение и география с химией. Поступил на механика по ремонту холодильного оборудования. Специальность предполагалась сытая. Жека был родом из многодетной семьи. Пятеро детей, он старший. Отец с матерью работали на заводе, денег так себе — батя побухивал, да и на младших уходило много. Поэтому содержание Жеки шло по остаточному принципу. Старший — потерпишь... Летом он гонял в обычных чёрных брюках за тридцать рублей, и туфлях из кожзама слоновьего размера. Плюс обычная ситцевая рубашка, уже порядком застиранная. Когда холодно, одевал синюю шерстяную олимпийку. Зимой старенькую отцову куртку. Так и ходил по району, да ездил в деревню к деду.

К деду Жека ездить любил, и самостоятельно ездил с 14 лет. За картошкой и прочим. Жил дед за городом, в деревне, в старом доме с большим огородом аж в 30 соток. Был ветераном войны, разведчиком, гвардии сержантом, имел два ордена и две медали. Брат его погиб на войне, оттого на доме местными тимуровцами были прибиты две звёздочки. Одна красная, другая красная с чёрной каймой. После войны дед работал в совхозе электриком и слесарем, потом пошёл на пенсию. Пенсия приличная. 75 рублей. Как ветерану войны постоянно одаривали его отоваркой, куда входила тушёнка, сгущёнка, гречка, шпроты, шоколад, кофе, и многое такое, что Жека и попробовать-то не пробовал. Дед, куривший всю жизнь махорку, и пивший самодельную бурду, к роскошной жизни не привыкши, всё это каждый месяц сплавлял в Жекину семью. Бабка умерла с пяток лет назад, и девать продукты было некуда.

Держал дед постоянно трёх-четырёх свиней, которых колол с наступлением морозов. Жека смотрел на громадные куски мяса, лежащие на досках у потолка веранды и офигевал. Но деду такое богатство пользы не приносило. Половину он продавал, деньги пропивал, что-то раздавал с щедрот. И к концу зимы денег оставалось только на новых поросят.

Жека брал рюкзак, мать совала в старенькую куртку рупь, и Жека шёл на остановку, чтоб доехать до вокзала. Трамвай туда-сюда стоил 6 копеек. Электричка до 3 зоны и обратно 40 копеек. Сдачи от рубля хватало ещё на стакан семечек. Жека ходил по базару среди рядов бабок-семешниц, со знанием дела пробовал у каждой по щепотке. Выбирал что покрупнее да пожирнее, платил полтинник за стакан, брал газетный кулёк, или просто ссыпал в карман. Так и ехать веселее, главное, чтоб не спросил никто попробовать. Став постарше, Жека брал уже половину стакана, а на 25 копеек покупал пачку сигарет без фильтра, «Полёт» или «Приму». Курить начал рано, как и все, с 13–14 лет. Был он высоким, и в киосках продавали

без проблем. Так ехать вообще было весело. Главное, мусорам не попадаться — смотрел в оба.

Одевался конечно, всегда простенько, но жили они сначала в старом квартале, где обитала заводская беднота и всякого рода уличная шпана. Однако когда Жека закончил школу, матери, как многодетной, дали квартиру в новом, только начавшем застраиваться районе. Здесь народ был чутка побогаче.

Потом Жека поступил в технарь, и там простенько одеваться уже оказалось совсем стрёмно. Перед первым сентября пришли на переключку, и Жека неприятно удивился одноклассникам — большинство пацанов блатноватые на вид и борзые. Ну да ладно. Стерпится может как-нибудь. Однако... Не стерпелось. Большинство одноклассников родом из семей с одним или двумя детьми, ходили в югославских кроссовках, и импортных джинсах с барахолки. У некоторых джинсовые и кожаные куртки, что для Жеки казалось совсем уж нереальной мечтой. Поэтому сразу же парень стал объектом травли. Да и на внешность не такой уж красавец он, чё уж там... Высокий, худощавый, с тонкими руками, большими ушами, да ещё и в очках. Очки, правда, надевал только на уроках.

— Слышь ты, длинный, куда пошёл? — орали одноклассники, когда Жека выходил из кабинета. — Или тебя ушастым звать? Ушанка, ты куда? Или очкарик? Очкан! Очкошник!

Назло, рядом проходили девчонки, и смеялись конечно же... Жека сквозь землю готов был провалиться, но ничего поделать не мог — одноклассники скорифанились, и ходили везде толпой. Были в группе ещё пара изгоев, но им почему-то доставалось меньше. Одевались получше, могли огрызнуться. Жека же всё стеснялся, всё боялся чего-то...

Когда давали первую стипендию, тридцать рублей, пацаны сразу сказали, что будут пасти местные блатные, поэтому лучше уходить задворками, по кустам. Ну... Ладно... Получив в кассе три красные бумажки, Жека снял туфли и положил деньги в носок. Потом попрыгал, вроде незаметно. Пошёл с заднего хода, с мастерских, где и ходили-то редко кто. Дверь выходила в заброшенную аллею, заросшую кустами. Тут и дёру дать можно в случае чего.

Открыв дверь, осторожно выглянул — никого. Не успел пройти десяток метров, как сзади раздался сиплый возглас.

— Эй длинный, ты куда? А ну вертайся сюда, побазарим.

Внутри у Жеки как похолодало всё. На ватных негнущихся ногах он пошёл обратно, словно на голгофу. Там стояли два широкоплечих низкорослых паренька. Одного звали Фотич, третьекурсник. Был он в спортивной форме и высоких адиках. Пацаны говорили что занимался боксом в городской секции. Может и правда... Нос у него точно был плоский, как и уши. Огромные кулаки как гири он держал перед собой. Другого звали Талдыч. В кожаной куртке и спортивных штанах. Лысый и круглорожий. Лет двадцати пяти. Чем он занимается, никто не знал. Учитель по механике в шутку называл его «рэкетмен». Он давно закончил технарь, но постоянно тёрся тут.

— Иди, иди сюда, длинный, — поманил пальцем Фотич, и сразу же стал шмонать по карманам, что по пацанским понятиям совсем уж не годилось — так только мусора делали.

— Где стипендия? — слегка постукивая Жэку по груди спросил он, улыбаясь рязбой широкой рожей. — Деньги давай гнида. Или фанеру пробью.

— Так это... Нету! Я ж не получал. У меня ж двойки были! — испуганно соврал Жэка.

— Да ладно, пошли, Фотич, чё с этой нищеты конченной брать, — хлопнул его по плечу Талдыч. — Пошли лучше тёлочек снимаем в общежитии.

— Ну смотри с. ка! — рассмеялся Фотя, и с силой пробил Жеке фанеру. — На штраф

что ли тебя поставить?

Однако Жека не мог ответить. У него как будто перехватило дыхание, и темнота залила глаза. Опустившись на колени, он судорожно стал хватать ртом воздух. Парни заржали и ушли. Кое-как поднявшись с колен, Жека отдуваясь пошёл по аллейке. Ну ничего... Зато деньги целые. По пути домой зашёл в магазин, купил сестрёнкам и братьям мороженого, авоську плюшек по семь копеек, себе пачку Родопи за полтинник.

Дома быстро разделся, раздал подарки. Поел. Хорошо хоть комната своя была. Родителям от завода на пятерых дали пятикомнатку в новом доме под отделку, пусть и на девятом этаже. Батя сам стены затирает, белит. У каждого была своя комната. Сёстры ещё мелкие, пять и семь лет, жили в одной, самой тёплой спальне, братья, десять и четырнадцать в другой, родители в третьей, Жека в четвёртой. В зале стояли телевизор Витязь, взятый в кредит, и простой диван с креслами.

Зайдя в свою комнату, Жека достал старенький магнитофон Томь-404, отданный отцом, и единственную кассету МК-60-1, и включил музыку. Записи конечно так себе, в основном записаны с телевизора, с Голубого огонька, но и то ладно. Музыка Жека любил, и хотел бы новый магнитофон, но родителей просить об этом даже нечего было и думать. Жека часто ходил в магазины, торгующие радиотехникой — в Орбиту, Костёр, Юный Техник, и подолгу рассматривал там приставки, усилители, колонки, проигрыватели. Но это всё было недоступно ему.

Наскоро сделав домашнее задание, Жека взял книгу из библиотеки, «Одиссея капитана Блада», немного почитал, а потом решил пойти погулять. Район был новый — сплошные девяти и двенадцатиэтажки с пустырями меж ними, и множеством кустов и перелесков. Толком тут ещё никто друг друга не знал, но район имел недобрую репутацию криминогенного, и в просторечии именовался «речкой», по тому, что через него протекала мелкая речушка, почти ручей.

У подъезда на лавочке сидел такой же простовато одетый блондинистый чувачок с длинной чёлкой. Увидев Жеку, он подвинулся, и показал чтоб тот присел.

— Как звать? — спросил чувачок.

— Жека. А тебя?

— Славян. Курить есть?

— Есть. Только пошли за угол, ещё увидят...

Что ещё может сблизить как не сигареты? Зайдя в кусты, парни разговорились. Славян жил на пятом, в трёшке. У него ещё сестра была, младше на десять лет, мелкая совсем. Родители тоже на заводе работали, отец шофёром, мать на ТЭЦ лаборанткой. Учился Славян в шараге на слесаря, был он одного возраста с Жекой.

— Ты знаешь тут местных? — спросил Славян, бросая окурок в сторону.

— Какие тут ещё местные?

— Самый крутой тут Сахар. На вишнёвой девятке ездит. У него сестре тринадцать лет, белобрысая такая, и наглая. Ходит куда хочет в любое время. Её все пацаны боятся. Сахар здесь за неё двух бухих мужиков-работяг чуть не убил. Наехали на неё, в подвал хотели затащить, одежду порвали. На штраф их поставил.

— И сколько штрафа?

— По шутке каждому. Они ему с получки по сотке таскают.

Парни ещё немного погуляли, полазили по стройке рядом, а потом Жека вернулся домой.

Завтра после технаря он зашёл в продуктовый. Там на столике продавали кооперативные кассеты с записью. МК-60-5 стоили 16 рублей. Блин... Чуть не половина зарплаты. Но послушать что-то новенькое хотелось. Но что купить-то? Хрен его знает. Современных групп Жека и близко не знал, лишь те, что по телевизору в «Песне-88» и «Утренней почте» показывали. Александра Добрынина, Льва Лещенко, Валентину Легкоступову, Игоря Николаева. Больше всего нравился «Форум», но показывали его редко... А здесь... На корешках кассет какие-то названия конченые. «Кристина», «Фристайл», «Мираж», «Ласковый май -1». Сроду таких не знал, и выбрать не из чего. Зарубежку он не любил, хотя во «Взгляде» показывали иногда. Не найдя что выбрать, хотел уже уходить, как продавец включил музыку на магнитоле Вега-335, на которой он проверял записи.

«Белые розы, белые розы, беззащитны шипы...» Жека как замороженный дослушал песню до конца, и спросил, что это за группа. Оказалось, как раз и звучал этот Ласковый май, первый концерт.

— Да это молодая группа. Беспризорники и детдомовцы поют, — заявил длинноволосый парень в громадных очках «под Листьева», продавец. — Это сейчас самое модное, самое популярное. Вся Москва на ушах стоит. Бери, как раз для молодых.

Жека скрепя сердце отдал за кассету 16 рублей, и хотел уже пойти домой, как увидел ещё один прилавок. Со всякими книгами и журналами, тоже кооперативными. Чего там только не было. Но более всего Жеку заинтересовала небольшая мягкая книжка, на обложке которой было написано «Каратэ Шотокан — путь к совершенству». Жека взял, полистал. Это был самоучитель по каратэ. И стоил недорого, рубль пият. А... Хрен с ним... Надо брать.

Придя домой, поставил кассету, и буквально замер, слушая непривычную музыку. Тут же в комнату вошли братья, мать. Она как всегда, в своём репертуаре, рассерженная. Жека почувствовал скандал.

— И сколько это стоит? — недовольно спросила мать, вытирая тряпкой кастрюлю.

— Шестнадцать... Ру... Рублей... — неуверенно ответил Жека.

— Не... Ты совсем дурак или чё? — чуть не заорала она. — Мы с отцом бьёмся-колотимся, чтоб вы накормлены-напоены были, а ты за какую-то х. ню 16 рублей отдал. Не, ты дурак или чё? Купил бы кеды себе на физкультуру. У меня денег нет! Я тебе сказала!

— Нет, я не дурак, — Жека одел олимпийку, взял пару рублей, и пошёл на улицу.

— Куда пошёл? Мусор выкини.

Жека недовольно взял ведро с мусором, отнёс в мусоропровод, и с грохотом вывалил. С 9 этажа летело долго. Потом по пути на улицу зашёл к Славяну, но его дома не оказалось. Пошёл один. Полазил по стройке, сходил на речку. Делать было нечего, никого он тут толком ещё не знал. Переехали они сюда год назад, и всё как-то ни с кем не сдружился. Разве что идти к старым друзьям. Но они жили далеко, за три остановки на трамвае, да и потом тилипать ещё хрен знает сколько. Самый центр старого квартала. Неохота. А ваче-то... Ё-маё... У них же видеосалон открылся, в общаге пединститута! Это меняло дело.

Доехав на трамвае до горсовета, прошёл пешком по тенистой зелёной улице, свернул во дворы. Тут всё знакомо. Всё как дома — детство прошло в этих хрущёвках. Зашёл сначала к Лысому, потом к Эде. Хорошо что те дома были. Вышли, посидели на лавке во дворе, поговорили ни о чём.

— Ну чё? В видеосалон пойдём? — высказал Жека цель своего прихода. Но у дружанов

как назло, не оказалось денег, однако... Выход, как всегда, нашёлся.

— Пойдём так. У них там комнатёнка маленькая, а народу много, всегда душно и дверь открыта. Можно через дверь посмотреть, — предложил Лысый, небольшого роста худощавый парень, бедновастенько одетый, в трикушки и майку. Отца у него не было, мать работала уборщицей, частенько попивала и водила домой друзей — грузчиков с соседнего магазина, где работала. Была у него ещё сестра, на пару лет старше, но пацаны шептались, что она проститутка, и даёт всем за пять рублей. Правда это или нет, Жека не знал. Но тёлка она была так себе... Некрасивая. Слишком худая, белобрысая, и с конопушками. Да ещё и с карими глазами, что при светлых волосах смотрелось отвратительно.

У Эди родители были покультурней и позажиточней. И он был единственный в семье. Одет более-менее. Но... Денег у него тоже не было. Родители строгого нрава, и копейки не давали.

Пацаны покурили, а потом пошли до общаги. Местные называли её «хранилище», добавляя перед этим матерное название женского полового органа. Что было логичным — в двухэтажном здании сталинской постройки проживали лишь девушки, обучающиеся в местном пединституте на учителей. Сюда таскались все местные парни в надежде найти место, чтоб попьанствоваться с интимным продолжением, а также крутые-блатные в надежде снять невинную красотку нахаляву. А то и затащить в машину, пока никто не видит.

На первом этаже кооператоры, судя по всему, люди уважаемые и непростые, открыли видеосалон в помещении, где раньше хранили поломанные стулья, швабры, и всякую дрянь. Поставили в пять рядов ученические стулья, на парту водрузили цветной телевизор Горизонт с декодером, подсоединили к нему импортный видеомагнитофон. Вот собственно говоря и всё. За вход брали по рублю. Двадцать пять мест. Двадцать пять рублей за сеанс только с сидячих мест на стульях, по полтиннику собирали с тех, кто сидел на полу, что часто было по вечерам. В среднем огребали по тридцатке за сеанс, 140 в день. В месяц башляли с одной этой точки по 4000 с лихвой. Утром, на самом первом сеансе, показывали мультики, на втором обычно комедии, приключения, на третьем и четвёртом боевики, фантастику, каратэ, а на самом последнем, эротику. Вот на ней и был полный аншлаг. Но сегодня пацаны пошли на каратэ боевик с Брюсом.

Глава 2. Каратэ пацан

Фильм уже шёл. В дверях стояла целая толпа пацанвы, и смотрела друг через друга — что там на экране. Жека с друзьями подвинули мелкоту, и сами протянули головы в тёмный проём. На экране Брюс Ли пинал какого-то длинного негра в синей одежде. Перевод гнусавый, как и всегда. Перезапись кассеты такого качества, что ничего не разобрать, о чём там говорят, хоть и громкость на телевизоре выкручена почти до конца.

— Чё там, чё там? — запрыгал низкорослый Эдя, старясь увидеть, что на экране. — Нифига он ему навалял!

Досмотрев фильм до конца, пацаны вышли на улицу. Уже темнелось. Народу мало. Надо по домам, а то опять мамка орать будет. И тут впереди они увидели пару лохматых парней небольшого роста. Да блин... Надо же встретиться... Это были братья-цыганы Намас и Алмас. Намас самый наезжий. Хорошо дрался, и бил всех подряд, даже взрослых мужиков. Один раз так пнул ногой парня-старшеклассника в школе, что порвал ему губу. Потом мусора приезжали, в детскую комнату поставили на учёт. Алмас был ссыклом, но выезжал за счёт авторитета брата. Если бы не брат, его б давно раскатали по асфальту.

— Эй вы! А ну гребите сюда! — позвал Намас, согнув палец. Делать нечего, пришлось идти.

— Деньги есть? Сигареты?

— Денег нет. Сигареты есть.

Жека подал пачку, и Намас выгреб оттуда сразу пять штук, что даже мусора не делают. Одну сунул за ухо, две дал брату, одну закурил, остальные засунул в карман олимпийки. Закурил, нагло глядя на пацанов, хотел доколупаться, но откуда-то из соседнего двора раздались истошные крики, и Намас мгновенно переключился на тот конфликт, пихнув брата локтем, чтоб вкупиться в драку, побить кого-нибудь просто так.

— Пошли, пошли! — Лысый подтолкнул пацанов, и они побежали к себе во двор, пока цыгане занялись другими, и забыли про них.

— Бдыщ! Бдыщ! Кияяя! — по пути домой, в подъезде между восьмым и девятым, Жека стал изображать такие же удары, как Брюс Ли. А потом вспомнил — блин, он же книжку по каратэ купил!

Придя домой, Жека открыл самоучитель и стал читать. Сначала введение. Для чего служит каратэ. Кто был основателем. Интересно... Стиль Шотокан произошёл с Окинавцы, а его основателем был Гитин Фунакоши. И самое главное, этот стиль как раз подходил высоким худощавым людям. Однако чтоб заниматься каратэ, требовалось сначала улучшить физическую подготовку.

Жека в Спортсмене купил две чугунные гантели по 5 килограммов каждая, экспандеры, стал каждый день по вечерам качаться, качать пресс. Не сказать, что он был совсем дрищеватым. Раньше у деда на огороде работал всё лето как ишак, таскал воду, уголь, дрова. Копал грядки, сажил картошку, потом окучивал, копал. Но когда стал качаться, только тогда понял, что мышцы стали укрепляться. И в карате стало получаться многое. Жека изучил все удары, блоки, и даже несколько ката выучил наизусть. Он притащил со стройки кусок половой доски, клал её на гантели, и постоянно набивал то кулаки, то пальцы, то кисти. Единственное, чего у него не было, это спарринга, и оценить, насколько он выучил приёмы, Жека не мог.

Особенно Жека любил фильмы про ниндзя. И пересмотрел все, что показывали в видеосалонах. «Месть ниндзя», «Шаолинь против ниндзя», «Американский ниндзя», «Моли о смерти». Жека захотел стать ниндзя, чтобы бороться со злом, ведь в фильмах было так. Правда, оружия не было, ни меча, ни звёздочек, но это не проблема. Жека надыбал старую отцовскую спецуру, что валялась в кладовке, вышил на ней белыми нитками иероглифы, увиденные в самоучителе. Он заматывал голову чёрной тряпкой, одевал спецуру, подпоясывал её ремнём, и поздно вечером выходил сначала в подъезд, поздно вечером, часов в 12 ночи. Там изображал удары ногами и руками. Один раз даже пошёл на улицу.

Рядом с подъездом росли кусты, стояла темнотища, и он по зарослям отошёл подальше от дома, почти до клуба. Клубом называли двухэтажное здание ЖЭКа. На самом деле ЖЭК занимал только второй этаж, а на первом были детская библиотека и детско-подростковый клуб «Романтик». Чем занимаются в этом клубе Жека не знал, но ходили слухи что всякой фигней — выжигали по дереву, учились шить, столярничать. Вот до этого клуба Жека прокрался по кустам, изображая себя великим и могучим ниндзя. Потом стал наносить удары руками и ногами.

— Слыш... А у тебя неплохо получается. Где учился? — прозвучал негромкий голос со стороны лестницы ЖЭКа. Блин... Ну как так? В темноте Жека не заметил, что там на ступеньках сидит, и курит какой-то мужик. Стало страшно неловко, он снял с себя балахон и повязку с лица, но было уже поздно. Мужик подошёл к нему, и рассматривал с ног до головы. Был он в джинсах-варёнках, и чёрной импортной футболке с надписью «BOSS».

— Неплохо получается, говорю. У кого учился? — опять спросил мужик, подойдя и пощупав его бицепс.

— Да ни у кого, — растерянно промычал Жека. — Я сам. По книжке.

— По книжке у тебя неплохо получилось, — усмехнулся мужик. — Приходи завтра после 7 вечера сюда. Постучишь в дверь, я открою. Я тебя настоящему каратэ научу.

Жека потом весь день долго думал, идти — не идти. И хотелось научиться драться, и сильно ссыкотно было. Чё это за мужик, какого хрена от там висел ночью? Но потом решил, что идти стоит.

На следующий день вечером Жека оделся в трикушки, майку, кеды и вышел из подъезда. На лавке, на спинке, ногами на сидушке, сидели две мокрощелки лет по 13. Одна белобрысая, в спортивном эластиковом костюме, и белых адиках, другая, брюнетка, в светло-синих варёнках и майке с одной лямкой. Они сидели и лузгали семечки, сплёвывая на пол. Девчонки явно не из их дома. У себя бы они не решились так себя вести.

— Чё уставился? — дерзко быканула белобрысая, и плюнула Жеке почти на ноги. Но он как настоящий мужик, связываться с тупым бабьём не захотел, и пошёл в клуб. Дверь была закрыта, да и то правда — уже вечер, все ушли домой, но он всё-таки постучал в дверь несколько раз, и услышал как кто-то подошёл и щёлкнул засовом. Там стоял тот же мужик, только в белой хламиде, которые показывали в фильмах про карате. Кимоно.

— Пришёл? Молодец. Айда в подвал, там уже все собрались, кого я ждал.

В подвале было темновато и душно, однако сухо. Да ещё и низко — Жека несколько раз чуть не ударился башкой о канализационные трубы. У стенки стояло несколько лавок, на которых сидело с десятков парней в спортивном. По виду не сказать, что какая-то блатата. Обычные чуваки. Даже налысо не стриженные. Один так вообще с длинными волосами, как рокер. Жека стригся обычно, на «молодёжную», за 40 копеек, покороче. Но всё-таки не налысо.

С удивлением Жека увидел, что в числе присутствующих и Славян, криво улыбнувшийся ему в ответ. Вот так нежданчик. От мужика не укрылось обстоятельство, что парни знакомы друг с другом.

— О! Вы что, друзья? В спарринге вместе будете. Ну а сейчас разомнёмся. Делайте как я, — мужик хлопнул в ладоши. — Ваше тело как у робота, состоит из шарниров, постепенно разминаем суставы, мышцы, начиная с ног.

Сколько длилось занятие? Время пролетело быстро. Однако после него Жека почувствовал, что выжат как лимон, и пот струится градом. Потом начали растягиваться. Полная растяжка у Жеки только вперёд была, поперечная получалась фигово. Но ничего... В конце занятия мужик заставил парней подражаться друг с другом. У кого получилось, у кого нет. Но в общем, Жеке понравилось. Славян так же умел мало чего, и весь их бой заключался в топтании на месте. Жеке как-то неловко было бить нового дружбана, но похоже, у мужика как раз на это и был расчёт.

— Ну что, как тебе? — после занятия спросил мужик, скинув кимоно, и вытираясь полотенцем. Жека с завистью покосился на мускулатуру. Как у Брюса, даже лучше. И кубиков вон сколько на прессе. У Жеки всего два ряда просматривалось. Зато вены на руках набухали. Это считалось круто. И мышцы как железные были.

— Нормально, — нерешительно ответил Жека. — А как вас... Звать?

— Михалыч, — мужик протянул крепкую набитую ладонь. — Тебя как?

— Жека.

— Ну и молоток, Жека. В общем так. Для начинающего у тебя ценный багаж. Ты знаешь удары, блоки и ката. Но это мало. У тебя нет растяжки, реакции и опыта боёв. Я тебя научу всему. Причём такому, чего в книгах нет. Удушающие, болевые приёмы. И...

Мужик помолчал, и дотронулся двумя жёсткими пальцами до шеи и груди Жеки.

— Смертельные тоже. Занятия стоят 5 рублей в месяц, два дня в неделю. Работаем до посинения. В конце каждого даю домашку. Ну как?

— Нормально, — ответил Жека, уже думая свинтить. Оно конечно, хорошо, но денег жалко.

Последним он вышел, а там его ждал Славян, и ещё один парень, белобрысый и такой же худой, тоже из каратистов.

— А ты тут чё забыл? — рассмеялся Славян. — Курить есть? Знакомься. Это Клаус.

Курить не было, поэтому просто пошли к своему подъезду, и сели на лавочку, на спинку. Тёлки уже ушли, и стало свободно.

— Сахариху видел? — как будто невзначай спросил Славян.

— Кого? — недоумённо спросил Жека, всё-таки предполагая, о ком шла речь.

— Светка Сахарова. Сидела тут семечки грызла. Заплевала всё, крыса. Я тебе говорил про неё. Что брат у неё крутой. Красивая, с. ка.

— А... Эта... — вспомнил Жека. — Да, да, точняк... Борзая. А с ней кто? Какая-то чёрненькая сидела.

— Её Пуща звать. Пустовалова фамилия. Оксанка. Рядом живёт, вон в том доме. Ничё нормально прикинута. У ней батя шахтёром работает.

Клаус сидел как на шарнирах. То вскочит, то сядет. Да и весь какой-то дёрганый

— Ты чё? — рассмеялся Славян. — Ссать что ли хочешь? Или брейк-данс ломаешь?

— Да не... Курить охота.

Тут стало слышно как к подъезду подъезжают две машины, разгоняя фарами темноту.

Восьмёрка и девятка.

— Во, Макар приехал. Спроси у него, — рассмеялся Славян. — Если пинка тебе не даст.

— Чё за Макар? — Клаус внимательно уставился на машины. — Я в вашем доме кроме тебя никого не знаю. Ну и Жеки сейчас.

— Нууу... Не знать Макара... — разочарованно протянул Славян. — Его вся речка знает.

Надо сказать, Жека тоже знал Макара. Ну... Как... Только то, что жил он с женой в двушке на втором этаже. Ездил на синей девятке. Одевались очень хорошо, с барахолки. Часто громко играла у них чистая музыка, указывая на то, что есть хорошая звуковая аппаратура. Часто Макар проходил в подъезд, держа в руках вещи, недоступные простому человеку — то японский двухкассетник, то стопку видеокассет, что намекало на то, что у него есть свой личный видеомэгафон. Чем он занимался, и кем был по жизни, никто не знал, но то, что ему дали двушку, да ещё на втором этаже, да ещё и в заводском доме, говорило о том, что человек он богатый и влиятельный. Друзья у него такие же кручёные. На восьмёрках-девятках, в кожанках, прикинуты неслабо. И самое главное, уверенные и спортивные. В работягах такого не увидишь.

Вот и сейчас, двери у машин распахнуты, на капоте орёт японская магнитола на весь двор, несмотря на поздний вечер. И никто им ничего не скажет. Расставили коньяк, вино, закуски, тоже на капоте. Рядом стоят крепкие парни снарядами одетыми тёлками в мини юбках, пьют, курят, что-то орут.

— Пойду курить у них спрошу, — Клаус закончил вертеться, и сделал шаг к крутой компании.

— Ну иди! — Жека со Славяном рассмеялись над дурачком. — Дадут тебе дюлей, мы вкупаться не будем.

Однако, к их удивлению, крутые Клауса не побили, а поговорили, похлопали по плечам, налили стопку коньяка, и дали сигарет.

— Смотрите, ссыкуны! — Клаус подошёл, и показал штук шесть сигарет. — Мальборо. Курили хоть раз?

— Дай заценю, — Жека взял одну, чиркнул спичками. — Круто. Лучше болгарских. Того ж БТ.

— Среди болгарских БТ фиг найдёшь. Родопи, Опал и Аэрофлот так себе, — заявил Славян, выпуская клуб дыма. — Не... Мальборо...

Немного погодя парни разошлись по домам. Жека дома ещё потренировал удары в своей комнате, потихоньку, стараясь не шуметь, так как все спали. Потом немного почитал, и завалился спать. Нет... Всё таки он решил ходить к Михалычу. Хрен с пятёркой.

Вскоре настала зима. На улицах гулять было холодно, сидели в основном в подъездах. Там и курили, или играли по старой детской памяти в пробки. Этой зимой среди уличной пацанвы пошла дурацкая мода носить фуфайки и цигейковые ушанки. Откуда это пошло, никто не знал, но ходили упрямые легенды, что некий авторитет-сиделец, освободившись из зоны, так и не смог привыкнуть к свободному лоховскому прикиду, и ходил даже после кичмана в фуфайке и цигейковой шапке. Пацаны с удовольствием следовали этой моде. Как же... Если в фофане, то крутой. С зоны. По району так и ходили толпами по вечерам. И все знали, если идёт толпа пацанов в фуфайках — мужикам и лохам надо быстрее ноги уносить. В город, или на учёбу, конечно, одевались попрличнее.

Зима 1988–1989 года запомнилась для Жеки несколькими значимыми событиями. Во

первых, батя купил ему шубу в кредит. Естественно, шуба была искусственная, но зато крутого серебристого цвета и пушистая. 80 рублей! Правда, шапка была обычная, кроличья, да ещё и старенькая. Свитер домотканый, шарф простой шерстяной, в то время как в моду вошли мохеровые. Ботинки были наполовину кожаные, наполовину суконные, из тех, что называли «Прощай молодость», на резиновом ходу. Однотрушники гоняли в куртках-алясках и ройсах, в норковых шапках и кожаных югославских и болгарских ботинках. Но шуба, хоть и считалась стариковским прикидом, тоже была ничего. Гонять зимой с пустыми бутылками в молочный за кефиром и молоком, самое то. Не замёрзнешь.

Во вторых, Жека в первый раз в жизни напился. На Новый год. В группе был чувачок знакомый, не сильно крутой по характеру. Погоняло Сандро. Звали Сашка. Был он довольно обеспечен — мамка работала в винно-водочном и втихоря барыжила бухлом по высокой цене. Только среди своих. Ну и подпрягла сына.

— Слышь, длинный, бухло не надо? — обратился как-то Сандро на перемене.

— Чё стоит? — заинтересованно спросил Жека, в уме прикидывая, что надо бы как-то размочиться на Новый год.

— Водка десять, вино пять.

Жека подумал, что водка дорого, да и говорят, противная она, поэтому отдал пятёрку, пойдёт и вино. После уроков зашли к Сандро домой. Обстановочка конечно, не чета как у Жеки. Обои, ковры на стенах, и на полу, хрустальная люстра, югославская стенка. У Сандро в комнате стоял большой катушечный магнитофон с колонками.

— Слушай, длинный, какой чистяк играет! — Сандро включил воспроизведение, и заиграла ритмичная танцевальная музыка. Кажется, Модерн Токинг. «Юмахо, юмасо». Круто. Звук чистый, басы качают мощно.

— Какой концерт? — как будто знающим голосом спросил Жека, делая вид, что ему эта музыка хорошо знакома, да и качество записи привычное.

— Первый концерт, ты чё не знаешь, — возмутился Сандро. — Ихние последние концерты так себе, мне не нравятся. Короче на, вот твоё бухло.

Сандро сходил куда-то в квартиру, принёс бутылку Агдама. Жека завернул её в приготовленную страницу от «Комсомольской правды» и положил в белый пакет с надписью «Ваз -21093» и фоткой машины. Он недавно купил этот пакет за пятьдесят копеек, и гордо ходил с ним, показывал всем, что у него такая модная вещь есть.

Вино дома положил наверх шкафа, и нетерпеливо стал ждать Новый год. А он должен был стать примечательным. Родители с младшими тремя собрались в гости к родственникам. Жека, и четырнадцатилетний братан Серый остались дома. Родители строго-настрого наказали никуда не таскаться, сидеть дома. Дома стояла ёлка, купленная на базаре за три рубля. Лысая и плоская, но зато запах ёлочный, игрушки сверкают, гирлянда мигает.

И непередаваемое ощущение взрослости и самостоятельности.

Глава 3. Грузинский бизнес и убийство Фотича

За неделю до Нового года Жека с Серым ходили в магазин «Соки-воды» за две остановки от района. Приволокли в магазин полные авоськи пустых бутылок, обменяли их на Дюшес по 35 копеек. Получилось 10 бутылок газировки. На Новый год хватит. Неплохой запас. Жека купил ещё пачку Космоса за 70 копеек. Дорого, но фиг с ним. Новый год всё-таки. Мать оставила котлеты, толчёнку и винегрет. Перед Новым годом включили телевизор. Сначала смотрели Песню 88. Жеке многое не нравилось.

— Чё это за пацан поёт про Люси? — поинтересовался Жека у брата, когда пацанёнок какой-то запел про собаку Люси. Он слышал уже эту песню.

— Родион Газманов. Чё не знаешь что ли? — удивился Серый, доставая фужеры, и наливая газировку, типа шампанское.

Ни одной группы из тех, что продавали в ларьках с кассетами в Песне-88 не было. Странно. Из всех окон и переносных магнитофонов звучали песни Ласкового мая, Фристайла, Миража, а по телику их не показывали, а показывали пенсионеров каких-то.

— Николаев нормальный ещё, Серов, Малинин, Форум, Понаровская. Жека, ты и музыке не шарить ваще! — рассмеялся Серёга.

— Это не модная муза, — возразил Жека. — Модная сейчас дискач.

Братаны пожрали, посидели, посмотрели Голубой огонёк, а потом Жека притащил бутылку Агдама.

— Ты это пить будешь? — удивился брат. — Налей мне маленько.

Жека плеснул брату половину рюмки. Остальное выпил сам. Тут же резко закружилась голова, и всё содержимое праздничного ужина оказалось в унитазе. Этот Новый год Жека долго ещё вспоминал.

Этой же зимой как-то резко Жека заметил что у него стало всё получаться с каратэ. Движения стали сильными, быстрыми, уверенными. Так и должно быть, когда каждую свободную минуту тренируешься. В том же кооперативном прилавке купил ещё книгу «Ушу. Стил Тайцзицюань. Искусство древних мастеров». Полистал. Больше похоже на гимнастику и дыхательные упражнения, но были и боевые приёмы. Жека попробовал методику — понравилось. Раньше он никогда не мог бы встать на одной ноге как цапля, и в растяжке вытянуть другую ногу под потолок, а потом сходу нанести несколько ударов. Сейчас получалось легко, как воды попить, прям как в фильмах. Жека отнёс показать книгу Михалычу. Тот листал и одобрил.

— Для разминки пойдёт. Однако ушу это другой путь, более мягкий, чем каратэ, но и более духовный. Как успехи в тамэсивари?

А успехи были неплохие. Жека запросто ломал доску тридцатку или два кирпича ребром ладони и кулаком. Пальцами только начал набиваться.

— Пойдёт. Больше не набивай, а то руки травмируешь. У тебя кости растут ещё. Станешь взрослее, продолжишь, — похвалил Михалыч. — Тебе сколько? 16? Когда будет 17?

— Весной. В конце.

— Пока сильно не форсируй подготовку. Ты и так идёшь с хорошей прибавкой.

А через месяц Михалыча завалили. Вечером. Прямо у клуба. Любил он в одиночестве посидеть, покурить. Наехали какие-то неместные парни, залётные пацаны, он полез с ними в драку, на пятерых сразу, ну и пырнули ножом в печень, потом ногами запинали.

— Только этот мужик непростой был. Афганец бывший, — рассказывал Славян, всегда бывший в курсе всего и всех. — Много крутых парней он драться научил. Этих, кто его завалил, нашли потом в развалюхе сгоревшей.

— Откуда ты в курсе? — удивился Жека.

— На районе чаще бывать надо! — рассмеялся Славян. — Пойдём в подвал подерёмся!

В клуб теперь не попасть, и пришлось идти в подвал своего дома. Там была инженерная комнатка, где стояли насосы и вентили. Туда местная пацанва притащила старую железную кровать с матрасом. Стоял стол, лавка. Был свет. Можно посидеть, покурить. Рядом, где вбиты в землю бетонные сваи, было большое пространство. Там раньше играли в догоняшки, прятки и парашу. Сейчас же можно было подраться.

Компания у них осталась та же. Жека, Славян, Клаус, Диман, погоняло Митяй, тоже с каратэшки. Здоровенный, безбашенный парень, но добродушный. Потом в неё подтянулся братан Серёга. Был он на пару лет помладше пацанов, что почти ничего — быстро влетел. У Серёги был друган Мишка, которому уже было пятнадцать. Тоже хорошо дрался, ходил на бокс. Погоняло дали Михалыч, иногда называли Миха. Парни собирались в подвале, курили, тренировались. Компашка хорошая сложилась. Жека понемногу перестал ходить к своим старым друзьям, на старый район.

А весной произошли более значимые события, которые навсегда на Жеке оставили печать.

Жека нежданно-негаданно обзавёлся спортивным костюмом, да ещё эластиковым. Правда, не адиком. Простая Турция, что тоже круто. Но на штанах была только одна полоска, а у пацанвы котировалось минимум две. Зато полоска широкая, что тоже круто. А было всё как... Мать Жеки сдала одну комнату на месяц приезжим из Грузии. К подруге приехали из Грузии два родственника с полными баулами барахла на продажу, а жить негде — у подруги была только комната в общажке. Ну, она и предложила подзаработать, зная бедственное положение семьи. Грузины пообещали 100 рублей в месяц. Для семьи Жеки это конечно же, большие деньги.

Приехали они не просто так, а торговать на барахолке. Привезли турецкие эластиковые спортивные костюмы, турецкие же махровые халаты, полотенца, мохеровые шарфы. Всё контрабанда через границу. Люди вроде бы и тихие, но Жека впервые увидел что такое большие деньги. Один спортивный костюм грузины продавали за 180–250 рублей — месячная зарплата отца. Махровый халат — 250 рублей, полотенце стоху. Все вещи яркие, с картинками, импортные, крутые. Гости жили на широкую ногу, как Жека видел только в кино. Ездили всегда на такси, ели в ресторане, а не у них. Иногда приносили домой сырокопчёную кооперативную колбасу, шоколад, конфеты шоколадные по 7 рублей, всякие «Мишка на севере». Угощали детей, мать. Поили отца дорогим коньяком. Впервые в жизни Жека увидел импортную зубную пасту Blend-a-med с надписью Made in USA. Попробовал на вкус — вкусно. Как конфета.

— Памаги сумкы дотацит! — как-то обратился Георгий, один из грузин. — Дэнэг дам на расходы.

Жека помог вытащить большие баулы из квартиры и погрузить в такси. За это грузин сунул ему в карман сиреневую двадцатьпятку.

— Кажды дэн па 25 платыт буду, толка помогай!

Грузины быстро обзавелись знакомыми и друзьями из местного криминала, спекулянтов и фарцы. Жека не один раз даже ездил с Ираклием и Георгием на барахолку,

когда нечего делать было. Помогал им таскать вещи, считать деньги, присматривать за товаром. Они всех знали, от крепких парней в девятках, стоящих у рынка, до последнего напёрсточника-цыгана, сидящего на картонке и катающего лохов. Не говоря уж о мусорах. Люди несколько дней всего в городе!

— У нас всё схвачено! — смеялся Георгий, закуривая Мальборо. — Вот, знакомса. Это Тимур. Если что надо прадаат, купыт на барахолка, иды к нему.

Пожилой толстый азербайджанец в безразмерной кожаной куртке и норковой шапке рассмеялся, блеснув золотом зубов во весь рот.

— Давай, приходи, Женка, дэнги будым продават!

Деловые люди быстро сориентировались в чужом городе. Распродали все свои огромные мешки. Уезжая домой взяли с собой только большой дипломат, купленный на той же барахолке, куда сложили большие пачки денег. Жека смотрел на толстые пачки полсоток и сотенных, и просто напросто офигевал. Эти люди за две недели заработали больше, чем его отец за всю жизнь. Жеке подарили спортивный костюм, матери махровое полотенце, отцу, как главе семьи, отдали сотенную бумажку. Хоть и прожили полмесяца, заплатили как за месяц.

Георгий часто рассказывал, как у него хорошо в Тбилиси, какая большая хорошая квартира в старинном дореволюционном доме, дача в древнем горном селе, с большим каменным особняком. Рядом река, где водится форель, свой виноградник и мандариновый сад. Что у него есть машина, чёрная Волга. Все тбилисские воры в законе знают его!

— Мы такой колбаса не едим. Даже мой сабака такой ист ны будыт! — признался он как-то, тыкая пальцем в «Любительскую» по два пият, принесённую матерью из колбасного магазина, за которой отстояла два часа в очереди, надеясь угостить дорогих гостей. Жека чувствовал себя говном и нищетой по сравнению с такими уважаемыми крутыми людьми.

Через пару недель, в начале мая, они приехали ещё, и смотылялись на барахолку таким же макарон. Жека уже как бывалый, помогал грузинам по полной. Когда они опять уезжали, сунули Жеке сотку. И на эти деньги он купил себе магнитофон Томь-303. Не крутой конечно, всего лишь моно, но это уже третий класс как-никак... У магнитофона была стрелка для уровня записи, и кнопка системы шумопонижения. Мощность конечно, так себе, но играл он намного лучше Томь-404. Но зато выглядел прилично. Тяжёлый такой чёрный кирпич. А купил он его у Сандро.

Тот как-то притащил этот мафон в технарь, когда в слесарной мастерской практику отработывали, и мастер, Иваныч, разрешил музыку. Сандро гордый притащил магнитофон из дома в пакете, поставил на парту, включил импортную кассету Максвелл с Бэд Бой Блю, из студии звукозаписи. Пацаны сбежались посмотреть, что да как. Играет хорошо, чисто. Потом он ещё несколько раз приносил. Жеке понравился этот магнитофон. Потом мать купила Сандро крутую магнитофу Медео-102, чуть не за 700 рублей, о чём Сандро сразу и похвалился. Теперь у него было три магнитофона, и Томь он решил продать за сотку.

— Бери, длинный, за сотнягу, — насмешливо предложил Сандро. — Новый он 180 колов стоит. А этому всего один год. Я тебе ещё кассету хромовую отдам просто так. Только откуда у тебя бабло... Ты ж безденежный нищий лох.

— У меня есть! — возразил Жека. — За стоху, так за стоху. Когда за мафоном приходить?

— Давай в выходные. Помнишь же куда?

Конечно же Жека помнил... Где тут забудешь-то...

Утром в субботу он надел спортивный костюм, дешёвые синие кроссовки из плащёвки, купленные накануне. По идее, надо бы по блатной моде белые носки одеть, но сойдут и красные. Жека заправил спортивные штаны в носки, одел кроссовки и вышел на улицу. По пути зашёл в «Радиотовары», купил шесть батареек «Салют» по 24 копейки за штуку. Само собой, прихватил кассету из дома. Жека решил идти домой с музыкой. Он почти не спал ночь, размышляя как всё будет выглядеть, как и что получится. Но получилось до будничного просто.

— А... Это ты... — криво ухмыльнулся Сандро, открывая дверь. — Заходи, длинный. Бабло принёс?

— Да. Вот, — Жека подал парню сотенную бумажку. Тот не глядя бросил её в стол, и протянул магнитофон. — Бери.

— А... Кассета? — напомнил Жека. — Ты ж кассету хромовую обещал ещё.

— Ах... Да... А ты, длинный, злопамятный. Держи! Почти нулёвая!

Сандро протянул Жеке кассету МК-60-7 в красной бумажке. Действительно, хромовая. И почти новая. Разве что только зачем-то на этикетку наклеена упаковка от жвачки Турбо с импортной машиной на картинке.

— Я батарейки вставлю? Проверю? — спросил Жека, вытряхивая из пакета батарейки.

— Проверь, — усмехнулся Сандро. — Не ссы. Работает как часы.

Работал действительно, как часы. Жека вставил кассету с Ласковым маем в мафон, включил, и просто не мог поверить, что сейчас этот аппарат его. Но действительно, так и было.

— Давай, длинный, хоть хряпнем по сотке. У меня водка есть, головки протирать, — Сандро достал из-за шкафа початую бутылку Пшеничной, принёс два гранёных стакана, налил по половине. — Ну... Давай...

По всему видно, что Сандро давно и прочно сидит на бухле. Оттуда и был его вечно недовольный и потрёпанный вид. А Жека шёл домой так, как и мечтал. С играющим магнитофоном в руке, в спортивном костюме, со штанами, по-блатному заправленными в красные носки, чуть пьяноватый и от того добрый. Ощущение бесконечного счастья переполняло его.

— Сколько отдал? — недовольно спросила мать, увидев что Жека купил мафон.

— Сотку, — осторожно ответил Жека, стараясь не глядеть на неё.

— Опять всякую херню покупаешь! — закричала мать. — Лучше бы куртку себе купил!

— Да куплю я, куплю! — уверил Жека мать, мечтая, поскорей бы она смоталась куда-нибудь.

Этой же весной Жека совершил первое убийство. Ещё 17 годков даже не стукнуло. И всё вышло, как и всегда, так же просто и буднично. Как купить магнитофон. Жека с рождения был весьма и весьма застенчивым. Он никогда не умел мастерски избазаривать, как это делали пацаны-однорукники. На любые наезды отвечал невнятным мычанием, не зная, что сказать в ответ. Не будешь же бить рожу за каждое оскорбление. Хотя в технаре были и такие беспредельщики, которых все обходили, опасаясь связываться с ними. А на сто процентов наезды от пацанов, и делёж авторитета как раз и начинались и заканчивались избазариванием. Драк было мало. Поэтому, когда Жека вполне сносно уже мог драться, вкупиться за себя он всё никак не мог решиться. В группе слыл всё таким же простоватым и лоховатым парнем. Конечно, базары немного стихли, когда однорукники видели, как

Жека на физре без проблем подтягивается по полста раз, бесконечно отжимается, бегает 2 километра на пятак, но в целом все они были молодые, шутливые, и особых дрищей в группе не было.

В пятницу после уроков захотел Жека дойти до вокзала, посмотреть там на базаре кассет. Вроде Ласковый май-7 нахваливали, группа «Белые розы» появилась, Пахомов. Можно выбрать что-нибудь. А до вокзала быстрее добраться от выхода с мастерских — не надо огибать корпус и общагу, сразу вышел из мастерских, и через улицу во дворы. И там-то он встретился с Фотичем, как полгода назад, когда тот пробил Жеке фанеру. Фотич стоял, и как всегда, выцеплял кого-то. Одет так же — низкорослый крепыш 20 лет в спортивном костюме Адидас и высоких кроссах. Увидев Жеку, обрадовался и аж запрыгал от восторга.

— Эй длинный, ты куда?

— На вокзал надо. Вот. Пошёл, — спокойно ответил Жека.

— Слыш ты... Ты кто ваще, сука? Чё ты тут в спортивке ходишь а? Ты чё, блатной да? — Фотич всё ближе подходил к Жеке, разминая руки и пудовые кулаки. — У нас во дворе такие как ты домой через чердак заходят, а родичи их на штрафках. Слыш... Я тя опушу щас. На! Лови!

Фотич нанёс хук правой рукой, но Жека легко блокировал его, ударом задержав руку парня. Тот попробовал надавить на блок, но как будто наткнулся на бетон. Он нанёс уже хук левой, но Жека блокнул и его. Спокойно, как на тренировке. А потом нанёс прямой удар правым кулаком в место, где переносица Фотича граничит со лбом. Нанёс такой же удар, которым ломал доски тридцатки и кирпичи. Хрустнула лобовая кость, а носовые хрящи вмялись в решётчатые кости черепа. Лицо Фотича стало похоже на плоский блин и очень красное — лопнули артерии. Глаза наполнились кровью. Из остатков носа хлынуло ручьём.

Фотич хотел что-то сказать, но не смог — поплыл, только как рыба открывал и закрывал рот. Похоже, начался отёк мозга из-за перелома черепа. Его подкосило, но он удержался на ногах. Однако Жека вертушкой в висок окончательно добил его, сломав височную кость и шейные позвонки. Фотич как мешок с говном рухнул на асфальт, заливая всё вокруг кровью. Жека пожал плечами, оглянулся, убедился, что никто ничего не видел, нагнулся и обыскал труп. Нашёл около сотни рублей мелкими купюрами — то, что Фотич нарэкетменил со студентов, пачку Мальборо и спички. Положил себе в карман, и быстро пошёл во дворы, осматривая казаны на правой руке. А нормально получилось! Даже следов не осталось! От досок и то больше следов было!

По пути закурил Мальборо. Угостил какого-то мужика-работягу, спросившего сигарету, с гордостью продемонстрировав ему пачку. Мужик с завистью посмотрел на Жеку.

— Ну ты крут, пацан... Такие сигареты смолишь!

На вокзале как всегда. Толпы народу. Играет музыка тут и там, в основном «Ласковый май!» и «Фристайл». Жека сейчас был при деньгах, поэтому жопиться не стал, купил МК-60-9, считавшиеся крутыми, на них германская лента стояла и звук писался приличный. Но и стоили они уже 20 рублей. Импортные, Макселл и Сони девяностоминутки стоили по 30 и 35 рублей, что совсем уж дорого. Жека недолго думая купил сразу три кассеты. «Ласковый май» 5–6 концерт, «Ласковый май» 7–8 концерт и «Белые розы», первый концерт.

Гордый собой, положил кассеты в пакет с нарисованной девяткой и пошёл на базар.

Глава 4. Валька

Перед входом на базар стоял мангал, где кавказцы жарили шашлыки. Жека купил шашлык за рубль и бутылку пива за полтинник. У стойки в углу, потихоньку попивал пивко и поедал шашлык, наблюдая за окрестностями. Вкус казался ему божественным. Потом купил ещё горячий беляш за 16 копеек в маслянистой белой бумажке, с аппетитом съел его, поливая пальцы жиром, и только тогда пошёл домой, довольный собой.

Дома сильно не сиделось. Поставил Ласковый май, поотрабатывал удары, растяжку. Потом пошёл на улицу, посидеть у подъезда. Магнитофон с собой взял. Ласковый май играет «Тающий снег», мысли грустные появились, что пора бы и тёлочку завести. Но блин... Это ж сколько денег надо...

— Неплохо у тебя играет, — рядом с ним остановилась красивая стройная брюнетка, готовившаяся зайти в подъезд. Красивая. Как раз такие Жеке нравились. Длинноволосая, в туфлях на каблучке, мини-юбочке, белой блузке. Девчонка жила в их подъезде, всего-то на три этаже ниже, в двушке. Звали её Валька. 16 лет. Ровесница. С дворовыми она не общалась, высокомерно проходя мимо. Знала себе цену. Жила вдвоём с матерью, которая работала в мусарне следаком, как шептались пацаны. Сама Валька училась на юриста в техникуме. Походу, тоже метила по материнским стопам. Пацаны на районе её опасались, и обходили стороной, ухлёстывая за более простыми девчонками.

— Да так... Ничё... Нормально... — смутился Жека, не зная, о чём говорить с Валькой. — Сигарету будешь? Мальборо!

— Не. Спасибо. Я не курю, — девчонка с интересом смотрела на него, ожидая продолжения, и что будет дальше.

— В кино пойдём? — покраснев, выпалил Жека, не зная, куда девать от смущения глаза. Честно говоря, не надеялся ни на что, но девчонка неожиданно согласилась.

— А давай! Куда пойдём?

За речкой как раз открылся огромный видеосалон «Вега», где показывали фильмы на белом экране, почти как в кинотеатре, только меньше, с проектора. И здание было уже отдельное, не в подвале или общаге. На первом этаже открыли кооперативное кафе и ресторан, на втором видеозал. В нём и кресла большие, мягкие. И даже билеты давали. Можно было заранее купить. Правда, стоили они уже полтора рубля, а не рубль, как в простых видеосалонах. Но мест в зале было около сотни, и хозяева снимали за сеанс по сотне-полторы. Почти столько же, сколько в видеосалоне «хранилища» за день. Эти парни снимали за день по штуке. В месяц — 30000 рублей.

— Давай в «Вегу» на восемь ходим, — предложил Жека и опять покраснел. На восемь был последний сеанс, и показывали на нём лишь эротику. Но на шесть они уже не успевали.

Валька ехидно посмотрела на него, но не смутилась, а лишь насмешливо улыbnулась. В её красивых подведённых глазах не было ни смущения, ни какой-то неловкости.

— Ладно. Давай тут у подъезда в семь.

А время-то уже шесть! Только Валька зашла в подъезд и уехала на лифте, Дека как опшаренный бросился следом, домой. Час всего остался!

Дома помылся, причесался, надел новое бельё и носки, заправив в них штаны, олимпийку. Побрызгался отцовским дешёвым одеколоном, взял двадцать рублей, и стал обуваться.

— Ты куда? На свидание что-ли? — недовольно спросила мать, глядя как Жека облагораживается и мажется одеколоном.

— Да... Я так... Погулять...

— К десяти чтоб пришёл!

— Ладно... Ладно... — пробормотал Жека, думая, что навряд ли так получится, и дома опять будет скандал. Да пофиг...

Пока ждал у подъезда Вальку, скурил пару сигарет и весь извёлся. Придёт — не придёт. Но вот слышно как открылась дверь лифта, и зацокали каблучки. Идёт...

Валька взбила себе причёску, закрепила её лаком так, что волосы словно стоят. Глаза сильно накрашены. Белая короткая импортная курточка с закатанными рукавами. На руках браслеты из больших синих шаров. Варёные джинсы. Белые туфельки на каблучке. Блин... Смотрелась она офигенно. Таких тёлок возят на машинах и на такси, ездят с ними в кафе и рестораны... Жека с тоской понял, что ничего у него, простого пацана с окраины, из многодетной семьи, с Валькой не получится. Слишком высокого полёта она была, слишком много мать ожидала от неё. Ну да ладно, отступить некуда.

— Ну что? Пойдём? — улыбнулась Валька, внимательно смотря на Жеку. — Евгений, что-то ты потерянный совсем.

— Да не. Нормально всё, — покраснел Жека. — Ну чё... Пошли.

Как её брать-то блин? За руку или под руку? И какую руку подавать? Блиин.... Ну вязался. А... Будь что будет. Однако Валька сама схватила его за локоть правой руки и потащила за собой. Жеке ничего не осталось, как сжать её в локте.

— Нифига как ты накачан, — Валька как будто в шутку сжала ему бицепс, провела рукой по спине и груди. — Блин, ты как железный. Спортом занимаешься?

— Занимаюсь. Карате. Шотокан, — смущённо промямлил Жека, офигевший от такой близости. Девушка именно так, игриво, касалась его впервые в жизни, и это вызвало такой шквал чувств...

— Ну и как успехи? — лукаво улыбнулась Валька, почти прижавшись к нему. — Сколько медалей над кроватью висит?

— Да я это... Так... Для себя. А ты... Чем? — Жека хотел спросить, занимается ли Валька каким спортом, но получилось так себе. Она засмеялась.

— Танцами. Я танцую. Вот так.

Валька отбежала от Жеки, несколько раз кругнувшись словно в вальсе, и рассмеялась. Потом подошла, и снова взяла Жеку за руку. Теперь уже за кисть. Жека, набивший руки об деревяшки и кирпичи, поразился, какая у неё нежная ладонь. Словно... Атлас что ли... Жека покосился на её руку. И ноготки накрашены красным лаком. Блин...

Так и дошли по пустырю до видеосалона. Валька то брала его под локоть, то отпускала, то хватала за ладонь, и он опять офигевал от нежности девичьей руки. Дорог здесь ещё не было — район только строился, и местные натоптали через пустырь широкую тропину, которую ЖЭКовцы подсыпали на время галькой. Жеке-то ничего... Нормально в кроссах идти, а Валька на каблучках то и дело оступалась, и Жека постоянно ловил её. То за талию, то за жопку, один раз ощутил под курткой маленькую тугую девичью грудь. Валька насмешливо покосилась на него. В одном месте по пустырю протекала речка-говнотечка шириной метров пять. Через неё прокинут железный мостик шириной в метр. Валька смело пошла вперёд, таща Жеку за собой.

Была она девчонка шептунья, весёлая. Из тех, про кого говорят «шило в жопе».

Красивая. Даже слишком. Яркая. За такими бегают десятками, и сохнут годами. Отчего она пошла с Жекой? Который по всем пацанским понятиям никак не тянул на завоевателя женских сердец. Да и он себя никак не считал им, всегда смущённо отворачиваясь, когда девчёнки смотрели на него. Хотя, на самом деле это было, конечно не так. Жека имел правильные черты лица. Тонкий нос, пухлые губы, большие серые глаза, вытянутое лицо, пышные волосы. Да и подростковые прыщи как-то миновали его — кожа была белая и чистая. Волосы светлые, и начавшая расти щетина на лице особо не заметна. Единственное — торчали уши, но при нужном ракурсе это не бросалось в глаза, да и на девчонок это сильно и не влияло. Плюсом был высокий рост и худощавое телосложение. Но это казалось так только девчонкам.

Себя Жека красавцем не считал. Для него идеалом были среднего роста накачанные широкоплечие парни, бритые налысо, с мощными челюстями, прижатыми к голове битыми ушами, плоским носом, мощными кулаками. Таким Жека хотел бы быть. Ещё бы спортивный костюм адидас, кроссовки и короткую куртку кожанку. Как Фотич... Жека вспомнил про убитого утром рэкетира, но никакого сожаления не испытал. Вообще ничего. Пофиг. Как будто комара прихлопнул.

В видеосалон пришли за 15 минут минут до начала сеанса. Жека сунул в кассу 3 рубля, и взял два билета. Мест здесь не было — где хотели, там и садились. Нормальными местами считались средние ряды и самые первые. Запускали за пять минут. Жека посмотрел на бумажке, пластилином прилепленной на двери кассы, список фильмов, написанный разноцветными фломастерами. Что сегодня было, и на что они с Валькой пойдут сейчас. "Том и Джерри", «Индиана Джонс и Храм Судьбы», «Хищник», «Кровавый спорт», и вот сейчас, вечерний сеанс — «Дикая Орхидея».

— Во... Чё-то новенькое, — с интересом сказал Жека, оглядываясь, изучая потихоньку собиравшуюся на фильм публику. А кто тут мог быть? Явно не пенсионеры. Несколько работяг с жёнами. Пара молодых парочек. А в основном парни-одиночки, с завистью поглядывающих на Жеку и его спутницу. Валька, конечно привлекала всеобщее внимание, и кажется, сама знала об этом. За порядком наблюдал крепкий коротко стриженный парень в кожаной курточке и варёнках. На шее, поверх чёрной майки — массивная золотая цепь. На толстых пальцах наколоты зонавские перстни. Он безучастно смотрел поверх голов будущих зрителей, всем своим видом показывая, насколько он презирает их всех. На Вальку он тоже мельком глянул, а вот на Жеку обратил внимание — уж слишком чётко его набитые казаны на кистях выделялись из рук остальных. Но ничего не сказал, так... Просто отметил про себя.

Заняли места подальше, почти последнее, но видно и отсюда неплохо.

— Не смотрела раньше? — спросил Жека. Валька мотнула головой, искоса лукаво посмотрев на него. Какая же она красавица...

— Нет, — качнула головой девушка. — Я... Такое не смотрю.

— Зачем же пошла? — удивился Жека.

— Чтоб тебе сделать приятное, — двусмысленно ответила Валька, и взяла Жеку за руку, крепко сжав его ладонь. Жека совсем поплыл, не зная, что и ответить.

Перед сеансом показывали несколько отрывков из фильмов и мультиков, которые будут идти завтра, или в ближайшем будущем. Многие Жека уже видел, но за возможность посмотреть их с Валькой сходил бы ещё хоть несколько раз. Вот и сейчас она сидит, смотрит на экран. Прекрасные глаза сверкают в темноте. Пышные волосы слегка растрепались. Какие

они душистые. Жеке захотелось зарыться в них и ощутить ближе этот аромат дорогого парфюма. Белая курточка на девчонке задралась, чуть распахнулась, и Жека увидел маленькую острую грудь, натянувшую майку. Она без лифчика!!! Жека посмотрел вниз, на стройные длинные ноги в джинсе. Потом она закинула ногу на ногу, что стало ещё соблазнительнее.

Потом начался фильм. Довольно прикольный. Жека с завистью смотрел, как люди живут за границей. У них-то в совке такого нет. За границей особняки, дорогие машины, красивейшие женщины. У Жеки была только речка-говнотечка и мёртвый Фотич. Вот и вся его жизнь. Жека остро ощутил всё убожество своего существования. Это ощущение так плотно ударило его по мозгам, что он чуть не упал с кресла. Вот сейчас бы после сеанса вызвонить из автомата такси, поехать с Валькой в ресторан, посидеть, выпить, потанцевать. Сделать всё так красиво, как это делают люди на экране. Но увы, сделать это Жека не мог. И даже не потому что напряжёнка с деньгами. Нет. Просто он настолько чужд этому миру... Миру, где люди ворочают хорошими деньгами, ездят на своих машинах, или хотя бы на такси. Едят в ресторанах. Трахают офигенных красивых женщин. Даже завались он в ресторан, где сидят крутые, блатные, мусора, судьи, коммунисты, на него посмотрят там как на чмо. И скорей всего, этот поход закончится в близлежащей канаве, куда его до смерти избитое тело вынесут крепкие братки, охраняющие ресторан.

Жека смотрел на постельные сцены, и ему было неловко, что Валька видит их. А ей пофиг... Ничего... Смотрит с интересом, в самых похабных местах лишь прыскавая, и закрывая рот нежной ладошкой. Жека подумал, не поцеловать ли её. Но нет. Она явно этого не хотела, так как была поглощена фильмом. За пазуху лезть, чтобы потрогать груди тоже как-то неловко, ещё отвлечёшь. Потрогать бы её за бёдра, но Валька как специально, держала его за руку, лишь изредка отпуская её, а потом хватаясь снова. И Жека решил, что держать нежную девичью ладошку тоже неплохо.

Фильм долгий, два часа. И время уже было десять вечера, когда вышли из видеосалона. А ещё домой минут пятнадцать чапать по району. Кое-как переправились через речку в темноте. Жека крепко держал девчонку за талию. Ещё упадёт... Но нет. Всё хорошо. Неспеша пошли к дому, говоря о том, о сём. Жека думал, что как-то всё не так получилось. Пацаны в технаре говорили, что у них с тёлками и секс уже был, да и вообще оного... Меняют как перчатки. Здесь же как-то всё по пионерски просто. Но может, так и надо? Жека всё равно был доволен. Доволен так, как не доволен был никогда. Теперь и он мог сказать, что ходил с тёлкой в кино.

Зашли в подъезд, Валька вдруг предложила пройтись пешком. Он удивлённо посмотрел на неё, и опять увидел эту прелесть в глазах, и слегка насмешливую улыбку.

— Ну пошли, — согласился парень.

Валька пошла впереди, красиво виляя бёдрами и задницей. Жека открыв рот уставился на них. Мда... Дойдя до площадки между вторым и третьим, Валька скинула туфли с ног.

— Устала, натёрла уже.

Жека с удивлением смотрел, какие у ней красивые белоснежные ступни, тонкие нежные пальчики, с ногтями, покрашенными красным лаком. И да... Действительно. Натёрла. На пальцах видно следы.

Валька прислонилась спиной к стенке, опёршись задницей о неё, засунула руки в карманы джинсов, и как-то ехидно посмотрела на него, склонив голову. Чё ей надо-то? Жека вдруг понял, что ВОТ ОНО. ВОТ ЖЕ. ВОТ.

Он подошёл, обнял её, и уткнулся губами в душистые волосы, наслаждаясь их ароматом. Как и хотел. Потом перешёл на нежную шею, потом на губы. Ёлы палы! Какой у неё нежный рот! И какой горячий! Да она вся пылает!

Жека обнял стройное нежное тело, и совсем потерялся. Одной рукой задрал маечку сзади, пролез рукой и ощупал талию. Потом поднял руку, слегка откинув маечку, и положил руку на маленькую грудь. Осторожно поласкал её. Упругая. Потом быстро поднял майку, и поцеловал малюсенький розовый сосок, лаская другую грудь рукой. А потом... Наверху хлопнула дверь, Валька оттолкнула Жеку от себя, накинула майку, подняла туфельки, и быстро побежала домой вверх по лестнице, на площадке обернувшись и послав Жеке воздушный поцелуй.

— Пока, Ромео!

Блин! Ну как классно-то! Жека от переполнявших его чувств несколько раз ударил кулаком по бетонной стене подъезда, и высоко подпрыгнул, изобразив вертушку. Да! Да! На!

А время-то уже ближе к 11! Сейчас дома попадёт! Жека осторожно, стараясь не шуметь, открыл дверь, и не успел разуться, как в прихожую вошла рассержённая мать.

— Ты где был, сволота? Я во сколько тебе говорила, чтоб был дома? Я до сколько тебя буду ждать? Уже спят все! Нам на работу завтра!

— Я... — Жека хотел сказать, что ходил в кино, но потом просто махнул рукой, чем ещё больше взбесил распалившуюся мать, толкнувшую его, когда он проходил мимо.

Налил на кухне тарелку борща, наелся, потом тут же завалился спать. Завтра в технарь.

Утром встал недовольный. В первую очередь из-за себя. Удары не потренировал перед сном, а это плохо. Покойный михалыч говорил — тренироваться каждый день надо. Есть проблемы, нет проблем, сытый, голодный ли — каждый день. В любое время ты должен тренироваться.

— Помните одно, — говорил Михалыч. — Продинамите тренировку вы, сославшись на усталость или занятость — потренируется ваш соперник. Не сделаете ката вы — сделает ваш соперник. Не придёте на тренировку вы — ваш соперник придёт, и поработает хорошо. А потом, в нужный час, вы сойдётесь с ним в поединке. На татами, или на улице, возле кафе, и он окажется сильнее, потому что он тренировался, а вы нет. Поэтому мой наказ — тренируйтесь всегда и везде, в любую свободную минуту. Потом это сэкономит вам здоровье и жизнь.

Наскоро позавтракав, побежал в технарь. А там уже кипешь всю из-за Фотича.

Глава 5. Драка с правыми

Первого урока по расписанию не было, все пришли ко второму. По идее должен быть русский, но вместе с учителем в кабинет зашёл старший лейтенант милиции. Пацаны с недоумением посмотрели на него. Не сказать, что были сильно удивлены. При возросшей криминальной активности, в том числе и от студентов, милиция бывала частенько. Но в основном, приходили на опознание с потерпевшими от грабежей, водя их из кабинета в кабинет, когда собирались все студенты. Тут же старлей пришёл один.

— Начну сразу. Я оперуполномоченный уголовного розыска Центрального района старший лейтенант милиции Егоров Сергей Константинович, — милиционер вышел на середину кабинета, к доске, и внимательно оглядел ребят, высматривая кто на что способен. Высматривал в основном здоровых, крепких, накачанных, блатноватых, в спортивных костюмах. По счастью, Жека к таким не относился, да и пришёл в технарь в брюках и кофте. Естественно, внимание мусора он не привлёк. Лох в очках какой-то на последней парте.

— Вчера во второй половине дня у вашего техникума был жестоко убит Фотьянов Александр Николаевич, студент третьего курса. Вы наверное, знаете его?

Милиционер утвердительно посмотрел на студентов. Но никто не проронил ни слова. Скажи, что знаешь — потом затаскают. Поэтому все пожали плечами, и недоумённо посмотрели на Егорова.

— Не... Не... Не знаем. Не видели даже. Если он с 3 курса, у них и спрашивайте! Мы-т чё...

Егоров недоверчиво посмотрел на группу, и хотел что-то сказать, но тут вмешалась русичка, чуть не начав орать.

— Как не знаете? Он постоянно к вам подходил. Шептался о чём-то. Зачем врёте-то?

— Не, не, Марь Станиславна, не знаем.... Курить может спрашивал. Или денег занять. Так все спрашивали, — загудели пацаны. — Друг другу все даём в долг. Ничё ваще не знаем.

— Ладно. Разберёмся... — недовольно ответил Егоров, и бросил, почти выйдя из кабинета:

— Тут отец Александра хочет поговорить с вами. Не хотите говорить со мной, будете говорить с ним. Мария Станиславовна, давайте выйдем. Тут мужской разговор будет.

Русичка высокомерно посмотрела на пацанов, и пошла за опером из кабинета, цокая каблуками по драному линолеуму.

В кабинет вошли трое. Один — невысокого роста худощавый мужик в большой, как аэродром, чёрной каракулевой кепке, и безумно дорогим кожаном плаще. Подойдя к первому столу, напротив доски, опёрся о него руками, и склонив голову на бок, медленно окинул пацанов холодным немигающим взглядом. У выхода из класса, сложив руки на груди, встал здоровенный мужик в спортивных штанах, и короткой коричневой кожаной куртке. Много били его. И наверное, много бил он сам. Сломанный сплюснутый нос на круглой бритой голове свёрнут набок, одно ухо ломаное, наполовину торчит в сторону, другое прижато к голове. Кулачищи как кувалды, все синие от тюремных наколок.

Другим был Талдыч. Тоже в спортивках и кожанке. Встал у окна, и презрительно осмотрел всех.

— Я говорю всегда мало, — мужик в кожаном плаще с ненавистью посмотрел на пацанов. Говорил он тихо, привыкши, что все внимательно слушают его. — И привык что

меня слушаются, и во всём соглашаются. Милиция сказала мне, что наверняка моего Саню убил кто-то из ваших. Я не буду разбираться сейчас, кто именно. Хочу лишь сказать, что я тоже всегда буду искать эту падлу. Поняли?

Мужик поднялся, потёр руки с набитыми перстнями и огромной золотой печаткой на одном пальце, и не спеша пошёл из кабинета. Качок открыл ему дверь и вышел за ним. Следом так же не торопясь, размахивая накачанными руками, пошёл Талдыч, у выхода оглянувшись, и плюнув на пол, сделав жест рукой, как будто перерезая горло.

— Кто? Кто это? — загудели пацаны, только закрылась дверь. — Чё за кент?

— Да это батя Фотича, говорят, он смотрящий по центру, — шептанул кто-то из средней парты. Кажется, Лёха. — Крутой. А чё с Фотичем-то?

— Говорят, голову раскололи как арбуз. Цепью что ли били, или арматурой.

Жека сидел и смотрел в окно. Какие мысли у него были в голове? Только то, что завалить сразу троих было бы трудно. Надо разжиться чем-нибудь. И о том, что сегодня опять надо будет замутить с Валькой. Однако с Валькой не получилось.

Придя домой после технаря, Жека быстро сделал домашку, наспех поел, и побежал на улицу. Мафон не стал брать, а то вдруг идти куда. Сел на лавку у подъезда. Ждать Вальку, вдруг пойдёт куда. Хотелось курить. Хорошо, что взял пачку Родопи по пути, сейчас сразу две сигареты скурил. Валька после технаря ходила на танцы в центральный ДК, и всегда возвращалась примерно в это время. А... Вот она тащится едва. Что-то невесела. Едва взглянув на Жеку, поздоровалась, и хотела пройти в подъезд, чем немало удивила парня, помнящего какой она горячей штучкой было вчера ещё.

— Валь... Привет. Ты куда? — нерешительно спросил Жека.

— Домой. Куда же ещё я могу идти? — недовольно ответила Валька. — Устала.

— Слушай... Ну ты чё? Давай, посидим, поговорим, чё как неродная? — попытался пошутить Жека, и тут же пожалел — шуточка вышла так себе. Девушка по виду, явно недовольна, и не склонна к общению.

— Ну, давай, посидим, — Валька демонстративно бросила сумку на лавку, и села рядом с Жекой, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. — Так будем сидеть?

— Ну, так, да... — растерялся Жека.

Валька сидела и молчала, надувшись как пузырь. Молчал и Жека, чувствуя её недовольство, и гадая, чем мог её расстроить. Так и сидели молчком минут десять. Тут Жеке захотелось курить, и надо же... Как раз притащилась с работы Валькина мать. Остановилась, и с недоумением посмотрела на дочь, и на дымящего Жеку. Вот что бы вы сделали, если бы увидели, как ваша любимая кровиночка, отличница и лапочка, сидит с сомнительным дворовым парнем на лавочке? При этом парень ещё и курит сигареты? Я думаю, реакция ваша была бы совершенно та же, что и у Валькиной матери.

— А ты что здесь делаешь? Ты совсем уже? По лавкам сидишь? Тебе что, дома делать нечего? — недовольно сказала Валькина мать, взяла дочь за руку, и потащила её к лифту. — Чтоб это было первый и последний раз!

Жека пожал плечами, и остался сидеть. И как оказалось, зря. Недалеко от дома услышал сиплые матершинные голоса, и звуки шагов. Так и есть. Из-за угла показалась большая толпа пацанов. Человек восемь. Одеты кто как, от спортивных до джинсы с майками. Все стрижены налысо. Кое-кого Жека знал. Пару-тройку по именам. Но вместе не зависали. Звали эту толпу «Правые». Жили они по правую сторону речки, там и держали авторитет среди пацанов. В центр речки особо не совались. Здесь пока ещё поляна не застолблена никем,

хоть номинально центровыми считался Жека со своей толпой. Однако Жека сильно в делёжку авторитета не встречал, жили они с пацанами сами по себе. Отпор конечно дать могли в случ чего, но сами ни на кого не наезжали, да и к крутым шестерить не лезли.

Главным у правых был Лёха. Парень здоровый, спортсмен, качок, ходил всегда с нун-чаками. Пацаны говорили, вроде они недавно насмерть забили мужика-работягу на остановке поздно вечером, но мусора выйти на след не смогли. И сейчас правые ходили героями не только у себя. Вот. Решили приползти и в центр.

Жека, предполагая, что сейчас будет мордобой, внутренне приготовился к нему. И деваться-то некуда. Не убежать, не скрыться. Драться не хотелось, чего уж там... Тем более их восемь. Он до сих пор помнил пример Михалыча, которого, несмотря на чёрный пояс, зарезали такие же отморозки, а потом ещё и ногами забили.

Решившись всё-таки идти домой, пока не поздно, Жека встал с лавки, но... Уже опоздал.

— Эй, длинный! А ну стоп! Ты куда? — толпа приближалась с неукротимостью прибоа, и Жека остановился. Сейчас бежать — это прослыть на районе ссыклом на веки-вечные.

— Слышь ты... Попить вынеси нам и похавать чё-нибудь, — Лёха, похрустывая плечами, и вращая головой, как будто готовясь к драке, подошёл, и остановился в полметре от Жеки, в надежде что тот сдрейфит и отойдёт. Но Жека не дрогнул и не отошёл, лишь улыбнулся.

— Я тебе не лох воду таскать, — спокойно ответил он, и плюнул в сторону.

— Ах ты сука! — Лёха хотел ударить хуком, но Жека блокировал удар рукой, а ногой зарядил Лёху по яйцам. Что конечно, считалось не по-пацански, но с другой стороны, и правые наехали толпой, когда должны были выслать одного на наезд. Лёха согнулся и заорал, пытаясь вытащить из-за ремня нун-чаки, однако Жека коленом ударил его в рожу, опрокинув на спину, а потом пнул пару раз. Но тут уже набросилась вся кодла. Каким бы поясом ты не обладал, и каким бы мастером ты не был, против семи здоровых уличных пацанов тебе не выстоять. Тем более ни один же ты такой крутой каратист. Многие тоже занимались или сами, или ходили в секции, или просто в качалки. Или просто отрабатывали один, но верный удар, как в боевиках. Или просто у них в кармане финка или выкидуха. Так и получилось.

Жека после Лёхи завалил ещё двоих, но сзади поставили подножку. Упал на колени, попытался откатиться, но сбоку уже заехали ногой по лицу, разбили нос, пока отмахивался, пнули с другой стороны, а потом началось. Лежал, и только уворачивался от ударов. Лишь бы по почкам не надавали, и глаза не выбили...

— Ах вы с. ки помойные! У меня топор б. ть! Щас башки буду рубить! Ребята! Вали правых! — раздался вопль Славяна. Славян! Хорошо, что проходил.

А всё-таки ссыклявых сразу видать. Правые, привыкшие толпой бить всех подряд, услышавши, что кажись, рядом толпа местных, да ещё и у них топор, сразу разбежалась кто-куда. А Славян-то один был. Всех на понт взял.

— Жека, ну ты чё? Ни. я себе! — Славян помог подняться, отряхнуться. — У тебя нос разбит, и фингалы под обоими глазами. Челюха не сломана? Кажись, там синяк?

— Не. Нормально. Спина болит чё-то.

А спина не то, что болела — она ныла, как будто надавали дубинами. Но вроде, ничего особо страшного.

— Я Лёху вырубил и ещё двоих, — Жека закурил и затянулся, языком пробуя зубы, не

патаются ли. Кажись, нормально. — Потом сзади бросились под ноги. Если бы было чем-нибудь отмахнуться, палка или нож...

— Надо предъяву им предъявить, пока они не очухались, а то будут тут постоянно ползать, — Славян докурил и бросил бычок в цветник. — Пошли за Клаусом и Митяем.

Зашли за пацанами, обсказали им чё и как, и решили, что правых надо проучить. Такие наезды прощать никак нельзя. Не ответишь сейчас — потом придут с ножами и цепями. По пути к правым зашли на стройку, надыбали арматурины, подходящие по длине. Выходя со стройки, увидели проходящих двоих правых. Видать, заплутались по району. Увидев Жеку с бандой, хотели убежать, но их быстро догнали. Правые стояли, и дрожали, обоссываясь. Они знали, что будет.

— Вы чё суки делаете? Вы чё беспределите? — Жека пробил одному фанеру. Парень завыл, и опустился на колени. Жека взял его за волосы, и поднёс свой набитый кулак прямо к глазам. — Слыш, падла. Я говорю только один раз. Если я тебя хоть раз увижу, я тебе и матери твоей горло перережу. Ты понял, сука?

Жека похлопал парня по щеке, и плюнул ему в лицо. Потом ногой зарядил по щеке. Славян прибил другого. Пацаны расстегнули ширинки, и обоссали лежащих на земле правых, что считалось у пацанвы полнейшим опущением. Ниже был только сексуальный контакт, но сексуально на речке вроде никого не опускали ещё, да и не обоссывали тоже, кажись... Потом пацаны немного попинали лежащих, немного, для профилактики, и пошли искать костяк правых.

А их и искать-то особо не надо было. Торчали они обычно в детском садике, в беседке. Их оттуда воспиталки и дед-сторож гоняли, как могли, но правые только смеялись. Да и собирались они в основном по вечерам. Вот и сейчас притащились сюда. По домам побоялись идти, зассали, что центровые их по одному переловят. Однако, увидя, что Жека со Славяном подходят, хотели всё-таки сдриснуть, но увидели, что поигрывая арматурой, с разных сторон к ним подходят Митяй и Клаус, и тут же прыгнули обратно в беседку. Всё-таки они зассали. Поняли, что не просто так к ним пришли. Что это конкретный НАЕЗД. И надо либо ответить за то, что сделали, либо бежать. И что их не боятся ни капли. А вернее всего, решили замочить прямо тут.

Лёха вытащил чаки, и стал крутить ими, стараясь отмахнуться от Жеки. Но Жека и не думал нападать. Просто стоял и молча смотрел на дурачка, поигрывая арматуриной. Лёха был конечно же, не боец, а лишь качок, научившийся крутить чаками как в фильмах. Но вечно же не будешь крутить их. Видя, что его смешные движения вызывают лишь злые ухмылки у центровых, попытался напасть на Жеку, но тот ушёл от удара вправо, при этом зарядив арматуриной по кисти качка. От удара Лёха выронил чаки, и схватился за руку, завыв. Перелом. Жека зарядил его арматурой по затылку, а потом добавил ногой несколько раз.

— Деньги есть? Сигареты? — Жека медленно повернулся к другим правым, трусливо стоящим перед пацанами. Что-то в лице Жеки им сильно не понравилось. Очень сильно. Они поняли, что их сейчас просто убьют без лишних слов. Разобьют черепа. Поэтому быстро достали всё, что было в карманах, и протянули пацанам.

— А сейчас опускайте его, — Жека показал на лежащего Лёху. — Ссыте на него, суки! А то сосать будете друг у друга!

Парни сначала отказались, отрицательно закачав головами, но их слегка постукали арматурой по головам. И им пришлось подчиниться. Скоро Лёха был обоссан.

— Может, на штраф их поставить? — предложил Митяй, подходя к каждому правому, и несколько раз пробивая его кулаками. — Ну-ка, ну-ка, сделай вот так рукой! Я сюда ударить попробую! На!

Митяй так зарядил одному правому в печень, что тот завыл, и упал на колени.

— Печёнку не держит вот этот, — говорил он, как будто о чём-то неодушевлённом. Как о боксёрской груши. — Щас ещё вот у этого печень пробью.

— Сколько у них денег? — спросил Жека.

— Всё вместе шийсят колов нашлось. Щас у опущенного спрошу.

— Эээй ты! Ээээй! — крикнул Славян Лёхе, всё так же лежащему на земле, ударив его ногой несколько раз, и уже просто стыдящемуся подняться на ноги.

Лёху опустили по полной перед своими же. Теперь по всем пацанским законам был он опущенный лох. И об этом конечно же, узнают все крутые на районе. Теперь только в другой район или вообще, в другой город переезжать. Иначе, если посадят когда в тюрьму, туда тоже может прийти весточка с воли, что перед уважаемыми арестантами опущенец, которого пацаны на районе обоссали.

— Не! У опущенного зашкварно деньги брать! — возразил Жека. — Пусть своим лохам даёт. Короче так. Ещё раз вас увижу у нас на раёне. Да и вообще здесь... Мы ваших родителей убьём, а потом вас. Соберёте ещё толпу, мы и её убьём. Ладно, пошли, пацаны...

Жека с корифанами перепрыгнули через ограду садика и пошли по домам, оставив опущенных в беседке. По пути разделили отнятые деньги. Вышло по пятнашке. Ну... И тс ладно.

— Может, на штраф их всё-таки? — опять встрял Митяй. — По полсотке бы каждому зарядить.

— Не, — помотал головой Жека. — Если будут быковать ещё, тогда можно. Полсотки много. Придётся к ним ходить трясти каждый день. Ещё в мусарню заяву кинут. Да и откуда у них такие башли? Самое главное пришугали их.

Придя домой, Жека, стараясь от матери, держаться подальше, чуть не забежал в ванную, стянул олимпийку, осмотрел синяки. Конечно, навалили ему знатно. Да и на лице не скрыть. Жека вздохнул с досадой. Сейчас и в технаре пацаны будут угарать... И мать, если увидит...

Но первым его увидел брат, а не мать. Увидел, и чуть слышно присвистнул.

— Нифига себе! Кто тебя так?

— Правые. Лёха.

— И чё вы им?

Жека повернулся к брату, и просто показал кулак. И тут же улыбнулся.

— Догадайся, Серый.

— Жек, вы чё, правда им навалили? — не поверил Серый.

— Я Лёху лично опрокинул. Опустили его.

— Ну вы даёте! — офигел Серый.

Жека махнул рукой и пошёл в комнату. Хоть немного и через себя, а надо позаниматься сегодня...

Глава 6. Сахариха

— Эй, длинный, ничё тебя отделали! — ржали парни в технаре на следующий день. — Чё, грабануть хотели что ли? Кто тебя выщепил-то?

— Да... Так... Пацаны во дворе, — нехотя улыбнулся Жека, скрывая свою избитую физиономию. И опять слышал не утихающий хохот. Ну да ладно... Самому смешно. Самое плохое, с такой рожей не хотелось попадаться на глаза Вальке. Да и вообще никому попадаться... Поэтому две недели, до самого лета, Жека кроме технаря никуда не выходил. Сидел дома, зализывал раны почти до самых экзаменов. А там потом закрутило-завертело... Экзамены, потом слесарная практика. Потом днюха. 17 стукотнуло...

По вечерам Жека выходил во двор, зависал со своими центровыми. И сразу как-то понемногу оброс у них офигенным авторитетом. В первую очередь, из-за холодного ума, рассудительности, неспешности. Жека говорил мало, а слушал много, потом давал короткие вразумительные, очень здравые замечания. Ещё и карат, опрокинувший Лёху, а после Лёхи в иерархии речки выше шли уже настоящие блатные, с настоящими бандами, на настоящих девятках, и с настоящими стволами. Лёха раньше шестерил перед блатными, но те, узнав, что его опустили за беспредел, послали его на три буквы, закрепив, что он чмо.

С Валькой виделся как-то. Один раз даже разговаривал. Но там уже всё... Жека сразу почувствовал, что любовь ушла навечно...

— У меня нет времени впустую сидеть с тобой на лавочке! — безапелляционно заявила Валька в ответ на очередное предложение Жеки сходить погулять. — Мне надо к экзаменам готовиться. Потом отдохнуть охота, почитать.

А чуть позже Жека увидел её с каким-то кентом в костюмчике, брючках. Приехали на такси... Жека с завистью смотрел, как кент подаёт девчонке руку, принимая её из тачла, как она берёт его под локоток, как идут вместе к подъезду. И не куда-то, а прям в квартиру к Вальке. От так, пля...

— Да он мусором в нашем РОВД работает, — уверял всезнающий Славян. — Её мамка моей сказала, похвалилась. Она ща на практике там, в мусарне, дознавателем шуршит. Вот. Нашла себе мусорка. Плюнь ты на неё, Жекич, нахер она тебе, мусарская подстилка...

Плюнь-то плюнь, базара нет... Но приятные воспоминания грели сердце, на котором сразу делалось тепло и немного грустно. Но тут как-то неожиданно Жека замутил с Сахарихой, хоть она и младше была на 3 года. Тёлка — полная оторва, привыкшая за авторитетом брата скрываться ото всех. Грубая, наглая, циничная. Но за наносной подростковой шелухой только Жека разглядел совершенно потерянного в жестоком обществе подростка. Без матери, без отца, мотающих срока за барыжничество. С братом, которому плевать на взрослеющую сестру, и откупавшимся от неё деньгами.

Когда Жека стал понемногу прирастать авторитетом у пацанвы, многие местные тёлки обратили на него внимание. Выражалось это в том, что они стали собираться у его подъезда, и там виснуть толпами, визжа и прикалываясь, вызывая извечную ненависть бабок и пролетарьев, гоняющих их с пятака. Лавка у Жекиного подъезда стала центром речки. Сахариха была в первых рядах этих мокрощелок. Жека на неё посматривал конечно, несмотря на грубость и нахальство. Она тоже была очень и очень красива, только совсем другой типаж, чем Валька. Светка была небольшого роста, но с очень пропорциональной фигуркой, несмотря на свои 14 лет. Всё, что надо, у ней уже было. Длинные ноги, стройное

телосложение, хорошая грудь. Волосы густые, светлые, крупной волной после завивки. Причёска средней длины, как у СиСи Кейч. Да и в целом она очень походила на эту популярную немецкую певицу, которую пару раз показывали по телику.

Светка привыкла привлекать к себе внимание, но один раз Жека проходил мимо подъездной лавки, и увидел, что она сидит одна. Одета в адики — и спортивный костюм, и кроссовки. По своему обыкновению, прямо на спинке лавки, ногами на сидушке. Увидев Жеку, мрачно покосилась, и как будто застыла, уставившись в землю.

«Ах, была-не была» — подумал Жека, запрыгнул на лавку рядом с ней, и осторожно обнял за талию, как будто в шутку. Что он ожидал? Конечно же, что заорёт, как всегда, начнёт отталкиваться, материться. Но то, что случилось, Жека предвидеть никак не мог. Она вдруг заплакала. Так горько и безнадежно, роняя слёзы на шершавые неухоженные подростковые ручки с грязноватыми ногтями, на дорогие кроссовки, на штаны...

— Свет, Свет, ну ты чё? — растерялся Жека, обнимая её, и прижимая к себе, от чего она вдруг расплакалась ещё сильнее, и ещё горше. Жека совершенно не знал, что сказать, чем утешить рыдающую малолетку, и мог только сидеть и гладить её ладонью по спине. Потом ещё крепче прижал её, как сестру, погладил по волосам.

— Ну всё, всё... Свет... Перестань... Пожалуйста... Малыш... Всё хорошо... — Жека, не имея платка, вытер пальцами слёзы с её рожицы, и улыбнулся. — Перестань. Давай, приложи меня как раньше. Я тебе ничего не скажу.

Сахариха пришла в себя, улыбнулась. И такой по детски беззаботной и обворожительной показалась её улыбка, что Жека тоже улыбнулся в ответ.

— Ну вот видишь, всё нормально. Ну ты чё? Всё хорошо. Обидел кто? Только скажи!

Светка довольно прижалась к нему всем телом, и вдруг взяв обоими руками за щёки, быстро поцеловала в губы, спрыгнула со скамейки, и вприпрыжку побежала прочь, обернувшись и показав фак. Ну, блин, оторва! Однако... Жека что-то почувствовал к Сахарихе. Была она совсем другая, чем Валька. Настоящая. Со двора. Своя.

В начале июня, после экзаменов, была слесарная практика в мастерской. Парни учились работать напильниками, молотком, зубилом. Учились работе на токарном и сверлильном станке. За пару занятий до окончания практики во время обеденного перерыва Жека из полоски металла сделал себе массивный тесак. Металл по качеству был дрянным, но толстым, 3 миллиметра, длиной сантиметров тридцать, и шириной 5 сантиметров. Жека зубилом сделал острие. На наждаке заточил лезвие, как мог, потом прошёлся камнем. Вроде более менее. Намотал на рукоятку изоляцию, и сделал себе тесак. Конечно, так себе, но колоть можно. Уходя домой, положил его в пакет, а этот пакет в ещё один. А дома опять скандалец. Родители решили, что Жека уже взрослый. 7 лет есть? Вали летом работать! Нехер сидеть тут на родительских харчах!

— Работать на лето иди, нехер дома сидеть и по улице шататься с отморозками! — заявил отец. — Я в кроватном цехе договорился. Завтра пойдём устраиваться. Привыкай к заводу! К работягам!

На улице середина июня, самое время ходить на пляж, с Сахарихой дружить, а тебе на работу... На завод! Тогда-то Жека возненавидел завод, и решил, что никогда не пойдёт в такое дерьмо работать. Устроил его отец на работу в кроватный цех, где собирали железные кровати. Обязанностью Жека было забирать напильные трубы для ножек с пилы, везти их на пресс, а там по одной ложить в пресс, где их опрессовывали. Работа нехитрая, скорее, очень и очень нудная и однообразная. На такую только подростков и брали.

У Жеки не было стропального удостоверения, и по-идее, возить трубы на тельфере ему было нельзя, но Галька, молодая пыльщица труб, сначала привозила их сама, но потом махнула рукой, показала Жеке, как это делается, и уже не подходила к нему. Вечером, после смены, Жека шёл домой, и с тоской думал, нахера ему это всё, но поделывать ничего не мог.

Зарплата, конечно, на такой работе была аховая, всего 150 рублей получил Жека за полный месяц, за июль. За август уже 160 рублей. Этих денег не хватило даже на джинсы-варёнки Мальвины, которые стоили 350 рублей на барахолке. Пришлось добавлять со стипендии. С мая Жека получал уже повышенную стипендию, 50 рублей в месяц. Закончил год на одни четвёрки, без троек, чему был очень и очень рад. И вот. Повышенная стипендия.

Летом, в выходные, Жека гонял к деду в деревню. И ездил уже как нормальный пацан, с магнитофоном. Покупал батарейки, выходил из дома, ставил кассету с Ласковым маем, где почище запись, включал на всю катушку, и так и шёл, и в автобусе ехал, и в вокзале сидел, периодически меняя кассеты. И по деревне так же шёл. Дед смотрел на музыку, на магнитофон и понять не мог, что это за штука. У самого в крошечной спальне стояла старинная радиола «Урал» в деревянном лакированном корпусе на ножках. По виду ей было лет 30, не меньше. Но была она давно не рабочей.

— А у тебя Клавдия Шульженко есть? — наивно шепелявя, спрашивал дед, слушая, как у него на улице орёт «Ласковый май» и «Фристайл».

— Не. Нету, — Жека отрицательно махал головой, и шёл ковыряться по хозяйству. Вечером, после того, как уже начал, собираться на электричку, решил рассказать деду одну приколюху, вроде анекдота, которая всю пошла в народ.

— Дед, знаешь такой стих? «По стране грохочет тройка. Мишка, Райка, перестройка».

Жека думал, что дед оценит стих, но дед, живший при Сталине, и знававший, к чему в его время могли привести подобные стишки, вдруг изменился в лице, вскочил с кровати, где благостно полёживал, отдыхая от трудов праведных, быстро пробежался по дому, заглядывая в окна, нет ли там кого, выглянул в веранду. И только потом, подойдя к Жеке, приложил палец к губам, призывая молчать.

— Ты совсем уже? За такое знаешь, что может быть? Ты чё? Подведёшь и себя и меня под монастырь! Поеду на старости лет на лесоповал...

Примерно этим летом родители Жеки увлеклись выписывать товары по Посылторгу, и выписали радиолу «Серенада- 402» за 63 рубля. Аппарат конечно, простенький, так себе, но она удивление Жеки, играл совершенно чисто. Намного лучше, чем магнитофон. Батя сразу же выписал себе больше десятка пластинок с Высоцким, много он и не слушал.

В центре города был магазин «Грампластинка» фирмы «Мелодия». Жека решил поехать посмотреть, что там продают. Пластинки, к его удивлению, оказались намного дешевле, чем кассеты. Большая пластинка стоила всего 3 рубля 50 копеек. Но вот беда... Ничего хорошо там не было. «Ласковый май» только одна пластинка была, мешанина из всех концертов, ещё пара маленьких миньонов с Разиным по 1 рубль 50 копеек. Но на миньонах слушать-то нечего, по одной песне с каждой стороны.

Зато, как ни странно, было дофига русского рока. В 1989 году он всю уже выходил из подполья. В «Мелодии» продавались «Ария», «Мастер», «Чёрный кофе», «Крузи», много сборников «Рок-Панорамы», где было много понравившихся песен. Жека частенько теперь заходил и рассматривал пластинки. И как-то понемногу стал съезжать с диско-музыки, всё больше переходя на рок, на металл. Жека смотрел на металлистов, и они всё больше нравились ему. Он даже подумывал отрастить длинные волосы. Как круто было бы ходить

вот так, в чёрных джинсах, с заклёпочным ремнём, в чёрной косухе. Но... Пацанва не поймёт... Поэтому мечты так и остались мечтами.

Хотя, и среди диско-групп появлялось много новых и интересных. «Шоколад», «Твой День». Распался «Мираж» и появились группы «Фея» и «Звёзды». «Мираж» Жеке не сильно то и нравился, а вот новые группы от него вполне можно было слушать.

Летом с Сахарихой Жека ходил на речку. Как-то в воскресенье июля вышел во двор. Хорошее позднее утро, часов 10. Солнце уже понемногу поднялось из-за девятиэтажек. Птицы чирикают в невысоких кустах. Жека и сам не знал, зачем вышел так рано. Просто. Проснулся, и хорошая погода с такой силой поманила на улицу, что сидеть в душной, воняющей мамкиным борщом хате, было невозможно. Жека на всякий пожарный надел купальные плавки, надеясь с пацанами сходить на речку. Кроме сигарет ничего с собой брать не стал.

Во дворе никого. Все спят. Жека покурил, посидел на лавочке, покачался на детской карусели. Случайно обернулся, и увидел ЕЁ. Богиня чистой красоты! Она шла по направлению от солнца, и свет проникал сквозь её пышные светлые волосы, через белое платье. Да! Она надела платье, и Жека видел это впервые в жизни!

Сахариха шла по асфальту, одетая в белое короткое платье с оголёнными плечами, явно импортное и дорогущее, и босоножки на низком каблучке. Лицо она никогда не красила, но оно и так выглядело красивым и нежным, а пухлые губки сочными и ярко-розовыми. В руке какой-то пакетик с нарисованными цветочками.

Бухнувшись на лавку рядом с Жекой, она спросила сигарету, сделала две затяжки, и выкинула почти целую в кусты. Потом насмешливо посмотрела на Жеку, и тот опять увидел в её глазах непокорного бесёнка.

— На речку пойдём? Позагорать охота! — Светка пихнула Жеку в бок острым локотком, и нагло уставилась в него огромными зелёными глазами.

— Ну пошли, — согласился Жека, соскочил с лавки, и протянул Светке руку, но она проигнорировала его галантность, сама слезла с неё, причём оголив множество интересных мест. Чувствуя Жекин заинтересованный взгляд, недовольно хмыкнула, и встала в недовольной позе руки в боки, но тут же прыснула от смеха, и побежала прочь. Жека, пожав плечами, побежал за ней. Ну... Раз дуреть, так дуреть...

Побежали до окраины района, дальше вела тропка через обширный пустырь. Потом перебежали объездную дорогу, поднялись на дамбу, прошли немного по лесу, и вот он, пляж. Дошли за полчаса, напрямик, хотя можно было и доехать на автобусе через весь город, а потом ещё тилипать сколько...

Народу на пляже ещё немного. Жека со Светкой расположились на островке травы, на расстоянии от воды. Светка вытащила из пакета нарядное покрывало с Микки Маусом, расстелила его. Отвернувшись, сняла платье, и босоножки, потом повернулась к Жеке, подняла руки, и лукаво спросила, косясь иронично.

— Ну? Как купальник? — тут же бухнулась на плед, и перевернулась на живот.

Как? Что тут можно сказать? Скажи пацанам, они ж не поверят, скажут что бздит! Что он с кем? С непокорной оторвой Сахарихой на пляже! И она ещё у него спрашивает, как её купальник! А купальник-то хорош! Красный, с какими-то малиновыми полосками. По-видимому, тоже импортный. И то, что под купальником, тоже очень хорошее. И побольше, чем у Вальки. Впрочем, Жека Сахариху ни в коем разе не рассматривал как сексуальный объект. Он же не совсем ещё дурак. Во первых, ей 14, а это уже могли быть проблемы с

законом. Во-вторых, её брат — местный блатной на районе. И связываться с ним не хотелось бы. Эти люди плавали намного выше, чем районная пацанва, и реально могли причинить большие беды. От них арматуриной или ножом не отмахнёшься.

Светка сорвала травинку, и засунула её в рот, между пухлыми губами, и стала пожёвывать, перекатывая из стороны в сторону, косясь на парня. Жека уставился на губы. Да она провоцирует! Хотя... Жека тоже разделся, снял спортивные штаны, кроссовки, и лёг рядом со Светкой, стараясь не дотрагиваться до неё ни одним сантиметром тела. Однако, Сахариха, увидев это, наоборот, придвинулась вплотную, и стройной горячей ляжкой как обожгла Жеку. Тот снова отодвинулся. А она, хихикнув, снова придвинулась. А дальше уже отодвигаться и некуда было!

— Жарко так лежать! — заметил Жека, чувствуя, как от светкиной ляжки, действительно, становится кое-где жарко. Против природы не попрёшь...

— Жарко, значит пошли купаться! — хихикнула Светка, вскочила, взяла его за руку шершавой ладошкой, и потащила к воде.

Почему у неё руки такие шершавые? У Вальки ладошки были очень нежные и чувствительные. Потом Жека догадался, что родители у Светки в тюрьме, и ей приходится, кроме того, что учиться, ещё и за домом ухаживать. Наверное, и еду готовить, и на брата стирать. Хотя... Хрен знает, как там всё у них устроено... Жека только знал, что Светка закончила седьмой класс, и перешла в восьмой. Восьмиклассница, ооо, как пел Цой — ухмыльнулся Жека про себя.

Ну что ж... Купаться так купаться...

Глава 7. Жека влюбился!!!

Дно каменистое, и Жека ступал осторожно, но Светка безбашенно почти от берега прыгнула в воду, расплескав тучу брызг, потом встала на ноги, а там глубина лишь по пояс, и начала брызгаться, загребая обоими руками, и дико хохоча. Жека тоже засмеялся, потом прыгнул в воду, сделал несколько гребков, и остановился, опустив ноги на дно. Здесь уже было чуть ли не по грудь. Светка, подняв руки, медленно пошла к нему, приближаясь всё ближе и ближе, и в конце концов остановилась прямо перед ним. Если Жеке вода была по грудь, то Светке по горло. Вот такое соотношение ростов.

— Подбрось меня! — Сахариха охватила Жеку за плечи, оттолкнувшись ото дна, подставила свои маленькие ступни под Жекины руки, которыми он мощно выбросил её из воды. Пролетев несколько метров по воздуху, девочка с визгом грохнулась в воду, тут же нырнув под воду. Потом выплыла, догребла до Жеки, и пару раз еще повторила. Потом Жека тоже решил поплавать, но Сахариха и это не дала. Как пакостная кошка то хватала Жеку за ступни и щекотила их, то цеплялась за шею, шутливо стараясь утопить.

Минут двадцать барахтались, а потом решили вылезать. Подплыв к берегу, Светка встала на ноги, и стала отряхивать волосы. Жека с удивлением посмотрел на неё — правая чашка топа сползла, и оголила большой пухлый розовый сосок. Светка, не видя этого, занималась волосами, убирала с кожи мелкие водоросли, но потом, как будто почувствовав Жекин взгляд, посмотрела сначала на него, а потом туда, куда он уставился. Себе на грудь.

— Тебе нельзя на это смотреть! — ехидно улыбнулась Сахариха, рывком поправила топик, и стала выбираться из воды. Добежав до пледа, бухнулась на него задницей, достала полотенце, и стала вытираться. Жека встал напротив, решив обсохнуть под небольшим ветерком. Однако тут же почувствовал, что зря это сделал — Светка, закурив, насмешливо уставилась на то, что у него под плавками, и смеясь выпалила:

— А у тебя стоит!

— Да не! — смущенно возразил Жека, отвернувшись. Блин... Всё увидит... Но Светка рассмеялась, почувствовав смущение Жеки, и ещё больше распалилась.

— Да! Да! Да! Стоит! Стоит! Стоит! Люююдиии! У него стоииииит!

— Ай... Да ну тебя, — рассмеялся Жека в ответ, и лёг на живот отвернувшись от неё. Сахариха молча улеглась рядом, на спину, и набросила на лицо своё полотенце. Так лежали несколько минут, потом она предложила идти домой.

— Рано ж ещё, — удивился Жека. — Сейчас, может, пацаны подтянутся. Славян с Митей.

— Славян на дачу уехал вчера с предками, Митяя вашего тоже с неделю не видно. Наверное, тоже уехал. Один этот, придурочный Клаус ходит, башкой вертит из стороны в сторону, как будто стырить что-то хочет. Никто не придёт. Да и жарко сейчас будет. Пошли, Жень...

— Ну... Ладно... Пошли.

Светка оделась, собрала вещи, и медленно пошла впереди, оглядываясь по сторонам. Жека молча топал следом. Так до района и не разговаривали. Дом Сахарихи был ближе, чем Жекин, и не доходя до подъезда, она вдруг взяла его за руку. Так и пошли рука в руку. Однако не доходя до её подъезда, Жека чуть не вырвал свою руку из её. Блин... Там стоял Сахар и ещё какой-то крутой. На лавке играла большая двухкассетная японская магнитола,

посвѣрживая хромом ручек. Рядом стоял Сахар — крепкий парень лет 30-ти, наголо бритый, в широких как шаровары спортивных штанах, синей майке Адидас и в красных кроссовках Ромика. Рядом с ним точно такой же кручёный паренёк. Тут же стояла Сахаровская девятина. Увидев Сахариху под ручку с Жекой, крутые сначала удивлённо вытаращили глаза, а потом расхохотались во всё горло. Только над чем — Жека так и не понял. Ему, конечно, приятно идти с молодой девушкой. Да и ей тоже, судя по всему. Чё ржать-то?

— Светк! Ты самого длинного что-ли тут нашла! — рассмеялся Сахар, блеснув золотыми фиксами. — Пусть на руках тебя носит!

— Вот и выросла у тебя Светка! Вон уже с кентами ходит! — засмеялся другой крутой. Жека конечно же, чуть не обиделся на слова этого крутого. Всё-таки он был пацаном, а не кентом каким-то зашкварным... Назвал бы пацаном — и вопросов не было бы...

Подойдя к своему подъезду, Светка оглянулась, и её бесячие зелёные глаза как будто сверкнули из темноты сквозь мокрые белобрысые волосы, слегка потемневшие от воды. И Жека понял, что вот она — та, что навек. Вот бывает же так... Себя Жека не считал слишком весёлым и угарным. Нет... Скорее, постоянно шугался чего-то, то стеснялся, то ещё что-то... Весь в себе... Думал и о тёлках. Что вот, когда-нибудь потом, найдёт себе скромную, верную, домашнюю, надёжную... Потом дом, дети, работа. Как у всех. Но вот встретил же. И как этот чертёнок его приложил. Своим весельем, энергией, искрой жизни...

Махнув на прощание рукой, Светка исчезла в подъезде девятиэтажки, а Жека пошёл домой. Потренировать удары, почитать. Завтра уже чапать на работу с утра.

В конце лета, после расчёта, Жека получил в кассе завода 310 рублей. Из них отдал матери полтишок, остальное оставил себе. Получив в сентябре стипендию за летние месяцы, 150 рублей, добавил, и купил на барахолке джинсы-пирамиды. Варёнки, светло-синего цвета. Сверху широкие, а книзу заужимающиеся чуть не до размера носков. Такие пошли по моде. В таких и бить ногами без проблем, почти как спортивки. Купил двое белых носков со значками Адидас и чёрную рубашку. Абсолютно чёрную, без рисунка. Такие как раз сейчас пошли по моде у крутых. Стричься стал на «Модельную». Чуть подороже выходило, чем «Молодёжная», но вид поприличнее стал. Чуть сзади отрастил волосы, сантиметров на пять. И иногда походил даже на чувака из телевизора. Какого-нибудь музыканта.

В сентябре Жека с удивлением увидел у половины одноклассников фиксаы во рту. Летом в кинотеатрах прошёл фильм «Беспредел» про зону, и многие пацаны решили фиксануться, как герои того фильма. На золото, понятно, мало у кого деньги были, у самых богатых только, большинство, кто хотел, ставили рандолевые фиксаы. У кого и на рандоль денег не было, лепили на зубы золотинки от жвачек Турбо и Дональд, и так ходили. Типа, тоже фиксаые. Жека, будучи здравомыслящим, мысленно крутил пальцем у виска, глядя на это дурачество.

Осенью ездил к деду в деревню. Помогал копать картошку. Дед, по деревенской традиции, сажал не только полный огород, чуть не 25 соток, но ещё как пенсионер, брал от совхоза и на поле соток 20. Так как мать с отцом, случалось, работали по выходным, Жека с дедом копали обычно вдвоём. Дед был 1920 года рождения, и несмотря на свои 69 лет, да и в целом, разгульный образ жизни, не способствовавший здоровью, демонстрировал чудеса силы. Запрягал у соседа коня в телегу, заезжал домой, брал Жеку, и вдвоём ехали на поле, за деревню.

На поле, накопав картошки, ссыпали по мешкам. Дед легко брал 4х ведёрный мешок картошки на плечо, и тащил к телеге по полю, давя кирзовыми сапогами раскисшую землю.

Накапывали много. Часть, конечно же, дед продавал кооператорам и кавказцам, разъезжавшим по сёлам, совсем небольшую часть оставлял себе. Остальное шло на корм свиньям. Дед и сам-то не заморачивался с готовкой. Ел что попроще. Далёкая война оставила на нём вечный отпечаток. Варил себе картошку в мундирах, едва отмыв от грязи, потом чистил, посыпал хрусткой крупной солью, и ел с квашеной капустой, закусывая чёрным хлебом по 10 копеек. Свиньям варил тут же, на печке, тут же картошку. Причём даже чугуны были одинаковые, и дед частенько путал, где свиньям, где себе.

Однако на одной картошке свиньи не вырастут. Приезжал в совхоз вечером, когда нет управляющего, совал сторожу бутылку, и грузил несколько мешков комбикорма из скотника. Днём, раз в неделю, ездил в магазин, и брал несколько десятков булок старого хлеба, что строжайше запрещалось, но продавщица всё равно втихую продавала знакомцам. Дед потом, осенью, приносил кусман свинины в несколько килограммов, и совал продавщице, залихватски подмигивая.

С технаря гоняли осенью на овощную базу пару раз. Перебирали картошку, привезённую с полей. «Опять картошка» — тоскливо подумал Жека, глядя на овощ, которой уже успел набить оскомину.

— А чо мы-то? — негодовали пацаны, наезжая на классуху, вместе с ними делившую все тяготы отработки. — Мы учиться должны, а не ишачить тут как папа карло. Пусть коммуняки и совки ишачят!

— Трест «Сибовощторг» — наши шефы, — объясняла классуха. — Так положено. Ребята, не вы первые, не вы последние.

Ближе к зиме Жека подрался с деревенскими, и накустылял им прямо на остановке, на виду у всех. А получилось всё до банального просто. Жека приехал к деду, набрал сумку картошки домой, подождал, пока до электрички останется двадцать минут, и не спеша, пошёл на остановку. Идти минут семь-восемь. Ходил он в то время уже со спортивной сумкой с надписью USSR наперевес, презирая рюкзаки и авоськи, считая их «совковыми». Шёл, шёл по улице, покуривал, никого не трогая. Навстречу вышел пьяный деревенский парень в грязной советской спортивке, спросил закурить. Жека вытащил пачку Аэрофлота, слегка тряхнул, чтоб одна сигарета показалась из пачки, и вежливо протянул её парню. Тот попытался грязными пальцами взять, не получилось. Выронил. Потом попытался ещё одну взять, опять выронил. Жека вытащил сигарету сам, протянул парню, однако тот решил быкануть. Сломал сигарету, бросил на землю, наехал почём зря. Вот так и связывайся со свиньями...

— А ты кто такой а? — хлопая свинными текущими глазами из-под сальной кроличьей шапки, медленно, растягивая слова спросил деревенский, дыша вонючим перегаром. — Ты чё за чучело тут? А? А ты чё тут ходишь пля? А ты чё а...

Жека, видя что деревенский лыка не вяжет, пожал плечами, и хотел пройти мимо, но тот схватил за ремень сумки, порвал его, сумка упала на землю, деревенский замахнулся... Жека легко блокировал удар левой, а правой чётко засадил в бороду. Деревенский поплыл, а Жека добавил ещё ногой в печень. Хрюкнув, деревенский упал в сточную канаву на краю дороги. Стал орать что-то матом, барахтаясь в ней. Жека поднял сумку, взяв её подмышку, и пошёл на остановку. Там купил билет за 20 копеек, ещё зажёг сигарету — до электрички оставалось минут 5. И тут появилось человек пять деревенских. Жека сразу понял, что по его душу. Один, кое-как согнувшись, кандылял за четырьмя другими. Согнувшийся, понятно, что тот говнодав, которому Жека насовал на деревенской улице. Позвал на помощь дружбанов.

Народу на остановке мало, и деревенские ходили, внимательно осматривая каждого. Подошли и до Жеки, стоявшего на самом краю платформы.

— Во! Вот он! — заорал заляпанный в грязи деревенский, показывая пальцем в Жеку.

Деревенские подошли ближе, расходясь в стороны, чтобы напасть с разных сторон. Жека деревенских презирал. Пацанских понятий они не знали, творили лютый беспредел. Вот и сейчас без базара решились напасть. Даже не кинув предьяву. А если бы это не он насовал их другану, и это стоял левый пацан?

Деревенские были все низкого роста, но крепкие. То, что деревенские почти все низкорослые, Жека давно уже заметил. Первый, в фуфайке и спортивной шапке пирожком, напал один. Жека подбил ему правую чашечку на ноге, и зарядил потом прямым хуком в рожу. Тот сразу осел на жопу, и закатался, визжа, держась за искалеченную ногу. Второй и третий бросились одновременно, с боков. Жека кинул правому сумку с картошкой в рожу, в это время, присев, из низкой стойки, подсёк левого, и добил потом левой же ногой, пяткой в челюху. Получилось красиво. Прямо как в фигурном катании, на одной ноге всё. Потом зарядил по яйцам правого, и шлёпнул его в нос кулаком. Сопатка хрустнула, и правый, завопив, схватился за неё, и нагнувшись, поковылял прочь. Четвёртый не стал связываться, что-то матерно крикнул, и сиганул с остановки через железнодорожную линию прямо в болото. Тот, кого Жека прибил в деревне, пьяно качаясь, последовал за ним. А тут и электричка подошла, Жека сел и поехал домой.

Потом настала зима. 1990 год запомнился многим. Уже в конце 1989 резко ухудшился ассортимент товаров в магазинах. Исчезло многое. В первую очередь сигареты. Не стало вообще никаких. Даже без фильтра. Однако они почему-то были на рынке у спекулянтов, и сразу в 10 раз дороже. «Прима» если в середине лета ещё лежала везде за 30 копеек, то сейчас за 3 рубля её можно было купить на рынках у бабок-спекулянток, торгующих с лотков и ящиков. Правда, бабки это были чисто условные. Утром привозили их на девятках крепкие парни, рассаживали по местам, клали товар. Вечером так же забирали, считали деньги. То, за что мотали срок Светкины родители, начинало становиться нормой жизни. Спекуляцию стали называть «дело». Даже мусора не гоняли с вокзального базара бабок-спекулянток. Могли подойти и разбить дубинкой бутылки с водкой, или забрать сигареты. Но и то, это если бабка на чужую точку залезла, не заплатив вокзальным мусорам.

Пропал сахар, потом мука, лапша. В городе был специальный молочный магазин, и там ещё можно было достать сливочное масло, сыр, сметану, кефир, ацидофилин, но очереди были такие, что мама не горюй — туда тащились со всего города, потому что молочные отделы во всех районных магазинах были абсолютно пусты. В пору закрывать, и вешать табличку «Все ушли на фронт». Про колбасный и говорить нечего. Там был шанс купить только залежалое, синее сало, либо пельмени в пачках, от которых могло быть несварение.

Ближе к Новому Году из продажи исчезло вообще всё. В магазинах на полках стояли бесконечные ряды трёхлитровых банок с берёзовым соком, пачек с сухарями, апельсиновой жвачки и банок с морской капустой. Кроме хлеба, есть стало нечего. Тут же ввели талонную систему. Про талоны в других городах говорили давно, но в Н-ке ещё бог миловал как-то. Сейчас вот... Добралось... Теперь раз в месяц надо было идти в ЖЭК, и там, отстояв огромную очередь, получить талоны на количество прописанных в семье. Получить можно было любому прописанному, поэтому зачастую и Жека или Серый таскались туда, отстаивая огромные очереди. Но получить талон это одно. Главное это отоварить его. Найти магазин, где «выкинули» тот же сахар, и купить там, опять же, отстояв огромную очередь. При этом

сахар мог тут быть, а муки не было. Её надо было искать в других магазинах. Попытка накормить семью превращалась в головоломку, которую люди решали неделями.

Или в кооперативных магазинах. Там-то вообще всё можно было купить, были бы деньги... И у крутых... У них было всё. Жека ни разу не видел, чтоб они давились в очередях за водкой или сигаретами. Всё брали или в кооперативных, или у знакомых на складах.

Бате в 1990 году на заводе понемногу по бартеру стали завозить дефицит. Куртки, кроссовки, аудиокассеты, продукты. Но давали их не просто так, любому дураку. Надо чтоб рабочий был не замечен в производственных нарушениях. А так как таких было большинство, то дефицит разыгрывали в лотерею. Как говорили мужики, «тянули». Садись в круг, ломали спичку, один перемешивал столько спичек, сколько было в коробке, и все по очереди вытаскивали. Кто вытащил ломаную — тот выиграл.

Жеке батя очень удачно вытянул китайскую куртку, и китайские кроссы. Вернее, вытянул-то себе, но размер и ростовка оказались такими, что батя носить её не смог — она ему до колена была. А Жеке в самый раз. Курточка, конечно, осенняя, на отстёгивающемся меху, но выглядела как Аляска, и Жека гонял в ней зимой, несмотря на лёгкость. В шубе ходил если совсем уж дубарь на улице. Ещё батя вытянул китайскую же аудиокассету неизвестной китайской фирмы «National». На вид крутая, 90 минутка, с серебристой этикеткой. Батя сказал, что 9 рублей за неё отдал. Жека пошёл в студию звукозаписи в Дом быта в предвкушении записать что-нибудь этакое на такую крутую кассету. Посмотрел список, новая группа «Каролина» появилась. Стоит записать! На одну сторону «Каролину», на другую «Летний сад». А звукозаписчик разбил его ожидания, сказав, что на такую конченную кассету качественная запись не гарантируется, она для диктофонов и для автоответчиков, а не для записи музыки. И правда. Записалось так себе. Низов и высоких вообще нет, одна середина, да и уровень записи плавает.

Зимой ходили с Сахарихой в кино несколько раз. Тогда много фильмов хороших показывали, даже совковых. «Маленькая Вера», «Фанат», «Игла» с Витюхой Цоем. Было что посмотреть. Договаривались заранее. Жека ждал Светку у подъезда, потом шли на трамвай, ехали пару остановок. И вот оно. Здание кинотеатра.

Глава 8. Старые друзья

Приезжали заранее, хотя бы за полчаса-за сорок минут. Это уже как ритуал был. Сначала резались в игровые автоматы. В «Тир», «Морской бой», потом шли в кафетерий, покупали вкуснейшее ванильное мороженое в металлической розетке, посыпанное шоколадом и орехами, брали бутылку «Дюшеса» на двоих. Иногда ромбабу или кекс. Светка почти всегда платила сама. Денег у неё всегда как у дурака махорки. Жека пробовал возражать — деньги у него тоже были, он же пацан, должен сам платить, но Сахариха хихикала, и вытаскивала из кармана целый пучок мятых купюр разного цвета. Были там и трёшки, и пятаки, и четвертаки и чирики. Хотя, Жека ещё когда ползал с грузинами по барахолке, помнил, как Георгий поучал его.

— Женщин... Цвыток! Ммм... — грузин картинно целовал щепоть, откидывая потом руку в сторону. — Мушьяна платыт за ныго должын! Сначала жына платы, потом лубовныц платы! Настоящий мушын за всё платыт должын!

После кафешки шли в зал. Хоть ходили вечером, и многие фильмы были с надписью «Дети до 16 не допускаются», никто на контроле паспорт не спрашивал. Садись чуть ли не на последний ряд, Жека брал Светку за руку, так и смотрели, иногда шёпотом о всяком переговаривались. Потом ехали так же на трамвае домой, уже поздно. Светка внаглую садилась Жеке на колени, и клала голову ему на плечо. Жека провожал её до дома, даже до квартиры. Она потом подпрыгивала, обнимая его за шею, и цепляясь ногами, повисала на Жеке. Долго целовались.

Вообще, в подъездах зависали часто. Позвать к себе нечего было даже и думать. Во первых, обстановка бедновастенькая, крашеный масляной краской пол, белёные стены, обычные лампочки на потолке. Во вторых, народу всегда навалом. Да и что делать-то? Сидеть в своей комнатёнке на деревянном стуле? Так и это стрёмно — в квартире кельдым, постоянно все ходят туда-сюда, сёстры-братья бегают. Крики, ор. Мать с отцом недовольны будут...

Светка один раз позвала Жеку к себе, когда брат на машине на пару дней уехал в другой город, и Жека офигел. Живут же люди! Трёшка на третьем этаже. Везде красивые импортные обои, на полу где линолеум, где паркет. Огромные пушистые паласы. На стенах ковры. Громадная югославская стенка в зале, сверкает хрусталём, на тумбочке импортный телевизор с гордой надписью «Sharp», под ним видеомаягнитофон «Panasonic», за стеклянной дверкой куча видеокассет. Рядом тумбочка с блоковой аудиоаппаратурой, так и блестит серебряными ручками. Всё высшего класса. Кассетная дека, тюнер, эквалайзер, усилоч «Корвет». Громадные колонки АС-90 в углах комнаты. Хрустальная люстра. Телефон на журнальном столике.

Сахариха призывно мотнула головой, и пошла в свою комнату. А у ней там обстановочка... Настоящая деревянная кровать с ярким японским пледом, дорогой письменный стол с учебниками и тетрадями. Двухкассетник «Сони» на нём же.

В комнате бардак. Небрежно разбросанные вещи на кровати. Трусики, лифчик, майка, трико. Светка сгребла всё в кучу, и засунула в шкаф. Сбросила куртку-аляску на пол, бухнулась на кровать, и дурачась, потащила Жеку за руку к себе.

Полчаса пролетели незаметно... Потом стояли на балконе, курили, обнявшись...

— Пока, Жекич... — буркнула она напоследок, явно недовольная собой. Но Жека уже

знал, что надо делать в этом случае. Рывком притянул к себе, и поцеловал в ароматные губы.

— Я рад, что ты есть у меня...

По лестнице сбежал со второго этажа, и выйдя расстёгнутый на мороз, остановился, дыша полной грудью. Район переливался огнями, ещё у многих стояли ёлки. Ну до чего хорошо жить! Да ёлы-палы, как классно! Не в силах сдержать порыв счастья, веселья, и радости, Жека заорал во всё горло, хоть и пьяным-то не был... Эхо разнесло вопль по всему микрорайону. Потом пошёл домой, подкидывая и ловя спортивную шапку.

Учёба протекала не спеша. Со второго курса началось промышленное черчение, и предкам пришлось купить тубус для чертежей. Училка сказала, надо кульман. Да где ж его взять-то... Купили дипломат. С пакетом ходить было уже стрёмно — парень почти взрослый. Уроки Жека обычно делал на столе, в кухне, но на нём не почертить. Пришлось предкам в кредит покупать письменный стол, что было уже признаком крутости. А ещё набор для черчения, бумагу формата А1, пенал, циркули, твёрдый и мягкий карандаш, линейки, шаблоны. Вечерами Жека, раскинув огромный лист бумаги на письменном столе, и придавив его книгами по краям, включал дискач на мафоне, и рисовал валы, шестерни, и прочую ерунду. Причём надо чтобы всё было по ГОСТУ — все линии, буквы чертёжным шрифтом. Училка по черчению была строгая, и докапывалась до малейших помарок. А вы попробуйте вручную, без кульмана, нарисовать такую портянку, и чтоб без единой ошибки? Всё равно, нет-нет, да мазня всплывала. Четвёрку с минусом по черчению всегда как отмаливал. Но до тройка не опускался, с повышенной стипендии не слетал.

Пацаны не парились, сдавали попросту — приносили деньги или дефицит, давали взятку. Сахар, муку, детские подгузники. Привозили с родителями обои на дом учительке. Сложилась парадоксальная ситуация — невзирая на тупость, почти все одноклассники ходили в отличниках. Жека выше четвёрки не поднимался никогда. Да и то выкарабкивался лишь за счёт усердия и крови из носу — у родителей давать взятки было нечем.

Мало того, пришлось ещё выписывать газету на немецком языке, «Neues Leben». Знание немецкого требовалось на уровне производственника.

— Это вам не обыденное «вас ист дас» — поучительно говорила немчанка. — Придёт к вам оборудование из ГДР, что делать будете? Как по немецки «Электромагнитная индукция», или, скажем, «Двигатель переменного тока с регулировкой частоты»?

— А чё, в газете это есть? — иронично спросили пацаны.

— В газете есть много чего, — парировала немчанка. — В ней пишут живым употребительным, а не академическим языком. Естественно, публикуются статьи по науке и технике, и мы их все с вами будем подробно разбирать. Со следующего месяца чтоб все ко мне на урок приходили с газетой. Будем читать и на ходу бегло переводить. Вы будущие С-П-Е-Ц-И-А-Л-И-С-Т-Ы!

Жека обсказал матери этот факт, и опять получил грудю недовольства в свой адрес.

— На тебя одного больше всех уходит. Когда уже это закончится? Сейчас газету немецкую тебе надо...

Когда это закончится, Жека не знал. В этот же вечер он решил посетить Лысого и Эдю на старом районе. Зашёл сначала к Лысому, а там кельдым — к маманьке друзья-грузчики пришли. Входная дверь не заперта. Телевизор чёрно-белый на всю катушку орёт, дым столбом, пьяные вопли. На кухне мужики в триканах и майках, и пьют, и орут, и силой меряются, сшибая на пол пустые стопки и куски хлеба. Растрёпанная маманька с ними, сидит нога на ногу в замызганом халате, рукой с дымящейся сигаретой машет. Лысый тоже

под градусом. Жека не разуваясь, и в одежде, прошёл в зал, и остановился. Лысый залип на диване, почти съехав на пол. Жека потряс друга за плечо, но он был совсем мёртвый. Махнув рукой, хотел выйти, как дорогу перегородил маманькин хахаль. Встав на полусогнутых и скорчив рожу, улыбнулся вонючим беззубым ртом, дыша перегаром, потом сплясал гопак, и замер в идиотской позе, вытянув руки.

— Опа... А ты кто? А? Дай рупь?

Жека ударил алкаша по яйцам, и отпихнул скорчившееся тело в сторону. Никто так и не заметил его. Пошёл к Эде. Тот делал домашку, но решил отставить на время. Давно не виделись. По мужски, крепко, поздоровались. Чё там, не виделись год. Повзрослели, возмужали немного. Одеты по-другому — не узнать.

— Пойдём к моей сходим, погуляем потом, — предложил Эдя.

— Пошли. Познакомишь.

Девчонка в соседнем доме жила. Ровесница. 17-летка. Невзирая на мороз, гоняла в дутом пуховике, коротенькой мини юбочке и чёрных капронках, выгодно оттеняющих стройные ножки на фоне белого снега. На ногах шикарные импортные ботиночки на каблучке. Мохеровый капор. В общем, прикинута зашибись тёлочка, ничё не скажешь... И говорила более-менее разумно. Жека привык к детским базарам Сахарихи, и слегка удивился.

— Знакомься. Вот... Анжела, — слегка стесняясь, представил подружку Эдя.

— Евгений, — представился Жека, и задумался. По идее, в фильмах при знакомстве с девушкой, целовали ей руку. Но тут Эдя. Ещё не поймёт. Неловко как-то. Да и вдруг Анжелка отдернет руку от его губ, что наиболее вероятно, и тогда будет совсем уж неловко. Поэтому Жека просто достал сигареты, и предложил всем, скрашивая неловкость. Если бы Сахарихе кто-нибудь при нём поцеловал руку, он бы наверное, разозлился. Подумал, что наезд.

Сходили в видеосалон. Тот, что у хранилища. Показывали «Греческую смоковницу». Фильм конечно так себе, да и Жека привык уже к нормальному видеосалону в «Веге». А здесь на простых сидушках ёрзать стрёмно как-то. Ну ладно. Обрато шли, Анжелка с Эдей в обнимку, Жека один.

— Женя, а у тебя есть девушка? — тонким культурным голоском спросила Анжелка, картинно ступая стройными ножками по снегу.

— Да есть... — неопределённо протянул Жека и задумался. Интересно, Сахариха его девушка, или как? По всему выходило, что так. Но... Как же далёк мир пацанвы от всех этих культурных амуров...

Проводили Анжелку до дома, постояли, покурили с Эдей, Жека пожал другану руку на прощание, и пошёл. Почему-то подумав, что не видаться им более — разведут пути-дорожки. Эдик учился в 10 классе, после хотел идти в институт, а потом в армию. От пацанвы он всё более отдалялся. Что наверное, и к лучшему — подумал Жека.

Не успел повернуть за угол, как встретился Намас, и ещё один говнодав, в джинсовой куртке и чёрной цигейковой шапке до глаз. Намас, не задумываясь, тут же схватил Жеку за лацканы куртки, сдавливая горло. У его корифана сверкнула финка.

— Тихо, тихо, лох... Куртку снимай, деньги давай!

Намас конечно же, был уверен в себе. Всех бил тут, шугал. Уже пробовал на кооператоров наезжать. Вот уже на открытый гоп-стоп пошёл. Жека понял, что надо действовать быстро. Подсёк невысоклика, и перебросил через бедро. Тут же двумя пальцами

пробил глаза крикнувшего от боли цыгана. Увернулся от финки его друга, поймал следующий удар между рукой и корпусом, выбил нож, схватил за пальцы и сломал их. Потом рванул за руку вниз, и сломал её в локте. Развернувшись, заехал хуком в челюху финкаря. Слышно как хрустнула кость и сломались зубы. Чувак заорал, хотел бежать, но потерялся, и упал, подскользнувшись. Цыган тоже ползал, не мог подняться — не видел ничего. Шары заплыли походу.

— Ты кто такой? — Жека подошёл, и несколько раз пнул Намаза по печени. — Ты кто, сука? Погоняло как? Ты кто? Ты чё, блатной?

— Неет, — прохрипел Намас. — Просто... пацан... по жизни...

Жека поднял его за шкварник, и несколько раз с силой ударил по лицу. Рожа и так в крови, текущей из глаз, так ещё добавил. Теперь изо рта и носа лилось.

— Ещё раз увижу тут, сука, убью тебя. Слышал? Ты слышал, п. р? — негромко спросил Жека, держа Намаса за шкварняк, и долбанув ему в лицо коленом, опрокинул на снег. Похоже, цыган обмочился — спортивные штаны потемнели, полилось на снег. Хотел ещё добавить ползущему финкарю, но где-то в доме открылось окно, и женский голос заорал:

— Вызовите милицию! Тут драка! А ну, сволочь, иди отсюда!

Жека, усмехнувшись, осмотрел себя. Вроде, одежда не в крови, взял финку, сунул в карман, и пошёл домой. В этот район он не хотел влезать, но раз цыги сами себя так поставили... Был тут на ихнем районе крутой с погонялом Добей. На чёрной восьмёрке гонял. Беспределил иногда. Говорили, мог автобус рейсовый тормознуть, и водителя избить, за то, что со двора выехать не дал, не притормозил. И вроде как все эти мелкие чмошники шестерили на него. А... Пофиг... Жека пожал плечами, и пошёл на трамвай.

Дома разглядел финку. Зоновская. Ручка наборная из белого и красного оргстекла и чёрного гетинакса. Опасная вещица. Подбросил, и поймал несколько раз. Пойдёт на разборки таскать. Хотя... Если есть нож, придётся его использовать. Только успел спрятать под кровать, как зашёл Серый. Сел рядом на кровать, с удивлением посмотрел на Жеку.

— Ты чё, с Сахарихой ходишь?

— Да. А чё? — спросил Жека, стараясь не смотреть брату в лицо. Потом всё-таки посмотрел. Твёрдо. По мужски. — Я буду с ней ходить.

— Да ничё. Смотри, Жека... Как знаешь.

Зимой группой ездили на лыжную базу, за город — физкультура на лыжах. Уезжали сразу на весь день. Проставляли три пары сразу. Лыжи, конечно же, так себе — все ломаные-переломанные, с коцаными креплениями, изношенными по самое ни хочу. Ботинок 45 размера не было вообще, и Жеке, скрепя сердце и пальцы ног, пришлось брать 44 размер. Однако ходить в них было совершенно невозможно, не говоря уж про ездить. Да и крепления вылетали из лыж. А бежать надо было 2 километра, потом ещё скатиться с горки. Жека кое-как добежал до горы, а когда скатывался, лыжа налетела на ломаный стебель лопуха, торчащий из накатанного снега, и конечно же, лыжа осталась на горе, а Жека на жопе съехал вниз. Однорупники, стоящие внизу, и наблюдающие кто и как скатывается вниз, встретили дружным хохотом.

— Длинный, ну ты даёшь! На одной лыже решил покататься!

Жека рассмеялся в ответ, и потащился обратно на гору, за лыжей.

Через неделю пацан из соседней группы решил наехать на Жеку. Проспорил походу что-то, и пришлось отдавать наездом. Жека на большой обеденной перемене сидел в аудитории, и готовился к черчению, как вдруг подошёл Санёк, бывший кем-то вроде шестёрки у

технарских пацанов.

— Слышь, Жека, там к тебе пришли, побазарить хотят, — бегающие глазки шестака говорили, что он врёт. Хотя... Пофиг.

— Где пришли? Кто?

— Да там. Сзади стоят.

«Сзади» называли чёрный ход столовой, через который таскали продукты. Пацаны туда бегали покурить после столовой. И там же кстати, проходили всякие драки и разборки. Потому что там никто ничего увидеть не мог — в пяти метрах от двери шёл глухой кирпичный забор соседнего предприятия.

Жека взял сигареты, чтоб сразу покурить, раз уж так получилось, спустился на первый этаж, прошёл мимо столовой, прямо к чёрному ходу. Приближаясь, почувствовал запах сигарет. По гудению голосов понял, что там стоит приличная толпа пацанов. Жека вышел и осмотрелся. Разговор стих. Все уставились на него. И тут сбоку, за полем зрения раздался шорох ног. Кто-то незаметно старался ударить. Они хотели подловить его, и сразу вырубить! Всё-таки боялись! Жека автоматом выставил правую руку в блоке, и отбил удар ноги, тут же уйдя на безопасную дистанцию. Следующий удар рукой прошёл мимо него.

— Ты чё, Макс, не можешь завалить длинного что-ли? — загудели пацаны. А стояли здесь в основном, парни из соседней группы, и третьекурсники. Нападал на него пацан с погонялом Макс. Фамилия у него была Максименко. Чернявый, похожий на украинца, парень, по слухам, занимавшимся волейболом в городской юношеской команде.

— А ты чё как крыса-то? — размеренно спросил Жека, медленно обходя Макса, и смотря ему в глаза. — А чё ты без предьявы-то начинаешь? А чё со спины?

— Да я тебя щас! — завизжал Макс, и как мельница, беспорядочно молотя руками, бросился на Жеку.

Был он конечно, не боец. Жека подставил левый блок, провёл подсечку левой ногой, и пока Макс падал, зарядил ему в челюху прямым левым. Макс упал на спину, и сильно ударился затылком. Попытался встать, но поплыл, и опустился на корточки, держась за землю обеими руками. Потом его вырвало только что съеденным обедом. Прямо себе на штаны.

Пацаны молчали, недоверчиво смотря то на Жеку, то на Макса. Жека плюнул рядом с Максом, и не торопясь, молча пошёл прочь. Скоро звонок уже.

Глава 9. Кондитерская фабрика

С начала апреля 1990 года начиналась технологическая практика. И длиться она должна была аж два месяца, до конца мая. Потом экзамены, и перевод на 3 курс. С середины мая до сентября каникулы, само собой. Однако место прохождения практики сказали искать самим. И найти его было очень и очень сложно, по разговорам третьекурсников. Тут Жека уже начал сильно сомневаться в правильности выбранного пути. Одноклассники поступили кто в металлургический технарь, кто в шарагу на электрика. В городе полно предприятий, и уж слесарем-то устроиться везде можно. Однако Жека учился на механика по ремонту холодильного оборудования. Предприятий с такими рабочими местами в городе единицы. И они уже заняты бог знает на сколько лет. Мечты таскать с работы колбасу дали трещину. Да и колбасы в городе не стало.

Жека взял у секретарши направление на практику, дома сунул в карман паспорт, фотографии 3 на 4, и пошёл по городу, по отделам кадров. Обошёл все профильные предприятия, где используются холодильники, однако нигде практиканты или не требовались, или их уже приняли. Гормолзавод, Мясокомбинат, Трест столовых и ресторанов, Союзпродторг — где только Жека не был, везде получал от ворот поворот. На поиск практики дали три дня, и он уже почти полностью их исходил. Хотел плюнуть, и пойти на металлургический завод слесарем, как намекнул директор технаря, но уже на исходе рабочего дня Жека зашёл в кондитерскую фабрику, и там его согласились принять. Но только слесарем пищевого оборудования.

— У нас нет специальности «механик по ремонту холодильного оборудования» — развёл руками директор, сидевший за длинным столом в большом кожаном кресле под портретом Горбачёва. — Главную холодильную установку обслуживают женщина-аппаратчица и слесарь-ремонтник. Единственный механик в ремонтной службе курирует всё механическое оборудование фабрики. Так что пойдёшь к нему. Возьму слесарем-ремонтником по 3 разряду. А вообще, о будущем...

Директор встал, заложил руки за спину, сделал несколько шагов по кабинету, как-будто раздумывая о чём-то.

— Мы собираемся на хозрасчёт переходить. Хотим оборудование итальянское покупать для новых линий. Так что нам грамотные люди нужны как воздух. Закончишь учиться — с дипломом всегда возьму. Сначала бригадиром, потом и заместителем механика можно. А там и до института недалеко. Так что перспективы есть. Как себя покажешь.

Ну хоть так... Жека пошёл в отдел кадров, написал заявление на приём, и попросил справку в технарь, что устроен на работу слесарем-ремонтником. Сделали пропуск, фотографии пригодились, одну на личное дело, одну на пропуск наклеили. Получил спецодежду, ботинки, отнёс в раздевалку, сопровождаемый механиком. Потом пошёл домой. Всё заняло пару часов. С завтрашнего дня начиналась практика. Мечта матери сбылась. Он пойдёт работать в место, где делают дефицитные продукты.

Вечером погулял по району со Светкой, посидели на лавочке в новом сквере, купив пломбир по 24 копейки. Потом позависали в подъезде, курили, обнимались и сосались, шепча друг другу всякие милости, и хихикая над ними же. Поздно вечером разошлись. Жека шёл домой, и чувал — жизнь меняется. И то верно — эта практика изменила его жизнь. Все его жизненные ориентиры.

Первая же рабочая смена началась с пьянки. Не успел зайти в раздевалку, как рабочие предложили выпить фруктовой эссенции, в просторечии «гомыры». И Жека понял, что попал. Оказалось, в кондитерской фабрики этой гомыры вагон и маленькая тележка, а стоит она везде чуть ли не бочками. Гомыра имела лютую смесь из спирта и душистых эфирных масел. Имела различные фруктовые ароматы, и служила для обогащения карамели вкусом и запахом. Представьте себе жидкость, шипающая в нос запахом, в тысячу раз превышающим например, запах яблока? В сущности, это был одеколон, только пищевой. Естественно, гомыру просто так пить было нельзя — от эфирных масел в такой концентрации можно отравиться. Работяги её «отводили». В каждой мастерской была специальная стеклянная воронка, сделанная из бутылки-чебурашки, тщательно отрезанной по доньшку. Воронку ставили над какой-либо ёмкостью, зажимали горлышко пальцем, наполовину наливали гомыру, потом добавляли воду и размешивали. Естественно, масла, как более лёгкие, всплывали наверх. Спирт с водой оставался внизу. Его сливали, оставляли «хвосты» с маслами, которые выкидывали. Получившаяся смесь спирта и воды была противного белёсого цвета, как разведённый одеколон, который пили алкаши, и сильно воняла фруктовыми ароматами, но на это не обращали внимание. Пили только в путь. Правда, почему-то не рисковали употреблять мятную гомыру. Говорили, от неё сердце может остановиться.

Пили каждый день. Пили и утром, и до обеда, и после обеда, и перед тем, как идти домой. При этом как-то умудрялись работать. Вот и сейчас... Не успел Жека с опаской и недоверием зайти в мойку, как работяги уже разводили гомыру. Увидев Жеку, заржали.

— Во! Студент пришёл! На! Пей давай! За знакомство! Тя как звать-то?

Налили половину гранёного стакана. Жека поболтал белёсую жидкость, с подозрением понюхал. Яблочный запах шибал в нос. Но ладно. Пришлось пить. Пошла конечно туго. Сильно резкая, и дерёт горло.

— Хахаха! — загудели работяги. — Туго пошла! С непривычки! На водичкой заполилуй!

Жеке протянули чайник с водой. Налил в стакан, выпил. Вроде отпустило. Тут же зашумела голова — торкнуло сильно. Переоделся в рабочую одежду. На пятиминутку шёл уже чуть заметно качаясь. Слесарей на всю фабрику всего 10 человек. Из них двое не пришли на работу, а половина были уже подбухавши. Но механик не обратил внимание — он сам был подшофе. Начальство плавало высоко — пили коньяк, который шёл на приготовление конфет с коньячным вкусом. Раздав задания, механик, выдыхая коньячный запах, предложил Жеке провести экскурсию по фабрике.

— Ни шоколад, ни шоколадных конфет мы тут не делаем, — сказал механик, стараясь не наступать в лужи на разбитом асфальте. — Основной цех — карамельный. Он главный объём продукции даёт. Есть ещё ирисный, дражевой цех, зефирный цех, мармеладный цех, газцех и закваска. Там квас делаем. Но только летом, сейчас ещё не запустили — холодно.

Карамельный цех, как и говорил механик, был самым большим. Две линии. В варочных помещениях варили патоку и начинку. Потом машиной патоку растягивали в тоненькую трубочку с насечками по краям, наполняли её горячей начинкой, рубили на маленькие части и охлаждали. Потом так же машиной заворачивали в этикетки, и ссыпали в картонные коробки. Вот и весь принцип производства карамели.

В зефирном цехе Жека удивился, увидев огромные деревянные бочки, наполненные яйцами. Их тут были тысячи! В других бочках лежали яичные белки, в следующих яблоки.

— Зефир варят из яблочного пюре и яичного белка, — объяснил механик. — Они сюда

прямиком с совхозов идут.

Жека зефир пробовал только два раза в жизни. Он был абсолютным дефицитом. А пробовал ещё ребёнком, когда в новогодние подарки клали по половинке шоколадной зефирушки. Тут же его стояли тонны, только не шоколадного, а простого, белого, ванильного. При этом в магазинах зефира никогда не было. То же самое касалось и мармелада. Жека смотрел на картонные коробки с готовым мармеладом, заполняющие склад, и думал — куда это всё девается?

— Скажу сразу — не вздумай воровать. У нас золотое правило — на работе ешь сколько хочешь, никто и слова не скажет, но домой даже ни-ни, — механик показал на проходную. — На проходной милиция стоит. Если подозрение будет, сразу обыщут. Не забывай — это народная, социалистическая собственность, на срок наматываешься запросто.

Однако в конце дня Жека убедился — воровали все, кому ни лень. И всё, что плохо лежит. Вот тебе и социалистическая собственность... Мужики брали совсем по немножку, грамм по двести. В основном карамель. Ссыпали в маленькие кулёчки. У каждого в трусах внутри было пришито нечто вроде кармана. Туда и совали. Со стороны не видно, да и при обыске никто по яйцам лазить не будет.

— Зря смеёшься, студент, — заявил Санёк, бывший афганец, всегда ходивший в тельняшке. — Курочка по зёрнышку. Каждый день по-маленьку таскай, не борзей, и за месяц знаешь, сколько получится?

— Но... Зачем? — удивился Жека. — Куда столько конфет?

— Затем! Тырь натырренное, грабь награбленное — знаешь такую поговорку? На бартер обменяешь на толкучке.

В мойке душа не было, стоял лишь рукомойник, да и то вода лишь холодная. Как назло, днём пришлось ковыряться со сломанным редуктором в дражевом цехе, и порядком испачкать руки в смазке. И керосином тёр, и ветошью. Потом мыл холодной водой с хозяйственным мылом, но сильно не помогло — ладони отмылись лишь частично, чему Жека, в принципе, был и рад. Шёл с работы, и ощущал себя истинным рабочим человеком, работающим на благо страны. Даже гордился. На проходной действительно, стояли двое мусоров, и внимательно осматривали проходящих. Но где тут всех осмотришь, когда столько народу идёт сразу, да и постоянно надо машины пропускать, открывая ворота. Осматривать и машины надо, проверяя накладные — что ввозят, что вывозят. Частенько случалось, что и пропуск-то показывать некому было — на проходной никого не было. Однако работяги всё равно не рисковали никогда, больше маленького кулёчка никогда не выносили за раз. Кража социалистической собственности считалась серьёзным преступлением.

Вечером пошли погулять с Серым на район. На лавке сидел грустный Клаус.

— Ты чё? — удивился Жека. — Чё пригорюнился?

— Повестка пришла. В армию меня забирают, — грустно заявил Клаус и закурил. — Неохота конечно... Ладно бы осень, а то весна... Сейчас тёлки в мини юбках будут ходить, речка, пляж, то да сё.

— Отмазываться не будешь? — закуривая, спросил Жека. — Говорят, вроде шутку стоит, если военному давать.

— Да ну, ты чё, Жекич, — отрицательно качнул головой Клаус. — Батя из дома выгонит, если не отслужу. Он же коммунист. Идеальный. Против перестройки даже. Пойду, оттопчу сапоги два года. Послезавтра проводы. Приходите ко мне, пацаны, чё... Гульнём напоследок, предки разрешили. Сахариху позовём, Пущу, ещё кого-нибудь из тёлок.

Приходите короче вечером, к 7 часам.

— Чё, всех позовёшь? — удивился Серый. — Там же толпа соберётся.

— Не, не, ты чё, Серый, у меня места не хватит, — забеспокоился Клаус. — Вас только, Ну Михана ещё и Митяя. И девок. У меня предки упадут, если вся шобла завалится. С пацанами вечером зависнем в беседке. Там и покуралесим.

Совсем уже поздно Жека зашёл к Сахарихе. Вышли на улицу, сели на лавочку. Светка одета как всегда, в спортивку, только на ногах домашние тапочки, чем сразу намекнула, что идти никуда не хочет. Розовые девичьи пятки, торчащие из них, нелепо смотрелись в апреле. Она зябко ёжилась, и загадочно молчала, скрестив руки на груди, и закинув нога на ногу. Постоянно зевала, закрывая красивый рот тонким кулачком. Видно, то ли устала, то ли спала. Но всё-таки пошла посидеть. Не отказала. Однако Жека уже знал, что в этом состоянии к ней лучше не лезть — пусть всё идёт как идёт.

— Чё, Клаус в армию уходит? — вдруг спросила она, покачивая ногой. Тапок соскользнул и повис на пальцах ноги. Жека смотрел, и гадал — упадёт или нет. Не упал. Светка чуть подняла ногу, и вернула его на место.

— Уходит, — откликнулся Жека. — Нас на висячку позвал. Послезавтра.

— У него? Дома?

— Ну. Сказал, чтоб к семи вечера подгребали.

— Большая толпа будет? — Сахариха сунула Жеке руку под локоть, придвинулась, и склонила голову ему на плечо.

— Да не. Только наши. Тебя, Пущу позвал. Сказал чтоб приходили. Передай ей.

— Ладно...

— Давайте на той лавке, к полседьмому подгребайте. И мы с пацанами. Вместе пойдём.

Светка кивнула головой, встала, потянулась, и замерла, засунув руки в карманы олимпийки.

— Ну я пойду? Поздно уже.

— Ага. Иди, малыш.

Светка в шутку помахала рукой, показала язык, и побежала в подъезд, сверкая розовыми пятками.

На следующий день Жека утром пить гомыру не стал, решительно отказавшись. Ну нафиг, отходилось прошлый раз плохо. На пятиминутке механик обрадовал — будут давать отоварку. Сливочное масло, по килограмму в руки. Хорошо что Жека взял рупь на обед, и пятак на всякий пожарный — хотел к бабкам на вокзал за сигаретами зайти. И оказалось, повезло. Масла давно уже не было в магазинах. Жека забыл и вкус его. А тут целый килограмм! Мамка обрадуется. Вот тебе и долгожданный дефицит.

— Но там большие бруски, по двадцать килограммов, надо нарезать по килограмму, кого вот послать только... — механик обвёл глазами работяг, и оживился, увидев Жеку. — Женя, иди сейчас к Алёне, в фирменный, она тебе скажет что делать. Поможешь ей.

Фирменный магазин был рядом со слесаркой. Вернее, его чёрный ход, для подтаскивания товара. Жека сразу после пятиминутки подошёл, и увидел симпатичную молодую женщину, лет двадцати пяти, в белом халате и кружевном чепчике. «А тёлка-то в самом соку» — подумал Жека, глядя на пышные груди, приподнимающие халат, пухлые яркие губы, огромные красивые глаза, подведённые синим. Она с интересом посмотрела на парня, слегка улыбнувшись, и ожидая, что он скажет.

— Да меня вот... В помощь послали... — неловко сказал Жека, стараясь не смотреть на

груди. Светка заметила его смущение, и ещё шире улыбнулась.

— А... Так ты студентик в помощь. Ну, ну... сейчас посмотрим на тебя! — подойдя к Жеке, пощупала его бицепс, словно проверяя силу.

— О! Ничё себе! Как железо! Ты чё, спортсмен? И такой молоденький!

— Да так, маленько... На турнике подтягиваюсь... — скромно признался Жека. — Чё делать-то?

А делать всё легко и просто. Правда, работа требовала силы. Притащить масло из холодильника, шесть брусков по 20 килограммов, и нарезать их по килограмму. Взяли тележку, накладную, подписанную директором, позвали мусора с проходной и пошли. По пути завернули в каморку к кладовщику, Вере Николаевне, низкорослой пожилой женщине в синем халате и мохеровом берете. Холодильник находился в центре завода. Небольшое помещение, закрытое на громадный висячий замок. Вера Николаевна отворила дверь, вошла, включила свет, и махнула рукой, призывая заходить. За наружной дверью была ещё одна, обитая железом с теплоизоляцией под ней.

— Масло сразу у входа, слева, на полке. Берите шесть штук, как написано, — махнула рукой Николаевна. — Я не пойду, холодно там, а у меня радикулит. Да сначала мешок пустой положьте, чтоб грязь не прилипла. Для своих ж резать-то будете.

Жека открыл тяжёлую дверь, закатил тележку, бросил на неё пустые мешки от сахара, грудой лежащие на полу, сложил на них шесть громадных брусков масла, и с трудом вытащил тележку на улицу. Мусор убедился, сверив с накладной, что отпущено правильное количество, и ушёл. Жека как ишак, потащил тележку за собой, в фирменный. Но только рад был этой нагрузке. Всё тренировка.

— Просто так ты масло не нарежешь, хоть и спортсмен! — лукаво краем глаза глянула на него Алёна. — Я в чашку воду горячую налью, а ты туда нож макать будешь. Как нагреется, режь. Я сейчас размечу, как надо. Сначала поперёк режь, по четыре килограмма, потом их разделишь. Я отчерчивать буду. И режь ровно! Без сколов!

Алёна дала Жеке громадный нож, и показала как делать. Сначала сама чертила небольшим ножом по металлической линейке, потом Жека ножом разрезал. Хоть работа и не сказать что простая, но управились быстро, до обеда... Потом пришлось ещё нарезать вощёную бумагу, и заворачивать в неё отрезанные килограммовки масла. Пару раз сделали контрольное взвешивание — нормально. Где чуть больше, где чуть меньше.

— Двадцать граммов можно туда-сюда! — лукаво улыбнулась Алёна, сгребая в целлофановый мешок отломившиеся куски масла. Курочка по зёрнышку...

После работы прибрались и пошли на обед. В столовой Алёнка встала в очередь к знакомым бабам, Жека к своим мужикам. Советская столовая...

Глава 10. Проводы в армию

Своей столовой на фабрике не было — ходили в обычную городскую. Но так как рядом находились лишь предприятия и автобазы, столовая считалась рабочей. И кормили-то довольно сносно. Жека, наслушавшись юмористов по телику о дрянной столовской еде, о серебряном хеке и тухлятине, готовился к худшему, однако оказалось не так. На первое суп гороховый, на второе толчонка с котлетой по-киевски, на косточке. На третье булочка, два куска хлеба, и компот. Всё вместе обошлось в 95 копеек.

— Да это ещё дорого! — уверял Санёк, наворачивая картошку с жареной камбалой. — У меня вообще 54 копейки. Винегрет, манка, и картошка с рыбой. Бери чё попроще, студент, и жрать будешь до пуза!

На удивление Жеки, в столовой продавали лёгкое спиртное. Бутылочное пиво, причём можно было как открыть на кассе открывашкой, так и взять с собой. Но стоило оно конечно, дорого, со столовской наценкой, 50 копеек без стоимости посуды, и 70 копеек на вынос, с бутылкой. стакан портвейна стоил два рубля. Брал его кто или не брал? Такое ощущение, что бутылку как откупорили, срезав пластик, так и не наливали из неё. А пиво всё-таки брали, в основном, страждущие.

— Похмелиться всегда можно! — кивнул головой Санёк. — С утра гомыру, в обед пивом шлифануть.

После работы зашли за маслом в фирменный магазин. Очередь небольшая. Алёна и ещё одна продавщица работали шустро. Подходи, показывай пропуск, плати 3 рубля 50 копеек, да отходи, не мешай другим. Жека сразу подумал, что так можно навариться — отрезал работяге грамм 950, остальное себе. Сколько на фабрике работает? Пусть человек 100 в две смены. С каждого по 50 грамм, вот тебе и левака 5 кило. На толкухе грузинам можно по чиркану сдать, вот те и полстохи нахаляву. Работяги никто дома масло взвешивать всё равно не будут. А если и взвешают кантарём, возбухать не будут. Побухтят на кухне насчёт всеобщего воровства и всё. Советский человек отучен возмущаться.

Алёна, увидев и заметив Жеку, улыбнулась, и подмигнула ему. Когда подавал ей деньги, как будто случайно коснулась руки. Жека неловко улыбнулся в ответ, положил масло в пакет, и вышел. На улице стоял Петрович, механик, и рядом с ним несколько слесарей.

— На следующей неделе сахаром будут отоваривать, — предупредил механик, складывая масло в авоську. — По пять килограммов. Так что деньги не пропивайте. Пять рублей держите в заначке, сахар по рублю за килограмм будет.

— Откуда такая благость, Петрович? — удивился Санёк. — То ничё-ничё, то как из рога изобилия.

— Директор на бартер договорился. На молзавод поменяли зефир на масло, а с сахаром подсуетились в ОРСе. Им машину газировки отгрузили. Новой, Исинди и Тархун. Они нам на пять тонн больше плана сахара привезут. Как раз для выдачи трудящимся. Ну и плана немного побольше будет.

Жека задумался... Сахар конечно, дешевле стоит, но... Недовес по полкило, вот тебе и мешок халявный. Полста килограмм... Если сдать даже по пятёрке за кило, можно 250 рублей заработать за вечер. Надо обдумать... Одному всё равно это не проверить. Надо с пацанами поговорить...

На следующий день Жека перед тем, как зайти в проходную, обошёл фабрику, и нашёл

много интересного. С задней части, где хранили металлолом, и всякий старый хлам, территория была огорожена бетонным забором, с колючей проволокой по верху. За территорией шла просёлочная дорога, а за дорогой кусты, деревья, помойки, заброшенные провалившиеся погреба. Место глухое, но на такси можно легко подъехать. Осталось только посмотреть, что внутри. Колючая проволока в одном месте была оторвана, и свисала вниз, прямо в высохший бурьян.

В обед, как будто прогуливаясь по территории, и словно невзначай, Жека прошёл до этого места. Глухой угол был и здесь. Несколько заброшенных строений, кучи какого-то хлама, ломаные доски, битый кирпич. У места, где колючка свисала вниз, вообще глухо — заросли кустов, и всякой дряни. Тут же валялись несколько старых досок. Да и забор, в принципе, не слишком высок — всего два метра. Чуть повыше его роста. Тут и можно выбраться. Разве что мешок придётся кидать через верхотуру, лишь бы не лопнул. Придётся место подготовить. И с пацанами перетереть.

Отработав день, Жека зашёл на базар, и купил у бабок пузырь Пшеничной за чирик. Проводить кореша в армейку как следует. Одед олимпийку, варёнки, в пакет сунул пузырь, в карман пачку сигарет, вышел во двор, и приземлился на лавочке. Чуть позже подгрести пацаны. Славян в джинсах, белой майке и шаражном пиджаке. Решил кентануться. Здоровенный Митяй как всегда, в ношеной спортивке. Водку никто не принёс, кроме Жеки.

— А чё мы? — возразил Славян. — Клаус уходит, пусть и ставит бухло.

— С нашей толпы пацан как-никак, — пожал плечами Жека. — Я взял. Вдруг не обломится там. Лишнее не будет. Да и выходной завтра.

— Ну... Как хочешь. Я чё-то не подумал. Где тёлки-то? Уже без двадцати.

Только успел сказать, как показались из-за кустов. Жека, увидев Сахариху, чуть не упал с лавки. Сейчас, в ясном свете апрельского вечера, у него как будто пелена с глаз спала, и он увидел, насколько Светка повзрослела за год. Блин... Ей же 15 уже скоро... Надо бы подарочек. Светка гордо шествовала в коротком ярко-жёлтом платье в чёрный горох с большим поясом на талии. На плечи наброшена олимпийка Адидас. Длинные стройные ножки в чёрном капроне. Идёт неловко, покачиваясь с непривычки — обулась в туфли на каблучке. Светлые волосы крупно завиты плойкой, и локонами спадают с плеч. Через них то ли жёлтый бантик на резинке, то ли ещё что-то штатовское. Ногти на руках покрашены красным, что тоже для Жеки было неожиданным — обычно Сахариха ходила чуть ли не с обгрызками, не обращая на руки вообще никакого внимания, а тут постаралась... Краситься не стала — она и так всегда была красива обычной, настоящей красотой. Выглядела она как американская звезда из видеофильмов, не меньше! Пуца наоборот, вся расфуфыренная по самое не хочу. Джинсы-варёнки, завёрнутые выше лодыжек, белые носки, белые кроссовки, распахнутая джинсовка, из-под которой через белую майку торчат острые груди, глаза и губы намазаны, как у куклы, пышные чёрные волосы на макушке стянуты в большой хвост, торчащий в разные стороны. На запястьях большие браслеты из дутых красных шаров.

— Интердевочка, — хохотнул Славян. — Оксанка, ты куда, на панель собралась?

— Фак ю! — показала средние пальцы Пуца и показала язык. — Курить есть?

Сахариха подошла к Жеке, и картинно взяла его под локоть.

— Ну чё, пошли?

Пацаны переглянулись и заржали:

— Когда свадьба?

— Когда надо! — Сахариха грозно посмотрела на пацанов, нахмутив брови. И от этого

стала ещё красивше. Жека чуть не прижал её тут же, на виду у всех.

Подошли к подъезду, а там уже Клаус ждал, весь как на шарнирах, гадая, придут-не придут. Увидев толпу на тропинке, замахал обеими руками.

— Ну наконец-то!

— А ты чё думал, братишка, мы тебя просто так отпустим? — ухмыльнулся Жека, и показал водяру в пакете. — Куда?

— Да есть там! — махнул рукой Клаус. — Поднимайтесь!

На втором этаже девятиэтажки знакомая дверь, обитая коричневым дермантином. Клаус открыл её, и махнул рукой, призывая входить.

— Заходите. Давайте, давайте! Обувь тут кладите, куртки сюда!

Из квартиры потянуло аппетитным запахом разноразной еды. Первыми вошли девчонки, разулись, разделись, и неловко встали у входа в зал. Оттуда вышла мать Клауса, культурная интеллигентная женщина средних лет, в очках, чёрном платье с кружевным воротничком, и клеёнчатый передником.

— Ой... Девочки! Идите в ванну, мойте руки, а потом за стол. Саша, проводи гостей!

— Да щас, я щас, мам! — крикнул из-за спины пацанов Клаус, вошедший последним. — Щас пацаны найдут!

— Саша! Это что за выражения! — возмутилась мать Клауса. — Я сколько раз тебе говорила — не щас, а сейчас! Не пацаны, а парни! Или юноши!

— Слыш, юнош... Давай быстрее, пока по сраке пинка не получил! — тихонько заржал Клаус, пихая Жеку и закрывая дверь.

Когда Жека помыв руки, вошёл в зал, вслед за остальными, чуть не упал тут же, у входа. За столом на диване сидела... Валька! Да ещё и со своим фраером из мусарни! И с ними её мамаша, которая сделала вид, как будто не узнала дворовых. Тут же во главе стола сидел отец Клауса. Здоровенный усатый мужик в костюме и при галстуке. Вид у него был донельзя торжественный и какой-то суровый. Жека увидел военную форму на плечиках, висящую на ручке шкафа. Портреты Сталина, Ворошилова, Жукова на стене. Обстановка в квартире более чем скромная, без изысков. Клаус же говорил, что у него отец настоящий коммунист, идейный. А он оказывается, ещё и военный. Кажется, капитан, судя по погонам.

Жека сел на стул рядом Сахарихой. Та, конечно же, знала Вальку, и презрительно уставилась на неё. Жека подумал, что-нибудь да может быть при таком раскладе... Валька, как и мать, сделала вид, что тоже не знает никого, а в целом, конечно же, чувствовалась некая неловкость. Мать Клауса хлопотала, носила с кухни блюда, и упурхалась вся.

— Может, вам помочь? — Сахариха толкнула локтем Пущу, и встала из-за стола. — Ксюха, пойдём!

— Да нет, нет, сидите, девочки, я сама! — махнула рукой мать Клауса, но Сахариха всё равно встала, и пошла на кухню, стала с Оксанкой помогать. Доставали посуду, таскали в зал. Валька с высокомерным видом осталась сидеть на месте, прижимаясь к кенту.

— Кхм, кхм, — кашлянул отец Клауса. — Может, выпьем пока с парнями? А то сидим как на похоронах. Саша, принеси водку!

Клаус принёс две бутылки Столичной, поставил на стол, принёс простые гранёные стопки, расставил всем, однако мать Вальки возразила, вытянув руку ладонью вперёд:

— Нет, нет, Константин Николаевич! Спасибо! Мы не будем! Мы с Валентиной не употребляем!

— Ну, женщинам сам бог велел не употреблять, — сквозь усы улыбнулся Николаич. —

Давайте с женихом вашим хоть...

— Нет! — возразила уже Валька, и прижала к себе кента. — Серёжа тоже не пьёт! Даже, Серёжа, ты же не пьёшь?

Кент смущённо улыбнулся, и согласно кивнул головой.

— Эх... Все непьющие... Так скоро старому вояке и выпить не с кем будет... — сокрушенно покачал головой Николаич, и тут же быстро взглянул на пацанов. — Хоть вы-то будете?

— Да, да, а чё такого-то! Друг уходит служить! И мы пойдём! Мы тоже... Обязанные! Военно! — загудели пацаны, пододвигая пустые рюмки.

— Так... Мальчики... А вам есть 18 лет? — вдруг встряла Валькина мать, недовольно глядя на пацанов.

Жека хотел ответить, но его опередил Николаич.

— Конечно им есть 18. Вон какие бугаи. Особенно этот, — махнул рукой на Жеку. — Видишь, как рюмку тянет. Бывалый. Ну, давайте, парни, будем... За Вооружённые Силы Союза Советских Социалистических Республик!

Выпили, похрустели огурцами, капустой. Накатило. Жека почувствовал как лицо краснеет и становится горячим.

Пока сидели, накатили ещё. Тут же и познакомились.

— А ты, Евгений, работаешь, или учишься? — спросил Николаич, закусывая квашеной капустой, оставляя кусочки в усах.

— Да я и учусь и работаю. Учусь в торговом техникуме на механика холодильных установок. Сейчас работаю на кондитерской фабрике. Практика там, — объяснил Жека. — До мая, а потом каникулы.

— А в армию когда? — даже как-то с подозрением спросил Николаич. — Или у тебя отсрочка?

— В армию после техникума только, — согласился Жека, умолчав, что скорее всего не пойдёт из-за плохого зрения. — Не раньше чем полтора года.

— А ты, Станислав, учишься? Работаешь? — Николаич доколупался до Славяна, сидевшего тихо-мирно и ковыряющего вилкой солёные огурцы. — Когда закончишь? Когда в армию?

— Да я через год в армию, — степенно ответил Славян. — Я в ПТУ учусь на слесаря. Сейчас второй курс. Ещё полгода отучусь, получу диплом, и следующей весной пойду. Косить не буду, дядь Кость...

— Ну, хорошо, коль так... А вот и девочки! Давайте, давайте, красавицы наши!

Сахариха и Пуца натаскали еды, расставили тарелки. Картофельное пюре, тефтели с подливкой, винегрет, тонюсенькими ломтиками копчёная колбаса, сыр, порезанные яблоки. Сами уселись, весёлые и довольные, раздали вафельные полотенца, чтоб накрыли колени. Последней пришла мать Клауса с бутылкой шампанского и несколькими фужерами.

— Дамам шампанское! — довольно заявил Николаич. — Давайте, открою! По мастерски! Каплю не пролью!

— А девочкам сколько лет? — опять спросила мать Вальки. — Может, им компот, сок или газировку налить?

— Зинка, перестань! — Николаич стукнул кулаком по столу, и недовольно покосился на неё. — Им не по 10 лет! Я им что, стакан водки наливаю?

— Костя, Костя! Спокойно! — мать Клауса вскочила, обняла мужа за плечи, и что-то

прошептала ему на ухо. Николаич покраснел, и открыл шампанское. Разлил по фужерам. Девчонкам совсем по чуть-чуть. Сахариха тут же одним глотком выпила, и с недовольным видом поставила фужер. Жека сразу понял, что бунтует.

— Ребята, это моя старая школьная подруга Зинаида Евгеньевна, а это её дочь Валентина с женихом, с Сергеем.

— О... Очень приятно... — кент хотел привстать из-за стола, чтобы поклониться, но задел коленями за столешницу, и чуть не смахнул всё на пол. Звякнула посуда, заколыхались напитки в стаканах, рюмках и бокалах. — Ой... Извините!

— Серёжа! Ну ты что такой неаккуратный! — недовольно внушила Валька. — Чуть мне колготки не залил!

Сахариха из последних сил сдерживалась, чтоб не заржать, отвернув голову к Жеке, и чуть не уткнувшись ему в плечо набитым едой ртом.

Посидели неплохо. Пацаны пошли покурить с качающимся Николаичем на балкон, и там уже всюю и братались и обнимались. Особенно с захмелевшим и расчувствовавшимся Митяем. Тот датый, был по-русски всем рад, и ко всем добродушен. Разгулялись. Под конец захмелевший Клаус притащил магнитоу Вегу-328, включил Газманова «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня!». Петрович пустился в пляс, чуть не сметая посуду со стола. Валька с матерью и кентом, глядя на такое простое русское веселье, по-быстрому распрощались, и ушли, пожелав Клаусу отлично выполнить свой воинский долг. А Жеке даже уходить как-то неохота было. В их семье никогда ничего подобного не водилось. Мать никого не звала в гости, опасаясь, что отец напьётся до чёртиков и начнёт чудить.

Сахариха, стоя у двери в зал, надменно наблюдала за Валькой, а потом вдруг спросила у её жениха невинным елейным голоском:

— Серёжа, а тебе сколько лет?

Жека чуть не сматерился. Вот какого хрена лезет к ним?

— Мне 25, — неловко улыбнулся кент. — Но мы с Валею любим друг друга. Поженимся.

— А ей 18 лет есть уже? — тут же спросила Сахариха, нагло глядя на обоих.

Валька глянула на Сахариху уничтожающим взглядом, и ни слова не говоря, вышла в подъезд. Серёжа поспешил за ней. Мать Вальки вышла следом. Потом девчонки помогли матери Клауса убрать со стола. Пацаны, взяв под мышки, положили тяжёлого батю на диван, распрощались с матерью, и тоже стали собираться. Жека взял свой пакет, а там уже не одна, а две бутылки водки лежало, одна неполная. Пока пацаны укладывали батю, а мать убирала со стола, Клаус сунул в пакет Жеки начатую и недопитую бутылку водки.

— Бате бы оставил на опохмел, — негромко предложил Жека, но Клаус махнул рукой.

— У него ещё есть. Хватит и столько. Неплохо подтарился. Стоху на проводы потратили.

— Саша, а ты куда? — неожиданно обеспокоенно спросила мать, видя одевающегося Клауса. — Время уже 9 часов. Темно... Не забывай, куда тебе завтра.

— Да я щас. Пацанов и девчонок провожу.

В подъезде накатили ещё прямо из горла. Постояли, покурили. Потом Клаус пожал всем руки, в шутку козырнул и пошёл домой.

— В военкомат-то проводить тебя? — крикнул Жека с площадки.

— Да не! Мамка с папкой проводят! Пацанам привет передавайте! И ждите! Я приду!

Пока прощались, туда да сюда, поставили открытую бутылку на подоконник, а там уже Сахариха с Пущей тут как тут. Отхлебнули последнее, и сейчас кашляли стояли. Походу

первый раз водку попробовали.

— Ладно. Пошли на пятак. Ещё немного повиснем, — Жека махнул рукой и вся компания вышла из подъезда.

Глава 11. Залётные бандиты на рынке

Сахариха вроде и выпила-то малость из горла, а штормило её прилично. А может, втихоря накидались с Пущей, пока посуду таскали. А тут ещё темнотища, да корявый асфальт. Жека как мог, поддерживал её, чуть ли не тащил. Оглянувшись, увидел, как Пуща точно так же повисла на Славяне, да ещё и с сигаретой в руке. Только Митяй шёл в гордом одиночестве, засунув руки в карманы олимпийки, но видать, нисколько не тяготился этим, с насмешкой поглядывая на пацанов.

— Водяру хоть возьми! — крикнул Жека, протягивая пакет.

Так и притащились на пятак. Пятаком в последнее время звали беседку в детском саду, где обычно зависали, чтоб узнать новости, или позвать куда-то. Ходить на пятак считала для себя делом чести вся местная шпана, относившая себя к центровым. Своими вечными воплями они постоянно доводили местных пенсионеров. Но недовольные боялись связываться с шантрапой, справедливо рассуждая, что лучше сидеть здоровыми, и слушать вопли, чем сидеть побитыми, и слушать те же вопли. Вот и сейчас, пацанва, прознавшая, что Клауса сегодня провожают в армию, собралась в беседке, громко перетирая, кто, куда и с кем! Увидев бухих Сахариху и Пущу, которых тащили Жека со Славяном, пацаны засвистели, расхохотались, но место на лавках освободили, подчинившись небрежному жесту Митяя. Много тут было новых пацанов, которых и Жека-то с трудом знал — район постоянно строился и расширялся, приток к центровым шёл постоянно. Но верховодил молодыми пацанами уже брат Жеки, Серый, и его корифан Миха. Вот и сейчас Серый стоял, и насмешливо смотрел, как Жека усаживает свою любимицу на лавку, спиной к металлической спинке.

— Нихрена Сахариха накидалась. Чё с ней? Она ж не пьёт вроде. И Пуща бухая.

— Да... Там Валька была.

— А чё обижаться-то? Светке рассказывал, что с Валькой зависал? — удивился Серый, стряхивая пепел.

— Серый, ничё я не рассказывал, — Жека сел рядом с Сахарихой, которая явно собиралась поспать здесь, и завалилась Жеке на бок. — Короче, вон вам пузырь, у Митяя. Выпейте за Клауса.

— Ты не будешь? — удивился Серый. — Догнаться не хочешь?

— Не буду. Пойду Сахариху домой провожу. Поздно уже. Но я ещё прииду, побазарить надо. Славян, ты эту интердевочку потащишь домой?

— Не. Подожду тебя. Она чё-то уснула совсем.

— Жееняя! — промычала Сахариха и полезла целоваться, но Жека основательно встряхнул её.

— Светик! Ну возьми себя в руки! Пошли домой!

— Если ты меня только дотащишь! — засмеялась Сахариха, но всё-таки встала, сняла туфли, бросила на пол беседки, и пошла босиком, слегка покачиваясь. Потом оглянулась, и рассмеялась.

— Жекич! Ну ты где?

— Сахара не боишься? — спокойно спросил Серый, глядя на Жеку. — Может, с тобой пойти?

— Не. Чё его бояться, — махнул рукой Жека. — Заедет по бороде, да и всё. Привыкать,

что ли?

Взяв светкины туфли, Жека догнал её, обхватил за талию, и так дотащил до подъезда, помог подняться на этаж, позвонил в дверь. Слышно как кто-то подошёл, открыл глазок, потом щёлкнули два замка на железной двери.

— Опа-на! Это чё такое? — в проёме двери стоял Сахар, могучий, как шкаф, в спортивных шортах, и с удивлением смотрел на сестру. — Это где так посидели?

— Да... Клауса в армию провожали. Слыш, Сахар, я даже не заметил, как она накидалась. Ну чё сказать ещё... Вроде нормальная была.

— Я и сейчас нормальная! — обиделась Сахариха, оттолкнула Жеку, и уже отошла, как вдруг на цыпочках подбежала, обняла за шею, и прям при брате засосала в губы. Жека от стыда не знал куда деваться.

— Чао какао! — Сахариха помахала рукой, и пошла к себе в комнату, пьяно хихикая.

Жека посмотрел Сахару в глаза. В них ни веселья, ни смеха не было. Глаза как тёмные колодцы, а широкое лицо как гипсовая маска. Чем от него веяло сейчас? Да ничем хорошим. Сахар положил здоровенную руку на стену, закрывая выход, и опустил голову, как будто задумавшись. Потом снова поднял, искоса глянув на Жеку.

— Ты знаешь, сколько ей лет?

— Да.

— Ты вроде правильный пацан, и я хочу спросить тебя — ты не кинешь её?

— Я не могу сказать, как будет и что, — твёрдо ответил Жека, глядя Сахару в глаза. — Не хочу проотвечаться. Если она не кинет меня, то и я не кину её.

— Молодец, — одобрил Сахари, и убрал руку с прохода. — Иди.

Жека собрался выходить, как Сахар сделал неувимое движение правой рукой, собираясь пробить фанеру, но Жека блокировал удар, потом второй, и хотел уже ногой заехать Сахару в ответ, как тот рассмеялся, и поднял руки, показывая что это всего лишь шутка.

— Молодец. Фанеру держишь. Намаса ты опрокинул? Там Добей кипит, что к нему в район пацаны от меня ходят, и бьют его шестёрок.

— Я опрокинул, — спокойно ответил Жека, и потом добавил. — Они первые наехали по гоп-стопу. Я жил там раньше. Больше я туда не пойду. Мне там больше не к кому ходить.

Вернувшись на пятак, помог Славяну дотащить до дома Пущу, выслушать нотации от её родаков. Потом вчетвером посидели в беседке, побазарили.

— Чё там Сахар? — спросил Серый. — Не побил тебя?

— Не, — отмахнулся Жека и рассмеялся. — Хотел, но не смог. Да шучу я, шучу. Нормально всё. Сказал, Добей меня ищет.

— А чё он тебя ищет? — спросил Славян. — Это же другой район, у музея.

— Да зимой было. Ходил к друганам старым, потом вечером его шестак, Намас, наехал с каким-то фраером. Финка у них была. Ну я и поправил им здоровье обоим. Вот. Добей кипит щас, кто его шестёрок побил.

— Намас это не цыган такой наезжий там был? — прогудел Митяй. — Такого низкого роста, метр в кепке, но накачанный?

— Он, — согласился Жека. — У него ещё причёска как у Брюса Ли.

— Хахаха! — рассмеялся Митяй. — Круто ты его опрокинул. Он сейчас слепой, сидит на картонке у колбасного, копейки сшибает. А я-то думаю, кто его так здорово прибил. Ну ладно. О чём побазарить-то хотел?

Ну, Жека и обсказал им ситуацию с сахаром. Надо сказать, пацанам сначала не понравилось.

— Да ну, Жек. Ты чё... Ну стащишь ты его, а куда девать потом? Грузинам? На толчок? — возразил Митяй. — Там всё забито уже своими. Не... Там крутые мутят-крутят. А мы кто? Прибьют только так.

— Может, Сахару продать? — осторожно заметил Серый. — А так да. Опасно встречать во всё это.

— Да чё вы ссыте-то? — разозлился Жека. — Не хочу я к Сахару идти. На него шестерить что ли? Нам свои дела надо начинать мутить потихоньку. Вы чё, не видите, какое время настаёт? Все крутятся, как могут. Я там всё прочухал, дело — верняк. Сначала съездим на толчок, побазарим с чёрными, потом, как я мешок надыбаю, возьмём такси, заберём мешок с места, и всё.

— Может, в кафе сдать? Около вокзала чёрные кафе открыли кооперативное, «Арарат» — предложил Митяй. — Может, с хозяином перетереть?

— Не... Паливо. Ну как ты это видишь? Приезжаешь такой на такси, и на виду у всех мешок к ним тягаешь? Да ну... Стрём это. Только на барахолку. Я знаю к кому там подойти.

Жека вспомнил, как таскался с грузинами по рынкам, и помнил многих, кто там скупал всё подряд из дефицита. Тимур! Точняк! Сначала надо сгонять к нему!

— Ладно... Я знаю барыгу одного с толкучки. Завтра схожу к нему.

— Ну чё, по домам? — предложил Славян. — Давай я завтра с тобой схожу.

— Я найду за тобой часов в 9.

— Утра? Чё так рано? — удивился Славян.

— Все дела с утра делаются.

Жека помнил, как Георгий поучал:

— Всэ дыла с утар дэлат надо. До обэд. Обэд рысторан. Потом лубовныц квартира. Жына вечыр, опать рысторан.

Жека с Серым тащились домой как на Голгофу, уже представляя, что будет. Оба хоть и немного, но датые. Да и время уже чуть не двенадцать. Но обошлось. Мать только постояла в прихожей, укоризненно глядя на братьев, потом махнула рукой и пошла спать. Жека с Серым поотжимались, потягали гантели, и завалились спать.

Суббота. Охота полежать немного, но надо вставать, Славяну обещал... Облом дружбана — последнее дело.

— Может, с вами сходить? — предложил Серый.

— Не. Не надо, — возразил Жека, одеваясь в спортивку, и натягивая спортивную шапку почти на глаза. — Нам всем палиться не надо перед ними. Лишнее это. Сами ходим.

Жека взял финку, которую отобрал у добеевских, и положил в носок. Вроде нормально. Попрыгал — не выпадает.

Поехали в субботу. Народу на барахолке навалом. Бесконечная толпа входит, и выходит. Музыка играет, «Фристайл» надсажается «Жёлтые розы, символ печали, красные розы, символ любви!» Перед входом несколько мангалов, кавказцы шашлыки жарят, пиво продают к нему — ящики стоят прямо на земле. Пахнет аппетитно.

— Чё, может похаваем? — предложил Славян. — Жрать охота.

— Пошли.

Пацаны взяли по шашлыку и по бутылке пива. Пиво полтора рубля, пиво полтинник. Стояли, поедая горячий шашлык, и зорко наблюдали за окрестностями. Уже высматривая

свой интерес. Уже не просто как лохи, а как деловые, уже по делу притащились.

А время такое было, что массово открывались кооперативы, малые предприятия, всякого рода артели. В стране не было вещей и продовольствия, и любой деловой, проявлявший активность, не встречал вообще никаких преград. Ещё недавно барахолка была простой площадкой на окраине района, на пустыре, а сейчас уже появились прилавки, киоски, и даже кирпичные здания кафе, забегаловок, складов, кооперативных магазинчиков. Где тут искать Тимура?

— Может, у этих спросить? — Славян кивнул головой на шапшычников. — Поди знают.

— Не, Славян. В свои дела левых не надо втягивать. Сами найдём. Он всегда вон там зависал, у склада.

Не заходя на барахолку, пацаны пошли вдоль новых кирпичных зданий, и тут Жека в большом окне нового кооперативного кафе увидел Тимура. Тот сидел за столиком, развалившись, и о чём-то разговаривал с ещё одним таким же, чёрным и пузатым. Поодаль сидели двое накачанных кавказцев в кожанках, походу, охрана.

— Ну чё, Жек, обратно дороги нет, — Славян зорко посмотрел на чёрных. — Их там четверо. Эти и завалить могут, как сока попьют. Как к ним подъехать-то?

— Да вижу... — Жека закурил сигарету, и тут увидел, как сидевший перед Тимуром чёрный вытащил пачку денег, и положил на стол, а тот принялся пересчитывать. — Смотри, смотри! Сколько у него бабла! Там тыща точно. Или две! Блин... чё делать-то?

Жека посмотрел в глаза другану, и увидел в них ответ на свой вопрос. Только сейчас. Вот он. Шанс. Есть два варианта. Или стоять, ждать пока эти пузаны закончат свои тёрки, и потом подобострастно подкатить к ним, со сраным мешком сахара, которого те воруют вагонами, либо взять своё здесь и сейчас.

— Бери на себя этих качков, а я пузатых сделаю, — тихо сказал Славян, и оглянулся, нет ли кого поблизости. Но никого не было. Сюда не ходили случайные люди.

— Пошли! — мотнул головой Жека, вытащил финку, и надвинув шапку на глаза, вошёл в кафе. Вошёл и чуть не остановился. Справа от прохода к кассе сидели две тёлки. И это явно были проститутки, судя по чрезмерно покрашенным лицам, тщательно завитым волосам, миниюбкам, и чёрным лосинам.

Однако заминка длилась долю секунды. Жека мигом очутился у телохранителей, пробил сонную артерию одному, потом другому. Следом быстро искромсал горло каждому. Славян ногой заехал в ухо тому, что выкладывал деньги, и жирный, как мешок с говном, свалился со стула. Тёлки завизжали, понятное дело, так же как и Тимур, раскрывший полный золотых фикс рот. Кассир, переворачивавший на плите беляши и чебуреки, что-то заорал по своему, и упал под прилавок.

— Ти чо а? Ти знаш кто я? Я вор законы! Я тибя мама силоват буду!

Жека подошёл к орущему Тимуру, и заехал ему финкой в глаз. Потом вытащил, и воткнул несколько раз в сердце — резать горло жирному не имело смысла, там хрен прорежешь его жирную шею.

— Давай, давай, быстрее! — скомандовал Жека, бросаясь обыскивать убитых качков. У каждого в карманах были пистолеты, короткие кривые кавказские ножи в кожаных узорчатых ножнах. Побросав оружие в пакет, забрал деньги, сорвал массивные золотые цепи, стянул печатки. Потом по быстрому порылись, обобрали трупы Тимура, и его жирного фраера. Деньги едва влезли в пакет.

— Всё! Валим!

Пацаны выбежали из кафе, и глянули на себя. Кровь есть, но не сильно. В основном, на Жеке. Да и то, спортивка тёмная, и особо не заметно.

— Всё, всё, Славян! Пошли спокойно! Куда ломиться-то! Заметят!

Пошли спокойно, стараясь прийти в себя. Но ещё тяжело дышали от волнения, полные азарта. Потом чуть устаканились. Пошли вправо, где народа не было совсем. Эта дорога вела в строящиеся кооперативные гаражи. Рядом, за полосой деревьев шумели машины на объездной.

В выходной никого в гаражах не было — строительство лишь началось, и на отсыпанной площадке выложили только длинную стену с поперечными перегородками. Можно хотя бы тут остановиться, посмотреть, чего у чёрных надыбали.

— Ну ты Жека крут, сразу троих вальнул, — тихо рассмеялся Славян. — Я только того, жирного.

— Да ты его не насмерть же, — возразил Жека. — Он только со стула навернулся.

— Не... Я слышал как у него кости в черепушке хрустнули, и глаза потом закатил. Откинулся, стопудово.

— Ладно... Давай глянем, чё там у них.

Положили рваный мешок от цемента на землю, и вытряхнули на него поживу, тут же тихо присвистнув.

— Нифига себе!

Пересчитали деньги — тридцать с лишним тысяч. Парни недоумённо глянули друг на друга. Куда девать-то? Тут на две машины хватит! Два Макарова с коробкой патронов. Два кривых ножа в красивых ножнах. Выкидуха. Несколько золотых печаток и цепей.

— Да тут на всю жизнь хватит! — изумлённо сказал Славян, держа в руках пачки сотенных.

— Хватит-то хватит, — задумчиво ответил Жека, осторожно разглядывая пистолет. — Ещё немного, и вальнули бы нас. Сейчас залечь на дно надо. Конкретно. Чтоб даже мыши не шуршали. А то найдут нас и придавят. С такими филками куда ты сунешься? Выцепят сразу. Нас ещё и тёлки те в кабаке видели.

— А чё делать-то? Дома же всё это барахло хранить не будешь. Мамка найдёт и капец. И заныкать куда-то... вдруг найдут?

— Бабло крутиться должно, — уверенно сказал Жека. — Давай короче так... Возьмём по паре стох на туда-сюда. Завтра съездим на базар в любой соседний городишко, сдадим рыжё грузинам. Прибарахлимся там же. Потом притухнем до лета. У меня есть пара мыслишек, как подняться, там видать будет.

— На гоп-стопе много не поднимешься, — заметил Славян. — Или вальнут, или мусора загребут. И хорошо, если в зону рукавицы шить, а то и девять граммов в лобешник.

— Не... Не гоп-стоп. Крутанём чё-нибудь. Я тут подумал... На права бы сдать.

— Тачло брать собрался?

— Если мутки мутить, своё тачло нужно будет. На такси не наездишь. Ладно посмотрим... Завтра зайду к тебе так же, к 9. Поедем, прокатимся. Щас пошли на пустырь, там всё это заныкаем. Потом по домам — мне ещё олимпийку постирать бы.

На пустыре, там, где только начинали рыть котлованы, и вбивать сваи под новые дома, было много укромных мест. Когда ещё строили тот микрорайон, где пацаны жили сейчас, туда свозили грузовиками всякую дрянь — строительный мусор, куски бетона, ломанные и бракованные бетонные плиты. Самое главное, чтоб не нашёл никто.

Доехали на трамвае до района, прошли до места. Старых прошлогодних репьев правда, нацепляли. Нашли в укромном закутке, прямо посреди этого хаоса, хорошее место — бетонная панель лежала лежала под углом, а так как опиралась на другую, то упасть, по идее, не должна.

— Стволы, перья брать не будем? — спросил Славян, запихивая свёрнутый пакет вглубь щели. — Вдруг пригодятся?

— Не... Это вообще паливо, если мусора заметут. Мне пока финкарь намасовский пойдёт. Рыжьё ты возьмёшь или я?

— Бери ты. У меня мамка шерстит постоянно по хате. То сигареты, то водяру всё ищет. Пацанве-то говорить будем?

— Славян! — Жека настолько удивлённо посмотрел на кореша, что весь ответ читался на его лице. — Это только наши мутки. Скажешь одному — там и десять потом по всему району разнесут. Скажем что с сахаром не фортануло. Хотя... Ещё можно проверить. Я посмотрю, может там стырить побольше получится. Короче глянем...

Глава 12. Грузин и золото

Дома по-бырому постирал спортивку, повесив сушиться, хотя... Подумал, что прикид этот палёный, и придётся в нём теперь только в деревне с дедом картошку окучивать и копать. Надо что-нибудь новое взять. Приподняться в глазах Сахара и Сахарихи. Рыжьё завернул в журнальный лист, и сунул как и финкарь, на самый верх шкафа в своей комнате. Туда мать никогда не лазила — не доставала даже с табуретки. Серого дома не было — утащился на район. Родители с младшими смотрели все вместе что-то, то ли «Утреннюю почту», то ли «В гостях у сказки». Жека телик давно уже не смотрел. Да и 80-килограммовый «Горизонт» чаще в ремонте был, чем показывал. А отвалили за него аж 750 рублей. В кредит, конечно же...

Открыл «Комсомольскую правду», почитал хит парад. Костян Пахомов потеснил Шатуна наконец-то с первого места. На третьем Рома Жуков. На четвёртом Глызин. Нежданчик. На пятом Фристайл. Писали о перестройке, о том что всё идёт по плану. С молодёжных бандах в Казани, Жека усмехнулся при этом. Появилась новая молодёжная программа «До 16 и страшше», и музыкальная «50 на 50». всё идёт вечером. Надо бы раскрутить родаков посмотреть вечером.

Немного посидел, послушал музон, потом потренировался, закрыв комнату. Вечером пошёл на район, одев варёнки и синюю шерстяную кофту. С пятака доносились вопли Серого, перемежаемые свистом и гоготом пацанвы. Прохожие старались побыстрее пробежать мимо опасного места, а то курить спросят, и приехали... Жека покурил, посмотрел на тонущие в вечерней дымке освещённые окна. К Сахарихе что-ли сходить? Правда, уже темнелось... Ладно... Можно и сходить. Зашёл в подъезд, а она уже сверху спускается, в спортивке и кроссах. Видать, высматривала из окна. Увидев Жеку, сначала неловко отвела взгляд, потом тут же нагло уставилась прямо в глаза, агрессивно бросив:

— Чё?

— Уууу.... Злюка! — Жека пальцами изобразил рога над головой, и как будто попытался забодать недовольно замершую Сахариху, скрестившую руки на груди и отставившую ногу. Потом схватил её под мышками и стал шекотить.

— Женькаааа! Не надо!!!! — завизжала Сахариха, попыталась увернуться, но Жека обхватил её сзади сильными руками, прижался к светлым пушистым волосам, поцеловал в нежную щеку. Потом запустил руку под наполовину расстёгнутую олимпийку, чуть сжал упругую грудь, провёл пальцами по мягкому соску. Сахариха вздохнула, повернула голову, и поцеловала Жеку в подбородок, достать она могла только до него. Потом полностью развернулась, пригнула голову Жеки обеими ладошками, привстала на цыпочках, закрыла глаза, и тогда уже стала целоваться медленно, чувственно, смакуя. Сосались минут пять в подъезде, потом Светка оттолкнула Жеку, и тут же вытерла рот.

— Ну ты ещё сплюнь! — рассмеялся Жека, пытаясь притянуть её снова, но Сахариха ловко выскользнула из руки Жеки, сделав попытку пнуть его.

— Щас получишь, ты!

— Ладно... Пошли на улицу, на лавочке посидим.

Вышли, завалились на лавку перед подъездом, закурили. По району медленно проехала синяя тонированная девятка, в которой сидели несколько нерусских, внимательно осматривая окрестности. Хотели остановиться у Жеки с Сахарихой, но не стали. Тот, кто

сидел спереди, рядом с водителем, гортанно что-то крикнул, и дал знак ехать дальше. Сахариху знали по городу все блатные. И знали, что будет, если на неё наедут.

— Какие-то залётные, — недоумённо сказал Жека, провожая задние огни тачки, и предполагая, что это по их душу.

— Ромка сказал, сегодня на барахолке авторитета крутого грохнули какие-то залётные бандиты. Сейчас ищут.

— А чё они по району-то рысачат? Чё Сахар говорит?

— Сказал чтоб осторожно ходили, ровно. Больше ничего не сказал. А ты Жека, ровно сидишь?

Светка хихикнула, и толкнула Жеку локтем. Он чуть подался, но она тут же рывком придвинулась и снова толкнула. Потом вскочила с лавки, и прыгнула Жеке на колени, опять прижавшись горячим ртом к его губам. Пошли по домам поздно...

Утром оделся, положил в карман рыжью, деньги, сигареты. Финку брать не стал — мотыляться долго, надоест за день.

— Ты куда? — крикнула мать, когда уже собрался выходить. — За картошкой надо съездить.

— Съезжу, съезжу, — откликнулся Жека, закрывая дверь, потом побежал к Славяну.

Вместе вышли из подъезда, почапали по аллейке, покуривая. Утро. Хорошо... День классный будет.

— Чё, таксон возьмём или как? — спросил Славян. — На автобусе влом тащиться.

— Не... — отказался Жека. — На автобусе неприметнее. В толпе затеряемся. Ты ничего не взял с собой?

— Перо? Не. Ничё.

— Молоток. Правильно. Я тоже не стал. Вдруг мусора шмонать будут.

— Так шмонать будут, и рыжью найдут, — засмеялся Славян. — Это ж тоже паливо.

— Этого рыжья вагон по стране. У каждого дурака есть, — не согласился Жека. — Сдадим по бырому, и домой. Я себе хочу спортивку ещё купить. Моя никакая уже, да и палёная.

На автовокзале купили билеты на автобус, закурили. Время было ещё, сходили, по беляшу купили. Потом подошёл рычащий и плюющийся чёрным дымом красно-белый междугородний Икарус, сели, показали билеты, и поехали. Жека на автобусах ездил редко, всё на электричках, поэтому с интересом смотрел в окно — пейзаж выглядел незнакомо. На выезде из города проехали через пост ГАИ со стоящими жёлто-синими машинами. Потом потянулись бесконечные поля и леса. Доехали за 40 минут. Автобус зарулил на автобусную станцию, чихнул чёрным дымом и остановился.

Жека тут бывал. Городишко маленький, но шахтёрский, и деньги у людей были, судя по обилию частных машин на улицах. До барахолки совсем недалеко, две остановки на трамвае. Доехали быстро. Сразу же у входа ходили грузины в каракулевых кепках и кожанках с картонными плакатами на шее «Куплю золото».

— А деньги-то есть у них? — засомневался Славян. — Чё-то выглядят так себе.

— Есть, братан, не ссы, — уверил Жека. — Будем косарь просить, на крайняк восемьсот. Но сначала два ломанём. Тут веса много.

Подошли к одному из грузин, пожилому, лет 50-ти, и остановились рядом. Тот сначала делал вид, что не замечает, потом обернулся.

— Чё надо? Калцо обручалны прынос? У нэвэвста украль? Я такое нэ пакупай.

— Да не, не кольцо, дядь, четыре кольца и цепочки. Большие! Пацаны знакомые насобирали, на машину копят, — Жека потряс карманом джинсы. Золото чуть слышно звякнуло.

Грузин оглянулся и тихо буркнул:

— Пашлы. Туда. Кафе пашлы.

Зашли в базарное кафе, а там все места заняты, в основном чёрными. И несколько раскрашенных тёлочек там же.

— Пайдом дальш. Далш. Туда!

Грузин указал на дверь за прилавком, открыл её. Жека подошёл и заглянул. Пустое помещение с полками. На полу мешки, деревянные поддоны какие-то.

— Ты нас чё, за лохов держишь? — недовольно нахмурился Жека. — Чё ты нас в какой-то свинарник притащил? Закрывать там что ли хочешь?

Грузин хитро улыбнулся и развёл руками. По всему видать, что хотел развести.

— Пойдем туда! — грузин что-то крикнул на своём, и четверо плечистых парней, сидевших в углу, встали, и освободили место, с ног до головы смерив взглядом пацанов.

— Пашлы! Садыс!

Жека сел, и сразу осторожно вывалил на стол золото. Славян садиться не стал. Сунув руки в карманы олимпийки, остался стоять сзади. И не понятно было, что у него в кармане — то ли ствол, то ли ничего.

Грузин грузно дыша, опустил на стул, достал из кармана лупу, и склонился над золотом, неспешно перебирая его. Потом откинулся на сиденье, вытирая вспотевший лоб большим платком. Жека видел, что взволновался он, и жадность наверняка разыгралась.

— Калцо так сыбе. Цэп рваный. Ремонт надо. Писот рублэй. Больш ны дам. Он у вас ровованный.

— Всё, короче, пойдём других искать! — слукавил Жека, делая вид, что хочет подняться, и сгрести золото. — Пацанва за неё три косаря платили, когда брали у ваших в Грузии, а ты нам заливаешь, что пятихатка.

— Тыхо! Тыхо! — чуть не упал со стула грузин. — Ныкаво тут нэт, кто как я платит! Говоры, сколко хочешь?

— Два косаря давай и расходимся.

— Два косар! Ты дылавой! Сам падумай! Три касар новый стоит! Новый! С тыкэткай! С чэкам! Твой уже ношенный. Он уже полтора стоиль. Так твой калцо царапын ест. Цеп рваный. Нэт! Мынога!

— Давай тыщу сто и расходимся! — словно недовольно покачал головой Жека, как будто признавая правоту грузина.

— Кусок и всо! Болше ны дам! — решительно заявил грузин, и не давая пацанам опомниться, вытащив из внутреннего кармана пачку денег, отсчитал десять сторублёвок, и с грохотом, как вколачивая, положил её на стол.

— На! Свабодын! Как от сэраца отрываю!

— Ну ладно. Кусок так кусок, — Жека взял деньги, посмотрел на просвет, чтоб не фальшивые были, потом свернул, сунул себе в карман джинсов, и встал с сиденья. — Ну мы пошли. Давай, дядь, счастливо.

— Иды! Грабитыл! — усмехнулся грузин. — Своруешь ещё чо, ташы. У Вано денги ест!

Жека со Славяном вышли и огляделись. Кроме четверых выгнанных Ваню из кафе качков, ни кого поблизости не было. Так... Люди ходили туда-сюда.

— Пля... Жека! Ты мастер развода! — чуть не свалился от смеха Славян, когда шли от кафе. — Всё как хотел сделал!

— Да... Так... — неопределённо согласился Жека, думая, что делать дальше. — Этот мужик хоть и сначала хотел наколоть, но потом понял, что не лохи перед ним, и нормально всё разрулил, по деловому. И себе взял, и нас не обидел.

— Чё, на автобус пойдём? — закуривая, спросил Славян. — Или тут же приборохлимся?

— Нет, братан, сейчас нам отсюда когти рвать надо, чтоб и не спалиться, и у кого на наш кусок интерес не встал, — решительно заявил Жека. — Пошли, бомбилу найдём.

На стоянке у рынка бомбил — только в путь. И машины всякие, начиная от Запорожца, до шахтёрских восьмёрок. Выбрали неказистенькую белую ВАЗ 2106, за рулём — неприметный мужичок в кепочке и пиджаке. Глаза с чёрной угольной каёмкой — шахтёр. За четвертак договорились до своего города, до рынка. Жека впереди сел, долго пытался пристегнуться, и всё не выходило — первый раз ездил на машине. Ремень то на шею накидывал, то за плечо цеплял, пока частник не пристегнул.

— Вы чё, пацаны, на машине никогда не ездили? — удивился шахтёр. — Сразу видать.

— Не, куда нам! — согласился Жека. — Сроду машины не было, ни у нас, ни у родни!

— И на такси не ездили что ли?

— Неее....

Жека вспомнил, как он ещё пацаном с батей единственный раз ездил в такси, когда забирали мать с младшей сестрой из роддома. Тогда батя раскошелился на рупь. После этого только автобусы, трамваи, электрички...

Мужик ехал осторожно, сильно не гнал. Опять те же леса, горы, поля...

— А вы, пацаны, чё к нам в город-то ездили? — прервал молчание мужик, глянув на Жеку, и блеснув стальными зубами в усмешке. — Редко так мотаюсь. В основном у себя. Пятак нашибаю за день, и то хорошо.

— Да сказали нам что пиво хорошее у вас, вашенского пивзавода, — соврал Жека. — Наше-то так себе, как моча. Ваше все хвалят, а у нас его нет.

— Чё-то пустые едете, без пивка, — заметил мужик, ухмыльнувшись, и опять блеснув вставными зубами. — Выпили что-ли?

— Так мы не нашли! — возразил Жека. — В два продуктовых зашли, ничего нет. На рынке есть, у шашлычников. Так там к каждой бутылке шашлык надо купить. И поехали вот на пивные колобасы обратно, устали уже мотыляться. Ничё... Чай попьём, умнее будем.

— Это вы не там искали. Не повезло. Бывает. Надо было сразу на пивзавод ехать. У них там в фирменном всегда есть. Если поедете опять, на автовокзале сядете на трамвай, и ещё после барахолки проедете три остановки, и как раз пивзавод, кирпичный такой. Там магазин сразу увидите — у него десяток местных фармазонов трётся постоянно. А пиво внатуре наше хорошее. Как квас пьёшь, даже горечи нет...

Так за неспешными разговорами и доехали до своего города, потом попросили водилу проехать подальше, до рынка, сунув ему рупь. Доехали быстро.

— Ну давайте, пацаны, удачи! — мужик махнул рукой и уехал обратно, к себе.

— На барахолку пока соваться не будем, — Жека осмотрелся, отошёл в уголок за рынком, и неспеша закурил. — Там могли запомнить нас. Пусть пока шухер уляжется. Чё, пойдёшь со мной на базар?

— Не, Жека, мне ничё не надо, — отказался Славян. — Ща на бомбилу прыгну и домой.

— Ну смотри. Вот тебе твоя доля, — Жека отсчитал пятьсот рублей и сунул Славяну. —

Короче, если чё, я завтра погулять выйду, вечером, после работы.

— С Сахарихой? — ехидно улыбнулся Славян.

— С ней. Ну и ты с Пущей подгребай.

— Ладно. Давай. Пока!

Славян быстрым шагом ушёл, а Жека, выкурив ещё одну, пошёл на базар. С собой у него было 700 рублей — двухмесячная зарплата отца. И он решил купить себе новый спортивный костюм и кроссовки. Нацелился на адидасы. Лишь бы размер был подходящий. У входа на рынок как всегда, небольшие кооперативные кафешки, дымящиеся мангалы. Каталы на картонках, положенных прямо на асфальте, в напёрсток разводят на бабки клюнувших лохов. У каждого каталы рядом трётся крыша — два наголо бритых накачанных парня в спортивках. Попробуй только, не заплати... Жека слышал, тут и машины, и квартиры кооперативные проигрывали и даже жён своих с дочерьми.

— Э! Парень, парень! — заорал катала, худощавый бойкий мужик, сидящий на кортанах перед картонкой с тремя напёрстками. — Давай сыграем на интерес! Ты фартовый — пинжак новый! Проиграешь — назанимаешь! Выиграешь — сто рублей дам! Шарик катаются — игра начинается!

Жека усмехнулся, покачал головой, и пошёл дальше, в ворота. Тут конечно, народа тьма тьмущая, чего только не продают. Но и смотреть надо в оба — на каждом шагу карманники пасут беспечных зазевавшихся лохов. Вот и они. Работают втроём. Ждут, пока лох не станет проходить через толпу, там двое делают вид, как будто нечаянно наткнулись на него, устраивают сутолоку, отодвигая лоха немного в сторону, прямо на третьего, который в это время быстро шмонает внутренний карман, боковы, карманы брюк. Да так, что и не заметишь — не почувствуешь. Женщинам режут сумки отточенным до бритвенной остроты пятаком, потом вытащат кошелёк. Тут же цыганки-мошенницы ищут свою жертву.

— Эй, маладая, залатая! Вижу — на тебе проклятие лежит! Только я снят магу! Эй, маладой! Па тебе вижу — грех на тебе! Снят надо!

Жека, сунув руку в карман с деньгами, чтоб не стырили, продрался сквозь толпу со всякой самодельной мелочёвкой и дошёл до места, где торговали одеждой. Походил по рядам, дошёл до места, где продавали спортивки. Самодельные прилавки, затянутые мешковиной, протянутые верёвки со спортивными костюмами. Были и адики.

— Чё по чём? — спросил Жека, прощупывая эластик. Весь толстый, не палёный.

Самые крутые спортивки считались чёрного цвета, но было их мало, попадались редко, и ходили легенды, что стоят они баснословных денег, и поэтому покупают их только крутые. Но Жеке больше нравились светло синие штаны и олимпийка. Простые, и самые крутые. Такие тут и были.

— 300 прошу. Будешь братъ — за 250 отдам! — затараторил продавец, средних лет шустрый мужичок в точно таких же спортивках, что и на вешалке. — Сам ношу, братан! Как от себя отрываю!

— За 240 отдашь?

— Отдам! Давай, бери, мерить туда заходи, там картонка есть, я одеяло подержу!

Жека зашёл между прилавками, встал на грязноватую затоптанную картонку, разулся, сначала снял джинсы, и померил штаны, потом олимпийку. Попрыгал. Всё сидело идеально. Хозяин, пока Жека мерил одежду, закрыл его одеялом от проходящей толпы, и всё держал, пока тот не оделся.

— Беру! Давай за 240, как договаривались! — Жека отсчитал 300 рублей, сунул хозяину,

взял сдачу, полтинник и чирик, пошёл дальше.

Таскаться с костюмом в руках неохота, поэтому купил дальше в рядах спортивную сумку с ремнём через плечо, сунул туда одежду, и пошёл за кроссовками.

Глава 13. Вениамин Людвигович

С кроссами тоже повезло. Прикупил за 200 рублей такие, которые и хотел. Чёрные, с тремя белыми полосками. Налезли как будто на него шиты. Хотел торгаться с продавцом, чтоб за 180 отдал, но тот отказался — и так дешевле всякого. Засунул и кроссы в сумку, до кучи. По пути купил электронные часы «Монтана» за 30 рублей — давно хотел, они как раз пошли в моду. Долго думал, что купить Светке на день рождения, но ничего так и не решил. Хотя дата круглая, надо постараться, пусть даже и не позовёт.

Уже почти вышел с рынка, когда вспомнил, что мать сказала съездить за картошкой к деду. Но сейчас-то, понятное дело, уже не съездишь никуда. Жека купил ведро картошки на рынке, отдав 3 рубля, ссыпал её в купленную тут же большую вельветовую авоську, поймал бомбилу на копейке, и поехал домой. Не доезжая квартал до дома, сказал водителе, чтоб тормознул — решил прогуляться пешком, не стоило попадаться на глаза ни пацанам, ни соседям. Жека чувствовал, что затеяв со Славяном большие дела, перешагнул зыбкую грань между дворовой шпаной и миром крутых людей, ворочающих деньгами и жизнями. Теперь их дела — только их дела.

— Где взял? — первым делом спросила мать, увидев покупки.

— Да так... На работе премию дали, — соврал Жека. — Ещё... Стипендию получил.

Серый конечно, был в теме, и знал, что такую одежду ни на какие премии купить невозможно. Так же как и на среднюю зарплату, но промолчал. Жил он, как и брат, по принципу — слово серебро, молчание золото.

Вечером гулять не пошёл, остаток дня тренировался, потом читал «Комсомолку» и «Аргументы». Сел поиграть с братьями в шахматы. Спать лёг пораньше — завтра на работу.

Жека шёл утром на смену, и думал, что сахарная тема всё-таки хорошая. Тырить там имеет смысл. Но самое главное, это не своровать — самое главное продать сворованное. Потому что если не сможешь продать, какой смысл в воровстве вообще? Проще тогда сидеть ровно.

На фабрике был дефицит. Зефир и мармелад. Карамель имело смысл воровать, если она тоже дефицитная. «Сказка», «Молочная», «Раковые шейки». Эти считались дефицитом даже во времена, когда ещё конфеты свободно можно было купить в магазине. Всё просто. Они со сгущёнкой. Ещё на этой фабрике выпускали карамель «Вишня в коньяке». Но это вообще был самый шик, самая дорогая, по 3 рубля 80 копеек. Пользовался спросом и «Снежок». Обычная карамель — «Дюшес», «Абрикосовая», «Яблочная», «Мятная», стоили 1 рубль 50 копеек, да и особым дефицитом они не были, так же как и карамельные драже. Купить их можно было даже не по талонам.

На складе кондитерской фабрики было всё. Сгущёнка в промышленной таре — в 100 литровых деревянных бочках, мёд в алюминиевых флягах, громадные твёрдые куски настоящего 100 процентного какао, самые различные орехи, от грецких, до фундука и арахиса. Да... Здесь было чем поживиться. Но частного производства кондитерских изделий в стране ещё не было, и сдать сырьё было некуда.

С готовой продукцией дело обстояло иначе. На фабрике был главный склад готовой продукции, откуда грузили машины. На складе лежала самая мякотка. Зефир, мармелад, и карамель. Дражевой и ирисный цеха находились в другом корпусе, и у них были свои склады, так же как и в цехе газированной воды.

Главный склад имел два главных входа. Один с улицы, рядом с автомобильными воротами, другой со стороны цехов — прямо со второго этажа туда вели и лестница, и транспортная лента для передачи коробок.

Но был также и ремонтный вход, на улицу. И он всегда открыт, потому что слесаря с электриками весь день бегали в цеха и обратно через эту дверь. Вот этот вход и можно использовать, чтобы ограбить склад. Он был с обратной стороны от конторы и будки охраны. Напротив только машинный зал с холодильными компрессорами. Сбоку от зала была небольшая тропка — за машинный зал работяги бегали поспать по-быстрому. Дальше бурьян метров 50, и забор. Однако это место было в стороне от того, где срезана колючка. Жека решил в обед сходить, и срезать её и в этом месте.

План созрел сразу. Натырить из склада пару коробок зефира, пару мармелада, несколько коробок карамели, и сдать их в коммерческий магазин. Больше брать было опасно — могли заметить. Дело в том, что продукция, изготовленная на фабрике, учитывалась и входила в плановые показатели только тогда, когда по накладной грузилась в машину. Продукция, лежащая на складе и готовая к отгрузке, не учитывалась вообще никак. Отгрузка машины проходила просто — в присутствии кладовщика и милиционера грузчики таскали в машину то, что указано в накладной. То, сколько оставалось, не интересовало никого — лишь бы продукция была отгружена заказчику. Жека сразу понял, что главное — воровать так, чтобы ничего не заметила кладовщик. Для этого надо было не жлобиться, а брать по-немногу, курочка-по зёрнышку.

На обед не пошёл. Взял в мастерской ножницы по металлу, рукавицы, прошёл до нужного места по сухому бурьяну, перерезал один колючку с одной опоры, но убирать не стал — так со стороны было лишь видно, что она слегка провисла. По идее, мусора должны были обходить территорию два раза в сутки, как говорили мужики, но никто и никогда этого не делал — хватало работы на проходной, а в тёмное время суток они спали. Однако ночью и вечером любая машина была бы заметна на промышленной окраине. Шум двигателя могли слышать, да и на многих предприятиях для охраны территории держали собак. Они ночью гавкали от малейшего шороха. Поэтому воровать нужно было только днём, сразу же после смены.

На районе речки коммерческих магазинов не было, да и обычные-то, государственные наперечёт. Вся торговля процветала в старом центре, на территории Добея, и это Жеке сильно не нравилось, однако деваться было некуда, придётся сдавать здесь. Главное, чтоб согласились. Для этого надо было побазарить с хозяином.

Сразу после работы в понедельник Жека пошёл на пятак. Там уже висла пацанва. Раздал сигарет на покурить, и подозвал Митяя и Славяна.

— Базар есть один, давай отойдём.

— Ты же с Сахарихой хотел погулять. Я уже за Пущей собрался идти, — недоумённо сказал Славян.

— Подождут. Дело сделать надо.

Отойдя от пацанов, постояли, покурили, потом Жека ввёл в курс дела.

— Хватит мелочь с лохов сшибать, пора нормальные дела мутить, — размеренно и важно сказал Жека, и посвятил в курс дела. Славян, уже вкусивший запах бабок, не сказал ничего, только пожал плечами.

— Как скажешь, Жека. Ты мутишь, тебе решать.

Однако Митяй опять за своё.

— Да ну, вы чё... — басом прогудел он. — Это же галимый криминал. И мусора поймают, и крутые накостыляют.

Учился он в ПТУ на электромонтажника. Был здоровым, крепким парнем под 190, тягал гири по 32 килограмма только в путь. Но с пацанами зависал от нечего делать, чисто поугарать, в явный криминал не лез. В драках стенка на стенку, конечно участвовал, но только из-за спортивного интереса, и желания почесать кулаки. Планировал, когда закончит шарагу, идти в армию, потом на завод.

Но Жеке Митяй был нужен как воздух. Здоровенный шкаф, наголо бритый, с уголовной рожей, хороший боец, смелый, даже безбашенный, умеет базарить. Да и тяжести таскать, если надо. Плюс в доску свой, центровой, с самого начала, с нуля поднявшийся с главной толпой.

— Братан, ты сам посуди — все с этого начинали. Сахар крутой был? Добей? Макар сразу стал крутой? Обычными пацанами были — как и мы по району скитались. Потом решили подняться. Им-то ещё тяжелее было, лет пять назад вылазить, — убеждал Жека. — Сахар водкой барыжил, грузчиком был. Добей на колбасном. У всех деньги щас есть, сила, пацаны свои, стволы есть. Ну ты чё? За 300 колов всю жизнь ишачить будешь? Тем более дело — верняк. Там не то, что тыщи — побольше делать можно. У тебя чё, филок полный карман? Не надо ничё больше?

— Ладно... Только попробовать... — неуверенно согласился Митяй. — Чё делать-то?

— В старый центр сходить надо... В магазин «Сытный». С хозяином побазарить надо. Туда толкать будем.

— Жека, ты офигел что-ли? Там же добеевские прибьют.

— Поедем на тачке, как уважаемые люди, не ссы! — уверенно заявил Жека. — Ну чё? Погнали?

Хоть время и клонилось к шести часам, время было. Поэтому сразу пошли на проспект, поймали бомбилу, добазарились за пятак до центра. А если подождёт, то обратно ещё пятак. Мужик на 412 Москвиче, не веря в свою удачу, сразу загоношился.

— Да конечно, конечно, ребята. Куда едем?

— В «Сытный» погнали, — Жека, садясь на переднее сидень, уже знаючи пристегнулся, и открыл окно, чтоб покурить.

Коммерческий магазин «Сытный» находился в подвале большого сталинского дома в стиле «ампир». Раньше тут хранили уголь и дрова, когда ещё в квартирах стояли печки, но потом печки все снесли, при переходе на центральное отопление, углярки и дровяники ликвидировали, а в освободившихся подвальных помещениях открыли всякую всячину. Коммерческий магазин, видеосалон, молодёжный клуб. Капитализм в СССР потихоньку набирал обороты, пока ещё скрытый, пока ещё недоступный каждому. Но начинался он, как всегда и везде, с криминала. Разве были деньги у простого советского рабочего или служащего открыть магазин тот же? Нет. Где арендовать помещение? Где брать товар? Кто защищать будет?

В магазине «Сытный» торговали всем. Сырокопчёная и обычная колбаса, шпроты, шоколадные конфеты, кофе. Вообще всё. В магазинах хоть шаром покати, а здесь есть всё, только по цене в 10 раз выше государственной.

Наказав водиле, чтоб стоял рядом, Жека с компанией по разбитым ступеням спустился в подвал, озаряемый тусклой лампочкой. В небольшом помещении стоят старый холодильный прилавок с колбасой и сыром, полки со всякой всячиной. Жека мельком

осмотрел полки — ни зефира, ни мармелада, ни местной карамели не было. Сахар был. По 10 рублей килограмм.

За прилавком обесцвеченная разбитная бабёнка сидит на стуле, трое покупателей что-то внимательно выбирают, старясь не ошибиться в сумме. У двери во внутреннее помещение сидит здоровенный мужик в чёрной майке-алкоголичке и джинсах-варёнках, весь в тюремных наколках. Мужик безошибочно опознал пацанов. Ещё не блатных, но уже в понятиях. И сразу же насторожился.

— Кто такие? Чё надо?

— У меня товар есть, продаю много чего, — размеренно и медленно сказал Жека, поблатному растягивая слова. — С хозяином побазарить надо.

Охранник внимательно осмотрел всю троицу, и пальцем подозвал одного Жеку. Товар в магазин всегда нужен. Нет товара — нет выручки.

— Пошли! Эти пусть постоят тут.

За магазином сразу небольшая коморка, по середине письменный стол, небольшой железный сейф. На стенке висит джинсовая куртка. За столом сидит мужик лет 60-ти, что-то считая на деревянных счётах, и записывая результат в общую тетрадь. На голове залысины, на белых рукавах рубашки с галстуком чёрные нарукавники. Мужик опустил очки на длинный горбатый нос, и глянул на вошедших поверх окуляров, откинувшись на спинку стула.

— Вениамин Людвигович, тут пришли вот какие-то. Товар предлагают.

Мужик внимательно осмотрел дорогой спортивный костюм Жеки, кроссовки, уверенный взгляд, оценил, понял, что перед ним не дешёвый гоп-стоп с подворотни, а человек молодой, но уважаемый, на самом подъёме коммерческой карьеры.

— Всё в порядке, Диня, ви можете покинуть наше общество. Нам таки есть о чём поговорить.

Диня вышел, аккуратно прикрыв дверь. Мужик махнул рукой, приглашая Жеку садиться, достал из ящика стола пепельницу, пачку «Бонд Стрит», золотую бензиновую зажигалку с вензелями, бросил по столу пачку Жеке, приглашая закурить, выпустил клуб синего ароматного дыма, и замер, чуть опустив голову, как будто заснув. Выдерживал паузу, набивая вес. Проверял на хладнокровие и уверенность. Через минуту широко улыбнулся.

— Так шо ви имеете мне предложить, молодой человек?

Жека, закулив предложенную сигарету, точно также выдержал паузу, но не большую, и начал избазаривать. Однако перед ним был тёртый калач, и на понт его взять было не так-то просто.

— У меня есть зефир, мармелад и конфеты.

— У мени тоже всё это есть, — ехидно улыбнулся мужик. — Мне это не надо.

Жека видел, что у мужика всего этого нет, однако он просто ломит цену вниз. Блефует. Ждёт, когда собеседник дрогнет, и его можно кинуть на дешёвку.

— Зря. По соседним городам разлетается вхлам. У меня тут ещё один просил побольше везти, а осталось последнее. Когда будет ещё — неизвестно. Работяги бастуют.

— Это конечно всё замечательно, юноша, но ви жи сами понимаете, и я понимаю, шо у вас таки ничего нет, — картинно развёл руки мужик. — Иначе ви бы сразу к Вене приехали с товаром, а не с воздухом.

— Ладно. Не надо так не надо, моё дело предложить. Вы не возьмёте — другие возьмут, — Жека собрался встать, но мужик замахал руками.

— А вот торопиться не надо, юноша. В нашем деле спешкой только мышей на привозе ловят. Садитесь, — голос мужика стал твёрдым и деловым.

— Сколько, чего, когда и почём вы сможете мне предложить?

— Ванильный зефир 5 коробок по 5 килограмм, мармелад «Лимонные дольки» 5 коробок картонных по 5 килограмм, карамель «Раковые шейки» 5 коробок по 5 килограмм. Всё привезу завтра вечером.

Мужик откинулся на спинку сиденья, сложил руки на животе, и забарабанил пальцами по нему, как будто задумавшись.

— Много товара. Дам 500. Больше нет.

— За 500 я бы отдал, если привёз два раза по столько же, — не согласился Жека. — 800, и расходимся.

— 750 и расходимся! — не согласился мужик. — Вы, молодой человек, не знаете шо такое торговля. Вы деньги получили, и ушли в рэсторан кутить. А мне надо продать это всё уважаемым трудящимся.

Жека задумался. 750 неплохие деньги за вечер. Кило выходило по 10 рублей.

— Отвечаю. Завтра в 6 вечера привезу.

Мужик одобрительно кивнул головой, и звякнул в кнопку звонка под столом. Тут же пришёл бугай-охранник.

— Диня, пожалуйста, проведите этого милого юношу до вихода. А вас как звать-величать, извиняюсь?

— Александр, — соврал Жека, зная, что палить своё имя нафиг бы не надо перед случайным барыгой.

— Доброго вечера, Александр.

Мужик снова погрузился в расчёты, показывая, что базар окончен.

Сколько базарили? Минут десять, а пацаны в зале уже загрустили, то так станут, то этак. Увидев Жеку, оживились, но спрашивать не стали, как тёрки прошли. Подождали, пока не вышли из подвала. Постояли, покурили.

— Ну чё там? Чё он?

— Завтра в 6 вечера товар надо привезти. 750 колов обещал.

— Кто там был-то? Как звать-то шефа? — осторожно спросил Славян. — Смотри, Жека, тут территория старых авторитетов. Даже Добей под ними ходит. Как звать-то?

Жека огляделся. Старые сталинские дома в стиле ампир, с огромными окнами, потолками, арками, эркерами, лепниной. Облицованы каменной плиткой. Внутри громадные квартиры с 3х метровыми лепными потолками, гардеробными, и комнатой для прислуги. Считался этот район фешенебельным, и жила здесь заводская верхушка, вплоть до главных инженеров и директоров заводов, потомственная интеллигенция, партократия, горисполкомовские служащие высокого ранга, народные депутаты, верхушка милиции и КГБ. Ну и воры, само собой.

— Да хрен его знает. Сказал, что Веня. А этот бугай назвал Вениамином Людвиговичем.

— Жека, пля! — Славян чуть не присел от неожиданности. — Братан, это ж капец! Ну нахрена ты к нему попёрся!? Ты знаешь, кто это?

— Нет, — недоумённо ответил Жека. — Откуда мне знать, я чё — бухал с ним? А чё?

— Этот мужик раз 10 зону топтал. Хрен знает со сколько лет! Он тут район держит! У него погоняло Веня с Одессы. Или Одесский, хрен знает. Пля! Ты к кому полез, братан? Это

авторитет! Ты знаешь, чё будет, если проотвечаешься? Ну, братан! Смотри!

— Значит, надо не проотвечаться, — спокойно ответил Жека. — Сделать всё как надо.

Мужик на Москвиче уже занервничал, что пацаны обломают его насчёт обратной поездки, но Жека успокоил.

— Всё зашибись! Будет тебе пятак. Ты подкалымить завтра не хочешь? Час работы и четвертак.

— Да я! Да только так!

— Ладно. Поехали в одно место, тут не далеко. Там я тебе скажу чё делать. Я тебе потом чирик дам.

Пацаны сели в Москвич, и поехали в район кондитерской фабрики.

Глава 14. Навар

— Вот-вот! Сюда езжай. Всё. Развернуться тут есть где. Понял? — наставлял мужика Жека, когда добрались по просёлку до нужного места. Вот тебе ещё пятак. Поехали до района.

Доехали до своей автобусной остановки, и Жека сказал мужику тормознуть чуть подальше.

— Сюда подгребай к пяти часам. Пацаны к тебе сядут, и езжайте сразу, куда я показал. Поняли?

Все трое согласно мотнули головами.

— Завтра четвертак дам. Я отвечаю, — твёрдо сказал Жека и махнул головой выходить. Пацаны вышли из машины, а потом неспешно пошли на район, поглядывая по сторонам.

— Не обломит? — недоверчиво спросил Славян. — Что-то как зашуганный весь. Может, ну его нахрен? К таксистам подвалить?

— Не обломит, загорелся весь. Ему две смены за эти башли работать надо, — уверенно ответил Жека. — Но... На всякий пожарный. Если к 6 часам не подъедет, ловите любого левого бомбилу, и езжайте. Я вас там ждать буду. Покидаю через забор по бырому и уедем.

Сели покурить на лавке перед домом. Уже смеркалось, но всё ещё бегали по улице и визжали дети, пенсионеры сидели на лавках, прогуливались парочки. Жека на секунду захотел пойти к Светке, но тут же передумал — надо пораньше лечь спать — завтра на работе придётся потрудиться. Тут как назло Славян задел больную тему.

— Сахарихе пятнашка в эти выходные будет. Сахар для неё ресторан «Гудок» отснял.

— Пуца сказала?

— Точняк. Чё дарить-то будешь?

— Меня ещё никто не звал, чтоб дарить чё-то, — недовольно буркнул Жека. — Хрен знает, пацаны, чё и как. Ну чё ей надо? Я не знаю. У ней всё есть. Духи французские притаранить? Так у ней их поди пресс. Ну чё ей надо?

— Любовь ей нужна, братан, — Славян встал и положил руку на плечо друга. — Как любой бабе. И внимание.

— Нас тоже ещё не позвали, чё за беспредел! — загудел Митяй. — Я тоже бухануть нахаляву хочу.

— Позовёт ещё! — успокоил Славян. — Пуца говорит, она сюрпризом.

— Голая что-ли подкатит? — заржал Митяй.

— Да иди ты! — в ответ заржал Жека. — Ладно. Всем пока. Пойду. Завтра провернём всё зашибись.

Серого ещё не было, когда Жека пришёл домой. Мать с отцом смотрели телевизор, сёстры подбежали, завизжав, обняли — соскучились. Жека подумал, что надо бы купить каких сладостей, что ли. Всё как-то недосуг последнее время. Пока раздевался, да туда-сюда по кастрюлям на кухне, дождался, пока батя ушёл курить в туалет, подошёл к матери, протянул ей 50 рублей.

— Мам, тут это... Премию опять дали. Купи малым чё-нибудь.

— Ну... Давай, раз не жалко, — подобрела мать, забрала деньги, пошла в спальню, спрятала под бельё. Она всегда прятала деньги в бельё, хотя от кого прятала, хрен его знает — все знали, где они лежат, в том числе и дети. Отец тоже знал, но никогда в жизни не

полез бы пропивать семейные деньги. По истинно рабочей, мужицкой привычке, затаривал он себе на месяц четвертак с получки, считая своей законной добычей. Остальное отдавал в семью, и больше не трогал ни копейки.

Перед сном поотжимался, потягал гантели, потренировал ката. Надо куда-то в бойцовскую секцию что-ли записаться, иначе баз спарринга плохо будет. Кажись, пацаны говорили, что сейчас в подростковом клубе «Ровесник» рядом с домом открыли секцию кикбоксинга для любителей.

Утром вторника оделся во что поплоче — предстояло после работы хорошо поработать. Давясь в забитом работягами «ЛиАЗе» Жека думал, когда лучше стырить ящики со склада. И по всему выходило, что времени лучше, чем в обед, не найти — с территории сматывались все без исключения, кроме тех, кто носил еду с собой, но их было мало, да и заняты будут набиванием кишки. Поэтому сегодня придётся остаться без обеда.

А вышло всё на удивление просто, как и всегда. Почти всегда больше думаешь, и мучаешься, что и как, а зачастую всё получается легко и просто. Или наоборот, думаешь, всё просто, а на деле выламываешься сутками.

— Я сёдня без обеда, — как будто невзначай бросил Жека, когда мужики стали собираться в столовую. — Пойду, зефирок возьму, с чаем похаваю.

В зефирном цехе на стеллаже лежал бракованный зефир — не получившийся, мелкий, плоский, половинчатый, и всякий корявый, получавшийся, когда в дозаторы шло мало смеси из-за неисправностей. Такой упаковывать было нельзя — по ГОСТУ он не проходил, и работницы складывали его на специальный стеллаж, где его брали все, кому не лень.

Жека зашёл на склад, убедился, что вокруг никого не слышно, по быстрому отобрал пять коробок зефира, пять мармелада, пять карамели. Сначала всё положил у входа на склад, чтоб не беспалева, потом по быстрому перетаскал в кусты за машинным залом. Однако и здесь было небезопасно. Сюда бегали мужики поссать, и спалиться за полдня было очень легко. Поэтому по репьям, по кустам Жека перетаскал всё к забору и положил там в кучку. Палево конечно было — листья только начали распускаться, и светлые коробки было видно метров за двадцать. Поэтому Жека пошёл на открытый склад у машзала, взял там обрывок негодной транспортёрной ленты, куски которой после ремонтов не выкидывались, а складывались «на всякий случай», притащил к товару, закрыл, закидал сверху старым сохлым бурьяном.

В этот же день привезли машину сахара. Загнали внутрь склада. Сахар самый дешёвый, тростниковый, что в магазине стоил 78 копеек. Но в производство шёл только такой, подешевле, чтоб снизить издержки. Жеку, как практиканта, конечно же, подпрягли разгружать машину, дав в помощь двух гомырных работяг, уже с утра накидавшихся «Дюшесом». Работники с них, конечно, были никакие, и в очередной раз, когда они побежали похмеляться, Жека прямо со склада унёс мешок сахара. Кое-как, накиннув на плечо, дотащил до забора и положил на бок, с тревогой глядя на небо — побежали подозрительные тучки. Как бы дождь не пошёл, тогда весь товар пришёл бы в негодность.

До 3 часов возились с машиной, хорошо хоть ГАЗ-53 приехал, а не длинномерный МАЗ или Колхида. Тогда пришлось бы точно до конца смены таскать. Но и так жопа в мыле. Ещё пришлось в фирменный отвезти на тележке 5 мешков для завтрашней отоварки. К 4 часам закончил, и конца смены дожидался как на иголках. Конец смены в 16–30. Но обычно заканчивали раньше, в это время шли уже через проходную. Жека не торопился. Помыл руки, лицо, переделся, глянул на часы — почти 5. Слесарку никогда не закрывали — инструмент спрятан по ящикам, да и лазить тут некому.

Жека посмотрел на часы — время. Уже пять часов. Пацаны, по идее, должны сейчас уже с мужиком сгношиться. Оглядываясь, пробрался в хламные заросли, по ним прошёл до забора. Хотелось курить, но не стал — боялся, что запах паливом будет. Однако ссал напрасно — услышал характерный треск москвичёвского движка, звук тормозов. Потом тихий, но достаточно слышимый свист. Славян.

— Ловите!

— Кидай давай!

Жека быстро отбросил конвейерную ленту, и споро перекидал коробки через забор. Пацаны ни разу не сплеховали — не уронили ничего, всё поймали. Теперь оставалось передать сахар.

— Пацаны, тут мешок сахара ещё есть. Сейчас я подам, принимайте там.

Подам... Весь день таскал мешки, и успел надсадиться. А мешок надо было на вытянутых руках поднять и через забор перевалить, да ещё чтоб о колючку, лежащую на заборе, мешок не порвать. Вот где качалочка и штанги пригодились бы. Гантельками по 5 килограммов так не прокачаться. Но Жека всё же перекинул, всё-таки не дрищ. Пацаны там приняли, и Жека следом сиганул. Прыгнул, уцепился за забор, подтянулся, и сделал сальто в бок, как гимнаст. Даже приземлившись на землю, ради прикола раскинул руки в стороны, и картинно поклонился, как гимнасты, спрыгнув со снаряда.

— Ну ты силён, братан! — восхитился Славян, пожимая другану руку. — Дарова.

Жека поздоровался с Митяем, мужиком за рулём, и осмотрел машину. Погрузили всё как надо. Мешок с сахаром положили в багажник, туда же несколько коробок. Остальное придётся под ноги, или на колени. Нагрузили нормально, но Москвич машина хорошая, на рессорах, так что почти и не видать было. Кое-как уместились. Жеке самому пришлось закрывать задние двери — пацаны все завалены были коробками. Даже олимпийки пришлось скинуть, и накрыть те, что на коленях держали. На товар накладных не было, и если мусора остановят — сразу уголовка, срок, или взятон нехилый.

— Поехали в «Сытный» — махнул рукой Жека. Доехали без происшествий. Вокзал Жека велел объехать — там мусора часто тусовались, и запросто могли остановить подозрительную машину с четырьмя молодчиками, подозрительно скрытыми одеждой. А мужик-то водила на измене был — сразу видать. Шугарился...

Тормознув у магазина, Жека велел посидеть пока, отдохнуть, сам бегом спустился проведать обстановку. В магазине кроме Дини, разбитной продавщицы, и пары покупателей никого не было. Диня, похоже, заранее предупреждённый, увидев Жеку, махнул головой, и открыл дверь в конторку. Оттуда выглянул Вениамин Людвигович.

— Привезли?

— Да. Куда таскать?

— Носите ко мне. Там посмотрим.

Споро втроём перетаскали ящики со сладостями в коморку хозяина. Последним притащили мешок сахара. Митяй чуть не одной рукой вытащил его из багажника, закинул на плечо, и бегом спустился вниз. Вениамин Людвигович, смотревший поочерёдно, что в коробках, увидев сахар, удивился, и развёл руками, ехидно улыбнувшись.

— Но база... извиняюсь, разговора насчёт сахара не было, молодой человек. Ви мени перепутали с другим контрагентом. У мени сейчас нема денег на него.

— Не. Не перепутал, Вениамин Людвигыч, — возразил Жека. — Лежал на дороге, вот и взяли.

Вениамин Людвигович в недоумении остановился, пристально взгляделся поверх очков на Жеку, подозревая прикол, или подвох. Но Жека был серьёзен как никогда, и авторитет развёл руками.

— Как говорят на Одессе, сочтёмся, как нужно будет. Вот ваши деньги.

Вениамин Людвигович достал заранее припасённые деньги, разложил их на столе в ряд. Семь сотенных и полтос. Но подумав, достал из кармана ещё пачку и доложил двести пятьдесят рублей. На столе лежал кусок.

— Веня не любит быть должным. Это вам за сахар. Всего хорошего. Забредайте на огонёк.

Жека свернул деньги, сунул в карман спортивки, и дал знак пацанам выходить на улицу, но уже почти пройдя в дверь, вдруг остановился, и обратился опять к авторитету.

— Вениамин Людвигович...

— Да, молодой человек, слушаю вас.

— Не могли бы вы посоветовать, как опытный человек, что девушке подарить на день рождения? Ничего на ум не приходит. Она при деньгах, всё есть уже.

— Молодоооой человек! — Вениамин Людвигович широко улыбнулся, и показал Жеке на стул, чтоб садился. По всему видно, что любил он пофилософствовать, и поучить молодых жизни, считая себя большим спецом во всех, в том числе и амурных делах.

— Ви знаете, я воистину поражён, как боначально наци собратья-мужичины относятся к завоеванию дамских сэрдэц. Шанэль номэр пять... Золотые бэздэлушки, отдых на курорте... Это всё настолько боначально, и обыденно, шо впору книгу писать о любви на старости лет. Женщине нужна именно ЛЮ-БО-ВЬ! — подчеркнул Вениамин Людвигович, проговорив по слогам. — Нужно ВНИ-МА-НИ-Е! И тогда самое холодное сэрдцэ растает. Мой вам совет — сделайте нетривиальный подарок, и просто удивитесь результату. Найдёте на крытом рынке Шамяля, он во втором блоке торгует. Скажете, от Вени. Он покажет. Ой! Всё! Свободны! А то расплачусь — молодость вспомню!

Вениамин Людвигович рассмеялся и махнул рукой, чтоб Жека убирался. Тот засмеялся в ответ, и побежал к пацанам. Те ждали у машины, все на шухере, и курили. Жека махнул рукой, что всё в порядке и дал знак садиться в тачку.

— Всё! Погнали! Домой пора!

— Ну чё, ну чё? Чё там? — забеспокоились пацаны, но Жека махнул рукой, призывая успокоиться, и не шухериться.

— Зашибись. Не ссыте. Айда на район.

Когда рассчитывался с мужиком, сунул ему 30 рублей.

— Бери. Заработал.

— Ну, мужики... — мужик чуть не расплакался. — Спасибо вам. Если надо... Я всегда... Я на автобазе работаю, на Икарусе. Шахтёров на работу вожу. В выходные я всегда в гаражах на Воднике. Спросите там. Митрофаныч. Или вот! Телефон рабочий, дома у меня нет.

Мужик достал ученическую тетрадь из бардачка, оторвал половину листа, записал два номера.

— Это рабочий, гаража на автоколонне. Но туда звонить или до 8 надо, или с 4 до 5. А это соседки, Валентины Ильиничны. Она позовёт. Ну спасибо, спасибо, ребята! — ещё раз поблагодарил мужик, и дав по газам, уехал.

— Ты ж базарил, что четвертак ему кинешь, — удивился Славян. — А ща тридцатку

отвалил.

— Надо. Мужик мировой. Не зассал. Не обломил. Не жалко. Ещё понадобится. Ну чё пойдём на лавочке повисим.

Сели на лавке за два дома до своего, Жека отсчитал каждому по 300 рублей, и сунул в руки.

— Сильно не палите перед предками, а то спросят, где взяли. Нам паливо ни к чему. Стоху я на общак оставлю. Да тут уже не стоха, а полтос получается.

— Ты куда щас? — спросил Славян, засовывая бабки в карман, и вставая с лавки.

— Пойду до Сахарихи дочапаю, а то забудет, — засмеялся Жека. — Ладно! Давайте! Завтра вечером приплывайте на пятак.

Дошёл до подъезда, посмотрел на крошечную парковку — девятки Сахара не было, значит дома одна Светка, если не утащилась куда-нибудь. Но она последнее время, задружив с Жекой, просто так по району уже почти не шаталась с Пущей. Или сидела дома, занимаясь по-хозяйству, или выходила только до двора. Опять же, экзамены на носу. Собиралась она после восьмого идти в девятый. После школы, вроде бы, как-то заикалась, в институт, на адвоката.

На втором этаже грохотала музыка так, что рушились стены. «Америкен бой, уеду с тобой». Точно, Светка одна дома. Она любила девчачьи группы — «Комбинацию», «Летний сад», Марину Журавлёву. Похоже, его не ждали. Позвонил несколько раз, потом музыка стихла, и стало слышно, как после лёгких шагов звякнул глазок. Потом щёлкнули замки, дзинькнула цепочка, и дверь отворилась. Сахариха стояла в коротком жёлтом халате, мохнатых тапочках, и с тряпкой в руке. На голове крупные бигуди. Вид такой милый и домашний, что Жека невольно улыбнулся. Такой он видел её впервые.

— А... Ты... Заходи, — Светка бросила тряпку в мыльное ведро, и прислонилась к стене, сложив руки на груди, и скрестив стройные длинные бёдра. Вид у неё был конечно же, недовольный. Отвлёк. Похоже, она и не скучала особо.

— Извини, Свет... — виновато сказал Жека и попытался обнять, но она отстранилась от него, и опять встала в такой же позе. Но потом всё-таки сменила гнев на милость, прошла в свою комнату и принесла самодельную открытку. Обычный альбомный лист, раскрашенный фломастерами. «Приглашается Евгений Соловьёв на празднование 15-летия Сахаровой Светланы Александровны. 17 апреля 1990 года. Ресторан «Гудок». Торжество начнётся в 19 часов. Просьба не опаздывать». И внизу девичьи губы. Сахариха намазала губы помадой, и оставила смачный отпечаток на пригласительном. Жека поцеловал отпечаток, поцокав языком, изобразив удовольствие. И тут Сахариха оттаяла. Обняла Жеку за шею, поднялась на цыпочки, и закрыв глаза, поцеловала его в губы. Но больше ничего делать не дала.

— Иди домой, Жекич. Скоро Ромка придёт, — таким милым и тонким голоском промурлыкала она, что Жеке опять захотелось схватить в охапку эту непокорную вредину, и... Но нет. Себя он соблюдал, и лишних проблем на пустом месте не хотел. Сахар, плящущийся на голые тела — последнее, что он хотел бы видеть сейчас, когда только начал приподниматься. Поэтому, ласково потрепав Сахариху по щёчке, чмокнул её в носик, и побежал домой.

Глава 15. Шамиль и драка с ОМОНовцем

Уже заходя в свой подъезд, вспомнил, что хотел малым купить что-нибудь вкусное, и опять не получилось. Чё они видят-то? Настолько раздосадовался, что хотел ударить кулаком по стене, но сдержался. Дома, особо не разговаривая ни с кем, по быстрому поужинал, побазарил с Серым о том да о сём, немного потренировался, и лёг спать. Завтра после работы надо сходить на рынок, к Шамилю, посмотреть, что там Веня посоветовал Сахарихе в подарок.

На работе по делу послали на склад, и Жека, увидев опять коробки с готовой продукцией, загорелся желанием стырить снова, но сдержался, понимая, что слишком часто делать не стоит. Сейчас даже не видно было, что какая-то часть коробок отсутствует. Фабрика начала работать, и в склад уже накидали других.

После обеда послали в фирменный. Помогал там Алёнке, ворочал мешки, учился развешивать сахар. Сейчас уже идея недовешивать по полкило, чтоб наварить сотню казалась ему смешной. При желании тут можно ворочать миллионами. Хорошо было бы арендовать склад, и вывезти сразу фуру по подложным документам. Как они выглядят-то, документы эти? Жека этого не знал, как и вообще, что творится в конторе. Чтобы ворочать такими делами, нужно быть птицей более высокого полёта. С образованием, со знанием дела, с опытом. Жека вздохнул. На его уровне придётся тырить зефир коробками и вывозить на дряхлом Москвиче.

— Чё вздыхаешь-то так тяжело? — синим покрашенным глазом подмигнула Алёнка, рассыпая сахар по заранее сданным авоськам. Как её назвать-то? Для девушки она сильно разбитная и эротичная, для женщины слишком молода. Вон какая свежая. Какие свежие сладкие губы, белая тонкая шея, нежные крупные груди, чуть не вываливающиеся через вырез полураспахнутого халата. В цехах женщины работали в одних халатах, иногда даже без лифчика, настолько жарко было от варочного оборудования. Но Алёнка-то в магазине, зачем ей это? Жека видел толстое обручальное кольцо на её пальчике.

— Куда смотришь, студент? — опять засмеялась Алёнка. Жека ощутил сильное желание подойти, обнять, накрыть свежие губы своим ртом, уткнуться лицом в нежные груди, найти сладкие соски... И тут же перед глазами встал грозный образ нахмурившейся Сахарихи. Какие они разные... И все такие милые, желанные, обожаемые.

— Алён, у меня просьба будет, — неловко обратился Жека, когда закончили фасовку.

— За просьбу расплачиваться надо. Знаешь чем? — она в шутку придвинулась к нему, и чуть не коснулась грудями, выпятив их вперёд так, что они наполовину показались в вырезе халата. — Натурой!

— Базара нет! — усмехнулся Жека, обнял Алёнку за талию, и притянул к себе, просто впившись губами в свежий нежный рот. Она, по всему видать, просто прикалывалась так, на грани фола, над работягами, и никогда не рассчитывала, что от её приколов может быть такой итог.

Алёнка сделала попытку вырваться, но уже поплыла, и тут же сама обняла Жеку, прижавшись всем телом, и целуясь страстно и яростно, с чувственностью и пылом молодой здоровой женщины, которой хочется секса всегда и везде. Жека потащил её в подсобку, завалил на стол с весами, расстегнул халат. Нежные крупные груди даже не расплылись по сторонам. Торчали большими полусферами, дерзко смотря вверх крупными сморщившимися

бледными сосками. Похоже, не рожала и не кормила...

Через пять минут вышли разгорячённые, красные, тяжело дышащие, отряхиваясь от сахарной пыли, лежавшей на столе. Алёнка отвернулась, поправляя халатик.

— Чё спросить-то хотел?

— Да я сёдни не приду за сахаром. Надо заскочить кое-куда с работы. Спрячь куда-нибудь.

— Ладно, — совершенно буднично ответила Алёнка, и повернулась к Жеке. — Мы всё сделали. Можешь идти.

И таким будничным равнодушным голосом, как будто пару минут назад между ними не было страстного, даже иступленного секса.

— Ладно, — Жека пожал плечами и пошёл. Хотел дать ей пятак за труды, но тут же понял, что это точно будет стрёмно, как будто проститутке заплатил. Хотя... Что здесь плохого? Дать деньги женщине как награду за хорошее настроение, за топящие в безумии чувства. Надо купить чёнибудь в подарок. Конфет что-ли шоколадных...

После работы поймал калымщика у завода, и за рубль доехал до крытого рынка, покупать подарок Сахарихе. Там нашёл блок два, как и говорил Веня. Блок два торговал мясом. Куски говядины, свинины, баранины лежали кучами на прилавках со старинными чашечными весами и гирями. На огромных чурбанах толщиной в метр мясники разрубали целые туши мясницкими топорами, больше похожими на секиры. Работа очень тяжёлая и очень точная. Попробуйте сами разрубить на части тушу взрослой коровы, которая весит в 3 раза больше чем вы. И разрубить правильно, чтобы не испортить мясо в брак. Потому что каждая часть туши имеет свою цену, и туша должна разделяться по ГОСТУ.

Отделить до грамма самые дорогие вырезку и толстый край, лопатку, которые шли в рестораны, потом отрезать более дешёвые тонкий край, подлопатку, пашину для кафе и столовых. Потом отделить рёбра, жёсткие мышцы, и разрубить их на части, для гуляша. Потом порубить позвоночник, толстенные бедренные кости, идущие на супы и бульоны. И не просто порубить как попало, а чтоб кости не раскололись на куски, годные только собакам. Каждая кость — это деньги. И надо всё порубить на мелкие куски, по килограмму, по два. Кто ж на рынке берёт сразу 5 килограмм? Где хранить? Да и дорого. Брали парутройку килограмм на месяц, и всё.

Естественно, рубщик мяса на рынке была самая денежная и уважаемая профессия в советское время. Выше стоял наверное, только автослесарь легкового транспорта.

Постояв и посмотрев на работу мясников, на весьма и весьма немногочисленных покупателей, Жека неспеша пошёл по рынку, оглядываясь по сторонам.

— Эй, маладой хароший, падхады! Мясо свэжак! Ест говядын! Ест эта... Как его... Хрухру!

Здоровенный кавказец за прилавком, почти скрытый весами и кусками отборного мяса, махал ему рукой.

— Иды иды суда!

Жека, руки в карманах, не спеша, в развалочку, подошёл к кавказцу.

— Мне Шамяля надо. Я от Вени, — медленно и размеренно сказал Жека.

— А... Каво? — растерялся кавказец.

— Каво слышал. Где Шамиль?

— Шамиль там! Склад сыдыт! Кантор сыдыт! — заволновался продавец, и показал рукой в сторону большой тёмной двери, откуда привозили туши животных на разделку.

Жека, всё так же неспешно, походкой человека, знающего себе цену, пошёл куда указал ему мясник. Из тёмного прохода несло холодом, вход был прикрыт двумя полосами брезента. Зашёл в первую же дверь, откуда доносились голоса. Внутри на удивление уютно. Ковры на стенах, лавка у стены, на которой сидели два кавказца в спортивных куртках, с бородками, перебирая руками чётки. Немигающими взглядами убийц они глянули на Жеку.

Посередине длинный стол, во главе которого другой стол, похожий на директорский. Там в кожаном кресле сидел, и пил чай из большой пиалы пожилой кавказец в кожаной куртке, и с белой круглой шапочкой на голове. Увидев Жеку, он отставил чай, и показал рукой на стул в конце стола. Сюда просто так не приходили, спросить, сколько стоит мясо. Приходили только по делу. По большому делу.

— Мне Шамиля надо. Я от Вени, — сказал Жека.

— Я Шамиль. Чего надо уважаемому Вениамину Людвиговичу? — кавказец на удивление хорошо разговаривал по-русски. Да и в целом казался человеком интеллигентным, воспитанным старым, ещё тем самым СССР.

— Мне подарок надо для девушки. Сказал, вы поможете.

— А... Хахаха! — рассмеялся Шамиль. — Да. Ну как же я не догадался сразу. Пойдёмте. Пойдёмте-пойдёмте, молодой человек.

Шамиль вытащил из ящика стола связку больших ключей, и позвал Жеку обратно в коридор. Там отворил первую же железную дверь, и показал на стойки, заполненные одеждой, но что это была за одежда! Жека сразу понял, что стоит она бешеных денег! И похоже, явная контрабанда, доступная только своим.

Там висело сексуальное бельё. Прозрачные комбинезоны с вырезами и значками Плейбоя. Невесомые, почти невидимые трусики и лифчики, купальники размером с волосину. Такое никогда бы не стали продавать ни в советском магазине, ни на барахолке. Это был запрещённый к продаже товар. То же самое, что порнография на самодельных чёрно-белых фотографиях, продаваемых пацанами друг другу за рубль. Однако... Жека понял, что вот этого у Сахарихи точно нет! И хрен с ним! Пусть даже выкинет, или даст в рожу, но он ей всё-таки это подарит, чтобы увидеть хотя бы тень смущения на её наглой рожице!

Жека взял прозрачные нейлоновые трусики и бюстгальтер, прикидывая, подойдут ли они Светке по размеру. Но кавказец подумал, что Жека сомневается в покупке, прикидывая, потянет ли деньгами, и осторожно коснулся плеча Жеки.

— Это отличный подарок современной девушке. Поверьте мне. Недовольных ещё не было.

— Сколько?

— Двести рублей. С упаковкой двести двадцать.

— Беру, — Жека достал из кармана две сотенных бумажки и два червонца, среднюю месячную зарплату по СССР, и отдал кавказцу.

Тот аккуратно свернул вещи, осторожно упаковал в яркую блестящую розовую плёнку, похоже, импортную, положил в импортный пакет с надписью «Montana» и красоткой в джинсах, и уже этот пакет, чуть свернув, положил в обычный советский белый с надписью «С Новым годом» и зелёной ёлкой.

— Всего хорошего вам и вашей даме, — Шамиль слегка улыбнулся, и показал на выход.

Жека по пути на стояк зашёл в кооперативный, купил колбасы, сыра, шпротов, сёстрам и братьям по шоколадке. Поймал бомбилу на копейке, и поехал домой. Сейчас уже не

скрывался. Да и скрывать было бесполезно, что Жека живёт не по средствам. Таких денег, что он тратил, на заводе сроду не заработать. Впрочем, мать, видя, что у Жеки стали водиться деньги, особо ничего не говорила и не спрашивала. В это время ценились люди, умеющие работать и заработать. Да и они с отцом, по советской привычке, считали, что все, кто так или иначе связаны с продуктами, живут хорошо. И это наверное, было правдой. Работай Жека на металлургическом заводе, никакие мутки сделать было бы не возможно. Пришлось бы заниматься обычным бандитским гоп-стопом, трясая кооператоров и цеховиков. Но рано или поздно исход был бы один — пуля и могила. Крутись-вертись, можно добиться много. Намного больше, чем прямым наездом. Кстати, тогда род занятий деловых и начинающих бизнесменов так и называли — «он крутится».

Жека поставил пакет с продуктами на стол, свистнув малых, чтоб налетали, сам тут же пошёл прятать подарок, купленный Сахарихе. Как всегда, на шкаф. Время ещё позволяло, и пошёл в подростковый клуб «Ровесник», благо он тут совсем рядом, рукой подать. На входе прилеплено вывеска на какой-то картонке — «Клуб любителей кикбоксинга «Удар».

Изнутри слышно крики, удары по груше и по перчаткам. Сразу чувствовалась спортивная секция. Жека зашёл и огляделся. Помещение конечно, небольшое, но есть всё. Посредине ринг, у стен лавки, вешалки. Прямо у окна, задёрнутого тяжёлыми шторами, стол. Он же и пристанище рефери, судя по колокольчику на нём. За столом сидел седоволосый мужик лет 50-ти, в советском спортивном костюме. На груди герб СССР, на спине большая надпись USSR. «А мужик-то не простой». — подумал Жека. — «Походу, настоящий тренер-международник».

На ринге бились два здоровенных парня, лет 25–30. И они были совсем не в спортивной форме. Один в пятнистых военных штанах, десантном тельнике и армейских берцах. Другой одет так же. На головах защитные шлемы, руки в перчатках. Парни бились. Как будто не на жизнь, а на смерть. Жека мгновенно скис. Таких мощных бойцов он ещё не видел. Это вам не шпана с района. Тут же вся его уверенность и крутизна слетели как луковая шелуха.

Струхнув, Жека собрался уходить, но тренер, увидев его, уже крикнул.

— Молодой человек, а вы куда? Уже всё, закончили занятия?

Бойцы на ринге ни на секунда не закончили бой. Наносили мощные удары руками и ногами, тут же блокируя и отбивая их. Однако несмотря на довольно мощную возню, силы их были равны, и никто так и не мог пробить блоки друг друга, только намяли руки и ноги.

— Да я... Посмотреть. Вроде тут секция кикбоксинга открылась.

— Верно. Это новый вид единоборства в нашей стране, и уже снискал большую популярность. А вы-то зачем пришли?

— Я занимался каратэ, кунгфу. Потом секция... — Жека помолчал. — Закрылась... Долго один тренировался, но чувствую, что без спарринга зачахну. Пошёл вот сюда, думал, подучиться. Подраться с кем.

— Правильно подумали, — заверил тренер, вышел из-за стола, и подал руку Жеке. — Осипов Николай Егорович. Тренер международного класса по боксу РСФСР.

— Евгений Соловьёв. Студент.

— А... Вот и хорошо. В армии не были?

— Нет. Пока учусь, на отсрочке.

— Всё ясно. Дело в том, что вы сейчас не в спортивной секции. Этот клуб для профессионалов рукопашного боя. Раньше мы квартировали в ангарах при стадионе. Но там сейчас ремонт, и нас на время выселили сюда. Я тренирую ОМОН и армию, Жень. Нс

смотри! Мы перешли на хозрасчёт, и нам разрешили набирать секции любителей. Так что... Смотрите сами.

— Так я и не профессионал, — заверил Жека. — Буду ходить по вечерам понемногу.

— Хорошо. Сейчас посмотрим, что вы умеете. У вас же уже есть подготовка. Саня, Дима! Аут! Давайте Давайте! Оба с ринга! Хотя... Саня, останься. Проверь новичка. Только аккуратно!

Жека снял олимпийку, положил в рот капу со стойки, и полез на ринг. Как на Голгофу. Но особого страха не было.

На ринге остался один омоновец. Став в угол и отвернувшись, он прыгал, наносил удары, блоки. Жека размялся понемногу, в стиле Тайцзицюань. Омоновец, покинувший ринг, с усмешкой посмотрел на Жеку. Тренер развязал перчатки, снял шлем, дал ему бутылку воды и полотенце.

— Всё! Работайте! — Егорыч хлопнул в ладоши, показывая чтоб бойцы сошлись в поединке.

Жека был взращён улицей, поэтому не попался. Омоновец начал сразу же, лишь для вида протянув вперёд руки для приветствия. Жека сделал вид, что тоже протягивает руки, но только взглянул в холодные, ничего не выражающие глаза соперника, понял, что он сейчас атакует без приветствия. Поэтому не дожидаясь удара, в перекате ушёл от удара ногой, встав в метре от канатов. Стойку сделал низкую. Омоновец был выше чуть не на голову и так высокого Жеки, и рубиться с ним в верхотуре не имело смысла. Омоновец снова атаковал, но Жека опять ушёл от ударов. Сначала в бок, потом назад. Тут же после приземления хотел подбить голень бойца левой ногой, и даже попал, но ударил словно в железо — там мышцы были как у слона. Однако попал-то точно, и всё-таки какое-то повреждение нанёс — омоновец вдруг стал больше переносить вес на другую ногу. Теперь надо было только закрепить успех.

И тут Жека пропустил. Решил атаковать — с лёгкостью сделал вертушку, но омоновец пригнулся в коленях, и тут же сделал вертушку сидя, попал Жеке в ногу, и тот грохнулся на спину. Не успел сгруппироваться — полыхнуло болью в копчике. Откатившись от тяжёлого армейского ботинка, грохнувшего с силой в пол, туда, где он только что был, в прыжке стал на ноги, но почувствовал как болит отбитый копчик.

Тут омоновец, видя, что Жека тоже подбит, сделав сальто, вмиг очутился у него, и нанёс прямой хук. Это было рискованно — весь расчёт на силу удара. Жека не стал уходить, оставшись у канатов, пошёл ва-банк. Пригнулся, чуть присев и подавшись вбок. Тут же из низкой стойки нанеся хасами цуки — достаточно редкий и сложный удар двумя руками сбоку от соперника. Один в солнечное сплетение, другой в позвоночник. Не дожидаясь ответки, кувырками перекатился на противоположную сторону ринга, и замер в боевой стойке.

Омоновец развернулся, хотел продолжить бой, но почувствовал что не может — изо рта капнула кровь. Похоже, повредился бронх. Он не мог дышать, поэтому опустился на колени, посидел, пришёл в себя, потом встал, и поднял руки.

— Хорошо дерёшься, зараза!

— Всё! Бой закончен! — Егорыч хлопнул в ладоши, и дал знак спускаться с ринга. — Хорошо поработали. Санёк, ты в норме?

— Да. Пройдёт, — омоновец вытер лицо полотенцем. — Попался. Сам дурак. Думал прижал уже его к канатам, деваться ему некуда.

— А я тебе сколько раз говорил — торопишься! Куда торопишься!?? Ты его вывали для атаки, подумай, что дальше делать будешь. И главное — что он делать будет. На шаг вперёд смотри! Попался тебе не стандартный боец, и ты поплыл, — наставительно сказал Егорыч, протягивая руку Жеке. — Приходи, Евгений. Я найду с кем тебе подраться.

Глава 16. Авария на фабрике

После махаловки сидел на лавочке без олимпийки, несмотря на довольно прохладную погоду, приходил в себя, незаметно подгрёб Славян. Увидел помятый облик друга и удивился.

— Ты чё, дрался что-ли с кем?

— С ОМОНОм, — ухмыльнулся Жека.

— Чтоо? Да ты гонишь!

— В натуре. Отвечаю.

— И как получилось? — не поверил Славян.

— Да вон в ЖЭЖе щас бойцовский клуб. Там ОМОН теперь тренируют.

— А... Слышал чё-то. Ну и чё? Побили тебя?

— Немного, — Жека потрогал спину. — Упал неудачно. Позвоночник болит. Но и я ему зарядил зашибись. Фанеру пробил и спину. Но скажу тебе, Славян... Мужики там сильные бойцы. Десантники бывшие. С одним ещё можно, если внимательно и на измене, а с двумя — не, братан. Забьют.

— Ладно. Знаешь, братан, я чё... — Славян замялся. — Чё бы нам ещё за баблом не сходить на пустырь? У меня чё-то кончились. Вернее, есть, но... Мы же к Сахарихе на днюху пойдём. А там, братан, никак нельзя нам последними лохами выгладеть.

— А чё такое? — забеспокоился Жека. — Она дала мне пригласительный. Разрисовала фломастерами как открытку на Новый год. Молодец. Заценил. В кабаке праздновать будет. Наверное, Сахар отснял на вечерок. Одноклассники там, наша толпа, родня...

— Так она и нам с Пущей дала одну на двоих. И Митяю. Молодым не стала давать, она с ними не знает. Братану твоему, Михалычу... Но, Жека, ты чё не знаешь? Это ж вокзальный кабак. Там всю жизнь блатата и воры по ночам висли.

— И чё? — осторожно спросил Жека, натягивая олимпийку на остудившееся тело. — Сахар отснял же для своих.

— Ты так и не понял? Братан! Там вся шобла блатная будет! Он всю эту парашу устраивает не для сестры, а чтоб со своими покумарить, собрать всех на гулянку, и перетереть чё им надо! Всекаешь, братан?!!

— А Сахариха знает? — сумрачно спросил Жека, предчувствуя нечто плохое. — Откуда ты-то в курсе всего?

— Братан! Она же с Пущей как с сестрой, обо всём! Пуща мне. Она тоже на измене, уже и идти не хочет никуда. Конечно Сахариха всё знает, а если не знает, то догадывается. Она чё, Рому своего давно не вычислила? Она для него как повод всех собрать. Ещё и под пузана какого-нибудь её подложит! Только чё она сделает-то?

— Пошли, — согласился Жека. — Бабки нужны будут. Вдруг понтануться придётся. Но... Из наших-то кто будет?

— Вот нас четверо и будем, — объяснил Славян. — Типа друзья. Сахар и нас не хотел соглашаться брать, но она сказала, что с балкона вообще выбросится, а одна к этим чёрным не пойдёт. Так что... Братан...

— Ладно. Пошли за филками. По паре косарей возьмём. Но я больше из одежды ничего не буду брать, а то мамка с ума сойдёт. Я и так недавно на адё почти пятихатку отдал. Пойду в нём. Мне похер. Нормальный прикид, пацанский. Я ж не директор кондитерской

фабрики. Мне чё теперь, пинжак покупать, как фармазону какому-то? Не пойду же в шаражном костюме, я его ещё в школе таскал.

Озираясь по сторонам, чтоб не запалил кто, прошли на пустырь, достали пакет, отслонявили себе по две тысячи. Долго смотрели на пистолеты. Хотелось взять, блатануться перед пацанвой, но всё-таки положили обратно. Паливо.

— Как вести-то себя там, Жека? — Славян удручёно покачал головой.

— Как... Следить за базаром. Говорить мало, и то если спросят. Короче, будем как лохи, посидим в сторонке, глядишь, всё и пройдёт как надо.

— Перья-то будем брать?

— Славян! — усмехнулся Жека. — Если мы там накосифорим, ни перья, ни стволы нам уже не помогут. Не отмахнёмся, если так, как ты говоришь. Ладно, братан, пошли!

На работу Жека поехал на бомбиле. Привык за короткое время. Давиться с народом уже не хотелось. Прошёл чуть дальше остановки, голоснул, тут же остановился мужик на копейке, и за рубль довёз почти до проходной. Можно было и прямо перед проходной тормазнуть, но палиться не стоило.

На фабрике с утра чувствовался какой-то кипишь. В этот день Жека впервые посмотрел, что такое работа механиком по ремонту холодильного оборудования. И эта профессия ему настолько не понравилась, что впору бежать, и из технаря на половине учёбы отчислиться. Так случилось, что он всё время был занят какими-то вспомогательными работами, а тут кирдыкнулся компрессор, качавший хладагент. В теории на уроках гидравлики и холодильного оборудования они всё это изучали. Компрессоры, трубопроводы, компенсаторы, испарители, охладители, терморегуляторы... Но здесь, вживую, всё это он увидел первый раз.

— Женька! Витька тут уже пять часов сидит. Там ночью компрессор один вышел из строя, встал аварийно, — на пятиминутке сказал механик. — Как раз по твоей практике работа. Идите с Витькой сейчас в машинный зал, разбирать начинайте. Я подойду потом.

Витька и был тот самый отдельный слесарь по ремонту холодильного оборудования. Больше он никакой другой работой не занимался — только обслуживанием холодильника, и его регулировкой. Если делать было совсем нечего, его подпрягали мести территорию, летом косить траву, а зимой кидать снег. Однако Витька, довольно ершистый мужик, живший недалеко от фабрики в частном секторе, на начальство часто забивал хрен, к дополнительной нагрузке относился тят-ляп, часто дерзил, уверенный, что ему ничего не будет. Чувствовал он себя ценным специалистом, которых трудно найти, и это была сущая правда.

— Пошли, студент, там работы дохрена, — насмешливо сказал Витька.

— Братъ из слесарки надо чё? — спросил Жека. — Чтоб не бегать потом.

— Не. У меня там всё есть. Там полдня только раскручивать будем.

Холодильник должен работать постоянно, сутками и годами, так же как и домашний. Только промышленный холодильник работает постоянно, в отличие от домашнего — объёмы холодильных помещений на фабрике гигантские, теплопотери огромные. Естественно, оборудование постоянно изнашивается. Сердце холодильника — громадный поршневой компрессор, приводимый в движение 150 киловаттным двигателем. И вот ночью произошла авария — заклинило компрессор, при этом аварийно остановился мотор. Сработала сигнализация. Завыла сирена, замигал красный свет над машинным залом. Дежурившая милиция по телефону оповестила главного инженера, потом привезли его на

милицейской машине из дому, по пути съездили за Витькой. И ночью вдвоём запустили резервный холодильный агрегат. Ликвидация крупной техногенной аварии заняла 2 часа. А техногенной авария была названа потому, что если бы поршни или шатуны пробили чугунный корпус компрессора, весь хладагент попал бы в воздух. Нетрудно предположить, что было бы, если несколько тонн чистого аммиака попали в атмосферу города. Экологическая и техногенная катастрофа.

Однако, как и всегда в СССР, масштаб возможной катастрофы руководством фабрики был скрыт, и наверх, в горсовет, горисполком, и в горком партии отрапортовали, что авария была мелкой, и уже давно ликвидирована. Ликвидировать-то ликвидирована, но сейчас работал только один компрессор, и в случае любой неисправности, это грозило остановкой холодильника и порчей сырья и готовой продукции. Ситуация была нештатной, и механик сказал:

— Домой не пойдёте, пока не раскидаете весь.

— Это как не пойдём? — удивился Жека. — Тут ночевать что ли будем?

— Тут, — согласился Витька. — А ты как думал? Это авария. Больше некому делать. Я вон уже на вторую смену считай что пошёл. Сейчас до обеда поработаю, схожу пообедаю, и отдохну пару — тройку часов, потом продолжу. Такая работа, пацан, куда деваться... Привыкай к заводу, к работе.

А начали привыкать с того, что стали откручивать громадные гайки, стягивающие крышку компрессора. Сам ключ весил хрен знает сколько, да и откручивать его приходилось, насаживая на трубу. Жека открутил несколько гаек и пошёл покурить, с тоской наблюдая, что работы меньше-то почти не стало. Но всё-таки дело шло. Витька откручивал с одной стороны, Жека с другой. Однако появилась новая беда. Только открутили половину гаек, как из-под крышки пошёл аммиак. Внутри машины и трубопроводов ведь осталась какая-то часть. И запах был настолько тошнотворный, что закружилась голова и защипало глаза и нос.

— Беги, беги, студент! — крикнул Витька, и побежал к выходу.

— И как мы работать будем? — спросил Жека, перестав чихать и кашлять. — Туда же зайти нельзя.

— Вентилятор есть! — ухмыльнулся Витька и нажал кнопку на пульте управления, расположенном перед входом в машинный зал. Над ней висела надпись «Без включения вентиляции вход в машинный зал строго запрещён!». А рядом нарисован череп с перекрещёнными костями. Тут же загудел мощный вентилятор, вытягивающий ядовитый газ из помещения.

— Так а чё ты сразу его не включил? — недоумённо спросил Жека. — Тут же написано, что даже находиться там без вентиляции нельзя.

— А ты слышишь, как он грохочет? — недовольно возразил Витька. — Там все уши бы заложило. А беруши надевать — друг друга не услышим! Как ты работать будешь, если не слышишь друг друга? На улицу бегать каждые пять минут? Никогда вентилятор не включаем. Немного и поморщиться можно, не развалишься, не помрёшь.

Чуть проветрило, Витька полез в помещение работать, но находиться там было почти невозможно. Жека попробовал зайти, но не смог продержаться и пары минут. Тут же зачихал и выбежал и выбежал прочь. Витька работал, пока не началась одышка. Потом вышел, присел на лавочку. Долго чихал, кашлял и отплёвывался. Потом показал рукой на железный ящик рядом со входом в машзал.

— Там... Противогазы... Есть...

Жека открыл ящик и нашёл несколько старых шлангов. Самих противогазов не было. Наверное, украли. Впрочем, пока ходили на обед, концентрация немного упала, и работать скрепя сердце было можно, если выбегать почаще наружу, однако Витька пошёл спать, так как работал с самой ночи, и ему начальник велел выспаться.

— Откручивай пока. Пойду в слесарке подремлю. Кха... Кха... — закашлявшись, Витька пошёл помещению аппаратчика подремать. Дневным аппаратчиком работала Никифоровна, пожилая женщина, постоянно ходившая в чёрной спецовке, резиновых сапогах, и белом платке. Жила она где-то неподалёку, в частном секторе, и на работу всегда ходила в одном и том же, и работала в этом же.

Жека, естественно, на задание забил, он что, герой пятилетки что-ли работать так за копейки? Он вчера бомбиле больше отслонявил, чем тут за два дня получил бы. Впрочем, сильно быковать не стоило. Поэтому, Жека ближе к концу смены, предвидя, что может прийти кто из начальства, пошёл, поработал ещё полчаса, потом, увидев, что идут механик с главным инженером, принялся усердно откручивать гайки.

— Он один что-ли? — недовольно буркнул главный инженер, едва заглянув в помещение.

— Да! Студент работает один! — показал механик. — Зиновьич! О чём ты? Больше поставить некого. Витька отдыхает. Мужики ленту меняют в карамельном. Некого! Ну некого мне поставить сюда ещё! Нет людей!

— Ладно. Пусть ковыряются.

— Так их что, после смены что-ли оставить? Витька уже на сутки пойдёт.

— Пусть идут домой. Нечего тут жопу рвать. Сегодня всё равно не сделаем, как и завтра.

Только начальство ушло, Жека вышел на улицу и посмотрел на время. Почти 4 часа. Пора и домой. Пришёл заспанный Витька, весь в грязи. Лежал где-то то ли на промасленных тряпках, то ли прямо на промасленном полу. Вид конечно у него был как у шахтёра, вылезшего из забоя.

После того как вышел из проходной, Жека завернул в фирменный, за сахаром. Алёнка, увидев его, чуть заметно улыбнулась, достала из-под прилавка авоську, и поставила её наверх. Жека положил пятак, и хотел взять сумку, но Алёнка, играясь, отодвинула её. Потом рассмеялась, и подала Жеке прямо в руки.

— Вот. Сберегла. С вас рубль! — в шутку сказала она.

Жека посмотрел, что продаётся в фирменном, а здесь и брать-то нечего было. Всякая дрянь. Карамельные драже, карамельные подушечки, фруктовый ирис, дешёвая карамель и газировка. Даже в подарок ничего не купить!

Жека посмотрел на белые ровные зубы, свежие ароматные губы, блестящие подкрашенные глаза, груди, по-прежнему выпирающие из халата, достал червонец и быстро сунул в нагрудный карман халата.

— Женькааа! Ты что, дурачок что-ли? — возмутилась Алёнка. — Зачем? Я же в шутку

— А затем! — уверенно сказал Жека. — Я тут продал кое-что. Деньги есть. Вот. Подарил тебе. Хочу.

По всему видно, не привыкла она к таким знакам внимания, но улыбнулась и помахала в ответ нежной розовой ладошкой. Жека пошёл ловить частника.

Мать конечно же обрадовалась. Сахар! Талонный уже успели проесть, а коммерческий

рука не поднималась брать по червонцу за килограмм. Да и начала она немного запасать на лето. Там у деда виктория-смородина пойдёт, а на варенье много надо. Тут же вот — ешь не хочу! Хоть с чаем, хоть блины-оладьи пеки.

Вечером опять пошёл в бойцовский клуб. По пути увидел Славяна с Митяем на лавочке, и позвал их. Увязался конечно же, и Серый, зависнувший там. Серый был в Жекином старом спортивном костюме — отдал братану. Серый почти догнал уже Жеку по росту, лишь по телосложению был чуть потоньше. Но это пока...

Глядя на всех, почапал и Михалыч — чё сидеть-то в одиночестве. Слухи о том, что Жека наkostenялял омовцу, уже успели разойтись по району. От Славяна, естественно, от кого ж ещё.

— И чё? Там настоящий тренер? Настоящий ОМОН? — не поверил Митяй. — Да я и одной левой! Только так!

Однако когда пришли, как ни странно, никаких омовцев не было. На ринге занимались несколько совсем зелёных пацанов, и даже одна девочка в кимоно и в защите.

— Во! Синтия Ротрок будущая! — заржал Серый. — Я то-думал...

— А что ты думал? Привет, Женька! — к пацанам подошёл Егорыч. — Спортом заниматься с ранних лет надо. Чем раньше, тем лучше. привыкать к дисциплине. К мотивации. К желанию стать чемпионом. К патриотизму и желанию защищать честь нашей великой Родины, Союза Советских Социалистических Республик.

— А вы правда спортсменов-международников тренировали? — серьёзно спросил Серый. — А кого?

— Немногих. Но это были хорошие ребята-юниоры. Брал с ними и золото и серебро, и даже чемпионат мира наш был. Вот, смотрите — у меня фотоальбом есть!

Тренер сел за стол, достал из ящика большой фотоальбом, протянул и стал рассказывать.

— Вот. Это мы в Венгерской Народной Республике. В Будапеште. Это в Чехословакии. А это в Москве. Потом пошли на Красную площадь все участники. В Мавзолее Ленина были по спецпропуску. Эхх... Было же времечко...

— А потом что? — прогудел басом Митяй.

— А потом ничего, — поскучнел Егорыч. — Потом постарел, стал не нужен. а может, перегорел. Результаты ушли... Бывает и так... Да и стране не до спорта — сахара-то сейчас нет. В детях! В детях наше будущее! Они ещё поднимут страну! В вас, ребята, тоже!

— Да мы-то чё... — встрял Серый. — Мы так... Учимся ещё.

— Учитесь! От учёбы всё зависит! Ладно... Это всё лирика. Зачем пришли-то?

— Да мы это... На кикбоксинг бы записаться... — ответил Митяй. — Хороший спорт.

— Да. Сейчас кикбоксинг и тайский бокс популярность набирают. Хорошо. Но видите, мы сейчас в куче все. И милиция, и дети ходят. В Дворце Спорта ремонт идёт. После ремонта у нас будет несколько рингов, тренажёрный зал, раздевалка, и душевая. Но это когда ещё... А давайте я вас запишу. Будете по понедельникам и средам ходить. По вечерам. У вас же один уровень подготовки? Женька вот неплохо себя показал. Ладно. Приходите. Дорого не возьму.

— Ну чё? Будем ходить? — закуривая, спросил Жека, думая, что при такой толкотне много потренироваться не удастся. Да и тренажёрного зала нет. Разминаться негде.

— Сходим. Посмотрим, — осторожно сказал Славян. — Там видно будет.

На том и порешили. Жека решил не идти к Сахарихе — устал, пока гайки крутил, да и

следовало отдохнуть хоть немного. Завтра предстояло заниматься тем же.

Глава 17. Мясокомбинат

Однако завтра получилось совсем не таким, как Жека предполагал, и к его радости, от конченной работы в машинном зале его избавили. Механик на пятиминутке сказал, что директор договорился с директором мясокомбината о бартере, и тот решил выделить фабрике машину колбасы и ветчины в обмен на сахар, конфеты и зефир. А так как таскать и грузить надо много, а эти работы внеплановые, и местных грузчиков привлечь не получится, отдуваться придётся Жеке и Саньку, который афганец. У Жеки сразу зашевелились в голове кое-какие мысли...

Экспедитором послали Антонину Ивановну, женщину строгую и серьёзную. Когда загнали грузовик на склад готовой продукции, она тщательно проверяла по накладной всё, что таскали в кузов, а также примерно записала всё, что осталось на складе. Впрочем, за то время, что грузили, на склад из цехов на конвейере приехали ещё несколько десятков коробок, которые грузчики укладывали штабелями, так что учёт вёлся для галочки. Так... Лишь бы было.

— Езжайте и вы! Складывайте так, чтобы на скамейку одну сесть можно было, — велел директор, лично пришедший на склад посмотреть, как идёт отгрузка. — Там выгрузите и погрузите всё, что у Антонины по накладной. Проверяйте друг за другом, чтоб не ошибиться, и не оставить чего.

— Деньги давай возьмём с собой на обед! — предложил Санёк. — Я туда ездил уже за бартером, там столовая у них своя. Как будто в рай попадёшь.

Машина была новая, крытая тентом, ГАЗ-54. Стояли ещё ждали, пока мусора на проходной проверят всё, что под тентом, потом только сели в кузов и поехали. Антонина Ивановна ехала в кабине, с водителем. Время от времени Жека смотрел на дорогу, но так и не понял, куда они едут. Мясокомбинат находился на другой стороне города, и шофёр решил ехать напрямую, какими-то просёлками и закоулками. Машина то и дело качалась из стороны в сторону на колдобинах. Но всё-таки через примерно через полчаса приехали. Мясокомбинатовский мусор заглянул под тент, увидел Жеку и Санька, и тут же скомандовал:

— Выходите. Сейчас машину взвешивать будут.

— Взвешивать? Нафига? — удивился Жека, спрыгнув с борта.

— Они ж тебе не будут всю машину обыскивать, — поучительно сказал Санёк. — Шоферня тоже калымить хочет. Засунул пару палок колбасы под сидушку, и домой поехал. Или в кузове спрятал. Они ж не будут всю машину шмонать, и в каждом ящике проверять, сколько там положено. Сначала взвесят пустую машину, потом полную, разница и будет вес товара по накладной. Как видишь, всё просто, студент. Учись работать!

Однако Жека сразу понял, что легко можно и тырить. Немного конечно, но всё-таки. Привези с собой какую-нибудь железяку, где-нибудь на территории сбрось её в кусты, а на обратном пути разницу возьми колбасой. Однако... Колбаса не сахар, сбыть её просто так не получится, для её хранения нужен холодильник. Без него она за пару дней придёт в негодность. Так что Жека сразу отмёл мысль тырить колбасу и мясо. Если бы работал здесь, возможно, что-то и нашарил бы. Наверняка люди крутятся, судя по наличию мясопродуктов в коммерческих магазинах.

Как работают сами весы, видно не было. Грузовик лишь заехал на большие

направляющие, перекрывающие прямоугольную яму, и тут же на циферблате появились цифры. Мусор записал их себе в журнал, и дал знак Жеке и Саньку садиться в машину.

С Антониной Ивановной в кабину села какая-то местная тётка, и показывала ей дорогу, куда ехать. Разгрузили зефир и конфеты в одно месте, потом водитель опять поехал на весы взвешиваться, а Жека с Саньком пошли на обед, в местную столовую. и была она действительно крутая. Мясокомбинат всегда был предприятием сытым и богатым. Для своих тут ничего не жалели. Хороший ремонт — везде деревянные панели, потолок с алюминиевой плиткой. Новые раздачи. И даже кассы электронные. Жека вообще впервые видел это чудо техники.

Но самое главное — блюда. Их стоимость была такой же, как и везде — госцена. Но вес и содержимое... В супе лежали большие куски мяса, такие, что даже дома не положишь. Огромный ассортимент второго. Бефстроганов, варёное мясо ломтями, биточки, бифштексы, шницели, ленивые голубцы, тефтели... Глаз разбежался, и просто не знал что брать. Многие работники завода приходили со стеклянными банками, и просили положить им на вечер или домой.

— Видал! Как я тебе говорил! — подмигнул Санёк, поглощая громадный, чуть не с тарелку размером, жаренный в панировке шницель. — Тут жить можно! Только работай!

Работай-то работай... Однако и тут Жека недоумевал, почему такой большой по виду комбинат работает круглосуточно, а ни мяса, ни колбасы, ни сосисок в магазинах нет, а если привезут, то за ними громадные очереди. Разве что везут и в другие города и деревни, но для своих-то можно постараться, тот же фирменный магазин открыть... Хотя... Фирменный на кондитерской фабрике был одно название. Вполне возможно, что и здесь в фирменном лежало бы одно и то же — кости и хвосты.

После обеда машина заехала в холодильник, и Жека с Саньком быстро погрузили алюминиевые поддоны с колбасой и сосисками в кузов. Ивановна проверила, чтоб по накладной присутствовало всё, что надо. Перед выездом снова заехали на весы. Мусор сверил вес с тем, что указан в накладной и открыл ворота.

Жека ехал, сидя на лавке и смотрел на колбасу, лежащую в ящиках на полу. В самом начале тента, у кабины, кучами лежали промасленных фуфайки, два грязных колеса, большой буксировочный трос и ещё какая-то ерунда, что шофера возят обычно с собой. Какими трудными путями попадают деликатесы на стол трудящихся...

Впрочем... Когда в карамельном цехе случался разрыв транспортёрной ленты, (а это было делом довольно частым, учитывая, что работает она непрерывно и на износ), карамель валилась кучами на пол. Оттуда недолго думая, её брали лопатами, и кидали обратно на ленту, когда опять восстанавливали. И хорошо, если она была уже в обёртке. Но бросали с пола и ещё незавёрнутую.

Приехали обратно, дело шло уже к концу смены. Остановились прямо у фирменного, со стороны улицы. Быстро натаскали туда ящики. Алёнка, ехидно сверкнув красивым глазом, и едва взглянув на Жеку, проверила по документам чтобы всё соответствовало указанному.

— После работы будем раздавать! — заявила Антонина Ивановна. — По половине палки варёной, палке копчёной, и килограмму сосисок. Передайте своим — пятнадцать рублей отоварка стоит. Пятнадцать!

— Антонина Ванна! — подобострастно сказал Санёк, сдвинув вязаную шапчонку пирожком чуть не на затылок. — Так где ж деньги брать? Получку-то потратили уже! До аванца далеко.

— Я знаю? — чуть не враждебно заявила Иванна. — Пропьёте сначала, а потом денег нет. Идите домой, у жён просите. Занимайте. Я что-ли искать тебе буду? У меня деньги всегда на продукты есть. Эх ты... Взрослый мужик... Где хотите деньги, там и берите. Если завтра не принесёте, продадим тем, у кого есть.

— У тебя есть деньги? Не займёшь? — Санёк неожиданно обратился к Жеке. — Дс получки займи 15 рублей. Я с аванса не смогу отдать.

В кармане у Жеки лежало две сотни рублей на всякий пожарный, но занимать он не захотел, как и вообще никому из здешних. Все они были пьющими в разной степени, и деньги им жёны выдавали только строго по рублю с хвостиком в день. На обед, проезд и сигареты.

— Не. Нету. Только на себя. Да и то случайно захватил. Откуда у меня? Я ж студент. А тут мне зарплату ещё не давали, — развёл руками Жека. — Извини, Сань... Сходи домой, спроси у жены.

— Да понятно что идти придётся. Или завтра... — упавшим голосом ответил Санёк, и Жека понял, что и дома навряд ли он деньги найдёт — или нет, иди жена не даст, памятуя разгуляйный характер мужа. Вроде и жалко мужика, и выручить хочется... Но их много, таких мужиков, а он один. Дашь одному — придут другие. А на всех денег не напасёшься... Жека привык помогать только тем, от кого была какая-то польза. Пацанам, родителям, братьям-сёстрам. А проблемы левых людей его не касались.

Тут вдруг Жека вспомнил, что сегодня начали давать стипенду за апрель. Конечно, 50 рублей сейчас были не деньги для него, с последними мутками-то, но забрать всё равно надо. Студенческий бы завтра не забыть...

— Александр Петрович, мне завтра за стипендией бы с утра, — зайдя в крошечный кабинет механика, заваленный чертежами и техдокументацией, попросил Жека. — Касса с 8 работает, но я к 10 на работу точно приеду.

— Вот вечно у вас так! — недовольно пробурчал Петрович. — То понос, то золотуха. Как смотаться по своим делам, то в первых рядах, а как работать — никого не найти. Ты знаешь, сколько работы сейчас? Воо!

Механик резанул себя по горлу ребром ладони, показывая сколько работы. Потом бросил очки на чертежи, лежащие на столе, потеряв ладонями уставшие глаза.

— Компрессор аварийный ещё не запустили. Двое на больничный ушли. Один в вытрезвитель сегодня утром попал, выйдет или нет — хрен его знает! И тут ты...

— Ну мне ж надо! Когда я ещё-то получу.

— Ладно. Садись и пиши на имя директора заявление без оплаты до обеда. Дату сегодняшнюю поставь, чтоб видели, что ты не прогулял. Или лучше сам в бухгалтерию отнеси.

Жека взял лист бумаги формата А 4, положенный механиком на стол, и написал заявление, потом отнёс в контору. Бухгалтерша, дебилая дама с огромной шишкой из волос на голове, даже не посмотрев, что написано, поставила подпись, и бросила в лоток с табличкой «Директору».

Жека шёл в слесарку и думал — странное дело. Как работать бесплатно, сверх рабочего времени, так давай давай. Как тебе нужно по уважительной причине, так хрен отпросишься, сразу плохой. Витька сказал, что ему за переработку и ликвидацию аварии ночью ни копейки не заплатят. Дадут отгул и всё. Но был он мужик хоть и ершистый, но положительный и непьющий, поэтому этот отгул ему по сути-то был и не нужен.

После работы, зайдя в фирменный, сунул 15 рублей в нежную ладошку Алёнки, и залихватски подмигнул ей, пока никто не видел. Однако Алёна, надув пухлые губки, искоса посмотрела на него, и молча подала пакет с вкусностями. Народу было порядком, и флиртовать она не захотела, чтоб не пошли слухи. А Жека тут же задумался, нафиг ему это всё. Шашни на работе ни к чему хорошему не вели. К Алёнке был он абсолютно равнодушен. Нравилась лишь её свежесть, нежность и аппетитность развитого женского тела. Нравился эротизм, исходящий от неё.

Мать, увидев пакет с колбасой и сосисками, просто растаяла. В кои-то веки и по имени даже назвала, а не просто «ты». Все, кто был дома, расселись вокруг кухонного стола. Порезали хлеб, колбасу, отварили сосисок... Пир да и только.

— Жень, ты-то садись! — позвала мать. — Проголодался поди!

— Не! Я сытый! В столовой поел! — крикнул Жека, прислонясь к стене в коридоре. Был он абсолютно счастлив, как никто другой, видя радость родных людей.

Вечер провёл как всегда, с пацанами. Сахариху не видел. Скучая, хотел зайти, но тачло Сахара стояло у дома, и не рискнул. Утром поехал в технарь, за стипухой. Поехал на трамвае, чего в последнее время практически не делал. Народу навалом, в основном, студенты. А точнее, студентки. Они искоса, как будто невзначай смотрели на высокого, красивого, уверенного в себе парня, да ещё и модно одетого, что-то шептали друг другу в ухо, прикрываясь нежными ладошками, и временами прыскавая от смеха. Жека тоже улыбался в ответ, но тут же отворачивался. У него было кому улыбаться.

На остановке с двух трамваев вышла целая толпа, в основном девчата. Техникум-то торговый. 95 процентов студентов — девушки. Будущие бухгалтеры, товароведы, заведующие магазинами. Жека смотрел на целую толпу тёлок, и думал, какие же они все разные. Но все, несмотря на свои 15–18 лет, модно одеты. В варёнках, импортных курточках, миниюбках. В спортивных костюмах, как Сахариху, Жека никого тут не встречал.

Быстро прошёл в кассу, чуть подождал, когда она откроется, подал студенческий, получил полтинник, и хотел уже уходить, как его неожиданно выцепил директор.

— Евгений! Хорошо, что ты пришёл, и я тебя поймал!

— А что такое? — осторожно спросил Жека, вспоминая, где бы он мог прокосячиться. Вроде нигде.

— Директор кондитерской фабрики мой старый друг. И тут разговаривали как-то, он стал нахваливать прекрасного парня, что проходит практику у него. И оказалось, что это ты. По бумагам посмотрел — точно, ты ж оттуда справку принёс. В общем, отзывы о тебе самые замечательные. И я тут подумал — а почему ты у нас ещё не комсомолец?

— Я... Не знаю — растерянно промямлил Жека, раздумывая, что делать. В школе, в 8 классе, в комсомол его не приняли из-за нескольких троек по предметам, да и учился он откровенно слабовастенько. А ещё, состоя в комсомоле, нужно платить партийные взносы, а этого Жеке совсем тогда не хотелось, мать опять бы ворчала, что деньги куда попало уходят. Однако, что сейчас может дать членство в комсомоле? Настают другие времена. Однако... Неспроста ж директор всё это затевает...

— Я не знаю. Как-то замотался в учёбе, в работе. То да сё... Чертежи в свободное время изучаю.

— Пойдём ко мне в кабинет. Я напишу тебе рекомендацию и поручительство. Потом пойдёшь к комсоргу, и напишешь анкету. Но я тебе сразу говорю, Женья, как председатель партийной ячейки техникума — в ВЛКСМе тебе быть. Парень из многодетной семьи.

Родители пролетарского происхождения. Учишься на хорошо. Работаешь отлично. Давай, дерзай, — непреклонно заявил директор. — Пошли ко мне в кабинет.

Поднявшись на второй этаж, в административное крыло, директор отворил кабинет и зашёл, тут же показав Жеке место за большим столом. Жека вошёл, и замер от удивления — на столе в углу стояло что-то похожее на телевизор, только с кнопками.

— А... Что это? — недоумённо спросил Жека. Такое устройство он видел первый раз в жизни. Он конечно, в «Юном технике» читал о компьютерах, и там даже были схемы, как самому собрать его, но фабричный компьютер он видел впервые. И похоже, он был только в кабинете директора, как красивое и модное украшение.

— Компьютер. Шефы купили. Наш, советский! — с гордостью ответил директор. — Называется «Агата».

— И что на нём делать? — недоумённо спросил Жека. Информатика у них конечно была, и даже изучали какие-то языки программирования, типа «Паскаля», но всё проходило в чистой теории, так как компьютеров ни у кого не было, и никто не знал, зачем они вообще нужны, и что с ними делать. Учитель по информатике рисовал на доске какие-то циклы, команды «вперёд», «назад», «и», «или», «да», «нет», но зачем это нужно, оставалось тайной. На практике по информатике им раздавали программируемые калькуляторы «Электроника», они писали для них программы сложных вычислений, однако всё это было так оторвано от реальной жизни...

— А на нём можно печатать буквы, чертить чертежи, — неопределённо ответил директор. Похоже, он и сам толком не знал. — Посиди. Подожди пока. Я напишу сейчас, и сразу к Владимиру Станиславичу, комсorghу, его кабинет рядом с партийной ячейкой.

Примерно за полчаса директор от руки написал две бумаги, рекомендацию-характеристику о вступлении Евгения Соловьёва, студента 2-го курса Техникума Советской Торговли во ВЛКСМ, и поручительство. Требовалось поручительство двух лиц, но директор махнул рукой.

— И так примут.

Его поручительство стоило дороже, чем поручительство всех студентов, вместе взятых.

Комсорг Владимир Станиславич был полный человек неопределённого возраста между 20 и 40 годами. Одетый в малой ему костюм, с трудом сходявшийся на торчащем вперёд пузе, через разошедшуюся дыру в котором было видно синюю рубаху, он сидел, развалясь, за пустым письменным столом. В малюсеньком кабинете стоял только большой книжный шкаф с полным собранием сочинений Владимира Ильича Ленина, и грудями каких-то папок и разной макулатуры, в основном, толстенных подшивок газет «Правда» и «Комсомольская правда». На стене — портреты Горбачёва и Рыжкова.

Увидев Жеку, он расплылся в ехидной улыбке.

— Что хотел?

А прозвучало, словно «Чё приперся».

Глава 18. Комсомол

Жека видел раньше этого полумужика-полупарня, но что он делает, никто не знал. Каждый день он приходил вальяжно в столовую, словно по пустому коридору, не глядя ни на кого. Студенты расступались перед ним. Думали, мастер производственного обучения какого-либо курса. А оно вон что... В столовой он неспешно ел, а потом шёл обратно на второй этаж, теряясь в административном крыле.

— Меня Роман Павлович послал. Вот.

Жека подал комсorghу бумаги, написанные директором, и от скуки стал смотреть в окно. Однако, комсорг, не глядя бросил бумаги в стол, и опять уставился на Жеку.

— Фотография есть с собой 3 на 4?

— Нет, — удивлённо ответил Жека.

— А что я тебе в комсомольский билет наклею? — недовольно пробурчал комсорг. — Иди неси. Потом анкету напишешь.

Жека прикинул, что времени много ещё, на работу только после обеда, и можно смотыляться до дома. В фотоателье идти, так там через неделю то ли сделают, то ли нет. Дома фотки были вроде, по крайней мере, школьные-то точно были, ещё когда в детской комнате на учёте состоял. Да и когда в технарь поступал, тоже фотался. Правда, где они там? Мамка поди припрятала так, что и не найдёшь...

— Сейчас принесу!

— Давай до 11! — крикнул комсорг. — Я потом на обед, и уже не приеду сюда. Поеду в городской комитет!

Время 9 часов. Жека быстро вышел из технаря, и побежал к остановке.

— Эй, длинный ты куда?

За углом корпуса стоял и курил Мартын, его одноклассник. Здоровый парень, занимавшийся регби в городской команде.

— Надо! — махнул рукой Жека, показывая, что некогда базарить. — Тороплюсь!

— Э! А ну стой! Стой, я сказал! Иди сюда!

Жека остановился, и медленно подошёл к Мартыну. Ещё полтора года назад Жека боялся его, а сейчас этот шкаф казался таким мелким и незначительным... Опрокинуть что-ли его...

— Чё хотел-то? — Жека подошёл, и с усмешкой посмотрел на качка.

— А ты чё такой борзый? Наезжий что-ли?

— Говори, чё надо.

— Костюм снимай.

— Ладно, — Жека с вертушки зарядил Мартыну в шею. Тот охнул, и попытался ударить в ответ, но Жека пригнулся, и пробил ему фанеру сразу двумя руками. Мартын охнул, и согнулся в поясе, потеряв дыхалку. Жека зарядил ногой ему в рожу, опрокинув на спину. Тот закрыл лицо руками, думая, что его сейчас будут пинать.

— Ты кто такой сука? — медленно спросил Жека.

— Я... Кххх... Кххх... Саня... Кххх... — задыхаясь от боли, прокашлял Мартын.

— Обоссать тебя?

— Не... Нет... Не надо...

Жека плюнул Мартыну в рожу и побежал на остановку, там поймал бомбилу, и поехал

домой.

— Жди тут! — сунул мужику рубль, и вышел из шохы. — Подождёшь, поедем обратно, ещё 3 дам. Отвечаю! Я скоро!

Дома по-бырому нашёл фотки. Повезло, нашлись технарские. 8 штук их делал, предвидя всякую фигню. Конечно, полутороговые, но пойдут. Мать засунула их в большой клеёнчатый пакет, где хранились вообще все фотографии, ещё с похорон прадедов. Самые ценные фотки — свадебные, и детей, сделанные в студии, хранились в громадном фотоальбоме.

Дома из малых никого не было — кто в школах, кто в садах. Матери тоже не было — на работе. Батя храпел с ночной, и вроде, трезвый. Так же быстро сел в тачилу, и поехал обратно. Успел. И даже до обеда оставался ещё целый час.

Владимир Станиславич так же сидел, как изваяние, сложив руки на столе, и глядя в потолок. «Неужели он никуда вообще не встаёт, и ничего не делает весь день?» — подумал Жека, протягивая комсоргу фотографии и паспорт.

— Пиши анкету пока. Ручка есть? На. Вот бланк.

Комсорг вытащил из стола комсомольский билет, тщательно приклеил фотографию, поглядывая то в паспорт, то в рекомендацию. Потом достал печать из коробочки, покатав её по чернилам, и поставил поверх фотографии.

— Ты же работающий? — полуутвердительно спросил Владимир Станиславич. — Один процент с заработка в месяц членских взносов. Мы считаем в среднем по 15 рублей в год. Деньги есть? За год сразу заплатишь?

Жека хотел было сказать, что три месяца уже прошло, когда он учился, и потом снова будет учиться, но возражать не стал. Хрен с ним. Пусть подавится. Отсчитал 15 рублей, и подал комсоргу. Тот засунул купюры в карман пиджака, достал 12 марок, и наклеил их в билет. Потом сунул его Жеке.

— Устав и цели организации сам посмотришь. Вот тебе макулатура, изучай.

Комсорг дал Жеке Устав ВЛКСМ в маленькой книжке, ещё несколько брошюр и листовок.

— Всё. Свободен, — махнул рукой Владимир Станиславич. — Будут собрания, я сообщу. Вообще-то... Потом выйдешь на учёбу, подойдёшь сам.

Жека вышел, и посмотрел на комсомольский билет. Поверх фотографий стояла печать горкома ВЛКСМ, но каким-то образом она очутилась у комсорга торгового технаря. А может, их и было несколько. Впрочем, весь этот пофигизм и бюрократия говорила лишь о том, что самое главное в комсомоле — сшибать деньги с членов. Весь романтизм и значимость организации остались далеко в прошлом.

Приехал на работу как раз в обед. Не переодеваясь в рабочее, сразу пообедал.

— А ты чё это, увольняться уже надумал? — пошутил Санёк. Был он навеселе, как будто вдарил уже. Несло свежакон.

— Нет. В технарь надо было. А ты чё? Деньги-то нашёл?

— Нашёл. Мать заняла в последний раз! — рассмеялся Санёк. — Тридцатку занял до полочки, на десятку вчера в коммерческом водки взял. Нормально! С утра закинулся уже. Мне и на отоварку хватит, да и на вино ещё на вечер останется.

— Ну смотри... — неопределённо сказал Жека.

После обеда переоделся, зашёл к механику. Тот сидел навеселе. Попахивало коньячком. Опять наверное, выпросил в карамельном. С Петровичем сидел какой-то длинный сутулый

мужик в костюме и коричневой рубашке. Во рту у него дымилась изогнутая беломорина.

— Во! А ты кто у нас? — пьяно спросил он. — Как звать? Где работаешь?

— Евгений Соловьёв. Работаю слесарем-ремонтником пищевого оборудования.

— А чё я не знаю тебя?

— Так я недавно работаю. Я на практике тут, — объяснил Жека. — Я тоже не знаю, кто вы.

— Я — Николай Сергеич Матвеев, профорг завода. А ты чё, непрофсоюзенный у нас?

— Нет, — с недоумением ответил Жека, предвидя опять какую-то фигню. — Даже и не говорил никто.

— Ладно... Завтра в контору приходи до обеда, в профком, и пять рублей возьми на взносы. Будем заявление писать на вступление в профсоюз.

— Куда мне идти-то? — спросил у механика Жека. — Чем заниматься?

— Иди в машинный зал. Там ребята собирают уже. До конца смены с ними будешь.

В машинном зале уже почти собрали компрессор. Протянули гайки, проверили задвижки и трубы. Сделали пробный запуск. Вроде работает. На пуск сбежалось всё начальство — директор, главный инженер, механик. Посмотрели, что работает чисто, ровно, похвалили работяг. Потом неспеша пошли в контору.

— Щас ещё коньячку у директора дёрнут, — завистливо сказал Санёк, уже порядком прихмелевший. — Директор поди ещё и премию им выпишет за улучшенные показатели в ремонте.

— А вам? — недоумённо спросил Жека. — Вы ж Витьком ковырялись.

— А нам... на двоих хрен пополам! — рассмеялся Витёк. — Какие когда премии были тут? У нас работа почасовая. И платят за неё по часам, а не по итогу. Ладно... Собирай инструменты, студент... Скоро домой.

Вечером спецом Славяну предложил посидеть перед подъездом Сахарихи, зная, что она нет-нет, да смотрит в окно. Может, и выйдет... Заходить не хотелось — девятина Сахара торчала на стояке. Так и получилось. Когда совсем уже стемнелось, вышла. Да не одна, а с Пущей. Походу, зависали вместе весь вечер.

— Опа!!! Это кто? — прикольнулся Славян.

— Звезда в кожаном пальто! — в ответ прикольнулась Пуща, и с разбегу хотела прыгнуть ему на колени, но он убрал ноги в сторону, и она чуть не грохнулась задницей на землю.

Однако Славян поймал её под мышки, как будто невзначай коснувшись острых грудей, рывком поднял, и затащил на себя. Всё это не выпуская сигареты из уголка рта.

— Чуть не промазала! — заржал он. — Оксанка! Из тебя снайпер не получится!

— Я и не буду снайпером! Я торговать буду! — капризно заявила Пуща, и обхватила его руками за шею, положив голову на плечо. Славян выкинул сигарету, погладил девчонку по волосам, коснулся их губами.

— Хахаха! — ехидно рассмеялась Сахариха. — Чё за нежности! Вот так надо! Я великий каратист!

В шутку замахнулась ногой в трениках, как будто собираясь пнуть Жеку.

— Сдаюсь! Сдаюсь! Сдаюсь! — заржал Жека, поднимая руки. — Иди сюда, мой победитель!

Однако вреднюка Сахариха отрицательно кивнула головой, отскочила на пару метров, и закурила сигарету.

— Не-а. Не хочу.

Постояла, по девичьи скрестив ноги ступнями одну за другую, покурила, потом неспеша подошла к Жеке, и погладила его по волосам. Зелёные глаза словно мерцают в свете огней домов.

— Это чё у вас тут за висячка? — прогудел подошедший Митяй. — Чё пьёте?

— Ничего, — ухмыльнулся Жека. — Завтра напьёшься. Да, Светик? Нальёшь нам?

Видно, задел неприятную для неё тему. Хотела что-то сказать в ответ, но вдруг расплакалась, размазывая слёзы тонким кулачком по лицу.

— Ну ты чё? Ты чё, Свет? — растерялся Жека. Встал с лавки, подошёл, обнял так крепко, как только мог.

— Ну всё хорошо же, малыш... Всё хорошо будет. Отвечаю.

— Я знаю, Жень. Наверное, будет, — неуверенно улыбнулась Сахариха. — Ладно. Пойду я домой.

Помахав на прощание, Светка пошла домой, в подъезд. Жека поднял голову и увидел в освещённом окне третьего этажа массивную фигуру Сахара. Полоснуло по сердцу беспокойство. Как оно будет? Как всё пройдёт? Обычно у людей праздник — это здорово, здесь же всё наперекосяк.

— Ну чё... Пацаны и... Пацанки, — Митяй с усмешкой посмотрел на Пущу. Завтра вместе пойдём?

— Конечно вместе, — Жека даже с каким-то недоумением посмотрел на корифана. — Чё мы отдельно-то потащимся туда? И не пойдём, а поедем. Тачку поймаем.

— Где ты её поймаешь, в субботу вечером? — возразил Славян. — Дороги пустые. Все по домам. Если только такси вызвонить. Так они то-ли приедут, то-ли нет. Будешь тут торчать в темноте.

— Может, мужика того, на Москвиче вызвонить? Митрофаныча? — предложил Митяй. — Он же говорил звать его, если калым будет.

— На Москвиче ехать туда... — с сомнением покачал головой Жека. — Ему лет 15 по виду.

— Тебе какая разница? — возразил Славян. — К вокзалу ты всё равно не подъедешь. Он остановит на стояке для бомбил. Там ещё метров 100 идти пешком. Крутые-то по перрону прямо к кабаку поваливают, через служебные ворота. А мы пройдемся. Нам чё. Давай, Жека! Чё думать-то! Я позвоню от соседки, пусть мужик подгребает сюда полседьмого, к нашему дому, и отсюда двинем.

— А мыыыы? А яяяя? — жалобно протянула Пуща.

— А за тобой заедем! — непреклонно сказал Славян, и ссадил её с коленей. — Всё! Пошли, я тебя провожу, и по домам!

Дома опять немного потренировался. Копчик всё ещё побаливал, но уже не так сильно. Молодой, заживает быстро. Зашёл Серый. Поиграли в шахматы. Потом в карты.

— Вы чё, к Сахарихе завтра поедите? — осторожно спросил Серый, складывая карты в колоду.

— Да. И это мне звездец как не нравится.

— Почему?

— Потому что мы никто перед ними всеми.

— Будь осторожен, братан...

Утром, часов в 11, зашёл Славян. Сказал, что дозвонился до Митрофаныча. За пятак

доставит до вокзала. Приедет полседьмого.

Весь день Жека готовился, сидел почти как на иголках. Думал, может, цветов у грузин на рынке купить... Так тащиться опять же неохота. Влом. Опять из дома выходить. Дв и мать опять что-нибудь ляпнет недовольно. А... Потом как-нибудь. А может, денег Светке вместо цветов сунуть? Так с неё станется, ещё порвёт и выбросит. Не... Подарок по цене для пацана нормальный. И по цене и по всему.

Заранее приготовил свои адиды, костюм и кроссы. Ближе к вечеру, замучавшись и весь изойдя от ненужных думок, плюнул и потренировался. Размялся хорошо, потренировал удары, поколотил по доске. В последнее время Жека вроде бы начал чувствовать, что такое энергия ци. Или чи. Сидел, медитировал перед доской для тамэсивари, и чувствовал, как по телу начинают идти мурашки. А потом ощущал нечто тягучее внутри себя. Как будто оттягивающее мышцы назад, но при этом концентрированное. Такое, что можно освободить одним ударом, сбросив разом всю тягучесть в одну точку. Можно конечно попробовать ударить кончиками пальцев в доску колющим ударом, но... Потом. Сегодня надо остаться нормальным. А не со сломанной рукой.

Помывшись, оделся, сунул в карман косарь, пачку Мальборо со спичками, взял с верха шкафа пакет с подарком для Сахарихи, и минут 20 седьмого пошёл на улицу. К Славяну заходить не стал — родители у него были нелюдимые, впрочем, как и Жекины, лишний раз встречаться не хотелось.

У первого подъезда уже стояли Славян и Митяй. Славян в костюме с иголки, в пакете тоже что-то лежит. Бесшабашный и простой Митяй, для которого всё предстоящее было лишь поводом напиться, как всегда, в своём излюбленном — дешёвом китайском спортивном костюме и кроссовках, тоже не первой свежести. Однако у единственного из толпы в руках у него были розы. Пятнадцать белоснежных роз.

— «Белые розы, белые розы, беззащитны шипы» — шепелявя и передразнивая Шатунова, пропел Митяй, и улыбнулся во весь рот. — Дарова, братан!

— Где Пуша? — обеспокоенно спросил Жека. — А... За ней же заехать надо...

— Да не. Она сказала, если раньше выйдет, пойдёт навстречу, по дороге, — успокоил Славян. — Где мужик-то? Вон, едет... Я ему адрес сказал, чтоб доехал тика в тика.

В стихающем квартале послышался треск Москвича, едущего на первой передаче, приближающийся к пацанам. А вот и он... Митрофаныч подъехал и распахнул дверцу.

— Ничё! Давайте, садитесь! Там гаишники тормознули. Проверяли права. Ну чё? Куда?

— Сейчас девчонку одну заберём. Езжай к тому дому, — показал Жека. Однако доехать не успели — Пуша сама шла навстречу. Одета в своём молодёжном девчачьем стиле. Варёнки-пирамиды с подвёрнутыми на пару оборотов штанинами, позволяющими видеть белые носочки, торчащие из белых адидов. Розовая майка с Микки-Маусом, оттопыренным девичьими грудями. Расстёгнутая куртка-джинсовка с закатанными рукавами. Несколько колец-браслетов на каждой руке. Глаза очень сильно подведены, впрочем, как и губы. Через плечо маленькая импортная сумочка. Волосы зачёсаны назад и в сторону — торчат вбок пышным хвостом. Но хороша...

— Вот и твоя интердевочка, — рассмеялся Жека, сидевший впереди. — Запускайте кто-нибудь.

— Чёёё так дооолгооо? — обиженно протянула Пуша, садясь в распахнутую заднюю дверь, и тесня Славяна. — Я уже навстречу пошлааа.

— Чё родителям сказала? — обернувшись спросил Жека. — Вернёмся-то поздно,

наверное. Я своим ничё говорить не стал. Пофиг. Пусть орут.

— Неет, мальчики, я сказала, — жеманно возразила Пуща. — Я девочка хорошая, примерная, и вообще зайка. Сказала что пойду на день рождения к подруге в ресторан. К Светке Сахаровой.

— А они чё?

— Сказали, чтоб Слава потом проводил до квартиры. И чтоб приехали к 12. Ты же проводишь, даже Слава? — Пуща с невинной рожицей посмотрела на Славяна. Хотела положить голову ему на плечо, но вспомнила, что с причёской, и резко отдёрнула, ойкнув. Это вышло так смешно, что пацаны заржали во весь голос. Засмеялся и Митрофаныч, подглядевший цирк Пущи в салонное зеркало.

— Чё вас, парни, к железнодорожному? — смеясь и блестя в зеркало стальными зубами спросил он.

— Да.

— Щас быстро домчим, за десять минут. Тут ехать-то...

И в самом деле, доехали быстро. Десять минут и вокзал. Дороги уже пустые почти. Суббота. Вечер. Идти некуда. Люди уже кто по домам, кто во дворах. Однако если на улицах народу уже было маловато, то на вокзале непрекращающаяся суета. Объявляют электрички, автобусы. Народ туда-сюда. Уже потянулись за город дачники...

Москвич тормознул на стоянке такси у железнодорожного вокзала.

Глава 19. Если ты пьёшь сворами...

— Ну чё, парни... Может, подождать вас тут? Я могу, — даже как-то заискивающе и подобострастно спросил Никифырыч.

— Не надо. Мы тут надолго можем зависнуть, — отказался Жека, и кивнул головой на машины такси с зелёными пашечками. — Тут тебя быстро подрихтуют вон те. У них тут своя мафия. Уедем сами. Спасибо, Никифырыч. Вот тебе пятак. Как и добазаривались. Если надо, ещё позвоним.

Проводив взглядом застрекотавший по улице Москвич, молодая банда пошла на гулянку больших воров.

Ресторан «Гудок», как и следовало из названия, находился на первом этаже железнодорожного вокзала, в левом крыле, более отдалённом от центральной части, от залов ожидания, комнаты отдыха и билетных касс. В вестибюль вели три больших двери. Одна прямо из вокзала, через зал ожидания. Сейчас она была закрыта изнутри. Вторая дверь с железнодорожного перрона, где сейчас находилось десятка два автомобилей, довёзших пассажиров прямо до входа, невзирая на запрет движения автотранспорта по посадочной платформе. И третья со стороны города. К этой-то двери и шла банда Жеки.

Казалось, ничего особого в ресторане не происходит, и всё протекает как всегда. Однако по обе стороны от городского входа на крыльце стоят двое здоровых ребят, и отфутболивают левых посетителей. Увидев компанию из трёх парней и одной девушки, подходящих к ресторану, хотели преградить им путь, как изнутри вышел ещё один охранник, и что-то сказал тем, что на улице. Этот третий был Талдыч, одетый как всегда, в кожаную куртку и спортивные штаны. Мельком глянув на Жеку, он отвёл взгляд — походу, не узнал.

В вестибюле стояли Сахариха и Сахар. И если вид Сахара Жека примерно представлял хотя с трудом мог удержать смешок при виде лысого амбала в смокинге и с галстуком-бабочкой. Но Сахариха... Она выглядела как принцесса. Из какого-то долбаного голливудского фильма или сказки. На ней было ослепительно белое платье. Очень короткое спереди, практически до верхней трети бёдер. И очень длинное сзади. Его подол доставал до земли. Плечи обнажены, а декольте такое, что груди чуть не выпрыгивают из него при малейшем движении. На ногах у неё серебристые босоножки на шпильке, а в волосах свежая роза. Белая роза. Первой мыслью Жеки было — зачем она это одела? Или ей приказал брат? Но нет! Никакого стыда или неловкости в глазах Сахарихи не было! Она принимала свой божественный вид как должное! И с большим-большим вызовом смотрела на всех! Измывалась!

Они стояли и приветствовали гостей, предлагая им проходить в банкетный зал. И тут же принимали подарки, складывая их в кучу на большом столе, охраняемую двумя сахаровскими качками. Наверное, было что охранять... И всё это происходило как в каком-то долбаном фильме. Вот только что ты колесил на гнилом Москвиче по трущобам криминальной речки, а спустя полчаса в каком-то другом мире, где ты видишь настоящих дам и господ среди серой советской реальности. Контраст между тем миром и этим был так силён, что похоже, все трое пацанов, родом из семей простых и небогатых, резко и почти одновременно ощутили его. Только Пуще было пофиг. Вот точно бесшабашный человек! Увидев лучшую подругу в таком одеянии, она завизжала, и что-то закричав, побежала к ней, раскинув руки. И это проявление искренних чувств казалось настолько невероятным здесь и

сейчас, что воспрямили и пацаны. Ожили. Заулыбались, увидев свою, центровую. А она-то как обрадовалась!

По очереди подходили, поздравляли. Последним подошёл Жека. Подошёл, и почувствовал, что сказать ничего не может. Вернее, может, но всё какую-то простую чушь. Вроде «Привет. Как дела?» Всё-таки что-то сказать надо...

— Свет, тебе 15 лет. Желаю счастья, здоровья, и всего самого хорошего. Пусть сбудется всё, о чём ты мечтаешь! — просто и искренне сказал Жека, протянув ей пакет с подарком. Потом, как будто что вспомнив, нагнулся, и поцеловал в нежную шёлковую щёчку.

— Спасибо Женя, — улыбнулась Сахариха, сверкнув огромными зелёными глазами. — Я очень рада, что ты пришёл. Проходи с пацанами. Вас проводят. Я подойду позже.

Сахар конечно же не хотел за руку здороваться с центровыми пацанами. Кто они есть-то? Шушера мелкая. А поздороваться за руку — значит, признать свои близкие тёрки с ними. Потом всегда придётся здороваться при встрече, потому что не по пацански получится. Однако пришлось.

— Здравствуй. Проходи, — криво улыбнулся Сахар, крепко пожимая руку Жеке. Однако в глазах его не было ни дружелюбия, ни радости. В них не было ничего. С другими центровыми поздоровался также, лишь при виде Пуши расцвёл, и поцеловал её в щёчку.

— Оксанка! Тебе рад, как всегда!

Вошли в зал. Жека тут раньше не был. Ресторан славился в первую очередь отменной кухней, которую хоть сейчас в Лондон или Париж. Во вторую очередь тем, что постоянно зависала тут ночами воровская верхушка, творческая интеллигенция, и старая партократия с главами крупных предприятий. Интерьер прекрасный и стильный, нечто вроде модерна начала 20 века. Везде полированное дерево, с верхотуры спускающиеся на цепях светильники в произвольных местах и на произвольную высоту. Огромные арочные окна закрывают тяжёлые бархатные портьеры. Как в театре! Сразу у входа, прямо в зале, новомодный бар с ассортиментом напитков, и красными круглыми кожаными сидухами перед полукруглой современной стойкой. Надоело тебе сидеть за своим столиком — милости прошу пообщаться со случайным посетителем.

За стойкой бара молодой человек с идеально выверенной стрижкой, в белой короткой рубашке, и галстук-бабочке. Как в фильмах, протирает бокалы, потом расставляя их на стойке. В самом конце зала два бильярдных стола с низко висящими над ними светильниками. Играть сюда записывались по телефону, так же впрочем, как и поесть. Справа была сцена, где каждый вечер играла живая музыка — местные исполнители считали большим шансом попасть на эту сцену. Ресторан «Гудок» так выделялся интерьером, кухней, таинственной атмосферой элитарности, что попасть сюда простому пассажиру с поезда было возможно лишь днём, часов до 6. После этого времени все столики были заняты, на дверях висел плакат «Мест нет!», а на входе дежурил дюжий бритый наголо швейцар в ливрее и тюремными наколками на пальцах рук.

Тихо играет джазовая музыка, в духе стиля ресторана. В зале уже был народ, довольно много, но так как царил полумрак, разобрать кто и где сидит, совершенно невозможно. На сцене музыканты пробрасывали провода, изредка что-то проигрывали на электрогитарах.

Метрдотель в чёрном костюме и белой рубашке, увидев компанию центровых, вежливо улыбнулся, и подошёл, чуть заметно сделав поклон головой.

— Здравствуйте, товарищи. Вы... Э... — он сверился со списком гостей, открыв чёрную кожаную папку. — Друзья? Да, друзья. Евгений, Святослав, Михаил, Оксана. Всё

верно? Всё верно. Прошу за мной.

Запихали их конечно, за самый дальний стол, как на какую-то галерку. Сахар, походу, всех своих друганов и нужных людей поближе посадил. Себе и Сахарихе он поставил самый большой и длинный стол в самой середине зала, а вокруг него пустое пространство на расстоянии в пару-тройку метров, как бы подчёркивающее особый статус этого места.

Столы накрыты белыми скатертями, разложены блестящие приборы и бокалы с рюмками. Официанты разносили шампанское и лёгкие закуски, чтоб дорогие гости расслабились, и не заскучали в ожидании начала торжества. Жека сел так, чтоб видеть, что происходит в центре зала. Напротив него сел Славян, справа Пуца, слева Митяй. Официант разлил шампанское по бокалам, принёс шоколадные конфеты на закуску в хрустальной розетке. Митяй понюхал шампанское, попробовал немного.

— У них чё, водки нет? Эй, мужик, водка есть? — без излишнего жеманства спросил он у официанта.

— Вы водку будете? Сейчас, минуточку, — официант ушёл, и тут же через минуту принёс на подносе хрустальный графин и высокую стопку. Взял белыми перчатками стопку, поставил на стол перед Митяем, налил из графина ровно половину, и хотел уже уходить, когда тот опять вылез:

— Чё так мало-то? Лей полную. И бутылку эту оставь.

Официант слегка поклонился, долил стопку Митяя до краёв, поставил графин на стол, и ушёл.

— Ну давайте, братаны, — Митяй разлил водку по стопкам, и поднял свою вверх. — Горько!

— Тихо ты! — зашипела Пуца. — Какое горько? Ты совсем уже? Так на свадьбе кричат!

— Мне пофиг! — Митяй выпил стопку в несколько глотков, и закусил шоколадной конфетой.

Жека тоже решил закинуть рюмашку — чё-то совсем тревожно стало. Жека смотрел на присутствующих, и вроде бы кого-то узнавал. Неожиданно он столкнулся взглядом с мужиком в абсолютно белом костюме и золотых очках. С удивлением он узнал Вениамина Людвиговича, которому затаривал кондитерку. Тёртый калач, старый одесский еврей, вор старой закваски, он конечно, сразу почувствовал чёй-то взгляд на себе, обернулся, увидел Жеку, узнал, улыбнулся, и поднял бокал с шампанским. Жека поднял пустую рюмку, но Веня постучал ногтем по своему бокалу, призывая налить себе спиртное. Жека налил, одновременно с Веней поднял стопку с водкой в воздух и выпил.

— Во! А ты того мужика узнал? С той бабой разфуфыренной? — возбуждённо зашептала Пуца, дёргая Жеку за рукав. — Это же вроде этот, как его... Слонов, секретарь горкома КПСС! Его портрет в каждом номере «Н-го рабочего!»

— Да вижу... Тут одна блатата, — Жека приглядывался к гостям, и узнавал многих. Секретарь горисполкома, секретарь горкома ВЛКСМ, директор металлургического комбината, главный режиссёр театра, начальник городского УВД, Шамиль, Вениамин Людвигович, отец Фотича, смотрящий по центру, авторитеты новой волны Добей и Макар — все уважаемые люди города были здесь. И они... Уличная шпана, чудом попавшая на закрытый бал высокочтимых людей...

Однако Митяя с его пофигизмом это нисколько не напрягало, так же как Славяна. Тот вообще понтанулся как какой-то Дон Корлеоне — достал из внутреннего кармана пиджака чёрные очки, одел их, и высокомерно поглядывал по сторонам.

— Чё ты крутого тут лепишь? — угарнул захмелевший Митяй.

— Я есть глава куполы, дон Тано Карриди, — в шутку заявил Славян, вытянув руку и показав зоновскую распальцовку. И тут же заржал. По телику как раз показывали сериал «Спрут» про итальянскую мафию, и там «Куполой» назывался высший совет Коза Ностры.

— А я тогда графиня Ольга Камастра! — ехидно сказала Пуца.

— А я барон Линори, — важно сказал Жека и кивнул на Митяя. — А этот хмырь — синьор Эспиноза.

Смех-то смехом... Однако Жека вдруг понял, что они видят перед собой самую настоящую советскую мафию, которая не прячется где-то там по углам. Вот она — партия, мусора и блатные.

Неожиданно зажёгся на полную свет, оркестр заиграл что-то джазовое, и в двери неспешной походкой вошёл Сахар с Сахарихой под ручку. Гости все встали, и дружно захлопали в ладоши. Сахар шёл как король, раскланиваясь в разные стороны. Сахариха... Она была никакая. Как белая мумия в белом платье. Если раньше, когда она с с братом встречала гостей, казалось, что довольна всей этой суетой, сейчас её настроение сменилось. Не хотела она этого ничего! Только представила, что придётся провести весь вечер в окружении этих павианов, рассматривающих её, и наверное, завидующих ей, и это сразу свергло её в состояние уныния.

С десяток официантов начали разносить подносы с едой. Руководил ими тот же метрдотель, что и встречал гостей. Был он профессионал своего дела, держал ситуацию на контроле, если куда-то надо людей, посылал, если что-то надо гостям, и они обращались к нему, быстро всё решал. Вот и центровым притаранили сначала холодное. Осетровый балык, красная-чёрная икра в розетках на маленьких тарелочках, выложенных льдом с ломтиками лимона. Официанты разлили шампанское. А кому и водку. Налил своим и Митяй.

— Ты смотри, не накидайся тут! — толкнул локтем друга Жека. — Потом тащить тебя ещё...

— Не ссы, дон Корле... Дон Корилимони, или как там его... — ухмыльнулся Митяй, и сразу закинул свою икру в рот, закусив водяру.

Даже Пуца, несмотря на то, что её отец работал начальником участка на шахте, получал по восемьсот в месяц, и считался по советским меркам человеком богатым, не пробовала таких блюд. Красная и чёрная икра, осетрина в 1990 году в СССР. Да вы серьёзно? Тут мыла-то в магазинах нет... Однако, и рыба и икра никуда же не девалась... Рыбаки её исправно ловили. Только вот ели её граждане особого сорта. А весь народ — синих шерстяных кур и морской салат.

Жека удивился, как высок авторитет Сахара. Его знал весь город. Знали все. Приехали все. И приехали всего лишь на 15-летие сестры. Впрочем, отказать, наверное, было бы трудно. Только кто же Сахар был в иерархии города? Для Жеки он был обычным крутилой-бандитом на вишнёвой девятке.

— Уважаемые товарищи! — раздался чуть картавящий слащавый голос конферансье. — Все вы конэшню же знаете, почему здесь собралась такая тёплая и дружная компания друзэй и единомышленников! У известного в нашем замечательном городе коопэратора и мэцэната Романа Алэксандровича Сахарова в сэмье празднэк. И нэ буду томить, скажу, что у его сэстры Свэтланы сегодня юбилэй! Пятнадцать лет — замэчатэлная дата! Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! Виват, Свэтлана! Виват Роман! А тэпэрь прошу вас к столу, дорогие товарищи!

Гости громко захлопали, с показной радостью смотря на Сахара и Сахариху, однако сами исподтишка разглядывали друг друга, смотря кто во что одет. Одеты, конечно все так, как и положено сливкам общества. Мужики в смокинги и костюмы, их женщины в строгие классические платья «А-ля Маргарет Тэтчер». Удостоверившись, что всё как положено, присутствуют все свои, кроме той странной молодёжи в самом углу, гости расслабились. Сахар с Сахарихой сели на место, и принялись за еду. Жека зорко наблюдал за Светкой, что она делает, и как, но вроде всё в порядке.

— А сэчас слово прэдоставляется товарищу Слонову Виктору Алексэевичу, сэкрэтарю городского комитета КПСС, — объявил конференсье. — Прошу вас.

Слонов и в самом деле, выглядел как слон. Разъетое до безобразия лицо, грузная пузатая фигура. Толстыми, как сосиски пальцами, он взял микрофон у конференсье.

— Кх... Кхх... Гм... Здравствуйте, гм... Дорогие товарищи, — начал Слонов, постоянно кашляя, потев и вытирая лоб большим белым платком. — Хотелось бы кхх... кххх... Поздравить уважаемую Светочку, пусть она...кх... простит меня за столь фамильярное обращение... Поздравить, товарищи... А... Да... С пятнадцатилетием. И хочется... гм... пожелать ей счастья, здоровья, и всего самого лучшего!

Потом выступил начальник городского отдела образования, и сказал, что Светлана в учёбе лучше всех в городе (хотя Сахариха больше шарилась в спортивках днями по району, и курила на лавках, чем сидела дома с учебниками), и что стопудово у неё будет красный аттестат, и золотая медаль за окончание школы. Потом выступил председатель городского комитета ВЛКСМ, и сказал, что за выдающиеся успехи Светланы Александровны Сахаровой в молодёжном коммунистическом движении, её решением горкома ВЛКСМ приняли в союз юных ленинцев. И тут же притаранил Светке комсомольский билет, скорей всего, даже без фотки. Прямо к столу, где встав, как рыцарь, на колено, поцеловал ей ручку и торжественно отдал билет в руки довольной Сахарихи. Естественно, присутствующие встретили это объявление бурными, продолжительными аплодисментами.

Потом в поздравления наступил небольшой перерыв, и конференсье объявил танцевальную паузу.

— А сэчас небольшой танцэвальный антракт! — громогласно заявил конференсье. — Вальс! Кавалэры приглашают дам!

Глава 20. Продолжение банкета

Сахар подошёл к какой-то высокой худощавой тёлке, сидевшей за столом со Слоновым, и пригласил её на танец, поклонившись, заложив одну руку за спину, и протянув другую. Та, засмеялась, и тоже подала руку в длинных серебристых перчатках. Была она единственная из всех женщин, одета в короткое платье, да и по возрасту как Сахар, лет 30-ти. Светка осталась сидеть за своим столом совсем одна, в грустном одиночестве. Её лицо, несмотря на откровенное платье, было совсем невинным, даже детским в этом шалмане.

Однако Жека заметил, что на девочку плотоядными глазами, как мышь на крупу, уставился Шамиль с базара, который продал ему интимное бельё для Сахарихи. Был он, судя по всему, грозным кавказским авторитетом, и человеком очень опасным. Что ж... Вот и свела их слепая судьба на узкой дорожке...

Заиграл медленный красивый вальс Евгения Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». Мужики стали вставать, и как настоящие кавалеры, приглашать своих партнёрш. Хотел и Жека тоже пойти Сахариху пригласить, но Пуца его придержала.

— Тише! Тише! Куда ты лезешь, Женька! Тебя сомнут там! Кто ты... Кто мы и кто они!

Жека посмотрел на испуганное лицо Оксанки. Она так боялась за него, что почти вцепилась в рукав олимпийки. В красивых глазах застыла тревога.

— Не надо, пожалуйста... — прошептала она. — Я Светке обещала... Что ты не полезешь никуда.

— Всё нормально, малыш. Чему быть, того не миновать, — улыбнулся Жека, коснулся её волос, и посмотрел на Славяна, Митяя. — Она же не будет там сидеть одна. Чтоб к ней чернь подкатила? Пусть я дурак, но иначе не могу. Помяните водкой потом. Я пошёл.

Жека встал, отодвинул стул, и медленно пошёл к Светке, в то же время обратив внимание, что и Шамиль тоже собирается встать. Пришёл горец один, но занимал при этом целый столик. Видать не захотел, чтоб с ним кто-то садился ещё. И Сахар, наверное, согласился на это условие.

— Пойду и я, — буркнул Славян, всё так же сидевший в чёрных очках. Он достал деньги, отслюнявил пару сотен, и пошёл к оркестру, лишь потрепав по щеке чуть не плачущую Пуцу. — Не ссы, Ксюшка.

— И я! — крикнул Митяй, опрокинул ещё водки, прямо руками взяв кусок осетрины, и пошёл в толпу, прямо на ходу доедая и роняя куски еды себе на олимпийку и на пол. И тут же отряхивая руки. Ладно хоть не о штаны вытер...

Шамиль, глядя как удав на мышь, и не отрываясь от Светкиного тела, поднялся, и в это время вальс внезапно кончился. Пары в недоумении остановились на миг. Но тут же в полную громкость грянула «Ламбада». И хоть местная группа играла её так себе, но ритм был бойкий, быстрый, зажигательный, и конечно же, на сто процентов знакомый каждому в этом зале. Поэтому все без исключения переключились на Ламбаду. У оркестра стоял серьёзный Славян, только что сунувший музыкантам пару сотен, и сказавший, что надо бы немного изменить мелодию — солидные люди хотят быстрый танец потанцевать.

И то правда. Захмелевший секретарь горкома КПСС товарищ Слонов, уже порядком принял на грудь, и сейчас отплясывал под Ламбаду нечто исконно русско-народное. Жена его, в жёлтом классическом платье, жёлтой шляпке и с крупными бусами на шее, составила ему компанию. Чопорный танцевальный зал превратился в дискотеку. Незаметно Ламбада

сменилась на «Есаул-есаул, что ж ты бросил коня». И тут уже не выдержал начальник городского УВД, бросивший пиджак на стул, и пошедший в пляс, развязав галстук. Уже никто не спрашивал, кто, откуда и куда.

Митяй притащил графин водки со стопками, и кому-то наливал на брудершафт, пил сам, плясал вприсядку со Слоновым и начальником УВД, потом тут же курил, бросая бычки на пол, и давя их ногой. Впрочем, все делали абсолютно то же. Официальная мишура слетела, обнажая исконно-пролетарскую душу собравшихся.

Пуца танцевала со Славяном, подняв руки. Жека танцевал с Сахарихой, обняв её, в самом углу, в сторонке, словно отделившись от других. И танцевали они совсем не в ритм, а какой-то совсем уж медленный танец, доступный только им двоим. И всем было на них пофиг, кроме трёх человек, которые знали Жеку. Это Сахар, Шамиль и Вениамин Людвигович. Причём, если первый и второй смотрели на Жеку неодобрительно, а Шамиль, так даже и с ненавистью, то Веня Одессит с каким-то умилением и радостью.

— Кто этот чудесный молодой человек? — с умилением спросил у Сахара Веня. — Роман... Посмотри какая великолёзная молодая пара! Посмотри, как они счастливы! Посмотри, как прекрасна эта юность, эта сила любви! И заметь — этот юноша прекрасный коммэрсант!

— Какой ещё коммэрсант? — недоумённо спросил Сахар. — Это Женька Соловей, из дворовой шпаны. То ли одноклассник Светкин, то ли ещё кто, вместе шатаются и обжимаются по подъездам уже с год.

— Ахахаха! — рассмеялся Вениамин Людвигович. — Вот оно что... А мне он сказал его зовут Алэксандр. Я точно помню, потому что сразу же подумал об Алэксандре Макэдонском. Находчивый! На лету соображает!

— А когда ты его видел? — удивился Сахар. — Как ты вообще стыканулся с ними?

— Ты же знаешь, Роман Алэксандрыч, я честный бизнесмэн... Имею дело с самыми разными людьми. В наше время, когда страна трещит по швам, это очень важно... Он предложил мне товар, я купил. А уж что это за товар, и где он его взял, я тебе Роман, сказать не могу — коммэрческая тайна знаешь ли... Но повэрь... Твоих интэрэсов в этом абсолютно нет.

— Он и у меня был. По твоей наводке, Веня, — недовольно насупился Шамиль. Он недобро посмотрел на Жеку. Тень смертельной вражды ясно обозначилась на лице горца. — Посылаешь неизвестно кого, и неизвестно зачем. Я ему продал. Что, ты знаешь...

— Продал, молодэц! — рассмеялся Веня. — Сейчас я вижу, что подарок на дело пошёл!

— Что продал? Я уже перестал вообще понимать, что тут творится. Кто что у кого купил... Кто кому продал... Светка сказала мне, что не пойдёт, если я не приглашу её друзей. Я сначала не хотел приглашать дворовую шпану... — недоумённо развёл руками Сахар.

— А почему ты не хотел, Рома? — перебил его Вениамин Людвигович. — Ты посмотри на эту молодёжь! Они единственные живые в этом дохлом кладбище. Это они лэт через 10–20 будут крутить-вэртэть всё вокруг! Что тебе не нравится? Что они бедные пока? Так они МО-ЛО-ДЫ-Е! Мне ли, старому одэсскому босяку, не знать об этом? Или тебе? Что такое молодость и бэдность? Много ты имэл, будучи в возрасте этого юноши? Много бы ты заработал? А он приехал ко мнэ, и я отдал ему честно заработанную штуку. Штуку, Рома!

— Ладно... — махнул рукой Сахар. — Пусть с кем хочет, с тем и ходит. Лишь бы счастлива была. На ней тоже много чего лежит. Весь дом... И готовит, и стирает, и

убирает... Прислугу ни в какую не хочет, до истерики. Я уже на учёбу её хрен забил. Внимание ей нужно родительское, Веня. Возраст такой. А я чё? Постоянно в делах. Ты ж сам знаешь... Только оставь здесь всё... Порвут сразу...

— Ну... Я полагаю, с грустной и официальной частью нашего сабантуя покончено... Не пора ли нам поговорить о своих делах насущных? А потом в прэфэранс, как всегда, на интэрэс? — иронично улыбнулся Веня, и подмигнул правым глазом. — Пусть молодёжь веселится...

Сахар, Вениамин Людвигович, Шамиль, и Добей, здоровенный мордатый мужик бывший боксёр, а ныне уважаемый кооператор, пошли вчетвером в специальную комнатку внутри ресторанной кухни, где был приготовлен стол для преферанса, и ожидали дорогих гостей очень редкие ещё в СССР бутылка виски и несколько сигар. Авторитеты привыкли играть в карты так же, как показывали в фильмах.

Конферансье пробовал объявить что-то ещё из программы, поздравления, или смену блюд, но гости решительно не хотели садиться на свои места, и пьянка приняла совсем бессистемный характер. Официанты просто забрали со столов грязную посуду и остатки еды, и принесли горячее — громадные бифштексы, запечённое мясо в горшочках, жульены. На каждый стол поставили громадное блюдо с мясной нарезкой, сырную тарелку, и бутылки с водкой, шампанским, минералкой и Тархуном.

Время уже двигалось к полуночи, когда Жека предложил свинтить с пьянки, вообще вышедшей за пределы допустимого. Всё смешалось в ресторане «Гудок». Кое-как растолкав Митяя, спавшего на столе, Жека с дружбанами вышли на свежий воздух, на перрон. Постояли, покурили, глядя на ряды автомобилей уважаемых граждан. Были тут уже и иномарки. В городе в последнее время у шахтёрского и металлургического начальства появились японские внедорожники «Ниссан Патрол», которые предприятия завозили по бартеру. Естественно, сначала эти машины появлялись у тех, у кого были деньги — то есть, у уважаемых людей.

— Вон, вон стоит Патруль! — поддтая Сахариха, слегка качаясь, и стоя босиком на холодном асфальте, показала на японскую диковинку. — Это кто-то из этих приехал... Как его... ну тот, короче, жирный мужик.

Ни в именах, ни в фамилиях она не разбиралась, и знать их не знала, деля мир только на своих и чужих.

— А у меня скоро Ромка такой купит, — призналась она. — Не хочет на этой, вишнёвой. Говорит, на них уже полгорода ездит. А «Волгу» не хочет. Говорит, пенсионерская машина.

— А ты чё хочешь? — спросил Жека, поддерживая хмельную Сахариху.

— А ничего мне не надо! — Сахариха полезла целоваться мокрым ртом. — Тебя хочу!

Пока курили, Митяй сходил обратно в ресторан, и притащил бутылку водки, победно поболтав её над головой.

— На ночь!

Сахару сказали, что его сестра наклюкалась, и хочет домой. Тот велел подать первую попавшуюся машину, стоящую у вокзала и везти домой, и с ней всю её зелёную компашку в придачу. Первой машиной оказался милицейский бобик. Сахар самолично затолкал Сахариху в него, подождал, пока вся компания залезет внутрь, и бросил, абсолютно трезво глядя Жеке в глаза:

— Головой отвечаешь за неё.

— Всё. Давай, поехал! — приказал он сержантику за рулём бобика, и стукнул по капоту. Бобик поехал с перрона через служебные ворота.

Жека ехал на переднем сиденье, искоса глядя на водилу. Совсем молодой сержант, наверное, только из армии. Что он видит? Его зарплата такая же, как у этих людей, которые в карты проигрывают за одну ставку. За что он работает? Почему? Что им движет? Вот сейчас он везет явную гоп-стоп компанию, по указу даже не командира, а хрен знает кого.

Однако дело своё сержант знал — довёз быстро, и по адресу. Пьяная компашка с шумом вывалила на улицу у подъезда Сахарихи. Постояли, покурили, поугарали, вспоминая как всё было.

— Я требую продолжения банкета! Хахаха! — заржал Митяй и затряс захваченной бутылкой.

— Где твой комсомольский билет? — спросил Жека у Сахарихи, что-то подпевающей про себя и танцующей.

— А... Где-то там! — небрежно махнула она рукой в направлении «куда-то туда!». — Наверное, на столе остался. На него рыба упала. Да... Нафиг он. Они в школе меня задолбали с ним, не хотела получать, так они тут отдали.

— Ты обещал меня домой! — плаксиво заныла Пуща. — Я маленькая девочка, и мне уже пора спать!

— Никаких снов! — разошлась Сахариха, хватая её за шею, и притягивая, визжащую к себе, стараясь поцеловать в губы. — Оксанка! Пошли ко мне! А то обижусь!

— Светка, у тебя сиськи вывалиться щас! — заржал Митяй. — Ну чё? Идти так идти! Девчёнки в обнимку, толкая друг друга и визжа, пошли к подъезду. Митяй за ними. Славян хладнокровно пожал плечами и отправился тоже, подмигнув Жеке. Тот конечно же не хотел, но деваться некуда, пришлось тащиться следом. Завтра воскресенье, и наверняка надо будет тащиться к деду.

— А ты ключ-то взяла? Как дверь открывать будешь? — спросил Жека у Сахарихи, поднявшей весь спящий подъезд на уши. — Тише ты! Спят же люди!

— Да мне поооофиг! — разошлась она. — Пусть встают! Аааааа! Насилуюююю!
— Никто не выйдет, спорим на рубль! — ухмыльнулся Славян. — Всем пофиг! Кричи — не кричи, всем пофиг! Убивать будут, всем насрать! И мусоров никто не вызовет. Они щас Сахара все охраняют.

В самом деле, так и было. Хоть грабь, хоть убивай, хоть насилуй — никто не откроет дверь, никто не выйдет помочь. Да и телефонов нет почти ни у кого, вызвать милицию. Телефон считался предметом роскоши, и чтоб поставить его, люди годами маялись в очередях. Если не были, конечно, льготниками — ветеранами войны, афганцами, или ликвидаторами Чернобыля. Или просто блатными людьми, кому давали номер вне очереди.

Светка нагнула резиновый коврик и достала из-под него ключ от хаты. «Не бояться, что обнесут» — подумал Жека, хотя, кто решится на это? К их двери и подходить-то близко боялись. А уж чтоб своровать что-то... И куда потом девать? В комиссионку тащить, по паспорту? Через частные объявления в газете? Так найдут сразу, вычислят на раз. Ходили слухи про каких-то залётных, поднявших хату одного авторитета. Не успели даже сдать поднятое. Сожгли воров прямо в машине.

Сахариха открыла дверь, и вошла в хату, бросив босоножки на пол.

— Урааа!!! Уииии! — завизжала она, и запрыгала по полу. Тут же побежала включать музон.

— «Распустилась черёмуха, нарядилась невестою, на душе неспокойно мне, не найду себе место я!» — заорали мощные АС-90 голосом Марины Журавлёвой, сопровождая песню мощным басом, от которого задрожали стены и пол. — Бум! Бум! Бум! Бум!

Сахариха запрыгала в такт музыке, затанцевала. И Жека загляделся, надо признать. Очень уж хороша она была, такая пьяненькая и шальная.

Компания завалилась на диван, но Сахариха подняла их опять движениями рук, показывая, чтоб тоже плясали. Потом притащила стопки, дала Жеке бутылку чебурашки, чтоб открыл на запивку. А потом он смутно помнил, что было. Помнил только как Сахариха полезла в бар Сахара, достала бутылку «Юбилейного» коньяка. Это вроде, когда уже водка кончилась. Или до этого?

Проснулся с Сахарихой в обнимку, в её спальне. Та спала, свернувшись калачиком. Уже успела переодеться в майку и трикушки. Голова гудела. Жека, пошатываясь, пошёл в зал. Тут вповалку спали вообще все. Пуца на диване, тоже свернувшись калачиком, и по-детски сложив ладошки под щекой. Митяй и Славян сидели на полу, у дивана, откинув головы на её ноги. На журнальном столике пустые бутылки и стопки. Смертельно хотелось попить. Жека напился воды из-под крана. Вроде полегчало немного. Пошёл расталкивать тёплую компанию. Время было почти 8 утра, и в любой момент мог прийти Сахар. Если он конечно не зарулил к той высокой длинноногой блондинке, дочке директора завода. «А она хороша» — подумал Жека, вспоминая блондинку. Лет тридцати, но... Такая...

Через час стояли на балконе, более-менее в порядке и курили. Даже говорить не хотелось. После произошедшего было какое-то опустошение.

— Ладно... Идите. Сейчас Ромка наверное приедет. А мне убраться ещё надо. Потом к школе приготавлиюсь. Почитаю что-нибудь.

— Чё читаешь? — заинтересованно спросил Жека. До этого как-то они не затрагивали темы учёбы, книг, журналов. Все разговоры крутились вокруг музыки, фильмов и обычной простецкой подростковой философии и романтики. Для Жеки даже стало откровением, что Сахариха что-то читает. Но она не захотела разговаривать на эту тему.

— Не скажу! Ещё чего! Идите отсюда! — капризно заявила она, и в шутку вытолкала всех из квартиры. — Идиите! Ну идиите же!

Мать дома ничего не сказала, только недовольно посмотрела в комнату:

— Живой хоть? Доходишь когда-нибудь... Я тебе передачи в тюрьму таскать не буду!

— Поехали к деду съездим — предложил Серый, заглянув к Жеке. Чувствовал он, что братан отдаляется, что стал другим, что появились деньги. Тут и дураку понятно.

— А... Поехали!

— Картошки привезите! — крикнула мать, когда уже собрались выходить. Пришлось брать сумку.

До вокзала доехали на троллейбусе, купили билет. Покурили на остановке.

— Ну чё? Как там? — спросил Серый. — Кто был?

— Все были, Серёга.

— Как прошло? Где ночевал-то? Мать на табуретке у окна всю ночь просидела.

Жека удручённо вздохнул и покачал головой. Сказать было нечего...

Глава 21. Похороны деда

Шли по деревенской улице и смотрели по сторонам. Весна уже вовсю. Ручьи, лужи, лёгкий ветерок. Нет-нет да замычит корова, закудахтают куры.

У деда кильдым. Не топлено два дня, да и сам, похоже, на кочерге. Лежит в одежде под одеялом, в холодильнике мышь повесилась. Орёт некормленный кот, бросаясь под ноги. И сами ничего не взяли, как назло.

— Да вот... Загулял опять... Бурду ставил на старом варенье... — даже как-то обречённо сказал дед, приподнимаясь и садясь на кровать. — Хоть закурить дайте, ребята. Жека дал деду две штучки «Бонда». Тот тщательно отломил фильтры и засмолил. Всегда был у него домашний самосад, но то ли кончился, то ли потерял где-то.

— Иди в сельпо, купи хоть консервов, — Жека сунул Серому чирик, а сам стал выгребать золу из печки. Почистил, принёс дров, угля. Затопил. Бачок пустой, ведра тоже. Помойное ведро через край полное, пришлось выносить. Натаскал воды, начистил и отварил картошки, заварил чаю. Там и Серый пришёл. Принёс морской салат, кильку в томатном соусе, булку хлеба. Навалил консервы и картошки коту.

— Хорошо хоть вы приехали, — чавкал дед принесённую еду. — Чё-то слетел опять я. Да телевизор ещё не показывает, и говорунок молчит.

Серый покрутил ручку радио туда-сюда, точно. Молчит. Однако тут же увидел, что провод порван на полу — то ли сам дед порвал, то ли кот напакостил. Направил, соединил, подмотал изолянткой. Тут же звук появился.

— Хорошо! — оживился дед. — Хоть время послушать по Маяку.

Хотя, что его слушать-то, всё равно дед никуда не ходил... Сейчас телевизор надо посмотреть, что с ним.

Жека включил в сеть старый чёрно-белый телек — точно, не показывает, и даже лампы не светятся. Снял пыльную заднюю крышку, продёргал такие же пыльные лампы. Один разъём слабый вроде. Подогнул усики — заработало. Тут дед уже совсем расплылся от удовольствия.

— Сейчас бы похмелиться ещё... Выручайте, внучата!

— И где тебе взять? — недовольно поморщился Серый. — В магазине ничего нет.

— Да не в магазине. У Михалны. Она самогонку по пять рублей продаёт. За два дома туда вон, в той краянке.

— Тебе возьми, ты опять забухаешь! — Жека недоверчиво посмотрел на деда. — Смотри мне!

Дед неопределённо покачал головой, показывая, что доверять ему не стоит. Однако Жека не стал спорить, сходил, купил у бабки самогона, принёс, отдал деду.

— За картошкой-то полезете? — дед выпил рюмку, и сразу поднял настроение. — Только в погреб надо идти, тут наверное кончилась.

Время было позднее уже, на электричку скоро, поэтому пацаны отказались.

— Не, дед! На базаре купим, на вокзале. Лень! Ладно, дед, пойдём мы! Давай! Чтоб хорошо всё было!

— Будет! — заверил дед, и тут же закашлялся. Да так тяжело, с надрывом. Жека увидел, как изо рта выбежало несколько капель крови.

— Ты что, дед? — с тревогой спросил Жека. — Тебе в больницу надо. Я мамке скажу.

— Да... — неопределённо махнул рукой дед, и с трудом опустился обратно на кровать. — Но что-то тяжко в последнее время... Пройдёт. Где наша не пропадала...

Однако не прошло... На своих выходных приехала мать, отвезла в сельскую больницу. Сделали рентген. Онкология. Двусторонний рак лёгкого в четвёртой стадии.

— Как он вообще жил один? — недоумённо спросил врач, разглядывая рентгеновский снимок. — Он неходячий уже должен быть. Операция бесполезна. Там уже оперировать нечего.

— И что нам делать? — скорбно спросила мать.

— Оставьте пока в отделении. Полежит месяц. Подкормим, проколем витамины, а потом заберёте домой. Сколько проживёт...

Однако не получилось так. Через неделю умер дед прямо в больнице. Ночью. Никого не позвал на помощь. Догнал коварный чёрный враг бывшего разведчика и гвардии сержанта. Похороны в пятницу. На деревенском кладбище рядом с роднёй. Придётся с города тело в гробу везти. Жека дал матери две сотни на всё про всё. Родственники добавили ещё. Самое главное — транспорт, и продукты на поминки. Однако есть большая загвоздка — надо водку где-то отovarить.

На похороны давали два ящика. Только сначала надо взять из ЗАГСа справку о смерти, поехать с ней в горисполком к уважаемому товарищу, взять там ещё справку, потом ехать на оптовую базу, и уже там получать. Волокита такая, что отец два рабочих дня без оплаты взял. По зарплате конечно, потеря значительная... Жека хотел помочь — таскать, то да сё, но с работы не отпустили.

— Это не близкий родственник, — отрицательно покачал головой механик. — Даже и не проси. Вот если бы родители у тебя померли, другое дело, приходи. А так... Нет, нет, и нет! Иди работай!

— А похороны? Похороны в пятницу! — спросил Жека, предчувствуя, что опять получится облом.

— В пятницу будет профсоюзное собрание после работы. Ты кстати, в профсоюз вступил, как тебе говорил Сергеич? Нет? Чё тогда просишь? Сейчас работать некому. Иди к директору, если отпустит... Но знай — я тебе такую характеристику потом напишу, что лучше бы ты не работал тут вообще!

Механик махнул рукой, показывая на дверь, намекая, что разговор закончен. Жека смотрел на его лицо, и недоумевал. Вот вроде чувак не сказать, что большой начальник, поднялся лишь на полметра от унитаза, но быкует по пустякам. Рабочий для него — никто. Заехать бы этому чёрту в ухо с вертушки... Но это проблемы не решит. Чё-то делать надо... И мать и отец на взводе уже. Сёстры маленькие плачут — дома бардак.

— Жень... Могилу копать надо... — вечером безучастно сказала мать. Была она скорбно-отстранённая. И даже глаза, казалось, запали, и выглядели тёмными провалами, как на старых иконах.

— На деревенских надежды нет. Вдвоём с Серёжкой копать будете...

— Ладно. Мам... Ничего. Всё хорошо будет... — Жека осторожно положил руку матери на плечо, как будто утешая, и вышел на улицу. Тут только Сахар мог помочь. Девятка на стояке, значит, можно зайти...

Покурил для храбрости, поднялся на этаж, позвонил. Открыла Сахариха. Как всегда, чем-то недовольная.

— Чё надо? Где был?

— Свет, я к Роману.

— А... Так ещё и не ко мне! — надула губки и недовольная пошла, стукнув кулачком в закрытую дверь зала, где тихо играла музыка. Блин!!! Сахар с тёлкой! У двери лежат чёрные женские туфельки на шпильке, и в прихожке висит импортная женская сумочка поверх дорожущего плаща из красного крека и шёлкового шарфика. Ну всё, капец...

Сахар вышел из зала с благостной физиономией, что-то говоря на ходу, но увидев Жеку, тут же помрачнел.

— Ты... Что тебе? Мало косяков за тобой, ещё и притащился. Ну, говори.

— Сахар, у меня дед умер.

— Ладно. Что дальше, — нетерпеливо сказал Сахар. — Денег надо что-ли? Так у тебя самого есть. Веня говорит, по штуке делаешь за ходку. Не, Соловей, ты вообще в курсе, куда ты влез? К кому ты влез? Ты думал???? Ты к ворам влез!!! Они тебя грохнут как комара, если проотвечаешь, или накосячишь. Я тебе помочь не смогу. Там не мой асфальт. Да и какой смысл мне за тебя вкупаться даже щас? Ты поверх меня насрать захотел, а теперь приходишь ко мне. Чё к Вене не идёшь?

— Ну... Получилось так, — промямлил Жека, не зная, куда девать себя от стыда. А Сахар-то, как ни крути, прав...

— Надо было товар толкнуть по бырому. Откуда я знаю, кто у вас там что держит? Был бы у тебя магазин, я бы к тебе пришёл, — не нашёлся что сказать Жека, предчувствуя, что разговор не в то русло пошёл.

— Знаешь, Жека, ты вроде и пацан толковый, а щас какой-то детский лепет трёшь, — Сахар всё более выходил из себя. — Говори, чё надо. У меня гости.

— Надо деду могилу копать, и вообще дел дохера, а не отпускают. Чё делать-то? Может, больничный купить?

— Где работаешь? — уже чуть не рявкнул Сахар, беря в руки кнопочный телефон.

— Кондитерская фабрика. Механик не отпускает, говорит, работать некому, — так стрёмно Жека никогда себя не чувствовал, как сейчас. Как будто малой пацан жалуется на наезжальщика.

— Тимофееч, привет. Узнал? Да. Я. Как здоровье? Как сам? Ну и хорошо. Да и я хорошо. Слушай... Тут у одного моего парнишки дед умер. Да. Он у тебя работает. На практике. Да. Да. Да. Соловьёв. Слушай... У них тут проблемы в семье. Сам понимаешь похороны, то да сё... Нет. Он говорит, подходил к какому-то там механику, и он не отпускает, даже без оплаты дни не хочет давать. А... Ну всё. Понял. Сочтёмся. В преференс? Наверное, ближе к выходным. Ага. Давай. И тебе не хворать.

— Иди. До следующей недели свободен, — Сахар показал на дверь, и выгнал, как заблудившегося щенка. Только Жека сделал пару шагов по подъезду, как свистнул вслед.

— Эй! Должен будешь! Я не люблю людям в глаза попусту лезть.

Жека шёл и вспоминал фильмы про мафию, как там легко и просто решались проблемы, когда сходишь к дону Корлеоне. Сейчас что-то похожее случилось и с ним. И ему пришлось идти к мафии. Вот не хотел же Сахара подпрягать... Но мать... Она ж запурхалась. Ладно. Будь что будет...

Нас следующий день поехали с отцом за водкой. И это заняло почти целый день. Свидетельство о смерти уже было получено. Осталось только отнести его в горисполком и получить там справку-разрешение на отпуск водки в количестве двух ящиков. Как назло, Никифырыч работал, придётся тачку там ловить, на базе. Пока дотилипали до горисполкома,

пока отстояли очередь в горисполкоме, где для оформления документов на отпуск водки отдельный кабинет был открыт, пока получили справку на отпуск водки в количестве двух ящиков. Потом поехали на базу, которая была за городом, у чёрта на куличках. Жека тормознул бомбилу, и почти насильно затолкал к нему отца, который всё порывался поехать на автобусе, чтобы сэкономить деньги.

— Мы чё, богатые, и так доедем, на автобусе.

— Батя! Времени уже сколько? Сегодня не возмёмшь, а завтра похороны!

Отец немного поворчал, и полез в машину. Ездил он на легковой машине тоже считанные разы в своей жизни, поэтому тоже выглядел неуклюжим, когда садился в салон. С утра прошло уже дохрена времени, и запросто могли сегодня не успеть. В горисполкоме сказали, что водка сейчас на складе была, и чтобы срочно ехали забирали, а то завтра может и не быть.

Доехали до самого склада. Жека сунул мужику на копейке трёшку, и велел ждать. Если подождёт, то пятак ещё бы обломился. Отец побегал по конторе базы, оплатил покупку, потом с территории махнул рукой, чтоб подъезжали к складу. Внутри уже стояли два ящика «Русской» в чебурашках.

— Свадьба или похороны? — спросил водила копейки, помогая укладывать ящики в багажник, и тут же отбрасывая в сторону домкрат, инструменты, буксировочный трос. — Сюда весь город за водкой ездит. Только надо уезжать по тихому, а то тут крутые пасут.

— Какие ещё крутые? — недовольно спросил батя, садясь на заднее сиденье машины. — Чё у нас брать-то?

— Хэээ, друг мой... — засмеялся мужик. — Вы водку по сколько купили? По госцене? По 5 рублей? И они у вас ящик купят по 5 рублей, а в коммерческий по 10 сдадут. Или сразу старухам на вокзал отвезут. Или таксистам. Они тут постоянно пасут. Я сколько раз ездил — тормозят только в путь. Ящик оставят вам, и сто рублей за второй дадут. И ничего ты не сделаешь. А будешь выступать, ещё и по морде дадут, и два сразу заберут. Так что, смотрите. Если будут тормозить, я остановлюсь — мне проблемы ни к чему.

Только выехали со склада, и чуть проехали по гравийке, как из-за кустов справа выехала синяя шестёрка, и перегородила дорогу, ни объехать, ни проехать.

— Идите, разбирайтесь, — махнул рукой бомбила. — Договаривайтесь с ними, или ещё как. Я не поеду. Они и по колёсам могут стрельнуть, и машину сожгут, если найдут.

Надо дать должное отцу — ссыкливым он никогда не был. Сам из деревенских, ходивших село на село, да и молодость у него прошла на задворках города среди сомнительных компаний. Батя если и бывал бит, то никогда не убегал. Вот и сейчас сидит, сживая кулаки. Видя, как багровеет от злости его лицо, Жека подумал, что сейчас быть беде — выйдет, затеет драку, ему накостыляют, да ещё и выпечят, где живёт. А там жена, дети... Жека решил урегулирование тёрок взять на себя. Будь он один, то поступил бы просто — убил всех, кто сидит в тачле. Но так как тут ещё были батя и водила, следовало решить проблему по-другому. А как, он даже и не знал.

— Сиди тут, я сам побазарю! — велел Жека отцу, но тот, конечно же, не послушал, и всё порывался выйти тоже. Хорошо, что бомбила его осадил:

— Сиди ты сиди! Куда пойдёшь! Пусть малой сходит. Он может, их знает...

Жека вышел, и не спеша пошёл к шохе. А там сидело двое низовых кабанов, из тех, что развозят водку по бабкам на базаре. По виду, апельсины, не крутые, из простых шох. Водила опустил стекло, и уставился жирной рожой на Жеку, перекатывая жвачку из одного угла рта

в другой, потом надул и лопнул пузырь. Наверное, добеевские. А может, и нет.

— Ты что ли женишок? — нагло глядя на Жеку, спросил водила. Второй в тачке, рядом с водилой, заржал.

— Нет. А вы кто?

— А ты кто, гнида? — усмехнулся тот, что на водительском сиденье, и высунул голову. — Мы ща...

Он не успел договорить, как Жека резко взял его двумя руками за голову, и с силой ударил горлом о почти опущенное лицо. Водила захрипел и откинулся в салон, на сиденье. Похоже, сломана гортань.

— А ну сиди тихо, чёрт! А то из волыны лоб помажу! — Жека сделал вид как будто вытаскивает что-то сзади, из ремня джинс. — Ты чей? Чей, говорю, сука?

— Я... Ничей, — чуть не заплакал тот, что сидел на пассажирском сиденье, да и было отчего — корешок его, похоже что, преставился, окинув голову назад, на сидущку. На шее расплывалась толстая тёмно-багровая полоса. — Мы из Берёзок.

— Слыш сука, а ты чё, на нашу поляну залез? Я вас прямо тут ща сожгу, прямо в тачке. Ты кто такой? Как погоняло? Кто по жизни?

Однако сидевший в машине до того перессался, не выдержав избазаривания, что открыл дверь, и побежал куда-то назад по просёлку.

— Милицииия! — закричал он, поскользнулся на дороге, упал, опять встал, свернул куда-то в кусты, опасаясь, что сейчас по нему будут стрелять.

Жека засунул руку в окно машины, нащупал во внутреннем кармане кошелёк убитого, и сунул себе в карман джинс. Что-то там да было, судя по бумажкам.

Жека развернулся, а там уже отец вышел из машины, видя, что у сына возня, а один из сидящих куда-то убежал.

— Поехали, поехали, бать! — Жека чуть не силой усадил отца в машину, сам сел тут же, рядом, и стукнул по изголовью водительского сиденья. — Ну всё! Поехали! Вроде утряс. Обьедь их слева.

— А чё он встал-то? — возмутился водила. — Чё им надо-то?

— Машина говорят, сломалась, — соврал Жека. — А тот за трактором побежал в поле.

Всё это конечно, выглядело так невероятно, что только слишком простодушный человек мог бы поверить в это. Проезжая мимо шохи, бомбила уставился на тело, лежащее в ней, но ничего толком не увидел. Ну, лежит человек, откинув голову. Может устал, или полежать захотел... А второй... Да, действительно пошёл за помощью. Поблизости нет никого.

Пока батя вытаскивал ящики с водкой, Жека расплатился с водилой. Тот по хитрому глянул на него, и как-то ехидно подмигнул. То ли показал, что понял всё, то ли показал, что водки много...

На следующий день поехали с Серым копать могилу деду. Одели что поплоче, да похуже. Сначала мать наказала зайти к Ваньке, двоюродному брату, жившему недалеко от остановки.

— Зайдёте к Ваньке, возьмёте у него лопаты, рукавицы. Он вам покажет, где копать. Они с отцом уже ездили, место смотрели. Ванька всё знает. Рядом с бабкой и похороним. Там и для нас с отцом место ещё останется. Только смотрите чтоб до двух успеть. Вынос в час будет, потом пока доедем...

Добравшись, зашли к Ваньке, а он болел с тяжкого похмелья, и первым делом спросил сигарет. Вторым делом опохмелиться.

— Вы чё... Дядьке-то поставте...

— Нет! — решительно отказал Жека. — Привезут гроб через три часа, а у нас чё? Не готово. Опозоримся. Пошли. Поминать будут, потом хлебнёшь.

Потом были похороны на сельском кладбище. Захоронили рядом с женой. Бабка умерла пять лет назад. Теперь и дед упокоился тут, рядом с молодыми берёзками. Жека смотрел на начинавшие проклёвываться листья, молодую траву, и думал, что вроде вот — лето на носу, и практике конец. И каникулы рядом, и с Сахарихой будут чаще видеться, но нет... Залегла на сердце грусть-кручина, хоть волком вой.

Это была первая потеря в его жизни, которую пришлось перенести.

Глава 22. Деловые мысли

В кошельке, который Жека забрал у мёртвого рэкетмена, лежали права и пропуск от гаража. И 187 рублей. Документы выбросил в речку-говнотечку, деньги взял себе. На поминках деда чуть выпил, и стал думать, что делать дальше. В последнее время он уже привык к тому, что всегда есть деньги, и теперь уже не мог жить без дорогих сигарет, без поездок на такси и бомбилах туда-сюда. А деньги, как водится, имеют свойство заканчиваться, и Жека начал подумывать, как бы стырить ещё с кондитерской фабрики. И сделать это по крупняку. Для этого, конечно, пришлось бы обращаться опять к крутым. Куда ещё отдавать-то? Однако, сразу же встал выбор, с кем иметь дело — с Сахаром или с Веней.

Веня казался добрым, вежливым, однако Жека знал, что и у него есть свои бойцы, и в случае чего, завалят только в путь. Да и связываться опять с кем-то на чужом районе Жека не хотел. Сахар сказал, что нечего через его голову прыгать. Живёшь на его территории — либо мути с ним, либо ставь его в известность. И наверняка, процент попросит. Однако... Если не выгорит? Не получится? Обломается? В жизни всяко бывает. И что потом? Не штраф, на счётчик вставать? Шестерить до конца жизни, чтобы отработать? Жека Сахару узнал. Он даже ради сестры не подвинется ни на миллиметр. А может, и специально Сахариху под Шамиля хотел подложить, чтобы на той стороне города закрепиться хоть чуть-чуть.

— Пойдём! Базар есть! — зайдя к Славяну бросил он.

Посидели на лавке, покурили... Побазарили ни о чём. Скоро вечер. Становилось совсем тепло. Уже в майке скоро можно ходить...

— Чё делать-то будем? — словно невзначай спросил Жека. — Мутануть бы ещё чё.

— Конфеты опять тырить? — усмехнулся Славян. — Воровать, так вагон. Или два.

— Так ты ж знаешь... Своровать-то можно. Главное, сдать куда... Тут с Сахаром базар был неприятный.

— Чё такое? — посерьёзnel Славян. — Предъявил чё-то?

— Предъявил. Сказал, что на чужой поляне топчемся. И что в случае чего, нас он отмазывать не будет. А там сам знаешь какие ухари.

— И чё? На него ишачить? Сколько он забирать будет? Половину? Треть? Ладно бы мы лимонами ворочали, а то со шпукана триста колов ему отдашь, или пятьсот, и чё нам будет?

— Я не знаю, чем он мутит-крутит, чё у него за дела. Но директора кондитерки он знает. Меня перед ним отмазывал. С этим паливом кондитерным к нему даже и не суйся. Он если захочет, и так всего этого говна по госцене купит на фабрике.

— Жека... — помолчал Славян. — А не проще ли с ним напрямую побазарить? Чё ему надо, и чё он хочет.

— Не знаю, — пожал плечами Жека. — Ссыкотно как-то просто так подкатывать.

— Ещё ссыкотней у него за спиной справочки наводить. Тогда он точно уроет. Чё у него там? Тачло стоит? Оооот нихера себе! — Славян глянул в сторону Сахарова подъезда и показал пальцем. — Смари! Он всё-таки купил Патруль.

А Жека ещё думал — чё там за шум какой-то? На стояке, где обычно стояла Сахаровская девятина, стоял Ниссан Патруль тёмно-зелёного цвета. Похож на те, что приходили шахтёрам по бартеру. И стоил он, как шептались пацаны, сорок тысяч советских рублей. Как три Волги. Машина казалась настолько чужеродной во дворе обычной советской

девяэтажки с квартирами улучшенной планировки, что вокруг неё скопилась толпа. И взрослые, и дети стояли и показывали пальцем на невиданное чудо, что-то живо обсуждая.

— Это какие ж деньги нужны, такую машину купить! — возмутился один мужик в старой коричневой куртке-плащовке и спортивной серой шапке пирожком с помпончиком. — Нам и за всю жизнь столько не заработать!

— Ты грузчиком и на велик не зарабатываешь! — возразила его жена, худошавая баба в длинном сером плаще и шерстяной шапке, похожей на шар. — С твоими 120 рублями только пешком и ходить, да на трамвае ездить.

Они ещё долго препирались, но потом свалили. Жека случайно посмотрел на машину и офигел — внутри сидели два крепких мужика в турецких кожанках, и как удавы смотрели на пацанов через стекло.

— О... Это быки что-ли его? — удивился Славян. — Они чё, теперь всю ночь тут его тачку охранять будут?

— Не знаю... Но раз Сахар тут, давай сходим. Убазарил ты меня.

— Опа-на! Чё вы тут трётесь? — сзади раздался громкий голос Митяя. — О! Чё это за корыто? Сахар что-ли себе подогнал?

— Похоже на его тачилу, — объяснил Жека. — Смотри, там два амбала внутри сидят. Охраняют что-ли?

— Где? — Митяй почти вплотную подошёл к Патрулю и посмотрел внутрь, уставившись чуть ли не вплотную к лицу амбала за стеклом. — Эй ты! Курить есть?

Однако амбал предпочёл не связываться с здоровенным оболтусом, лишь чуть задрал кожанку, и показал тусклую рукоять ствола в заплочной кобуре. Митяя как ветром сдуло.

— Видели, видели? У того мужика ствол есть!

— Да не лезь ты к ним! Чё лезешь? — раздосадованно проронил Жека. — Нам щас с боссом ихним побазарить надо.

— И какие проблемы? — недоумённо спросил Митяй. — Я б ещё с тестем своим зассал базарить.

— С каким тестем, деревня! — ухмыльнулся Славян. — Тесть это если бы он Сахарихе батёк был бы. А так он Жеке... Шурин походу? Или деверь? Короче, хрен знает!

— А чё базарить-то? Наняться в шестаки что-ли хотите?

— Долго объяснять, — отмахнулся Славян. — Вон... Если Жека захочет...

— Захочу, — твёрдо сказал Жека. — Он наш пацан, и в наших мутках был. Значит должен знать про предьявы.

— Какие ещё предьявы? Кто наехал?

— Сахар, — объяснил Жека. — Сказал, что если будем мутить на чужой поляне, он нас отмазывать не будет в случае чего. И что все мутки должны через него идти.

— Опа-на, — удивился Митяй. — А он кто есть-то? Откуда мы знаем, где и что у него? Чем он крутится? Может, он... А... Жрен с ним!

Вовремя осёкся Митяй. И то правда. Не дело у подъезда крутого, рядом с его амбалами выяснять что да как.

— Пойдём да побазарим. Чё стоять-то, — Митяй решительно пошёл к подъезду. — Пусть всем нам предьявы кидает.

Поднялись на этаж, позвонили в дверь, открыла Сахариха. Жека тут же схватил её, подтащил, хотел засосать, но она отвернулась в сторону.

— Свет... Ну извини... Тут такие дела... Дед умер. Хоронили позавчера. Извини. Я

исправлюсь.

— А эти зачем? — недовольно кивнула на лыбящихся Митяя и Славяна. — К Ромке опять?

— Кто ко мне? — дверь из зала открылась, и выглянул Сахар. — Опять тыбы?

Недовольная Сахариха вырвалась из рук Жеки, и виляя задницей, потопала по паласу к себе. Перед тем как зайти в спальню, обернулась, и показала Жеке фак.

— А там кто? — Сахар недовольно кивнул головой на пацанов. — Всех притащил? Заходите. Эй, вы! Стойте там! Закрой дверь! Чё надо?

— Сахар, ты человек правильный, и мы уважаем тебя... — осторожно начал Жека. — Да. Мы накосячили. Полезли не туда. Но откуда нам знать-то, посуди сам? Мы впервые ништяк замутили. Я замутил. Нашли известный в городе коммерческий, притаранили товар. Получили бабло. Всё.

— И чё? — пренебрежительно сказал Сахар. — Дальше давай. Чё ты тянешь? Я тебе всю ситуацию обрисовал. С Веней работать — вон дверь. Со мной — базарь чё надо. А я подумаю.

— Да мы тоже подогреться хотим, Александрыч! — напрямую заявил Митяй, не привыкший тянуть кота за хвост. — Мы хотим тебе ништяки продавать.

— Мнеее? — у Сахара глаза полезли на лоб. — Ахахаха! И чё вы мне продать собрались? Сраные зефирушки? За штукарь? Ахахахах!

Сахар расхохотался так неудержимо, что слёзы ажно полились из глаз.

— Ну вы приколисты. Вы думаете, я не знаю, чё вы Вене привозили? Он сам мне сказал, когда мы в карты играли. Чё там скрывать-то? И ещё он сказал, что судя по этикеткам на коробках, и сегодняшней дате выпуска, всё это вы стырили прямо на нашей местной фабрике, прямо из цеха! И тут же Соловей приходит ко мне, и сам говорит, чтоб я с директором кондитерки побазарил, чтоб ему дни дали! Не, вы чё, думали воровать оттуда, и чтоб никто не знал? Ахаахаха!

— Короче, Сахар, давай так, мы откроем магазин здесь, и будем сами продавать, — решительно заявил Жека. — Процент тебе будем за поляну отстёгивать.

— И где ты бабло возьмёшь? Надо помещение, прилавки, да дохрена чего надо. А? Ну тебя! Пустой базар!

— Твоё что-ли дело насчёт бабла и прочей лабуды? — возразил Жека. — Тебе то не так, это не этак. Туда не ходи, сюда не ходи... Ромыч... Мы сами хотим мутки мутить. На твоей поляне. И не обязательно жратву.

— Ты разрешение пришёл просить? — опять рассмеялся Сахар. — Хрен с тобой! Мути. Тебя тут никто не тронет. О процентах потом побазарим. Сначала откройте хоть какую-то киндейку. А я посмотрю, кого моя Светка выбрала в женишки. Всё. Пошли вон!

Пацаны молча спустились по лестнице, вышли на улицу, сели на лавке, закурили.

— И чё? Чё вы собрались открывать? — спросил Митяй. — Или я до чего-то не дотягиваю?

— Не дотягиваешь... — Жека прямо посмотрел Митяю в глаза. — Смотри... Назад дороги нет, Митяй. Если ступишь с нами на эту поляну, то всё... Назад дороги нет, братан!

— Говори давай, чё там у тебя.

— Бабло-то у нас есть. И есть вот откуда, — Жека понизил голос, и чуть слышно обсказал всю ситуацию с бабками на пустыре. Где взяли, как взяли, и почему взяли. Чем дальше Жека рассказывал, тем больше офигевал Митяй. А в конце даже сидеть не смог.

— Ну вы блин даёте! — с удивлением сказал он, и покачал головой. — Мда...

На большее его не хватило. Сожалел ли он о том, что услышал? Да хрен его знает. Но то, что совсем по-другому стал смотреть на своих же дружанов, несомненно.

— И с чего мы начнём? — спросил Славян. — Ох... Голова набекрень.

Вид у него был удручённый. Он не знал ни что делать, ни как делать. Речка была новым районом, на весь район один продуктовый, да один овощной магазин. Опорный пункт милиции и ЖЭК с подростковым клубом и детской библиотекой. Все помещения, пригодные для дел, находились в центре. А в центр Сахар сказал им не соваться. Мутить надо здесь и сейчас.

— Митяй, тебе же 18 лет есть? — спросил Жека, пихнув друга.

— Ну есть. А чё? — пробурчал Митяй. — Мне в армию осенью идти. Ща шарагу закончу...

— Не в армии дело. Кооператив откроем.

— И чё делать? — недоумённо спросил Славян. — Чем в этой деревне заниматься?

— Заниматься надо тем, что ты лучше всего умеешь, — уверенно сказал Жека. — Вот что ты больше всего умеешь?

— Драться умею. А чё ещё?

— Вот, значит, драться и будем.

— Это как? — заинтересованно спросил Славян. — Бои без правил что-ли? Да ну Жека, чудачество это. Там всё здоровье и зубы оставишь.

— Зачем драться? Можно охранять. Откроем частный охранный кооператив.

— Ну... Хахаха! — засмеялись пацаны в унисон. — И кого ты будешь охранять?

— Да кого хочешь. Кооператоров. Директоров заводов, шахт.

— И кто к нам пойдёт? Где взять помещение? — всё так же недоверчиво, но уже более заинтересованно спросил Славян. — В подъезде что ли завесать?

— Почему в подъезде, братан? — усмехнулся Жека. — У нас вон, клуб детский есть. Надо нам клуб отжать. Кикбоксёров тоже оттуда выгнать.

— И как ты это сделаешь?

— Да очень просто. Сожгём его.

— И? Что дальше?

— А дальше наш кооператив сделает ремонт, и возьмёт здание в аренду.

— Не, Жека, — замотал головой Славян. — Это полная лажа. Не получится. Кто ремонт будет делать? На что?

— Братан! — удивился Жека. — У тебя 30 кусков лежит. Это же капитал!!! Не ссы! Хватит на всё.

— Ну... Ладно... А как с арендой? Кто поможет?

— Сначала сами. Если не получится — Сахар поможет. Или подскажет, кому занести.

— С чего он тебе помогать будет? — недоверчиво усмехнулся Славян. — Как-то не весело он с тобой базарил.

— Сахар любит бабки, — уверенно сказал Жека. — Не ссыте. Всё будет ништяк. Главное — начать.

— И с чего начинать? — спросил Славян, уже догадываясь, что надо будет сделать.

— Михан купит пару бутылок ацетона. А дальше — дело техники. Бутылку в окно и готово.

— Не надо и покупать, — пробурчал Митяй. — У меня есть в шараге. Там ремонт

делают. Стирю да и всё. Чё, когда пойдём?

— В понедельник, — сказал жека. — В будни народу меньше шарится. И пойдёшь ты один.

— Один? — растерянно спросил Митяй. — Я думал... Мы все вместе...

— Там всем нечего делать, — уверил Славян, уже ухвативший суть всего. — Чё мы палиться все будем? Разбил окно, бутылку поджёг, бросил, убежал. Бросай в богадельню Егорыча. Если там всё сгорит, мы отремонтируем за свой счёт и там себе базу сделаем.

— Верно мыслишь, — усмехнулся Жека, и хлопнул друга по плечу. — Молодец. Сразу суть схватил. Главное — помещение там отхватить, и документы на кооператив получить. Сахар поможет.

— Почему? — недоумённо спросил Митяй. — Какой ему вообще резон нам помогать? Вы всё говорите «Сахар то, Сахар это». С чего он будет таким добрым? Пусть даже и любит бабки?

— Мы примем Сахариху на лето. На работу.

— Ахахаха! — Митяй расхохотался с такой силой, что голуби, сидевшие неподалёку в детской песочнице, с шумом разлетелись в разные стороны. — Жека... Ты не смей так. Ой, пля... Ну не могу!!! Хахаха!

— Да мне и самому ржачно, — признался Жека, и тоже рассмеялся. — Но она всё равно балду пинает всё лето, шатаясь по району. А тут я Сахару скажу, что при деле будет.

— И чем ты её подпряжёшь? Полы мыть? — опять разоржался Митяй. — Чем она займётся там?

— Эээ, нет брат, она у нас на входе будет сидеть, такая красивая, и всех встречать, — Жека по наивности не понимал, что это может быть самой опасной работой.

— Ладно, чё попусту базарить? Всё. Договорились, — хлопнул по колену Митяй. — Чё завтра делать будешь?

— Не знаю. В кино схожу с Сахарихой.

— А как насчёт дискача? В ДК Metallургов?

— Нет... Туда одни отморозки ходят, — даже не улыбнувшись сказал Жека. — Опять подерёшься. Не. Щас на кону намного больше, чем там рожи бить окраинным.

— Давайте все вместе сходим, — предложил Славян. — Я Пуцу подпрягу. Ну и холостяк Митяй.

— Хахаха, с чего ты взял, что я один буду? — опять заржал Митяй. Есть у меня одна девчонка на примете.

— И кто? Откуда?

— Увидите. Ладно. Завтра в 6 короче, здесь же.

А дома кипишь. Мать всё не могла решить, что делать с домом, оставшимся в деревне. С одной стороны, хочется и продать, закрыть сразу дыру в деньжатах, купить одежду малым, себе что-нибудь, мебелишку какую-никакую, с другой стороны, огромный огород в деревне неохота отпускать. И от города недалеко, и участок хороший, чуть запущенный, правда.

Дед жил по старинке, и выращивал что полегче и попроще — картошку, капусту, морковь, огурцы, лук. Из ягод только смородину и викторию. Однако в СССР традиционно были сильны традиции дачничества, и родители Жеки хотели себе дачный участок, и самим время проводить на свежем воздухе, и детям, да и выращенный урожай был бы как никогда, кстати. А если ещё посадить яблони, груши, вишню... Деда конечно жаль, но надо жить дальше...

Утром зашёл к Сахарихе позвать в кино. Брата не было дома, и она пригласила зайти. Посадила в зале, приготовила кофе себе и ему, принесла маленькие домашние булочки. Вкусные, типа плюшек.

— Ты пекла?

— Ну а кто? — возмутилась Сахариха. — У нас слуг ещё пока нет.

— Ещё? Хахаха! — расхохотался Жека. — А что, могут быть?

— Ромка не хочет тут жить... — даже как-то грустно ответила Светка, и чуть отхлебнула кофе. — В городе, говорит, скоро большие разборки могут быть. Лучше в деревне построить коттедж.

— И что? Строите уже?

— А тебе всё хочется знать, негодяй! — притворно рассердилась Сахариха, и пнула Жеку в ногу босой маленькой ножкой. — Откуда мне знать? Я не знаю. Он мне не говорит. Сказал лишь что в городе становится опасно жить.

Помолчав, добавила:

— И мне в том числе. Но ты ж меня защитишь, да? А, Женяя, Жеенечка??? Женюля!!!

Сахариха стала ластиться как кошка, села Жеке на колени, обняла обеими руками... Короткий розовый халатик распахнулся и поднялся выше бёдер, а там... А там Жека увидел свой подарок Светке на днюху. Тончайший нейлоновый лифчик с вышитым кроликом слева. Впрочем, кролик, символ Плейбоя, нашит с умом. И совсем не закрывает крупный розовый сосок. Рука Жеки автоматически нащупала на попе такие же тонюсенькие трусики. Она надела подарок! Он ей понравился!

— Чудо ты моё... — прошептала Сахариха, закрыла глаза, и нежно поцеловала Жеку ароматным ротиком с привкусом кофе и ванили.

Глава 23. Сгоревший подростковый клуб и кооператив "Удар"

Воскресенье провели как положено советским молодым людям, комсомольцам и хорошистам учёбы. Гуляли по городу, покупали ванильное мороженое по двадцать копеек, пили газировку из автоматов, сидели на лавочке в сквере, курили, смеялись от всякой ерунды. И даже матом не говорили, и одеты были все культурно, по модному, в джинсу и кожу, а не как совки, в шерсть и балонь.

Сахарихе брат купил байкерскую кожаную куртку-косуху, сделанную в Америке. Сахариха гордо показывала этикетку «Made in USA», сколько стоит, предусмотрительно промолчала, намекнув, что ДОРОГО. А ещё у неё были редкие чёрные джинсы, да ещё не модные тогда мешковатые пирамиды, а обтягивающего фасона стрейч. Её стройные красивые ноги видать было за километр. Белокурые волосы стянуты налобным платком, от глаз идут длинные чёрные стрелки, на руках перчатки без кончиков пальцев — митенки. Облик у ней был очень дорогой. Настолько дорогой и стильный, что казалось, в народы вышла какая-то рок-звезда, причём даже не советская, а заграничная. Пока Сахариха гордо шествовала, вышагивая по асфальту в высоких чёрных Адидасах, на неё казалось, весь город уставился.

Пуца тоже обзавелась кожей, попроще, турецкой, но зато крутого малинового цвета, из очень тонкого нубука, почти как ткань. В музыке она тащилась по набиравшему уже силу хип-хопу и техно, в звукозаписях записывала только зарубежку, причём выспрашивала самые современные стили. Эпоха диско заканчивалась.

— Надо жить в 90-х, а не 80-х, — смеялась она, пританцовывая нечто вида брейк-данса, только поживее. Таких зажигательных тёлочек одна на миллион. Славян сильно привязался к ней, и уже не представлял как таскаться по району в одиночестве.

Пришёл со своей подружкой и Митяй. И была она под стать ему — что называется, нашёл под себя. Звали её Антонина, и была она из алтайской женской рэгбийной команды «Коммунальщик», созданной в 1989 году, год назад. До этого занималась в Н-е хоккеем на траве, но захотела более силового спорта, и переехала туда. Была она девушка сильная, рослая, и самостоятельная. И старше Митяя на пару лет. Несмотря на крупное телосложение, имела накачанную спортивную женскую фигуру с крупными грудями и миловидное лицо.

— Тоня, — по-мужски крепко поздоровалась она со всеми, в том числе и с девочками.

— Ты всегда за руку здороваешься? — неодобрительно спросила Сахариха, старавшаяся вообще лишней раз не дотрагиваться ни до чего.

— Спортивная привычка, — небрежно бросила Тоня. — У нас так принято. Это знак дружбы и доверия.

Сахариха хотела в ответ бросить что-то язвительное, но не нашлась, что сказать, да и Жека слегка пихнул, зная, какая Сахариха язва. Пошарились по парку, пока было время, сходили на Вечный огонь. Постояли, молча посмотрели, пошли дальше. Хоть и гуляли по центру, никто из шпаны на гоп-стоп взять не рискнул — уже было видно, что парни эти и девушки непростые. Уважаемые. По одежде, по уверенному поведению, по разговору.

Проходили мимо колбасного магазина, и Митяй толкнул Жеку локтем — у входа на картонке, рядом с мусорной урной сидел слепой Намас — врачам пришлось удалить повреждённые глаза. Бывшая гроза района выглядел жалким и опустившимся, протягивая

руку с зажатой баночкой от майонеза за подающим. Неисправляемый ничем след оставил на нём ночной наезд на Жеку.

— Идите! Я догоню! — бросил Жека друганам, подошёл к Намасу, и бросил в баночку мятый жёлтый рубль.

— Ну что, сука, помнишь меня?

Намас дёрнулся, как будто вспомнил что-то, и попробовал закричать, но не смог — зубы его были выбиты нынешними собутыльниками, и вместо крика вышло что-то тихо-шепелявое. Скатился он быстро. За полгода.

— Видал? — ухмыльнулся Митяй. — Чё ты ему?

— Рубль кинул. На пропитание.

Дошли до кинотеатра, немного постояли, купили билеты, и как примерные молодые люди пошли, посидели в кафетерии, пробуя заварные пирожные и кексы. Потом посмотрели боевик «Фанат-2», немного погуляли по вечернему городу, и как примерные советские молодые люди разошлись по домам ещё до 10 часов вечера.

Рабочее утро Жеки началось с посещения директорского кабинета. Он конечно, ожидал чего-то подобного, ведь по сути, решил свою проблему в стиле мафии, прибегнув к помощи Сахара.

— Это конечно приватный разговор, — предупредил директор, от неудобности момента смотря в сторону, на портрет Горбачёва. — Но я должен спросить, откуда ты знаешь Романа Александровича? И какие у вас... взаимоотношения, скажем так...

Директор струхнул, что Жека может обладать большим весом в группировке Сахара, и желал узнать, что ему ждать от своего слесаря по рмонту пищевого оборудования. Ведь он оказался совсем не простым, каким казался на первый взгляд.

— Да какие взаимоотношения... обычные, — пожал плечами Жека. — Соседи по дому, по району. Ну... Ещё я с сестрой его дружу.

Жека решил не врать. Пусть как будет, так будет. Врать, что они друзья с Сахаром, не стоило — директор за картами может спросить, кто этот странный паренёк на фабрике с такими высокими знакомствами.

— Ааа... — с непонятым выражением протянул директор. То ли облегчение, то ли разочарование.

— Что же ты ко мне не обратился? Если Петрович будет отказывать в чём-то, обращайся ко мне! Петрович настоящий человек. Коммунист. Поднялся из низов, из рабочих. Ценнейший сотрудник.

Директор так расхваливал Петровича, как будто думал, что ему грозит какая-то опасность. Но Жеке было плевать на этого службиста. Пусть поживёт пока...

В ночь с понедельника на вторник в микрорайоне речки произошло чудовищное происшествие. Случилось возгорание в клубе кикбоксинга «Удар». Пожар перекинулся на детскую библиотеку, и детско-подростковый клуб «Ровесник». Подозрение пало на поджог, но также не отметалась версия и неисправности электропроводки.

Жека на следующий день сходил, чтобы оценить масштабы повреждений, но не нашёл ничего такого, что можно было бы не отремонтировать. Убрать сгоревший хлам, заменить полы, ободрать стены, заменить проводку, и по новой заштукатурить, и всё будет как новенькое.

— Всё, пацаны, надо кооператив открывать, пока хибару никто не отхватил, — решительно сказал Жека. — Надо с Сахаром побазарить. Пусть подсобит.

— Ох, как не хочу я связываться с ним... — тяжело вздохнул Славян. — Каждый раз унижаться ходить...

— Давайте сами, без него попробуем, — согласился Жека. — Идите завтра с Митяем в горисполком. Пишите заявление. Я не смогу с вами, меня и так Сахар на работе на полнедели отмазал.

— Не, Жека, я тоже к Сахару чё-то не хочу, прав Славян, — сказал Митяй. — Если надс сходить, я схожу. Чё брать-то туда?

— Устав нужен вроде бы, а так-то я не знаю, — пожал плечами Жека. — Берите паспорта, там посмотрите по месту. Деньги-то есть у вас?

— Зачем?

— Взятки давать, деревня, — ухмыльнулся Славян. — Не ссы, Жекич. Мы прочухаем что там и как. У меня штука осталась от тех, что мы неделю назад брали.

— Я вечером тебе ещё штуку принесу, — заявил Жека. — Надо ковать железо пока горячо. Ладно... Пойду я. Давайте, пока. Завтра сюда же подгребайте. И да...

Жека остановился, глядя на корешей.

— На меня не делайте документы. Я в стороне буду. Проблемы решать. Мне в кооперативе быть НЕ ЗАЧЕМ.

В городе тем временем всё более учащались забастовки шахтёров, металлургов, да и вообще производственных предприятий. В первую очередь из-за низких зарплат, плохих социальных условий, отсутствия товаров первой необходимости. Денег в казне не было ни на что, не говоря уж на восстановление подросткового клуба и детской библиотеки. Жека примерно представлял это, читая газеты и смотря новостные программы по телевизору, или аналитические, типа «Взгляда». Оставалось только дать денег нужным людям.

— Там у них народу мама не горюй, но я бабе одной стоху сунул, она провела без очереди, — хвалился Славян. — Ещё стоху дал, она заяву написала, и все документы напечатала. Потом пошли к одному мужику, он всё подписал. Этому кенту пришлось больше всех давать, штукарь сунул ему. Хорошо хоть конвертов заранее набрали. И вот. Держи! Производственно-потребительский кооператив «Удар». Председатель Митяй, я в правлении. Всё легко и просто.

Жека взял чёрную кожаную папку с документами, полистал их. Что сказать? Нечего.

— Пришлось в сберкассе ещё расчётный счёт открывать, — заржал Митяй. — На моё имя. Хахаха!

— Печать сказали сделать самим, по этим документам, — продолжил Славян. — Но этим я сам займусь. Теперь осталось только помещение отжать. А с ним вот...

— Чё с ним не так? — удивлённо спросил Жека.

— Эту конторку завод на баланс принял, так же как и дома во всём районе, как только построили. Завод же строил. В горисполкоме сказали в их строительное управление идти. Но мне кажется...

Славян помолчал, и продолжил.

— Мне кажется, проще вообще это здание выкупить. Из заводской собственности в коллективную. Нашего кооператива. Короче, Жека, надо ещё штуку. Придётся и там совать кому попало.

— Как в коллективную? Там ЖЭК ещё же. Он-то куда денется?

— А ему мы, братан, в аренду будем его же халупу сдавать, — рассмеялся Славян. — Я чё-то сейчас только это допёр, когда сюда шёл. Реально мутануть можно по крупняку.

Только нужны БАБКИ.

— Ты займёшься? — спросил Жека.

— С Митяем ходим, — ответил Славян. — Но надо ещё пару косарей. Братан, иначе никак.

— Бери. На дело не жалко. Завтра расскажете что там у вас. Сходите с Митяем. Документы-то себе оставишь?

— Себе. Мамке на бумажки плевать.

На следующий день Славян на пятак пришёл совсем недовольный. Митяй тоже был сумрачен, даже не придурился, как обычно.

— Чмо поганое попалось! — Славян со злостью плюнул в сторону.

— Чё случилось? — осторожно спросил Жека. — Проблемы?

— Да там дело на одном старике застопорилось. Начальник строительного управления ни в какую бумаги не хочет подписывать. Я хотел в аренду с выкупом толкнуть этот ЖЭК. Там всё здание в пару-тройку косарей обошлось бы по остаточной. Мы сразу бы их заплатили на счёт завода, и всё, здание наше. Так нет... Упёрся, пердун старый. Это государственная собственность! Это народное достояние! Это принадлежит народу Сисисиэр! Мы его отремонтируем! В течении пятилетки. У этого старого гандона портрёт Ленина на стене, а не Горбача, и значок компартии на пинжаке. Я даже деньги совать этому чёрту не стал, сразу мусорам сдаст. Тьфу! А заместитель у него нормальный мужик. В пиджачке такой, при галстукке, причёсочка, глазки бегают. С этим кентом стопудово добазариться можно было бы. Эта сука по виду, за штуку мать родную продаст.

— Продаст, говоришь... — задумчиво сказал Жека. — Митяй!

— Ау! — откликнулся тот. — Я на мокруху не пойду, сразу говорю!

— Тебе кто-то говорит про мокруху? — коварно улыбнулся Жека. Недоволен он был корешем. — Завтра иди после шараги и проследи, где этот чёрт живёт. Как подобраться можно. Тебя никто не видел в этой конторе?

— Не, не, Жека! Я в вестибюле сидел. Чё там вдвоём делать-то? Я базарить всё равно не умею. Славян один ходил.

— До сколько он работает?

— До 5. Я его чуть не до конца дня избазаривал — ни в какую, — пожал плечами Славян. — Потом стояли в сквере, курили, и этот хрен мимо проплыл. В шляпке, с портфельчиком, гнида. Митяй видел его.

— Схожу, посмотрю за дедом, — пожал плечами Митяй. — Где живёт, как ходит, то да сё...

— Я завтра после работы подойду туда, — Жека задумался. — В 4 могу свинтить, если механик отпустит, а полпятого вообще железно. Туда доберусь, сяду на скамеечке вдалеке. К тебе подходить не буду. Пойду следом. Если дед присядет где, или в магазин зайдёт, если я не увижу, стой на виду. Если сразу на свою хату пойдёт, проследишь, где живёт. Скажешь потом где.

Жека так спокойно и уверенно говорил, что Митяй сначала даже с каким-то испугом смотрел на него. Потом глянул на Славяна, но и в его холодных бесчувственных глазах не увидел ничего. Только злость и желание быстрее решить трудное дело. Впрочем... Каким оно было трудным? Убить, забить старого человека, который честно выполняет свой долг? Не даёт украсть государственную собственность? Отдать заводское здание в адрес какого-то мутного кооператива-однодневки? Тысячи мыслей пронеслись в голове Митяя, и он ещё раз

убедился, что пацаны свернули совсем не туда. Но поделаться уже ничего не мог. Он читал в глазах Жеки и Славяна опасность. И вынужден был подчиниться.

— Ладно. Так и сделаю. Ну... Мне пора, — Митяй как-то тяжело встал с лавки, пожал всем руки, и пошёл домой.

— Чё-то Митяй какой-то мутный стал, — заметил Славян. — Как бы не сдал нас корешок.

— Не сдаст! — уверил Жека. — Он пацан правильный. Но ещё так и не понял, что нахер никому не нужен в этой стране. Когда прочухает, куда всё идёт, что не пободаешься сейчас, то останешься с пустыми обосранными штанами, будет уже поздно. И те же, за кого он сейчас топит, жалеет их, они же потом об него будут ноги вытирать, и харкать в рожу.

— Чё мне-то делать, пока вы отжигать там будете?

— С 5 часов и до вечера будь дома. У кого-нибудь на виду. На улице, у Пущи дома, с мамкой. Мусора по любому будут копать, и версию про службу двинут наверняка. К тебе первому придут. Нужно чтобы алиби железное было. Но я постараюсь как гоп-стоп всё сделать, чтоб на грабителей подумали.

— Ствол будешь брать?

— Возьму. Может, через дверной глазок придётся мочить. Ладно... Давай братан. Пока. За вольной я сам схожу.

На следующий дент пришлось на работу тащиться со спортивной сумкой. Ещё на пустыре снял пистолет с предохранителя, прицелился и выстрелил один раз. С непривычки конечно, отдача большая, но терпимо. С близкого расстояния, метров с 5 точно бы попал.

Ствол засунул в пакет, который положил в сумку. Туда же запихнул финку, завёрнутую в газету. Сверху накидал газет и журналов. Потряс сумку — вроде не стучит и не перекатывается. Перед работой заехал на вокзал, и оставил сумку в автоматической камере хранения, бросив 15 копеек в приёмник монет. Код выбрал номер своего дома и номер первой квартиры на первом этаже. Получилось 2228. Не забудешь. На работу сумку никак нельзя было тащить — вдруг мусора шмонать на проходной будут.

Волновался ли Жека, видя как стрелка часов приближается сначала к обеду, после обеда к концу смены? Нет. Сейчас ему было безразлично. Лишь хотелось быстрее бы завалить старого пня, и вернуться домой, почитать что-нибудь. В последнее время давно не читал, и хотелось прям завалиться классически, на кровать и читать, пока не уснёшь. А мать потом тихонько вошла бы, и выключила ночник. Как всегда было и будет.

После обеда зашёл на вокзал, взял сумку из камеры, постоял ещё, покурил у мусорки, так как время было навалом, потом не спеша пошёл по направлению к строительному управлению жилищного ведомства металлургического комбината. Находилось оно не так далеко от вокзала, всего в паре трамвайных остановок, так что шёл неспеша, и был на месте уже 16–45. Сразу увидел Митяя, сидящего в сторонке, в сквере перед универмагом, в двух шагах от управления. Митяй сидел, и сквозь кусты зорко наблюдал за выходом.

Как только время показало 17 часов, из учреждения стали выходить люди. И вышли порядком, целыми толпами. Жека внимательно смотрел за выходом. Уже все по-видимому, покинули здание, и прошло минут 10, когда наконец-то показался пожилой мужик в коричневом плаще и чиновничьей шляпе с большим портфелем в руках. Интересно, чё у него там?

Не оглядываясь по сторонам, мужик не торопясь пошёл направо от здания. Только он прошёл метров 50, как за ним двинулся Митяй. Только Митяй скрылся из виду за деревьями,

пошёл и Жека. Зашёл в кусты, где ссали алконавты и лежали пустые бутылки, открыл сумку, достал финку и положил в правый носок, а пистолет сунул за ремень. Запахнул олимпийку, и не спеша пошёл следом за Митяем.

Глава 24. Убийство начальника строительного управления

Старичок шёл неспеша, прихрамывая на правую ногу. Митяю с его ростом приходилось нелегко — постоянно подтормаживал, чтоб попасть в ритм. То якобы останавливался и оглядывался, ища кого-то, то шнурки на кроссовках завязывал, то закуривал. Жеке было полегче. Он взял газету и как будто время от времени читал.

Старик не мог пройти далеко с таким шагом, поэтому Жека уже не тормозил. Наоборот, прибавил ход и обогнал старика. Впереди был давно заросший сквер. Место это хорошо знакомо — старый центр, жил здесь... Жека обогнал Митяя, шепнув ему:

— Вали отсюда.

Митяй окончательно отстал, а потом вообще повернул в другую сторону. Он оказался не нужен. Старика оказалось легко выследить. На заросшей сиренью и вербами аллее, Жека за два метра от начальника строительного управления оглянулся, потом посмотрел вперёд. Кроме старика никого не было. Подойдя вплотную, схватил его сзади за голову, и перерезал горло. Потом несколько раз ударил финкой в сердце. Старик не успел даже крикнуть, только захрипел. Начал уже падать, как Жека схватил его за шиворот, и затащил в кусты, затирая ногой полившуюся кровь на асфальте. Убил среди бела дня, даже не поморщился.

По-быстрому обыскал старика, забрал кошелёк, часы, ключи от квартиры. Открыл портфель, и бегло просмотрел бумаги. Однако ничего особенного в них не было. Какие-то внутренние заводские циркуляры, документы, свежие номера «Правды» и «Труда». Потом рукавом вытер портфель, где касался его, чтоб не оставить отпечатки, и осторожно пошёл по кустам. Старика если и хватятся, то не скоро. Сквер был сильно заросший, ходили по нему не часто. Если и могли обнаружить тело, то только вездесущие дети, играющие чёрт знает где.

Выбравшись с противоположной стороны аллеи, Жека оглянулся. Листья уже начали распускаться, да и вербовый пух хорошо скрывал тело. Однако, если знать, где оно лежит, то всё-таки разглядеть труп можно было. Но обычно это место старались проходить побыстрее.

По пути домой Жека выкинул кошелёк, ключи и часы в речку, протекавшую через город. Пусть подумают на гоп-стоп. В кошельке лежало чуть меньше сотки. Деньги Жека оставил себе, пригодятся. Пока шёл домой, зашёл в кооперативный магазин, купил того да сего, потратил чуть не полсотни.

На работе вступил в профсоюз, оплатив взносы сразу за год. Теперь Жека был членом Профессионального Союза тружеников пищевой промышленности СССР. Принёс удостоверение домой, показал отцу, тот пожал руку, и похлопал по спине.

— Поздравляю, Женька, теперь ты настоящий рабочий. Правильной дорогой идёшь, сынок.

Через два дня тело убитого начальника строительного управления металлургического комбината нашли убитым. Основная версия была — ограбление. Конечно, проверяли и другие версии, в том числе и убийство в связи с осуществлением служебной деятельности. Перекопали всех, кто имел дело с начальником. Тягали и Славяна. Но молодой кооператор провёл целый день вместе с любимой девушкой, её родителями, и был совершенно непричастен.

Начальником строительного управления стал заместитель. На другой день Славян занёс

ему шуку, сложенную в обычный конверт, и тот, слащаво улыбнувшись, подписал о передаче нежилого двухэтажного здания площадью 1000 квадратных метров и участка земли под ним в аренду с правом выкупа, кооперативу «Удар». Причиной было названо отсутствие у комбината средств на проведение ремонтных работ после пожара. Выкуп мог быть осуществлён досрочно. В сумме 5000 рублей.

На следующий день Славян полностью оплатил сумму выкупа в сберегательной кассе Центрального района, переведя на расчётный счёт завода требуемые деньги. Получив документы об оплате, пришёл с ними в горисполком, в земельный отдел. Сунув 200 рублей инспектору, получил сразу же свидетельство о передаче нежилого здания в собственность кооперативу «Удар». Получилось всё так, как и хотели. Теперь здание принадлежало центровым. Но был один нюанс...

— Чё с ЖЭКом-то делать будем? — покуривая Мальборо, и развалясь на скамейке, спросил Славян. — Выгнать их судом, или пусть аренду платят?

— Не... Не надо их выгонять. Шуму много будет. Пусть пока там сидят. Аренду брать будем. Пока по шуке в месяц, — подумав, ответил Жека. — Потом побольше. Посмотрим. Нам теперь о другом думать надо, где шабашников найти — ремонт надо делать.

— Я пойду завтра в строительное управление договор аренды с тем хмырём подписывать, — помолчав, сказал Славян. — Надо сразу же сделать всё, потом своё уже будем мутить. Ремонты, и прочее.

На следующий день Славян зашёл к начальнику строительства уже как свой. Протянул ему конверт и обкашлял договор о заключении договора аренды части нежилого помещения у кооператива «Удар» управлением строительства и обслуживания металлургического комбината. Цель аренды — осуществление деятельности Жилищно Эксплуатационным Управлением номер 1. Стоимость 895 рублей 63 копейки в месяц. Странно. Но по документам получалось, что завод продал здание, где квартирует его же, заводской ЖЭК, и теперь будет платить арендную плату за то, что недавно было заводским.

— Только мы всё равно вам не будем платить, — хитро улыбнувшись, заявил начальник, подписывая договор. — На заводе всё равно нет налички. Рабочим зарплату скоро тушёной и хлебом будут давать. С колёс деньги на зарплату раздаём. А вам... Даже не ждите. Так что для завода это выгодно — развалюху эту сбегреть.

Вечером на пятаке Славян рвал и метал. Жека и Митяй только угарали, глядя на него.

— Не! Столько бегать! Столько времени убить! И на тебе! Они нам не будут платить. А кто за свет, за воду, за толчки платить будет? Ктооо?

— Ты будешь! — ещё больше рассмеялся Жека. — А ты как думал? Если бы всё так просто было, они никогда бы тебе эту халупу не отдали.

— И чё нам делать?

— Курочка по-зёрнышку. Есть у меня одна тема на примете. Но только пока рано об этом. Сейчас здание надо отремонтировать. Ключи-то есть у тебя?

Пошли втроем посмотреть, что там и как. Только даже ключей не понадобилось — после пожара, естественно, зданием никто не занимался. Окна были выбиты на первом этаже, двери снесены пожарными, внутри кельдым. Что сгорело, а что не сгорело, то смыто водой при тушении. Зайти в подвал, где занимались каратэ полтора года назад, не удалось — вход был закрыт на висячий замок. Там были основные инженерные сооружения — разводка воды, отопления, канализации, электричества. Но судя по тому, что оттуда шло тепло, и гарью не пахло, ввод в здание коммуникаций не пострадал.

В зале клуба кикбоксинга и подростковом клубе огонь был самый сильный — сгорело почти всё. Мебель, шторы, половая рейка. Тут всё можно было выкидывать смело на помойку. Детскую библиотеку на втором этаже огонь не тронул. только закоптило и поломало окна. Оттуда уже вывезли книги и мебель. Помещение стало совсем пустым.

— Урааа! — заорал Митяй и запрыгал по полу, застеленному дырявым изношенным линолеумом. Ему было весело, а Жека смотрел, и думал, что тут ремонта — не переделать. Но с чего-то начинать надо. А начинать стоило с вывоза мусора и чистки первого этажа.

— Славян, надо Никифырыча вызвонить, пусть приедет, посмотрит, — уже выходя, сказал Жека. — Скажи ему — пятихатку заплатим, если вычистит тут всё под ноль. Пусть подпрягёт кого-нибудь. Работы тут немного. Что можно самим увезти, пусть везут на помойку. Если грузовик надо, пусть добазарится на автобазе, где работает.

Пока стояли, перетирали то да сё, в проезде у девятиэтажки появился сахаровский джип. Уже чуть было проехал, но увидев, что у здания ЖЭКа кто-то стоит, вернулся и проехал до пацанов. Из машины вышел сам Сахар в чёрном костюме с белой водолазкой под ним, и двое его амбалов. Сахар подошёл к пацанам, и встал в наглой позе, засунув руки в карманы.

— А чё вы это делаете тут? — недовольно спросил он. — Это вы сожгли?

— Нет, — недоумённо ответил Жека. — Само сгорело.

— А вы чё тут отираетесь?

— Смотрим. Ремонт как лучше сделать.

Сахар приблизился вплотную, снял чёрные очки, и в упор уставился на Жеку.

— А зачем вы будете его делать?

— А потому что эта хибара наша. Здесь будет наш кооператив, — спокойно ответил Жека.

Сахар хотел ещё что-то сказать, но не стал. Лишь махнул своим амбалам рукой, сел в машину, и уехал. Сделать он ничего не мог — сам разрешил тут шантрапе крутить-мутить. А докапываться, что случилось, и как, не его дело. Пусть мусора копают.

Никифырыч приехал вечером на своём Москвиче, почесал, затылок, но согласился. Работа не сказать, что трудная, скорее грязная. Разбирать сгоревшую мебель, половую рейку, плинтуса.

— Я на дачу увезу к себе это всё! — решительно заявил он. — Отдадите? На дрова пойдёт.

— Конечно, — засмеялся Жека. — Снимай всё, кроме труб и батарей. Вот тебе стоху в задаток. Остальное, как сделаешь. Если за неделю управитесь, ещё сто сверху положим.

— Есть! — Никифырыч в шутку откозырял, сел в Москвич, и уехал. На следующий же день работа закипела. Никифырыч подпряг свояка. Не стал нанимать кого-то со стороны. Управились за шесть дней. Почистили полы, убрав половые доски, и даже по стенам кое-где прошлись. Жека, как и договаривались, отслонявил пятихатку. Четыреста и стоху за срочность. Теперь надо было делать ремонт.

— Знакомые есть кто? — спросил Жека, рассчитываясь. — Чё нам искать левых. Может есть у тебя кто из знакомых строителей, пусть на шабашку идут. Платой не обижу.

— Да я бы и сам, — Никифырыч сдвинул кепку и опять почесал затылок. — Чё тут сложного-то. Раствор мешай да затирай. Тут много штукатурить не придётся — стены почти нормальные. На раз прошёл тонким слоем и всё. У меня инструмент есть, мастерок, затирка, уровни. Стройматериал только давай. Цемент, песок, доску половую, гвозди. Пила есть у

меня.

— Так в чём дело? Никифорович? — удивился Жека. — Всё будет. Говори чё надо — всё привезём.

— Так тут в первую очередь окна вставить надо, решётки на них, дверь железную с замком гаражным. А так привезёшь — всё у тебя растащат.

— Правду говоришь — засмеялся Жека, ударив себя по лбу ладонью. — Чё-то я не допёр. Ладно. Езжай пока, я тебе позвоню.

— Чё делать-то будем? — озабоченно спросил Славян. — Придётся опять к тому хмырю идти в управление строительства. Суну ему шугукар, может намотит. У них контора серьёзная, есть всё, что надо. А мелких колпашников нанимать, кооператоров, когда они ещё управятся... Да с ними и дороже получится.

— Давай! — решительно сказал Жека. — Ввязались в эту хрень, отступить уже поздно...

В скором времени окна, двери, половая рейка, цемент и песок, предназначенные для строительства нового жилого микрорайона рядом с речкой, каким-то загадочным образом оказались в здании, принадлежащем кооперативу «Удар». Начальник строительного управления сам руководил погрузкой стройматериалов со склада, а потом выгрузкой у кооператива. В кармане у него лежал конверт с 2 косарями.

Так понемногу за весну восстановили здание. Денег правда ушло как в бездонную бочку... Да и то — снаружи ремонт делать не стали. Внутри свежие покрашенные полы, чисто побеленные стены, новая проводка, розетки, освещение. Новенькие окна с решётками. Железная дверь, покрашенная коричневой краской. Жека ходил по-хозяйски, и осматривал всё, но придраться было не к чему. Конечно, не по-современному. Нет обоев, нет линолиума, нет деревянных панелей, нет алюминиевых потолочных плиток... Но это всё мелочи. Главное — здание их. Осталось только купить, и завести мебель и канаты со стойками для ринга.

— Зачем ринг? — недоумённо спросил Славян. — Спортивный клуб что-ли будет?

— Будем охранной деятельностью заниматься, — усмехнулся Жека. — А на ринге будем своих пацанов проверять.

Когда закончили ремонт, к Жеке подошла инициативная группа местных жителей, как называли они себя.

— Ой как хорошо, что клуб и библиотека скоро откроются! — расплылась в восторге здоровенная тётка в домашнем халате. — А то мы всё думаем, скоро лето, хоть детям не по улице шататься...

— Тут не будет ни библиотеки, ни клуба. Помещение в аренде у кооператива «Удар» — хмуро сказал Жека.

— Вы что? Совсем уже? — разошлась баба. — Но так нельзя! Кто вообще это разрешил? Безобразие! Единственная библиотека и клуб на весь микрорайон! Куда теперь детям ходить???

— Я не знаю, куда им ходить, — пожал плечами Жека, и пошёл домой, невзирая на рассерженные вопли. — Идите Горбачёву пишите.

На следующей неделе кто-то ночью краской на здании написал «ВОРЫ» и «ПРЕДАТЕЛИ».

Пришлось идти в ЖЭК, и говорить, чтоб покрасили. Жековские стали очень сговорчивыми, узнав, что здание, где они квартируют, продано, и принадлежит соседям. Кроме того, Жека потребовал ключ от подвала с коммуникациями. К концу весны 1990 года

здание полностью стало принадлежащим центральной братве. За взятку начальнику телефонной станции в здание провели телефон, подвинув по очереди ветеранов войны, многодетных, и ликвидаторов.

Сахар хоть и похмыкивал скептически, но стал смотреть на Жеку немного другими глазами. Хоть он и не входил в члены правления кооператива «Удар», было ясно и дураку, кто в этой шаражке главный, при этом постоянно оставаясь в тени. Всё свободное время Жека проводил на месте работ, и доглядывая, и сам ковыряясь, и помогая, и решая постоянно возникающие вопросы. Троица братанов подобралась идеально. Славян, как знающий всё и вся, решал деловые вопросы. Всё, что связано с бумагами и хождением по кабинетам. За короткое время он узнал все входы и выходы в горисполком, где решались основные вопросы. Городской комитет КПСС всё больше самоустранялся от власти. Большинство его членов погрязли в начинающемся бизнесе и взятках.

В конце мая у Жеки закончилась практика. Из неё он вынес основное — быть простым рабочим в СССР нет никакого резона. Это не давало абсолютно никаких преимуществ. Мизерная зарплата, которой не хватает даже на самое необходимое, плохие бытовые условия, тяжёлый труд с пренебрежениями техникой безопасности. Кроме того, труд из-за повального пьянства рабочих, незаинтересованных в результатах своего труда, был крайне неэффективен. Да и сама фабрика выпускала в большинстве товар, который покупали лишь по причине отсутствия другого. При этом она всегда выполняла, и перевыполняла план. Правда, жители города не видели продукцию фабрики даже в фирменном магазине. Он весь отправлялся в другие регионы, а чаще всего, в союзные и автономные республики. Взамен рабочие фабрики не получали ничего. Лишь бумажные деньги, не подкреплённые ничем. Купить на советские рубли было нечего. Несмотря на низкую государственную цену, в магазинах не было ничего.

Однако в пояснительной записке к отчёту о практике Жека написал, что кондитерская фабрика является образцовым предприятием с высокой культурой производства, давними трудовыми традициями, и находится на острие перестройки. Иначе было нельзя — практику бы не засчитали.

Механик под влиянием директора написал Жеке хорошую характеристику. Соловьёв Евгений, член ВЛКСМ с 1990 года, слесарь 3 разряда, в ходе работы показал дисциплинированность, трудолюбие, и высокие производственные показатели.

— Молодец! — директор фабрики пожал руку, когда Жека пришёл подписывать характеристику. — Побольше бы нам таких Жень. Глядишь, и перестройка бы побыстрее завертелась.

После практики были экзамены, и готовиться пришлось к ним основательно. Но всё-таки к началу июня отстрелялся. Опять на одни четвёрки, что Жеку всегда вполне устраивало. Лезь в отличники — напрасная потеря времени, да и внимания к ним намного больше, чем к скромному хорошисту. Сейчас у Жеки уже были деньги, и он, в принципе, мог заплатить за экзамены по пятихатке, и не париться, но так как с самых первых дней учёбы, привык всё делать сам, то решил не прерывать эту привычку и сейчас.

Как сдавала экзамены Сахариха, Жека не знал. Но когда встретились через недельку разлуки, потраченной на учёбу, показала обе пятерки. Она закончила неполную среднюю школу на одни пятёрки, и перешла в 9 класс.

Глава 25. Со Светкой на дачу

Летом батя заявил, что работы на дедовом участке много, и надо бы Жеке принять в ней самое активное участие. Для дачи дом ещё нормальный, а вот пристройки никуда не годились. Баня почти совсем завалилась. Пол прогнил, стены повело, печка развалилась. Проще было снести и построить новую. Жека смотрел на дверь высотой в полтора метра, и дивился — как в такую можно пролезть. Баня точно вся шла на слом, а потом на дрова. Свинарник, торчащий почти посередине участка, тоже оказался не нужен. Углярку и дровяник надо было переделать. Туалет покосился, колонка плохо качала. Изгородь полузавалилась. Но самое главное, погреб. Он тоже начал заваливаться, так как был обычный, земляной, и брёвна перекрытий, также как и доски стен, стали гнить и проваливаться. Пользоваться им было небезопасно, и требовался новый. Дед, когда был жив, на своё хозяйство или не обращал внимание, или руководствовался принципом — сойдёт и так. Работы предстояло очень и очень много. Но если отцу она была в радость, то Жеке нафиг не встала. Ему надо было решать дела в городе. Да и привык он к городской суете и шуму.

Правда, был ещё Серёга, и он-то, пойдя на каникулы, вдруг проникся, и стал часто ездить в деревню. Помогал батю, копал грядки, помогал садить, таскать воду, колоть дрова. Решил он идти в металлургический техникум в прокатчики. Специальность как раз для промышленного сибирского города. Восемь классов школы закончил так себе, но в металлургический и конкурса-то никакого не было, и поступил легко.

В конце мая Жека стал совершеннолетним. И прошло это событие, не затронув никого. Праздники Жека не любил, так же как и привлекать к себе лишнее внимание, поэтому проставился пацанам и всё. Сахарика собственноручно испекла торт, и вручила Жеке прямо у его подъезда, подойдя на пятак в домашнем халатике.

Жека тоже ездил в деревню, а теперь уже и на дачу. И даже с Сахарихой. Однако с ней ездить... Сахариха, чуть повзрослев, утратила стыд совсем. Или это была такая форма подросткового бунта? Лифчик она летом категорически не признавала. При этом одеваясь в платишки и сарафаны, которые годились разве что для подиума, а не для реальной жизни, в которой есть всякие озабоченные маньяки и извращенцы. Да и просто голодные до полуобнаженного тела мужики. Или завистники и завистницы.

Как-то выдался денёк, что на дачу ехать не получилось ни у кого из родителей. Брат тоже занят. И Жека решил поехать, поковыряться на природе, но тут же решил, почему бы не взять Сахариху. Та была в полном восторге — давно уже никуда не выбиралась, а лето опьяняло и манило. Манило всем — солнцем, теплом, громкой романтической диско-музыкой почти из каждого окна.

Сначала надо было доехать до вокзала, зайти там в коммерческий, купить сигарет, что-нибудь из выпивки, газировки, и самое главное, пожрать — в деревне есть было абсолютно нечего. Ездили туда ещё эпизодически, и постоянно пищу не варили, даже холодильник не был включён.

Договорились со Светкой встретиться в 9 утра, и Жека уже две сигареты выкурил у её подъезда, пока она не соизволила выйти. На асфальте стоял мафон, громко изрыгая Технологию. Когда Сахариха вышла, Жека чуть не офигел. Сам он одел варёнки-пирамиды и белую рубаху скоротким рукавом. На ногах адики. Спортивная сумка через плечо. Просто,

модно, но в то же время и обычно — так мог одеваться и шахтёр, и бандит, и директор шахты. Сахариха вышла, и по её виду сразу можно было понять, что перед вами элита, плюющая на запреты, и на осуждение окружающих.

На ней была широкая соломенная шляпа. Да, да... Из тех, которые показывают только в кино, и которые носят только жёны и любовницы миллиардеров. Ну сами посудите — куда в СССР можно пойти в такой шляпе? В переполненный автобус или трамвай явно в ней не полезешь. Просто не поместишься. Что уже подразумевало, что возить такую красотку можно только на машине. Красивые глаза закрывали большие тёмные очки. Причём они были импортные и дорогие, потому что не пропускали вообще никакого света. Советские очки смотрелись черепаховыми, огромными, и в тоже время лишь полупрозрачными. У Сахарихи очки были совсем чёрными, неширокими, и с краями, поднимающимися вверх, по американской моде 60-х годов. В сочетании с огромной шляпой они смотрелись обалденно.

Волосы у Сахарихи никогда не были блондинистыми, скорее, светло-светло русыми, но как они смотрелись, выбиваясь из-под шляпки! Они имели свои, природные крупные локоны, и как волны падали на спину, и тонкие нежные плечики. А если ещё тонкая белоснежная кожа, пухлые губы, правильные черты лица... А сарафан?

Он был очень короткий, и сшит из какой-то цветастой бело-розовой ткани, очень тонкой и очень лёгкой, почти воздушной. Солнечные лучи пробивали его насквозь. И только широкие ляжки едва-едва прикрывали упругие белые груди. На маленьких ступнях — босоножки из каких-то золотистых верёвочек. Такое ощущение, что она выписывала себе одежду по каким-то заграничным каталогам, а не покупала на народной барахолке, потому что в городе ничего подобного Жека и близко не видел.

Сахариха вышла из подъезда, держа через плечо большую вязанную сумку из дорожущего ротанга. Увидев Жеку, захихикала, подняла тонкие руки, и крутанулась на длинных ногах, потом замерев в эффектной позе, отставив в сторону стройную красивую ляжку.

— Ну как? Хихихи, — захихикала Сахариха, радуясь произведённому впечатлению.

— Н... нормально! — нашёлся что сказать Жека, глядя на подружку. А на неё куда ни глянешь, сразу офигеваешь. То взгляд падает на стройные голые ноги, то на почти обнажённые груди, то на нежную шейку, то на алый пухлый ротик.

— Чё уставился? — хихикнула опять Сахарика, и картинно протянула ему правую руку. — Пошли, тачло поймаем. Или ты как собираешься ехать? Я на электричке и автобусе не поееедууу!

— Конечно на тачке, Свет... Сейчас поймаем. До вокзала. В кооперативный, еды купить надо.

— Нууу... — разочарованно протянула Сахариха. — А чё сразу не сказал? Я бы с дома взяла.

— Да мы быстро! Там затаримся, а потом сразу на такси или на бомбилу.

— Пффф! — презрительно фыркнула Сахариха, и пошла впереди, красиво размахивая руками, и виляя изящной задницей.

Пока шли до остановки, казалось, на неё смотрит весь город. Хоть район и спальный, а всё равно, погожим летним утром народу на улице порядком, и все встречные поперечные чуть не открывали рот при виде такой красотки. Мужики отвешивали рты и долго смотрели вслед, женщины завистливо хыкали, показывая вид, что им это безразлично, пенсионеры что то бормотали про себя, боясь сказать открыто, в первую очередь из-за Жека.

На остановке пока Жека договаривался с бомбилкой, её кажется, осмотрели все, от

школьников и их родителей на остановке, поехавших в парк, до водил, проезжавших мимо.

Жека тормознул семёрку, усадил Сахариху на заднее сиденье, сам сел на переднее, посмотрел назад, и первое, что увидел — крупные розовые соски подружки, дерзко смотрящие так, что даже пожилой водила, случайно бросивший взгляд в зеркало, покраснел от смущения. Сахариха без стеснения поправила лямки сарафана и уставилась в окно, даже не покраснев.

На вокзале вообще труба. Это место всегда было сборищем чёрт пойми кого, а в наступающие лихие годы — тем более. Толпы дачников, работяги, каталы, шашлычники, торговцы водкой, сигаретами, фарцовщики, спекулянты, гопники — все смотрели на Сахариху раскрыв рот. А ей хоть бы хны. Идёт вышагивая длинными ногами, и надменно смотрит туда — сюда. Конечно, если бы не Жека, давно бы её попробовали взять в оборот ушные ухари. Только вот получилось ли бы это у них. Постоять за себя Сахариха умела, имея такого-то брата.

Купили в кооперативном всякой дряни. Тушёнку, сгущёнку, завтрак туриста, шоколад, кофе, конфет. Сигарет, бутылку коньяка. Сахариха одобрительно кивнула головой. Хоть она почти не пила, и в целом спиртное не уважала, но повеселиться любила.

У вокзала на площади стояли таксисты, и всё это были самые уважаемые люди в этой профессии. Элита. У таксиста на вокзале можно купить водку, сигареты, и презервативы. Магазинов круглосуточных не было, и только таксисты выручали страждущих. Таксисты знали, где заказать, и откуда привезти проститутку. Или драп. Таксистам сбывали ворованное, а особенно золото. Это был их всем известный заработок.

Естественно, что пятак на вокзале был местом хлебным, и работали здесь таксистами сплошь судимые раз да через раз. Цены были самые высокие, а счётчик не включался никогда — цены устанавливали сами шефы.

Люд прибывал в город разный — командировочные, вахтовики с севера, и прочие. И всех их опытный таксист мог разложить по масти, кто есть кто, чтобы содрать побольше. Однако Жека с Сахарихой не поддавались никакому анализу — такие люди, судя по прикиду и поведению, должны ездить на своей машине, а они садятся на такси. Впрочем, Жека цену знал. За четвертак любой бы согласился поехать в пригород.

Для Сахарихи почти никогда не выбиравшийся из дома, поездка на дачу, конечно же, была делом интересным и захватывающим. Поэтому она и вырядилась так. Что она ожидала увидеть в деревне? Уж явно не старый дом, сложенный из шпал. Однако виду не подала. Приняла всё как надо

А хозяйюшка она была отменная... Пока Жека принес воды, она приготовила завтрак, вытерла стол, подтерла полы, прибралась в доме. И переделась в купальник. Не загорать. Просто она так решила ходить. Сахариха загорать не любила — кожа у неё была белая, и очень нежная. Загар на неё не прилипал никак. Она сразу сгорала до красноты, поэтому даже не ездила с братом в Сочи, оставаясь на время у тетки.

Что делать молодому человеку, если рядом полуголая подружка? Целовать да миловать. Но нет. Жека крепился. Ведь для Сахарихи это была просто одежда. Да и Жека приехал не просто так. Батя надавал заданий по хозяйству. Понемногу начали разбирать дедовы городушки. Дед с бабкой по деревенской привычки, себе во всем отказывали, зато накопили целую кладовку одежды, одеял, простыней, покрывал.

Жека таскал из кладовки порченые молью дорогие пальто с караулевым воротником, новые, но погрызанные мышами покрывала, одеяла, постельное бельё. Всё, что копили всю

жизнь, пошло прахом. Ради чего недоедали и недопивали?.

Сахариха вальяжно развалилась на старом кресле в теньке дома, попивала лимонад из гранёного стакана, и с умилением смотрела на работающего в поте лица Жеку. Потом, замучившись от безделья, сама включилась в работу, и стала помогать.

Во второй половине дня надоело ковыряться в грязи, и решили сходить на речку. А идти надо было через всю деревню, и Сахариха тут блеснула во всей красе, да так, что Женькину мать ещё долго потом местные бабки-сплетницы донимали расспросами, что за краля к ним приезжала.

Сахариха решила идти в купальнике, лишь накинув сверху яркое турецкое полотенце, чтоб не сгореть. И если груди и тело было при прикрыты от любопытных взглядов, то стройные ноги, торчащие из красных купальных трусов, совсем нет. А если добавить ещё огромную шляпу, очки, дорогую сумку, то облик девушки был поразительный. И шикарный. Чуть повзрослев, Сахариха стала знать себе цену. Делала регулярно маникюр с педикюром, и зажигала с красным лаком на ногтях пальцев рук и ног.

А деревня в то время была ещё слишком патриархальна, и даже можно сказать, старорежимна, в отличие от города. Если город колотился в тисках перестройки, то деревня отставала лет на пять. Перед сельсоветами реяли красные флаги СССР, и стояли белые гипсовые статуи Ленина и Брежнева. А кое где и Сталина с Хрущёвым. В клубах по вечерам показывали «Тихий дон», и «Весна на заречной улице», старые, чёрно-белые, ещё дедовы, а не «Маленькую Веру» и «Фаната», как в городе. В силе были ещё ветераны войны. Что такое 65 лет для мужика? поголовно держали скотину. Женщины ходили в мужских пиджаках, ситцевых юбках и платочках на голове, даже в жару...

А тут представьте себе, по улице, среди лая собак и кудахтанья кур, идёт такая краля на миллион. Сахариха гордо шествовала по улице как королева, с любопытством и лёгкой тенью брезгливости рассматривая уклад жизни людей, совсем чуждых ей. Она не то, чтобы ненавидела или презирала из. Нет. Она была другой. Другого поколения. Более наглого и циничного, чем эти люди. Плоть от плоти дитя перестройки. Она тоже ходила в октябрятах и пионерах, со значком и красным галстуком. Но была уже совсем другой. Она не обращала внимание на окружающих, и делала то, что хотела и могла.

Впрочем, Жека был таким же. Просто он был из советской бедной семьи, а Сахариха из советской богатой семьи. Вот и вся разница между ними. Но они оба одинаково называли старорежимных людей совками, и с лёгкой тенью превосходства относилось к ним. Жека и Сахариха нашли друг друга в тени большого промышленного города, и подошли друг к другу идеально. Иначе и быть не могло.

Деревенские точно так же как городские, останавливались, и с большим изумлением смотрели на Сахариху. Она для них была как предвестник новой, совсем другой жизни, о которой у них совсем не было понятия.

Пока шли, успели прослушать почти полностью одну сторону «Комиссара». Жека сейчас больше тяготел к энергичной танцевальной музыке и синтипопу. Ласковый май понемногу сдувался, превращаясь в бесконечную череду альбомов малоизвестных исполнителей. Братья Гуровы, Крестовский Жеке совсем не нравились. Старый «Ласковый май» 1987 года умирал вместе с СССР.

Был будний день, и народу на пляже не слишком много, потому спокойно расположились в теньке, под кустами — Сахариха не захотела лежать под солнцем, опасаясь сгореть. Накинула на песок плед, и разлеглась как королева, с насмешкой посматривая на

Жеку, потом перевернулась на живот, и капризным голоском пропела:

— С тебя массаж. Только не щекоти, и чтоб не больно!

— А если больно? — рассмеялся Жека, массируя тонкие плечики, худую спинку, подбираясь к упругой заднице и нежным ляжкам.

— Эй! Только не тааам! — взвизгнула Сахариха, пытаясь отмахнуться от наглых жадных рук.

Но переворачиваться ей было лень, и Жека легко исследовал тельце своей возлюбленной.

Потом пошли купаться. Вода за день нагрелась, и стала как в ванне. Сахариха постоянно дурачились и смеялась, наезжая на Жеку, а он все старался схватить и ощупать то, что так соблазнительно упруго торчало из-под купальника. И даже несколько раз удалось.

Полоскались до вечера, часов до 7. Хотели идти домой, но потом Жека вспомнил, что сейчас как раз должны гнать стадо частных коров с пастбища, и решили ещё задержаться на часок.

В 8 пошли домой. Подходя к мосту, Жека услышал стрекот мотоцикла и пьяные вопли. У моста был уютный закуток, заросший деревьями, и там в теньке местные парни устроили себе место для висячек. Сколотили из досок стол, скамьи. И каждый вечер до самой ночи собирались там, пьянствовали, лапали своих визжащих тёлочек. Место это считалось нехорошим, и местные по возможности, старались вечером и ночью не ходить тут. Жека только слышал пьяные крики и маты, то сразу подумал, что быть мордобою. В прочем, за себя Жека не боялся, а вот за Сахариху — да. Ее тонкое тельце было плохо приспособлено для уличных драк.

Обойти пьяную кодлу никак невозможно — тропинка в деревню одна. Оставалось надеяться, что не обратят внимание, или забоятся наезжать. Жека не выглядел легкой лобычей. Но вот Сахариха... Ради такого сладкого кусочка деревенские могли полезть в драку. Да ещё и пьяные... Ещё и Светка... Ладно бы она хоть немного попридержала свой язык, но увы... Сахариха привыкла не обращать внимание на окружающих, и часто смотрела на них как на пустое место. Однако в этот раз это не получилось...

Глава 26. Деревенские магнитофоны

Сахариха даже не обратила внимание на пьяных деревенских — они жили вне её вселенной. Всё так же шла, подпрыгивая при каждом шаге, и отбрасывая длинные ноги вперёд. Что-то там щебетала и смеялась, иногда хватала Жеку за руку. А Жека шел мрачнее тучи. Но не говорить же подруге, чтоб вела себя потише и поосторожнее. Да она бы не поняла. Она принадлежала к людям, которые не ведут себя тихо и осторожно.

— Гляди, гляди, какая тёлка! Ничо у ней сиськи. А с ней кто? Ты знаешь его? — раздался пьяный вопль из-под деревьев.

— Не. Походу городской, — ответил сиплый голос. — Эй, ты кто?

Жека и Сахариха не обращая внимание на отморозков, прошли дальше. И тех это сильно задело.

— Ты! Чертила! А ну стой! Ты чё, припух что ли? Стой, я тебе говорю!

— И тёлка борзая чё то... Давайте наедем на них!

Было слышно, как деревенские выползли из-под стола, роняя пустые бутылки на гравий, и побежали к Жеке и Сахарихе. И голоса и шаги слышались всё ближе.

— Эй ты, городской фраер, лови леща! — совсем рядом раздался сиплый голос. И в этот момент Жека вертушкой попал деревенскому прямо в сальную жирную рожу. Хрустнула челюсть, вылетели зубы. Раздался громкий вопль, и деревенский свалился на гравий. Бежавший за ним следом запнулся о лежащее тело, и тоже упал. Жека тут же приложил его в челюху, да так, что он отлетел обратно, и остался лежать на спине, рядом с первым.

Однако набегали ещё трое. И у одного нож. Нож был большим свиноколом, сантиметров 30 длиной. Таким забивали скот. А сейчас попытались забить Жеку. Но дело в том, что нападавший даже понятия не имел, что делать с таким большим ножом, просто беспорядочно размахивая им из стороны в сторону. Жека поймал его на очередном замахе. Правой ногой ударил в запястье, и нож вылетел, тут же подсечкой уронил на землю, и ребром ладони ударил по шее. Деревенский хрипнул и обмяк.

Двое оставшихся были сильно трусливы, чтобы нападать при таком раскладе дела, и выкрикивая грязные ругательства, побежали назад. На всё про всё ушло от силы пара минут. Даже магнитофон из рук не выпустил. Загасил ногами.

— Ну чё, Жекич, пошли, — невинном голоском прощепетала Сахариха, как будто ничего не произошло. Как будто так и надо, и это не на них только что бросались с ножом здоровенные детины. В её мире это было обычное недоразумение, которое разрулил пацан. Взяв Жеку за руку, она потянула его прочь.

Придя домой, Сахариха достала бутылку коньяка. Но много не пила. Потом Жека поставил группу «Био», и как только заиграл медляк, песня «Белая роза», пригласил Сахариху на танец. Упругие груди, отделенные от него только купальником, прижимались все сильнее и сильнее, вызывая целую бурю чувств. Жека поднял её лицо обеими руками и зацеловал его, а потом поднял на руки, и понес на кровать...

Сахариха встала пораньше. Пока Жека лежал, закинув руки за голову, и наслаждался полнотой жизни, она уже успела открыть консервы, нарезать хлеб, поломать шоколад и конфеты, вскипятить чайник на плитке, заварить чай. В хозяйственности Сахарихе отказать было трудно.

— Ну ты что, лежебока? Вставай!

Она стояла в красном купальнике, облокотясь на дверной проем, и выглядела настолько свежей, чистой и невинной, что хотелось опять сгрести её в охапку, и обнять всю сразу.

А вставать совсем не хотелось. Куда торопиться- то? Утро в деревне, теплый ветерок, птички поют. Казалось бы лежи и лежи. Однако Сахариха опять подлезла и заныла:

— Ну Жеееееняя! Когда домооой? Пожаааалуууистааа!

Как истинно городскому человеку, деревенская жизнь ей мигом наскучила, и захотелось опять в город. Да и быт такой себе, чего уж там... Бегать в деревянный туалет на улице мало кому понравилось бы. Впрочем, Жека уже и сам хотел свалить. Делать тут особо нечего, а деревенский уклад уже надоел. Это сначала кажется, что цветочки и птички — лучшее, что может быть в жизни, но человеку живому, рисковому, привыкшему жить на отвязись, в деревне не сильно-то понравится.

Позавтракали, и стали собираться. Электричка шла в 11. Отсюда на такси уже не уедешь. Однако как Сахариха в своем неглиже будет ехать в электричке, он просто не представлял. Всё решилось до обыденного просто. Когда проходили мимо большого дома с табличкой «Фельдшерский пункт», Жека услышал как играет музыка. Во дворе возился пожилой мужик лет 60-ти. Он ремонтировал «Москвич», а чтоб не было скучно, включил магнитофон. Жека с удивлением увидел, что магнитофон такой же как у него, только коричневого цвета.

— Тетка твоего! — засмеялся мужик и замахал рукой. — Недавно купил. Хороший аппарат!

— Почём взяли? — ради интереса спросил Жека.

— 185 рублей! — довольно ответил мужик. — У нас в сельпо ими всё завалено. Привезли ещё зимой. Штук 40. Наши купили несколько, и всё. Лежат мертвым грузом, никому ненужные. Я Аркадьевне сколько раз говорил, что наши ухари украсть могут, так она всё — нет, что ты... Да и делать решетки на окна некому.

— А вы нас до города не довезёте? — вдруг спросила Сахариха, уставившись на мужика своими изумрудными глазами, изобразив милую улыбку. — Я вам 50 рублей дам.

Она залезла в свою ротанговую сумочку, и помахала полсоткой, держа её своими белыми наманикюренными пальчиками. У Светки денег было — куры не клюют.

— Да я... Да конечно! — засуетился мужик. — Сейчас! Пять минут подождите!

Мужик наскоро прикрутил колесо, и выгнал машину на улицу.

— В город так в город. Садитесь пожалуйста. Только в магазин заедем. Надо продавщице сказать кое-что.

Москвич притормозил у сельпо, и мужик вошёл в здание. Жека следом. Сахариха следом за всеми. Она первый раз видела такой магазин. В этих магазинах всегда стояла огромная очередь, потому что продавали всё сразу — от продуктов до магнитофонов. Причём продавали странно — зачастую было так, что в холодильнике сельпо тухли ненужные деревенским жителям мясо и куры, которые в деревне не брали, потому что своего навалом, в то время как рабочие в городе голодали, и шли за мясом на рынок — в магазинах его не было. Или в городском универмаге десятилетиями лежали резиновые калоши, ненужные никому, а в деревне они были сильным дефицитом, хотя здесь они нужнее. Вот и сейчас. Привезли в сельский магазин 36 магнитофонов Томь-303, из которых деревенскими было куплено 6. Остальные в коробках лежали на складе, и увезти их было нельзя — показатели торговли снизятся, и план будет не сделан.

Всё дело в том, что в СССР огромной популярностью пользовались небольшие

монофонические магнитофоны, вроде Томи. Они стоили относительно недорого, в пределах 200 рублей, в то время как более дорогие стереофонические магнитолы, или блочная аудиотехника, стоили в разы дороже. В городских магазинах недорогих магнитофонов не было почти никогда — их разбирали с бешеной быстротой.

Сахариха вслед за Жекой вошла в сельпо, и недоумённо огляделась — кроме банок с соком, сухарей, и консервов, здесь не было ничего. Ей, привыкшей с братом затариваться в кооперативных и коммерческих магазинах, это выглядело убогим. Наверное, только сейчас Сахариха увидела, как живут обычные люди, те же самые деревенские.

Мужик-води́ла о чём-то перетирал с продавщицей, Сахариха скучала, переминаясь с ноги на ногу, а Жека думал, как крутануться с магнитофонами. Можно купить их все, это же бешеный дефицит, но вот как продать подороже... На магнитофонах была написана фиксированная госцена, и дороже продать их было никак нельзя, если только... не написать в паспорте дописку, что при изменении схемы, цена может быть другой. Скажем, если купить 30 магнитофонов по 185, а продать их по 250, то чистая прибыль будет почти 2000 рублей. И это надо сделать быстро, пока о дефиците не узнали городские, и не ломанулись сюда за халявой.

Приехав в город, Жека первым делом проводил до дома Сахариху. Прямо до самой квартиры. На прощание, глядя в её непокорные зелёные глаза, в шутку оттянул ляжку сарафана, чтобы заглянуть вниз, на упругие белые полушария, но девочка отодвинулась от него и засмеялась, отгоняя жестами руки.

— Женька! Ты негодник! Пора и по домам! Ты меня ЗА-МУ-ЧИЛ!

Первым делом Жека зашёл к Славяну. Родители его были на работе, и он дома висел один, сестра отдыхала в пионерлагере. Вышли на балкон, покурили. Жека обсказал ситуацию с магнитофонами.

— Тут главное не купить, — задумчиво сказал Славян, пуская синий дымок Мальборо. — Самое главное как продать дороже госцены. А так какой резон — разве что через коммерческий... Это опять к кому-то в центре придётся залазить. А вдруг ещё и кинут, если крутые, тот же Добей. С него чё, с комка — сёдня открыл, завтра закрыл, всех кинул, и уехал на Гавай.

— Сдавать надо туда, где не кинут, — уверенно ответил Жека. — На завод тот же. Или на кондитерскую фабрику.

— И как это будет выглядеть? — недоверчиво усмехнулся Славян. — Через кассу взаимопомощи что-ли продавать?

— Нет! — не согласился Жека. — Не в кредит, а под зарплату.

— И в чём выгода-то? Что делать? — всё так же недоверчиво покачал головой Славян.

— Покупаем магнитофоны по госцене, продаём фабрике по своей цене как товар народного потребления, проданный кооперативом, фабрика продаёт магнитофоны рабочим под зарплату по госцене, и вносит их на свой счёт как погашение выданной ссуды на оплату магнитофона. Разницу делим между тобой и мной. Но сначала надо будет кинуть директору 500 колов чтоб согласился. Таким образом и народ не бухтит, и ОБХСС не доколуется.

— Это всё зависит от директора, — заметил Славян. — Откажется намотить, и ничего не получится.

— Посмотрим, — усмехнулся Жека. — Сначала мафоны купить надо. Мы их всегда толкнем, вопрос во времени.

— Никифоровича вызвонить?

— Звони.

Когда здание кооператива было полностью отремонтировано, пацаны сходили на пустырь, и забрали остатки денег. Осталось негусто, чуть менее половины, но на текущие расходы пока пойдет. Не доверяя сейфам, оторвали одну половину пола и наличку хранили под ней. Вот и сейчас понадобилось. Стволы и ножи спрятали в подвале, за трубами отопления, в нише.

В кооператив купили стол, стул для Славяна, небольшой шкаф для бумаг и несколько диванов, чтоб висеть, когда соберётся толпа.

— Чё, прям завтра поедем? — спросил Славян, набирая номер гаража автоколонны.

— Завтра. Прямо с утра. Куй железо не отходя от кассы, — рассмеялся Жека. — И надо бы среди пацанвы местной слухи пустить, что идёт набор в охранники. Только с 16 лет. С 16 уже можно в кооперативе работать. Пока поднатаскаем, как раз 18 исполнится.

Договорились с Никифоровичем, чтоб завтра подъехал к 9 часам утра. Поехали втроём, опасаясь, что деревенские наехать могут. С деньгами неохота было рисковать. 5550 рублей везли с собой. Но прошло все как по маслу. Продавщица в сельпо конечно, офигела, когда у неё кооператоры скупили сразу все магнитофоны. Но была довольна — сделала месячный план. Только одна загвоздка — инкассаторы приедут только в пятницу.

— Уж и не знаю как быть, — посетовала продавец, полная простодушная женщина лет 50. — У нас тут такие говнодавы, что запросто залезут.

— А что, залазили? — ненароком поинтересовался Жека, наблюдая, как она прячет пачку денег не в кассу, а запихивает за пачки с сухарями на витрине.

— А то! — с негодованием возмутилась продавец. — Всё водку ищут. А где ей взяться-то? Даже вина нет. Хорошо хоть магнитофоны вы купили, а то лежат, пылятся.

Жека осмотрел магазин — даже решётки на окнах не было. Они закрывались ставнями изнутри на простые шпингалеты. А на одном окне, через который принимали товар, вообще обычный крючок, который с улицы легко поддеть чем-нибудь. Хотя бы тем же ножом, или отвёрткой.

"Придётся остаться поработать на даче", — подумал Жека. Придётся остаться поработать на даче", — подумал Жека.

— Коробок-то много, — осторожно сказал Никифырыч, помогая таскать магнитофоны. — Лишь бы в машину влезли.

— Уеду на электричке, не проблема, — заявил Жека. — Да у меня тут у отца дом в деревне. Зайду, помогу по хозяйству. А вы езжайте, там разгрузите. А я завтра приеду.

Жека подмигнул Славяну, и тот сразу всё понял, ухмыльнувшись в ответ. Жека решил ломануть сельпо, пока там ещё лежат деньги. А их было более 5550 рублей. Что они сами привезли сегодня.

Славян и Никифырыч уехали, нагруженные магнитофонами, а Жека постоял, покурил, зашёл в сельпо, купил хлеба, консервов, деревянных залежалых пряников, и пошел к отцу.

Тот не ожидал Жеку, поэтому слегка подкалдырился, но в меру.

— Да я ненадолго! — уверил Жека. — Завтра утром уеду. На первой же электричке, в 6 утра. Дела в городе.

— Это хорошо, Женька что ты в люди выбился! — твердил захмелевший батя. — Учись. И нам с матерью. И братьям — сестрам подмога.

Почти весь день ковырялись по хозяйству. В основном разбирали дедову баню. А разобрать её было не так-то просто. В трухлявых бревнах завелись муравьи и осы, и каждое

бревно, падая на землю, изрыгало полчища насекомых. Приходилось всё бросать, и идти курить, пока они не разбегутся. Так понемногу и прошел день.

Стрёмно конечно, что без мафона, скучно работалось, но ничего. Один день и потерпеть можно.

Вечером смотрели программу «Время». В стране неспокойно. Полыхнуло в Абхазии, Карабахе. Шел 28 съезд партии, и на нем Бориса Ельцина исключили из рядов КПСС. Была создана Компартия РСФСР. Назревал раскол страны.

— Контрреволюция! За что деды боролись! — чуть не кричал подвыпивший отец. — Это же предательство! Сепаратизм! До чего дожили, Женька! Уже на базаре окурки в баночках продают! Литровая банка 3 рубля!

Отец долго ещё возмущался и плакал. Однако Жека знал, что все эти слова — пустая говорильня. Никто не сделал бы ничего, рухни СССР хоть завтра. Всем пофиг. Когда пустые магазины и вся еда по талонам, отстаивать оказалось нечего и некому.

Жека проснулся ночью. Взял длинный нож и выдергу на всякий пожарный. Надел верхонки, чтоб не наследить. Пошёл на дело. По деревенской улице идти не стоило — могли запалить, да и собаки подняли бы шум. Поэтому Жека пошёл задами. Перелез через ограду, и пошел по бурьяну коровьими тропками. Идти пришлось порядком, километра 2 по горе. Хорошо что ночь лунная и звездная была — видно хорошо.

Спустившись с горы к магазину, попробовал сорвать замок, но возиться пришлось бы порядком — проушины были прибиты толстыми гвоздями. Проще открыть окно для выгрузки товара. Правда, находилось оно со стороны улицы, и это было палево. Оставалось надеяться, что по улице ничто не пойдет. Магазин стоял на конце села, у самой остановки электрички, и люди ходили тут только на неё.

Поддел ножом крючок с внутренней стороны ставни, откинул его, и залез внутрь. В магазине темнотища, и иногда приходилось подсвечивать спичками. Быстро нашел пачку денег, спрятанную продавщицей на полке, и взломал кассу. Взял ещё оттуда почти штуку, 989 рублей. Потом так же вылез из магазина, и пошел на остановку.

До электрички было ещё с час. Начал заниматься рассвет, закукарекали петухи, замечали коровы. Деревня просыпалась. Жека пошёл по путям по направлению к городу. До следующей остановки пара километров, и за полчаса рассчитывал как раз дойти. По пути выкинул в болото нож, выдергу и верхонки. Этого добра на даче было навалом.

На остановке постоял немного, в тени будки, чтобы сильно не отсвечивать. Правда, и народу-то было не особо много. Пользовались ей лишь те, кто на работу ездил в город. Дачники предпочитали ездить попозже. На Жеку даже не обратили внимание, когда он зашёл в вагон. Обычный парень, едущий в город. Таких десятки. В электричке даже удалось покемарить — ведь всё таки всю ночь почти не спал.

На вокзале поймал бомбилу, и поехал домой. Сильно хотелось спать, поэтому завалился почти сразу же спать, засунув деньги под подушку. Итогом его рейда стали 6 тысяч рублей.

Глава 27. Ресторан "Омуль"

Утром Жека по старой памяти наведился на кондитерскую фабрику, так как решил сдать магнитофоны туда. И время-то выбрал хорошее. После полочки прошла неделя, и естественно, у людей все деньги потрачены, кроме неприкосновенных заначек. И потрачены в основном на продукты. Настроения никакого.

Встретил у проходной знакомых мужиков, баб, все конечно спрашивали, что да как. Где работает, как зарплата.

— Да я в кооперативе щас работаю, — похвалился Жека. — Зарплата штукарь в месяц. Нормально. Доволен сильно.

— Эх... А у нас тут как всегда... И зарплата копейки, да и на те хрен что купишь, — завистливо сказал Санёк.

— Так тут у вас вообще труба, — соврал Жека. — Скоро платить ничего не будут. Я почему и ушёл. Про вас тут ваще слухи такие ходят, что кирдыкнется скоро фабрика. Зарплату платить не будут, и вообще закроют. Вас всех за ворота!

— Неее... Нам ничего не говорят... Скрывают, как всегда, сволочи! Им не впервой! — завозмутились люди. — Бастовать надо!

— Ладно... Мне пора. Я так... Мимо проезжал, — соврал Жека. Он прекрасно знал, как в это непростое время разносятся слухи, и примерно представлял, что будет.

Потом поехал домой за деньгами, и тут же пошёл в кооператив, где торчали Славян с Митчем. Парни от нечего делать играли в карты.

— Чё делаете? — спросил Жека. — Вызывайте Никифырыча, пусть отпрашивается, и дует сюда. Дело есть.

— Чё за дело?

— Вот какое дело! — Жека достал из кармана 6 косарей и потряс ими, потом бросил на стол перед Славяном, а сам завалился на стул, нога на ногу. — Это наши обратно притопали с процентами. Но будет ещё семь с половиной штук, когда мы мафоны сбавим на кондитерку.

— Чё там? — заинтересованно спросил Славян. — Уже намутил?

— Не. Только подготовился. Но зная этих жлобов, они там уже громят всё.

Пока Никифырыч с Митяем грузили магнитофоны в машину, Жека консультировал Славяна.

— Директор там нормальный мужик. Не совок идейный. За перестройку, за Горбача. Хозрасчёт хочет вводить. Да и вообще сторонник всего нового. Короче. Я там бросил работягам дезу, что на фабрике нет денег, и вообще, она скоро закроется. Там большой кипишь уже должен идти. Возьми наши документы, печать, езжай на фабрику. Приедете, встанешь у проходной, чтоб все видели мафоны в машине, и иди к директору. Цену ломи в 250 колов. Дороже не надо. Там зарплаты небольшие. Дороже чем одна зарплата всё равно не возьмут. А так купятся, подумают — вдруг не будет зарплаты. Ну и деньги требуй чтоб сразу нам перевел, всё целиком. А со своими работягами пусть сам как хочет, так и мутит, трясёт с них. Хоть в ссуду, хоть в рассрочку, хоть сразу с полочки вычитает. Это не наше дело.

— Ясно, — осторожно согласился Славян, не веря, что удастся так легко срубить 7500 рублей.

Поднялся снизу Никифырыч в ожидании указаний. Сел на диван.

— Езжайте, короче, — сказал Жека. — Я тут подожду. Да и вообще, братан, надо нам тачку нанимать. Мы уже порядком поднялись, чтоб постоянно звонить Никифырычу. Никифырыч!

— Ау! Чё? — отозвался мужик.

— В кооператив пойдешь работать? Зарплату хорошую положим! 500 рублей получать будешь, как шахтёр!

— Да я... Ребят... С радостью! — растерялся Никифырыч. — Хоть завтра! Чё я там, на автобазе этой! За 250 рублей вкалываю... Всю жизнь на машину копил...

— Вот и ладно, — довольно сказал Жека. — Дела в гору пойдут, и больше платить сможем. Самое главное на ноги встать.

Славян вернулся под вечер с грузом впечатлений. На фабрике, когда они приехали, такой кипешь был, чуть ли не до забастовки. Уже инициативная группа у кабинета директора стояла с требованиями дать гарантии выплаты зарплаты и обеспечения трудящихся товарами народного потребления.

— А тут я притащился с этими магнитофонами, — рассмеялся Славян. — Сдал влегкую. Тут же составили списки, и раздали под следующую зарплату, а то вдруг она пропадёт. А так хоть что-то есть. Ещё и мало мафонов было, спички тянули. Директор так обрадовался, что работяги бузить перестали — деньги сразу перевел на счёт. Семь с половиной штук. Чё, там пусть лежат?

— Не, братан... Чтоб там лежали, не надо. Сразу в дело пускать. На деньги сейчас надежды нет. Прошли времена, когда деньги есть в сберкассе, и ты богатый. Щас нет. Щас нужно вкладываться. Щас деньги есть — а завтра можно остаться нищим.

— Чё мутить будем? — спросил Славян.

— Тоже что и раньше. Охранное предприятие и спортивный клуб.

— А кто тренировать будет? Может, тренера этого, Егорыча позвать?

— Не, ты что, братан! — не согласился Жека. — Он же идейный. За страну выступал. Не, его не надо. Сами будем тренировать. На первый раз найдем 4 человека. Посмотрим, как дело пойдет. Но я думаю, все нормально будет. Поедем завтра ещё мебель покупать, ринг поставим на первом этаже, вешалки повесим. Столы, стулья купим.

Жека хотел Сахарихе предложить работу секретаршей, но она ни в какую не захотела. Нет, и всё. Денег брат ей давал достаточно, и лишний раз елозить она не хотела, да и осенью в школу в 9-й. Естественно, Жека хотел притянуть её к себе поближе, так как со всеми мутками сильно скучал по ней, но... Не получилось.

Многие кооператоры того времени, заработав себе денег, тратили их на всё подряд. Дорогую аудио и видеотехнику, золото, хрусталь, дорогую одежду, машины. Жека со Славяном, выросшие в небогатых семьях, действовали по иному. Страсть к золоту, цацкам, машинам, коврам, они считали жлобской и совковой. Для них главное, чтоб было самое необходимое — модная одежда, обувь, хорошие сигареты, деньги без нужды, и ладно, больше и не надо.

Все свободные средства тратили на обустройство здания, и к осени сделали всё так, как и хотели. Наняли пока 4 охранников, из числа местных пацанов, кто более менее хорошо драться мог. И кто не пил и не шмалял дурь. Это правило было строжайшим. Да и то, их надо было обучить. Занялся Митяй. Однако это был всего лишь задел на будущее, когда кооператив раскрутится. Для начального толчка требовались люди знающие и умеющие.

Конечно, идеально было бы нанять бывших работников милиции или афганцев, но это повлекло бы за собой вовлечение в контору левых, посторонних людей, а Жека этого не хотел. В кооперативе должны были работать люди проверенные, свои, кто не сдаст, не засыт в спорный момент, возможно, пойдёт на всё.

Но лето заканчивалось, скоро приступать к учёбе, свободного времени оставалось бы не так много для дел. Славян с Митяем закончили ПТУ весной, и должны были осенью идти в армию — ограничений для этого никаких не было. Но Жека не хотел остаться один — кооперативу тогда пришёл бы кирдык, и всё, что нажито непосильным трудом, превратилось бы в прах. Тем более Жека понимал — СССР доживает последние деньки, и надо ковать железо не отходя от кассы. Иначе будет поздно, и поляну застолбят другие.

Пацаны сунули по два косаря каждый начальнику призывной комиссии, и он написал им грозный диагноз, тянущий на откос — многократное сотрясение мозга, повлекшее вегетососудистую дистонию, ишемическую болезнь сердца, и многочисленные вывихи конечностей. Получили белый военник. Одна проблема решилась. Теперь надо было набить клиентуру. Дали объявление в местную газету, и начавшее зарождаться местное телевидение. «Торгово-производственный кооператив «Удар» предлагает услуги охраны жизни и здоровья, и услуги охранной деятельности». Но отдачи не было никакой. Хоть бы один хрен позвонил. И в самом деле, какой резон нанимать охранника, если он не требуется.

— Надо посмотреть хоть на будущих клиентов, — предложил Жека. — Давай в кабак сходим. Посмотрим, кто там зависает. Перевернуть пару хат, рожи начистить, слухи о беспределе пойдут, и народ к нам повалит.

— В ресторане искать клиентов? — заржал Славян. — Да ты гений, братан! Но мне это нравится. Пошли сходим. Давно уже нигде вместе не бухали. Девок возьмём.

Жека только представил, как Сахариха вырядится в кабак, так сразу понял чем это кончится — мордобитием или скандалом. Или всем сразу. Поэтому решительно отказался.

— Не, братан! Это наше дело. Мы же не развлекаемся туда идём, а по делу. А с Пущей и Сахарихой никакого дела не получится. Только и будешь что их обхаживать. Бабы отдельно — дела отдельно. Только так.

— Пожалуй что ты и прав, — согласился Славян. — Просто запурхались мы с этими делами, про жизнь забыли совсем.

— Не ссы! Сходим куда-нибудь скоро!

— Чё, сами справитесь? Мне не ходить? — спросил Митяй.

— Ты так и не понял? — рассмеялся Жека. — Мы ж не драться идём. Просто посмотреть, кто там зависает. А драться ты будешь.

— Как это? — наивно спросил недогадливый Митяй. — Кого мне бить-то?

— наших будущих клиентов. Но не сильно, а так... Испугать чтобы, — объяснил Жека. — А потом мы будем их охранять. Сначала мы сами, а потом пацаны наши.

Пока время было свободное, решили дело не откладывать в долгий ящик. Идти завтра. И выбрали ресторан «Омуль», славящийся своей фешенебельностью и труднодоступностью для рядового гражданина СССР. Если в «Гудок» утром и днём ещё можно было попасть, когда обедали пассажиры поездов и таксисты, то в «Омуль» простому человеку попасть было невозможно. На двери всегда висела табличка «Мест нет».

«Омуль» был построен в 1979 году, и должен был напоминать советским гражданам о современности социалистического строительства и образа жизни. Был выполнен он в стиле советского модернизма эпохи застоя, и своей необычностью конечно же, выделялся среди

окружающих его безликих девятиэтажек.

Второй этаж относительно первого был повернут на 45 градусов, и при виде сверху здание напоминало восьмиугольник. Здание ресторана целиком было застеклено, и второй этаж смотрелся как большой аквариум из огромных окон. Первый этаж отделан ракушечником. К стеклянному входу вели широченные мраморные ступени выложенные геометрическим узором.

На первом этаже находились кафе, кухня и гардероб. На втором сам ресторан. Славился он и кухней, и обстановкой, и красивой отделкой из полированного мрамора и никеля. Сюда ходило как высшее партийное руководство, так и директора заводов, шахт, малых предприятий. В последнее время появились кооператоры и творческая интеллигенция. Всех высокопоставленных гостей города водили лишь в этот ресторан, а не в воровской «Гудок». На «Омуль» и положили глаз Жека со Славяном, чтоб прочухать, кто и в чем туда ходит. Митяй должен был приехать отдельно, сам, и зависнуть недалеко на лавочке. Ждать, когда выйдут клиенты, и избить тех, на кого укажут Жека или Славян.

Для похода в обитель богатых и знаменитых нужны были лишь деньги. И заходи хоть в лагерной телогрейке. Публика в Омуде собиралась достаточно богемная, и уже успела привыкнуть к причудам гостей.

Жека одел как всегда, светлые варёнки-пирамиды, адидас, и белую майку с надписью «Montana». Смотрелся он как достаточно успешный кооператор, или представитель золотой молодёжи. Славян пошёл в костюме серого цвета с черной рубашкой и белым галстуком. И смотрелся как крестный отец сицилийской мафии. Но так как мафии в СССР нет, то облик его напоминал либо цеховика, либо мелкого бандита, кем собственно говоря, он и был.

Доехали на такси, само собой, которое вызвонили прямо к кооперативу, пообещав диспетчеру заплатить лишний чирик водиле. Подойдя к двери, увидели вечную табличку «Мест нет». Но это не смутило пацанов, и они по-хозяйски толкнули стеклянную дверь, невзирая на бешеную жестикуляцию швейцара за ней.

— Молодые люди, вы что, читать не умеете? — категоричным тоном проговорил он. — Тут по русски вроде бы написано, что «Мест нет».

— Знаем, — покровительственным тоном ответил Славян, и сунул в нагрудный карман швейцара сотенную купюру. — Столик в углу нам организуй-ка, дядя.

Славян сунул в карман швейцара его месячную зарплату, без учёта чаевых, и поведение его сразу кардинально переменялось.

— Ох, извините, дорогие товарищи... Вроде бы недавно два места освободились, прошу на второй этаж.

В любом советском ресторане всегда были свободные места как раз для вот таких гостей, спорящих деньгами, и этот не был исключением.

На втором этаже полумрак и негромкая музыка. Пацанов встретил вежливый метрдотель. Если гости прошли сюда, значит, швейцара на входе устроила их платежеспособность.

— Два места в углу, — небрежно сказал Славян. — И официанта побыстрей.

Свою фразу он подкрепил ещё одной сотенной бумажкой, сунутой в нагрудный карман уже метрдотеля.

— Да, да, конечно, уважаемые товарищи. Прошу вас. Как раз свободное место в углу.

Жека со Славяном как успешные молодые люди, расселись на показанном месте. А оно и в самом деле было очень хорошим. Сзади за огромным стеклом размером от пола до

потолка открывался замечательный вид на главной городской проспект, а если посмотреть в зал, то весь зал перед глазами. На улице Жека заметил Митяя, сидящего на лавочке недалеко от ресторана.

— Чё заказывать-то будем? — спросил Славян, листая меню. — Индейка жареная с гарниром. Во! Я эту. И заливную севрюгу. Пить... Боржоми.

— Да я не знаю... Чё тут у них... — Жека пролистал меню.

Телятина жареная, ветчина с гарниром, ростбиф, язык говяжий... Никогда не ел, не пробовал, и даже пробовать не хотелось непривычную еду. Супа бы горохового мамкиного с печёночной колбасой вприкуску...

— Я тоже закажу, что и ты, — решил Жека. — Не люблю выбирать.

С малолетства привык он к простому. Одним штанам, одной кофте, и одним тапкам. Да и сейчас, когда уже ворочал тысячами, босяцкая привычка осталась. Хоть одежда и подороже стала, но было её крайне мало, чтобы не приходилось выбирать. Так же и еда... Борщ из костей, гороховый суп с курицей, уха из кильки в томатном соусе, готовые котлеты по 16 копеек, чуть отдающие протухлятиной, что продавали с алюминиевых поддонов, и остроугольные пельмени машинной лепки за 1 рубль 70 копеек, что ел весь Союз — вот и все деликатесы, что могли позволить родители Жеки. Разве что варёная и склеенная в ком вермишель, и жареная картошка с ржавой селёдкой разбавляли это убогое меню. К этому он привык сызмальства.

— Что пить будут уважаемые товарищи? — почтительно пригнувшись, спросил слащавый длинноносый официант с зачёсанной направо чёлкой и тонкими усиками.

А что тут было заказывать... Пацаны пришли на работу, а не бухать. Но если не заказать спиртное, могут обратить внимание, поэтому Жека заказал обоим коньяка по сто. Хватит, чтоб не выделяться.

Обстановка в зале была приличная. Небольшая музыкальная группа играла известные мелодии, чередуя их одну за другой. Две пары танцевали, по виду, из мажоров. Однако солидная взрослая публика чинно-благородна сидела в полумраке, освещаемом лишь шарообразными светильниками на столах.

Быстро принесли заказанное. Пацаны чокнулись, отпили половину, и стали неспеша есть, разглядывая окружающих. Однако кто есть кто? Имен, фамилий и должностей на них не написано. Все выглядят приличными и зажиточными. Мужчины в костюмах, и при галстуках. Женщины... По женщинам тоже сложно сказать. Все с кольцами, цепями, тускло блистающими серьгами.

Однако чуть позже пацаны всё-таки обратили внимание, что богема одевается по-другому. Вельветовые и кримпленовые пиджаки, чёрные и белые водолазки или тонкие свитера под ними. А если сорочки, то обязательно без галстука, с расстёгнутым воротом, демонстрирующим демократичность обладателя. Чуть более длинные волосы, чуть более культурные лица. И спутницы... Эти мужики сидели или вообще без них, или вдвоём — втроём. А если баба с ними была, то обязательно одета в какой-то балахон, и с соломой на голове вместо причёски.

Партократия, и директора предприятий одевались по-другому. Над ним довлело членство в партии, и выглядеть надо было соответствующе. Без всяких уклонов, и шагов влево-вправо.

Славян решил пойти самым простым путём. Подозвал официанта, и сунул ему чирик в руки за простой.

— Слушай, товарищ, выручай, — потихоньку задуфтил Славян. — Мы тут с другом поспорили — кто все эти мужики, и он говорит, что все они актёры, врачи и журналисты. Интеллигенция кароч... Мы одни тут коммерсанты.

— Нет! Что вы! — тихонько рассмеялся официант, сжимая в руке красненькую бумажку. — Ваш друг поспорит! Потому что у нас каждый вечер собирается самая элита нашего города. Вот товарищ Громов с женой, директор шахты Междугорная, там товарищ Баранников, директор автобазы, а там товарищ Градский, директор шахты Подосихинская.

Официантов хлебом не корми, а дай сказать, какие крутые и знаменитые гости заходят в их ресторан, поэтому за короткое время он успел выдать всю подноготную на всех сидящих в зале. По их виду можно было судить, что деньги у них водятся. Костюмы, шитые в ателье по индивидуальным заказам. Толстые печатки и обручальные кольца на пальцах.

Приличные причёски, подходящие коммунистам, и не менее приличное поведение. Это стопудово были их клиенты.

Глава 28. Первые клиенты

Все эти люди были потенциальными заказчиками кооператива «Удар», но пока ещё не знали об этом. Время шло. Веселье нарастало. В половину одиннадцатого гости стали расходиться. Жека со Славяном дождалась, когда директор шахты Градский попросил счёт, тогда Жека тоже позвал официанта, и сунул ему сотню.

Жека вышел пораньше Славяна. Свистнул, призывая Митяя, кивнув головой на дверь, и тут же свинтил за угол. Дождавшись, когда Градский под ручку с женой выйдет из ресторана, и направится к служебной чёрной Волге с водителем, ожидающим его, Митяй, уже стоящий у спуска с лестницы, зарядил директору сзади ногой в бок, отчего директор упал, и заорал, корчась от боли, а его жена завизжала.

— А ну, тихо, суки! Деньги гоните, а то зарежу! Молчите, твари! — крикнул Митяй, и ударил бабу ногой в рожу, отчего она отлетела в сторону. Однако тут из ресторана выбежал Славян, бросившийся на Митяя.

— Ах ты сволота, что ты делаешь? — заорал Славян, и пару раз заехал другану по корпусу, отчего тот якобы испугался, и убежал за угол.

— Милиция! Вызовите милицию! — закричал Славян, прекрасно зная, что никакая милиция не приедет, если никого не убили и не нанесли особо тяжкие. — Там за углом ещё трое! С ножами! Давайте! Давайте! Быстрее! Где ваша машина!?

— Там! — завизжала Градская. — Ой! Хватайте Алексея Ивановича! Быстрее! Быстрее!

Славян подхватил барахтающегося и пытающегося встать на ноги директора шахты, и потащил его к служебной машине. Водитель безучастно наблюдал на злоключения своего шефа и не вмешивался. Он чё, дурак идти под нож за чужие деньги? Жека закинул директора на заднее сиденье Волги, сам сел на переднее сиденье, и крикнул водителю:

— Давай! Давай! Гони!

Но гнать-то некуда — машина на парковке среди другого транспорта. И пока она, осторожно обруливая его, выехала на главную дорогу, прошло порядочно времени. Директор успел очухаться, и с благодарностью смотрел на Славяна.

— Молодой человек! Как вы мастерски расправились с этим подонком!

— Ничего страшного, — скромно сказал Славян. — Я в армии служил, в десантуре. А сейчас спортом занимаюсь. В охранном агентстве кооперативном работаю. Нам побить таких отморожков — как воды попить. Сейчас преступность сильно выросла, поэтому на улицу лучше не выходить в тёмное время суток. А если уже приспичит — так лучше с профессиональным охранником, спортсменом. Времена лихие.

— Лёша! — недовольно сказала баба. — Я тебе сколько раз говорила, чтобы охранников нанять!!! Сейчас и рэкет, и мафия, а ты всё отказываешься...

— Да знаю я! — отмахнулся Градский. — Но где взять надёжных людей? Где они?

— Вот! Вот они! — указала Градская на Славяна. — Ты будь поближе к народу, и найдёшь их множество. Кстати, молодой человек, как вас?

— Святослав Юрьевич.

— Вот скажите, Святослав Юрьевич, а какие у вас расценки на охранные услуги?

— У нас несколько тарифов, — неспешно сказал Славян. — Если охранник поедет с вами на разовую поездку, или на весь день, это будет стоить 30 рублей. На сутки 50 рублей. Неделя — 200 рублей. Ну и максимальный тариф — 1000 рублей в месяц. Охранники будут с

вами всё ваше время. Естественно, чередуясь, потому что они дежурят сутки через трое.

— Это совсем недорого, — заметила Градская. — Тем более можно платить им из фонда заработной платы, или из расходов на иные цели. А у вас визитка есть, Святослав?

— Конечно есть! — Славян вытащил из внутреннего кармана визитку с названием кооператива, адресом и телефоном. — Я сам там за председателя сейчас. Обращайтесь.

На следующий же день чета Градских заключила договор на полное месячное охранное обслуживание стоимостью 1000 рублей. Деньги на счёт кооператива поступали с расчётного счёта шахты, и в бухгалтерской отчётности были проведены как «иные расходы».

Через некоторое время было совершено разбойное нападение на директора другой шахты. Уже с более тяжкими последствиями. Директор получил черепно-мозговую травму, а водитель директора был убит в ходе нападения. Митяй размочился, грохнул первого своего. Перестарался. В этот раз водитель не стал сидеть в машине, а ввязался в потасовку, и Митяй случайно мочканул его. Ударил пудовым кулачищем в лицо, тот упал затылком прямо на бордюр, и крикнул.

В горкоме КПСС было партсобрание, где коммунисты потребовали от начальника городского УВД ужесточить борьбу с бандитизмом, и дать отпор зарвавшимся молодчикам и преступному элементу, а для этого как можно плотнее сотрудничать с охранными кооперативами и вневедомственной охраной.

Среди директоров заводов и шахт в ходе ресторанных посиделок поползла молва о хорошем кооперативе «Удар», где работают настоящие профессионалы своего дела, и бывшие спортсмены, которые гарантируют выполнение своих обязанностей по охране своих клиентов, и многие известные люди уже пользуются их услугами. Это привлекло несколько новых клиентов, и пришлось принимать ещё больше пацанов. А это всё время... Деньги...

— Вот мы с ними возимся — возимся, а они раз — и в армию... — ворчал недовольный Митяй, удручённый качеством подготовки новых членов кооператива. Салаги, лишь ходившие в районе стенкой на стенку.

— И чё? — возражал Жека. — Ну отходит он в сапогах два года, поест гречки без масла. Потом дембельнётся, и к нам прямой наводкой. Только уже более подготовленный, более злой. Пусть пацаны идут, набираются опыта в мочилове.

Осенью кооператив вышел на доход в 10 тысяч рублей в месяц. И это были вполне легальные, белые доходы. Никакого криминала. Однако нужна была ещё одна машина, желательно девятка. Современная, шустрая, молодёжная... Но стоили они, даже бывшие в употреблении, пока ещё неподъёмных денег.

Осенью студент 3-го курса комсомолец Евгений Соловьёв вышел на учёбу в положенное время, 1-го сентября 1990 года. Курс предстоял самый сложный. Сразу же выдали задание на дипломный проект — для диплома требовалось спроектировать холодильную установку для столовой на 100 мест, использующую полный цикл производства, т. е. сырьё, а не полуфабрикаты. Это означало просчитать площадь согласно ГОСТУ, расставить оборудование, типы теплоизоляции, их толщину, мощность всего оборудования, электропроводку, типы электрооборудования с конкретными моделями. А ещё вентиляция, канализация, освещение — абсолютно всё. Задание максимально трудное, и рекомендовали начать готовиться заранее. Читать материалы, изучать чертежи в архиве.

Из предметов остались только узкоспециальные. Холодильное оборудование, электрооборудование, холодное и горячее водоснабжение, вентиляция, тепловое оборудование, канализация и водоотведение, и прочее. Здесь-то однокурсники и поплыли.

Всю учёбу тянувшие за взятки, они столкнулись с тем, что третий курс техникума обучали преподаватели зачастую с производства, инженеры и мастера, которые только в путь ставили двойки, и подкупить их никак невозможно, в отличие от продажных технарских учителей. Этим мужикам в будущем предстояло работать с этими «специалистами». Успевание группы резко снизилось до общей тройки, и осталось только пять человек на стипендии. Жека же так и продолжал получать повышенную стипендию за счёт ума и сообразительности.

Одногруппники осенью не узнали Жеку. Он прошлый-то курс, перед практикой, показывал, что больше терпеть никаких наездов не будет, а теперь это закрепилось на все сто. За лето Жека стал более взрослым. Обычно в 18 лет ещё занимаются фигурой, и говорят фигурно, однако при общении с Жекой складывалось ощущение, что ему лет 30 минимум, настолько он стал искущён в жизни, и имел обо всём своё мнение, отличное от каждого.

В группе держался в стороне от всех. Делал своё дело — приходил на учёбу, учился, если спрашивали, весомо отвечал, но в основном молчал, листая учебники. Потом так же шёл домой. Каждый день проходил одну остановку пешком, заходил в тир при Обществе охотников и рыболовов, совал дежурному червонец, и с полчаса стрелял по мишеням, всё лучше и лучше. Из воздушки, из мелкашки — без разницы. Потом ехал домой, делал домашку, следом шёл на поляну. Иногда дрался на ринге со всеми подряд.

Теперь у пацанов было место, где зависать, и посиделки в подъездах прекратились. Начались посиделки в кооперативе. На первом этаже располагался тренировочный зал, где стоял ринг, два тренажёра, лавки, шкафчики для одежды. Здесь принимали и новых членов в кооператив, и занимались старые. Здесь же хранили форму — купили афганку и берцы на базаре. На втором этаже была святая святых — здесь собирались и зависали только доверенные люди. Жека, Славян, Митяй, Серый, Миха, Пуща, и... Сахариха.

Она вальяжно заходила, плюхалась на диван рядом со всеми, клала длинные ноги одна на другую, и закуривала длинную чёрную «Fine 120» с ментолом, обволакивая дорогим душистым дымом всё вокруг.

— Курили такие? Хрен где достанете! Они французские!

Сахариха за лето повзрослела, и даже чуть вытянулась. Уже знала себе цену, и за внешность могла пояснить любому. Вот и сейчас, притащилась в кожаной косухе, чёрных кожаных джинсах и высоких ботинках на толстой подошве. Ну чисто рокерша-металлистка. Волосы стянуты в немыслимую, но красивую причёску, самое лучшее название которой «я упала с сеновала». Большие глаза очень сильно накрашены, отчего кажутся ещё в два раза больше.

— А у меня Ромка девятку продаёт, — как будто невзначай сказала она. — Но вам бесплатно отдаст.

— Что??? — округлили глаза пацаны. — Туфта какая-то. Он чё... Эээ... Ненормальный?

— Я не знаю, поговорите с ним сами... Сказал, чтоб ты, Женька, пришёл к нему.

Вечером Жека зашёл к Сахару. Тот опять зависал с Элеонорой, дочкой директора завода. Пацаны шептались, что может быть и свадьба. Элеонора была природная эффектная блондинка с гладкими длинными волосами как у куклы. Высокая, стройная, красивая, она до 30 лет ждала себе хорошую партию, и вот нашла — Сахару, местного авторитета. Папу это устраивало на все сто. Официально Сахар был кооператор и бизнесмен, уважаемый делец, а то, что у него такая многочисленная специфическая охрана, помогающая вести дела, кто ж

вам виноват? Заводите тоже. И тоже будете так жить.

Надо сказать, Сахар не зря считался авторитетом. В тюрьме он сживал несколько раз, в отличие от современных апельсинов. И по малолетке, и во взрослой зоне был, ответить за партаки мог. А так как был ещё и здоровенный амбал, при этом с крепкой деловой хваткой, авторитетом он пользовался у братвы.

Теперь Жеку встречали уже не абы какого обрыгана, пришедшего мацать хозяйскую сестру, а как человека чуть поднявшегося, но всё-таки ещё не идущего ни в какое сравнение с хозяином. Сахар свои дела от Элеоноры не скрывал. Она сидела рядом с ним, положив руку на плечо, и картинно смотрела то на Сахара, то на Жеку. Атласный короткий халатик свисает с длинных стройных ног, красивое лицо улыбается, со стороны кажется, что тупая кукла Барби, но... Посмотрев Элеоноре в глаза, Жека увидел ясный ум. В ней не было тупости, присущей такого рода красоткам. Элеонора твёрдо знала, чего она хочет. Сахар нашёл себе хорошую пару, под стать себе.

— В общем так, Соловей. Я помню наш базар. Ты сидишь на моей земле, я тебя не трогаю. И процент с тебя не брал, пока ты поднимался. Сейчас мне сказали, что дела у тебя зашибись пошли — слухами земля полнится. Я мог бы с тебя начать брать процент. Но делать этого пока не буду. Я не какой-то сраный рэкетёр.

Сахар посмотрел на Элеонору, увидел, что она едва заметно улыбнулась, и улыбнулся ей в ответ.

— Светка сказала, вам машина нужна... Берите мою. Отдаю за так, — Сахар показал на журнальный столик с документами и ключами.

— А мы? Что мы? — осторожно спросил Жека. — В чём твой интерес?

— Я вхожу в правление кооператива, — невозмутимо ответил Сахар.

— Но... Мне надо посоветоваться с пацанами...

— Соловей, ты кажется ещё не понял? — усмехнулся Сахар. — Это не обсуждается. Бери машину, и проваливай. Это мой паевой взнос в вашу киндейку. Водила на тачке тоже мой будет. Погоняло Крот. Завтра придёт к вам.

— Зачем мне левый человек на конторе? — хмуро спросил Жека. — У нас есть водила. Никифырыч. Вполне устраивает.

— Это тот старик на гнилом 412-м? — Рассмеялся Сахар. — Ты людей пасёшь, которые миллионами ворочают, и привозишь им охранника на гнилом корыте, которое на ходу разваливается?

— И что... Никто не жаловался, — вроде бы уверенно ответил Жека, но в тоже время в мыслях признавая правоту Сахара. Машинёшка конечно, так себе. Но и идти на поводу у крутого неохота. Видно же, что хочет влезть в выгодное работающее дело. А там кто знает... Отожмёт, и слова не скажешь против — знает, где все живут, что у всех родители, братья — сёстры...

— Соловей, а ты как вообще думал работать? — Сахар закурил «Мальборо», и откинулся на диване, всё так же обжимаясь с Элеонорой. — Ты думал, что один поляну топтать будешь? Что никто не видит, как бабло к вам бежит? Уже через месяц таких контор как твоя, будет десять. Или сто. И вы все вместе опрокинете цены в ноль. И потом клиенты будут смотреть уже на качество, и дед на Москвиче их не устроит. Я всё сказал. Это тебе же во благо. А сейчас иди, и дверь захлопни. Светки нет дома.

— У нас нет денег платить твоему человеку... — неуверенно возразил Жека. — Сколько ему надо? Пятьсот? Восемьсот? Тысячу?

— Иди уже! — махнул рукой Сахар. — Я сам буду Кроту платить. Вам он ни во что не встанет.

Удручённый Жека вышел из квартиры, осторожно прихлопнув дверь, немного постоял, как будто задумавшись, потом неспеша пошёл вниз, смотря под ноги, и машинально отмечая чистоту подъезда. Хоть босиком ходи! Здесь мыли и подметали постоянно, и никогда не зависали подростки, зная что им за это будет. С одной стороны, жители могли этому радоваться, потому что в других местах было совсем не так, и продраться вечером через 10 человек бухой молодёжи, зависающей в подъезде, было не так-то и просто. С другой стороны, Сахар жил, и абсолютно не обращал внимание на соседей. Часто собирались шумные компании, гуляли всю ночь, грохотала музыка из мощных колонок, орали в квартире, подъезде, и во дворе. С этим приходилось мириться.

Придя в кооператив, не стал говорить при Сахарихе о делах. Просто не хотелось. Светка в дела брата не лезла, что он делает, не знала, да и не хотела знать, равнодушно относилась к его друзьям, поэтому посвящать её в свои тёрки Жека не хотел. Пусть живёт как красивый цветок в теплице.

Чуть посидев, ей стало скучно, и помахав тонкими пальчиками на прощание, она ушла. Тут Жека и обсказал складывающуюся ситуацию. Пацаны, конечно, прифигели.

— Да он чё? Оборзел совсем! — загудел Митяй. — Так и знал, только попрёт лафа, так сразу облом приключится. И знал, что непременно из-за Сахара. Пля... Ну как ему ещё верить-то?

— Так он слова не нарушил, — осторожно отметил Славян. — Не проотвечался. Процент он с нас не берёт. За асфальт тоже не берёт. Он на правах сильного залез в наш котелок и подложил туда каши. Не отполовинил. Только понятно, что неспроста это всё. Влезть хочет, закрепиться, а потом отжать. Только чё мы можем?

— А ничего... — рассудительно ответил Жека. — Пусть будет так. Мы ничего не можем сделать.

Утром пришёл Крот за ключами от машины. Был он среднего роста, среднего телосложения, и совсем не походил на сахаровского человека. Скорее, даже невзрачный. Блатного жаргона нет. В матерчатой куртке и джинсах, кроссовках и кепке, смахивал скорее, на шахтёра. Но в лице виделась уверенность, а след от ножа на лице говорил о том, что Крот бывал в переделках.

— Здравствуйте, меня Роман Александрович послал, — представился он Славяну, сидевшему за председательским столом. — Я Крот.

— А по имени как? — наезжающим тоном спросил Митяй. — Имя есть у тебя?

— Есть. Николай Сергеевич Кротов. Ваш оперативный водитель.

Началось в колхозе утро...

Глава 29. Убийство журналиста Герасимовича

— Что значит «оперативный водитель»? — усмехнулся Митяй. — Может, «кооперативный» водитель?

— Нет. Вы не ослышались. Оперативный водитель. То есть я всегда буду на подхвате. День, ночь... Любое время суток, и в любое место я приеду за несколько минут. Максимум за полчаса, если далеко, или за городом.

— Хмм... — хмыкнул Жека. — Это непросто...

Никифырыч конечно, хорошо... Но у него не было телефона, а тратиться на установку он не хотел, говоря, что ему никто звонить не будет, да и он никуда не звонит. Он хранил машину в гараже — иное было невозможно в СССР при тогдашних убогих сигнализациях, а то и их отсутствию. Не угонят, так дворники, зеркала стырят, колёса снимут. Каждое утро Никифырыч сначала ехал в гараж, потом исправно приезжал на работу к 8 часам, в течение дня мог привезти цемент, сгонять куда-то накоротке. Но рабочий день заканчивал в 5 часов, и ехал опять в гараж, а потом уже домой. Никакой оперативностью тут и не пахло. Доставлять охранника к клиенту приходилось на такси, вызывая его по телефону. Забирать оттуда тоже так же, а то и сами на автобусе ехали. И по деньгам это выходило накладно, и смысл в таком водителе как Никифырыч терялся. Клиенты ездили по гостям, в музеи, на выставки, в рестораны, да и просто на работу и с работы, им нужен был охранник и ночью, и вечером, и в любое другое время суток.

Крот жил в пределах центра, в частном доме, окружённом двухметровым сплошным забором. Машину держал на улице. Её охраняли две здоровенные собаки, которых он на ночь выпускал из вольера, и они как охотники, молча, и абсолютно не гавкая, безмолвными тенями расхаживали по участку. Собаки были служебными, и списанными на пенсию по старости, но пригретые Кротом, знавшим, что лучших охранников не найти.

Сам Крот был кадровый военный, возможно, даже из элитных частей. И где-то даже служил в горячей точке, вроде разведчиком. Мастерски владел всеми видами оружия, в том числе и снайперской винтовкой, а уж про ножи-пистолеты и речи нет. Крот показал игру ножом, который он носил под курткой в кожаных ножнах, и даже пацаны офигели — такое они видели только в фильмах-боевиках.

Крот был сильно немногословен, и о своей жизни, и о службе в армии распространяться крайне не любил, предпочитая лишь слушать и отмалчиваться, иногда криво ухмыляясь уголком рта. В этом он был сходен с Жекой.

Как и каким путём Крот попал к Сахару, он не распространялся — отвечал лишь с улыбкой, что нужна была работа и деньги. Что он делал у Сахара тоже не говорил, лишь коротко бросая:

— Работал.

Кем может работать бывший умелый солдат у крутого? Ответ очевиден. Но водил Крот отменно. Как будто врос в руль. С места газовал на девятине, и с дымом шин трогался с места, нисколько не жалея ни резину, ни машину — надо, так ещё купят. Влетал на скорости в повороты, тут же дёргал ручник, и машина резко разворачивалась в полицейском развороте. После умело играл педалями и рычагами, и снова резко набирал ход.

— Это же не БТР по горам Афгана водить! — смеялся он. — На легковушке-то чё не ездить. Одна палка, три педали.

Как Сахар и предостерегал, охранные кооперативы стали плодиться как грибы. Каждый уважающий себя завод или шахта стали раскручивать свою охранную службу, не доверяя милиции. Да и частники не отставали, особенно из числа бывших мусоров и рэкетиров. Приехал на базар торговать капустой и прочей сранью — плати за безопасность дюжим ребятам, а то неровён час, на товар кто-нибудь упадёт, колёса машины порежут ножом, стёкла разобьют, да и самому несговорчивому продавцу рожу могут отрихтовать в базарном туалете какие-то неизвестные отморозки.

Доходы кооператива «Удар» стали резко падать. Другие предлагали охранные услуги и дешевле, да и качество самих охранников у них было повыше, не зелёная пацанва в камуфляже, а бывавшие в армии мужики, и даже повоевавшие. Однако за первые три сытые август-сентябрь-октябрь кооператив «Удар» заработал 30 тысяч рублей. На текущие расходы вместе с зарплатами ушло 15 тысяч. 15 тысяч лежали в банке, и они Жеке сильно чесали руки вложить их куда-нибудь ещё. Банку он не доверял, предвидя будущее околпашивание народа государством.

В ноябре 1990 года доход упал с 10 тысяч в месяц до 5. А в декабре доходов почти не стало. В начале декабря на директора шахты Подосихинская, товарища Алексея Градского неизвестными бандитами было совершено разбойное нападение. Две девятки перегородили дорогу, и подошедшие молодчики в масках расстреляли директора, водителя и охранника, похитив при этом сумму в 3 тысячи рублей и золотые украшения. Потом тоже самое произошло с товарищем Анатолием Громовым, директором шахты Междугорная. На технологической дороге шахты на Ниссан Патрол директора шахты было совершено бандитское нападение. Тоже убили водителя и охранника. Охранник, как и в первом случае, был сотрудником охранного кооператива «Удар». Директор шахты получил ранение, хотя стреляли в упор. История попала в газету. Тут же всплыла информация, что в кооперативе это второй убитый охранник за последнее время, причём все убитые 17-ти лет, то есть несовершеннолетние.

По закону «О кооперации в СССР» членами кооператива могли быть граждане СССР достигшие 16-лет, и в этом закон не нарушался. Не была незаконной и охранная деятельность. Про неё вообще ничего не указывалось, и она никак не регулировалась, значит, была абсолютно законна. Газетная статья гнала пургу, что дети охраняют денежные мешки от бандитов, и сами становятся жертвами бандитизма. Пошли уже возмущённые отклики от читателей в звонках и письмах. Дружно, как всегда, поднялись ветераны, и первичные ячейки коммунистов на предприятиях. Откликнулись профсоюзы, требуя у милиции провести проверку деятельности кооператива.

Статья явно смотрелась заказной, а нападения явно спланированы, чтоб опрокинуть именно их кооператив, и с этим надо было разобраться. Клиенты уже побежали, увлекаемые обрушенной репутацией.

— Чё, пацаны? Наехали на нас, — сказал Жека, когда собрались вечером на втором этаже перетереть чё-почём. — Почитайте там газетку.

— Хрен знает, — Славян внимательно прочитал статью. — Наверняка под псевдонимом пишет.

— Как эту гниду вычислить-то? — разбушлатился Митяй. — Начистить бы ему рожу.

— Не. Дело не в этом. Этот Герасимович всегда пишет такую хрень, — не согласился Жека. — Он типа сторонник демократии, перестройки, против совков. Всегда за кооперативное движение и рынок. Постоянно чепушит то совковые заводы, то исполком. Но

чепушит их со знанием, чтоб не сильно нарваться. И на партию никогда пасть не разевает.

— И чё? — недоумённо спросил Митяй.

— А то, что наехал он по чьему-то указанию, — отметил Славян, бросая газету. — Статейка-то заказная, походу...

— Найдём, кто написал статью — найдём, кто наших пацанов грохнул, — объяснил Жека. — Иначе нам крышка. И даже если придётся сдуться с охраной, пусть эти мрази ответят. Иначе они нас всегда валить будут. Не жить нам, пока не порешаем это.

— Чё делать? — сразу же спросил Митяй. — Как этого журналиста вычислить? В газету идти на разборки? Прошерстить всю конторку ихнюю?

— Я в рожу его знаю, — уверенно ответил Жека. — У них к Дню журналистики всегда статейка с фотками и именами корреспондентов и их псевдонимами. Этот хрен единственный с бородой там.

— Давай. Только надо чтоб нас не узнали, — предупредил Славян. — Что б рожи закрытые были. Маски сделать из шапок. Шерстные распустить, чтоб до шеи налазили, и выреза сделать для глаз. Завтра, перед тем, как ехать, сварганим.

— Машину же надо, — встрял Митяй. — Никифырыч офигеет, увидев нас в деле.

— Нахера нам Никифырыч! — возразил Жека. — Нам Сахар прочуханного мужика прислал. Оперативный водила. С ним и поедем.

— Сами справитесь? — спросил Славян. — Надо будет тут кому-то торчать.

— Сами справимся. Я, Митяй и Крот. Сиди тут. Позвони щас Кроту, пусть завтра к 7 утра подтянется. Редакция газеты с 8 работает. К половине надо там уже быть.

Рано утром следующего дня Жека к 7 утра пришёл в кооператив. Вишнёвая девятка уже стояла у входа. Все в сборе. Сидят, молчат, курят. Жека сначала прошёл в подвал, достал ствол в наплечной кобуре из ниши за трубой отопления, финку положил в карман куртки.

— Ну чё? Готовы? — серьёзно спросил Славян. — Рожу-то этого терпилы помните?

— Помню. Он с усами и бородой. Узнаю влёт. Там светло, фонари светят.

— Ребята, а куда едем-то? — спокойно спросил Крот, видя как Жека и Митяй готовят шапки, разрезая их, и вырезая глаза.

— Банк идём ломить! — заржал Митяй.

— Несмешно! — строго ответил Крот. — Я должен заранее знать, куда мы едем, и зачем.

— Ты кто? Оперативный водила? Тебя нам Сахар вообще в нагрузку дал! — опять возбух Митяй. — Твоё дело — рулить, и сопеть в тряпочку!

— Тише, тише, братан! — успокоил Жека, свернул на время шапку, и надел на голову. — Он прав. Слушай, Крот... Тебе Сахар что сказал делать, когда сюда послал?

— Сказал всё делать, что скажете, — уверенно ответил Крот. — Мне похрен, что вы затеваете, но мне надо знать, куда мы едем, и зачем. Искать маршруты, пути отхода в случае шухера.

— Мы едем допросить одного гнилого кента, который обосрал нас почём зря, — объяснил Жека. — Журналиста. Ему кто-то набашлял, и сука похоронил нас своей газетёнкой. Мы думаем, тот, кто ему набашлял за статью, мочканул двоих моих пацанов. Чтоб развалить наше дело. Так тебе ясно? Схватим его за шкварник, увезём на шлаковый отвал, и там допросим.

— Мочить будете? — спокойно спросил Крот.

— Не знаю, как масть пойдёт, — пожал плечами Жека. — Скорей всего да. Он же нас

сдать может или мусорам, или заказчику.

— Я тоже думаю, надо мочить, — согласился Славян. — Ладно. Давайте. Ни пуха.

— К чёрту! — засмеялся Митяй, разминая кулаки.

На сахаровской девятке стояла дорогущая зимняя шипованная «снежинка», которую и взять-то только по огромному благу можно было со склада, или на барахолке по цене в 2 раза дороже магазинной, по пятихатке за комплект. Поэтому ехала она шустро по снежному накату. По пустой дороге поехали на окраину центра, к металлургическому комбинату. Там и находилась редакция, почти под сенью дымящихся заводских труб. Сначала, во времена Сталина, называлась она «Сталинский рабочий», и была обычной заводской стенгазетой, рисованной от руки, потом многотиражкой, печатанной на ротапинтере, а уже при Хрущёве, во времена оттепели, съехала с территории завода, и стала полноценной городской газетой «Н-ий рабочий», печатаясь большим тиражом в типографии. Газета всегда славилась своей демократичностью, писала неординарные вещи, даже во времена глухого застоя, а сейчас стала практически рупором перестройки. В газете писали всё. От сифилиса Ленина до убитых подростков-охранников из кооператива «Удар».

— Езжай до редакции! — махнул рукой Жека, и обернулся к Митяю. — Верёвку-то взял?

— Бельевая только! — показал тот белый клубок. — Щас сразу же развяжу, чтоб потом не пурхаться.

Редакция газеты «Н-ий рабочий» располагалась в одном здании с городской типографией, печатавшей всю печатную продукцию города — от мелких демократических газетёнок до ученических тетрадей. Большое квадратное двухэтажное здание располагалось в 100 метрах от городского отдела КГБ, но это нисколько не остановило пацанов. Тормознули недалеко от редакции, но и не близко. Крот как человек, по-видимому, бывалый и опытный, развернулся, и поставил машину так, чтобы посом сразу дать по газам, и умчаться в закат.

Понемногу с трамвая на работу приходили люди, показывая пропуска на проходной типографии. Однако Жека был уверен, что этот журналюга не ездит на общественном транспорте, с другими сотрудниками. Слишком уж высокомерная холёная рожа у него была с наглыми глазами навывкат. Слишком прилизана борода, и слишком бросалась в глаза белоснежная водолазка на виденной в газете фотографии. Такие не ездят среди простого народа, считая себя выше его.

Так и есть — Жека издали увидел приближающуюся шоху. Перед стоянкой редакции она стала тормозить, и потихоньку свернула в проезд рядом с ней, чтобы свернуть на пустую парковку. Жека посмотрел на водителя — стопудово это был их типок — та же борода и усы. Подождав когда водитель заглушит двигатель и закроет машину, Жека с Митяем надели шапки с прорезями для глаз, и пошли наперез водителю, до которого было метров 20.

Людей здесь было немного, всё-таки половина восьмого ещё. Темновато — свет лишь от дороги. Поэтому Герасимович обратил внимание на пацанов в масках на лицах, когда они подошли совсем уже близко. Ещё минута ушла на растерянность, и попытку понять, кто это. Не розыгрыш ли это коллег, или знакомых. А когда понял, что это пришли по его душу, делать что-либо было уже поздно. Мощный удар Митяя в челюху журналюги погрузил его в плотный нокдаун.

— Тихо! Не убей! — крикнула Жека, подхватив рухнувшего журналиста под мышки. — Бери за ноги! Потащили!

Крот вышел из машины, и открыл багажник. Положив туда потерявшего сознание журналиста, пацаны на скорую руку связали его бельевой верёвкой.

— Он же вроде в шапке был! — недоумённо спросил Жека. — Кажись, в норковой ушанке. Где щас-то?

— Да вон она лежит! — кивнул головой Митяй. — Показывая на шапку, валяющуюся на месте нападения. Но бежать за ней было поздно, из-за угла близко слышались голоса. Побегать за шапкой — привлечь к себе внимание. Крот махнул рукой, чтоб садились в машину, но осторожно, не хлопая дверями.

Люди, не обратив внимание на девятку, стоящую в проезде между типографией и соседним зданием, прошли мимо. Крот завёл машину и осторожно поехал к заводу, потом мимо него, проехал пару километров, и свернул на шлаковый отвал, куда возили отходы металлургического производства. Проехав сколько можно на легковушке, Крот тормознул между двумя двумя горами шлака, который сыпали сюда из железнодорожных ковшей, толкаемых тепловозом по железке.

Жека с Митяем вытащили Герасимовича из багажника девятки, и бросили на снег. Митяй побил его по щекам, приводя в чувство. Пока курили, журналист окончательно очухался. Увидев, где находится, сразу же завыл и запричитал, пока Митяй не заехал ему кулаком в ухо.

— Не ори, сука!

— Я спрашиваю коротко, — Жека приставил ствол к голове Герасимовича. — Кто заказал статью про кооператив "Удар"? Ну? Считаю до трёх. Раз... Два....

— Стойте! Стойте! Не надо! — заплакал журналист. — Это Шамиль! Шамиль Борноев Кооператор с рынка! Известный в городе меценат!

— Меценат и извращенец, — усмехнулся Жека. — Сколько он тебе заплатил?

— Двести! Двести рублей! Сказал, чтобы в городе начался шум против эксплуатации детского и подросткового труда! Он убедил меня аргументами! Пожалуйста! Не надо!

— Чё, Жека, может оставить его... — начал было Митяй, но грохнул выстрел. Жека выстрелил Герасимовичу в голову.

— Поздно... — философски сказал Крот, подошёл к трупу и обыскал его. Нашёл ключи от машины, ключи от квартиры, права, пропуск в гаражный кооператив «Металлист», пропуск в редакцию и кошелек с деньгами. Всё сунул себе в карман.

— Выброшу потом. И машину со стояка заберу. Потом пацаны номера перебьют и толкнут на Кавказ.

Взяв тело журналиста под мышки и за ноги, пацаны бросили его в небольшую ложбинку, и забросали сверху большими глыбами ещё теплого шлака. Несколько ходок шлаковоза, и тело засыплет полностью, навсегда. Или оно сгорит под массой расплавленной массы.

— Куда ехать? — невозмутимо спросил Крот, глянув на Жеку.

— Гони на кооператив. Я потом поспать пойду домой. Давно во столько не вставал...

Глава 30. Римма Эдуардовна

— Значит Шамиль всё-таки... — задумался Славян по приезде пацанов на базу, и когда обсказали всё. — Это серьёзный кент. Авторитет. Чё он так? Неужели из-за Сахарихи всё ещё помнит? Из-за того, что ты его обломил и тёлку из-под носа ломанул?

— Они всю жизнь помнят, — заверил Крот. — И кровную месть всю жизнь будут замышлять. С ними только один способ есть. Вот так. Вжик!

Крот полоснул себя по горлу ребром ладони, и улыбнулся.

— Ладно, ребятки... Говорите, чё там у вас. Куда кого везти. А если некого и некуда, я домой. Звоните, если чё...

— Чё там у нас по работе на сёдня? — спросил Жека.

— Сёдня пока ничего, если не позвонят. А завтра... — Славян внимательно осмотрел общую тетрадку, куда записывал заказы. — Завтра нам надо будет сопровождать директора шахты Загорная из города Берёзки к нам, в город. Тут у нас в городе начинается международная выставка «Угледобыча 1990». Ну, типа там горные машины показывать будут, достижения народного хозяйства. Дорога к нам долгая, километров 40, машин мало, лес, тайга кругом. Мда...

— Думаю, там они и звезданут по нам в следующий раз, — задумчиво сказал Жека. — Чую, Славян, быть беде... Опять замочат кого-нибудь.

— Чё делать будем?

— Я вместо охранника поеду. Отобьюсь. Если повезёт, может, допросить удастся... Но в любом случае, будет видно, кто нас топит.

— Жека... Опасно это. Я с тобой, братан.

— Поехали, — согласился Жека. — Знаю, что опасно. Если они на двоих машинах, одному можно не отбиться с двух сторон сразу. Поработаем, как раньше.

— Поработаем, — усмехнулся Славян.

— Чё там? Ко сколько надо?

— Выставка начинает работу в 10 утра. В 9 утра нам надо отъехать из конторы шахты Загорной. Машина у директора Ниссан Патруль. Будут сам директор, его референт, ну секретарь, типа, и охранник шахтовый. Наверняка там дряхлый дед на пенсии с демократизатором. Потом поедем к нам в город, на выставку.

— Звони завтра чтоб Крот к 7 утра приехал. Поедем неспеша на шахту, чтоб по дороге посмотреть, где они могут напасть. Щас зима, таких мест не много, всё в снегу. Ладно. Я в технарь почапал, и так первую пару пропустил.

Зашёл домой, по быстрому перекусил, оставил матери сотню, и побежал на трамвай. Несмотря на деньги, Жека иногда нет-нет, да ездил на трамвае. Нравилось ему в толпе, с народом. На девчонок посмотреть, послушать, кто что говорит. Разговоры в основном, были за политику. Когда пустые магазины, трудно не тереть за политику. Обвиняли в основном, Горбачёва, что развалил страну, что раньше лучше было.

С этим трудно было не согласиться. Жека был 1973 года рождения, и прекрасно помнил конец 70х годов, хоть и был ребёнком. Помнил сырокопчёную колбасу на столе, помнил копчёную красную рыбу, красную и чёрную икру в баночках. Правда, он не ел её, даже плевался от вкуса, казалась невкусной. Помнил, как с матерью ходили в магазин, и ему покупали круглые шоколадки в золотинке, которые они называли «медальки», помнил и

обычный шоколад фабрик «Красный октябрь», «Бабаевский». Помнил этот запах, когда мать разрывала упаковку и разворачивала вкусно шелестящую фольгу. Помнил печенье и конфеты в железных банках, красивые и вкусные. Сейчас это время по телевизору называли «застоем», и всячески разоблачали то, что происходило тогда. Однако Жека не помнил ничего плохого. Может, потому что маленький был...

В детстве они жили в двухэтажном бараке от железной дороги, рядом с вокзалом. Жека помнил, как ходил днями по пустырям, сшибая палками лопухи, и отбиваясь от свор собак. Помнил сараи и углярки рядом с домом. Колонку для воды на улице, за два дома, большой деревянный нужник рядом с домом, и сколоченную из досок помойку, где днём и ночью кишели крысы. Ни воды, ни туалета, ни канализации в бараке не было. Был он сделан ещё при Сталине из дерева, тростника и глины, для строителей металлургического комбината. Но и в 1970-е годы в нём всё ещё жили люди.

И тут он вспомнил бабу, мать отца, давно умершую. Была она староверка, из отдалённого таёжного села, жила с ними в бараке, работала где-то на станции аккумуляторщицей — заправляла и заряжала фонари осмотрщиков путей и вагонов. И имя у бабушки было старинное, Авдотья. Была она сильно набожной. На кухне в углу висел сделанный из дерева крохотный иконостас, где висели три старинные старообрядческие иконы, похоже что, древние, почти чёрные от копоти веков. Когда начиналась гроза, бабушка Авдотья зажигала у икон лампаду, наполненную чудно пахнущим маслом, расстелала белое покрывало на полу, становилась на колени и отбивала поклоны, стучась лбом о пол. Молилась она при этом какому-то Николаю, называя его Николой, чтоб он прекратил сотрясать землю. Это Жека помнил совершенно точно, хоть ему и было всего лет 6.

Так и доехал до технаря, предаваясь воспоминаниям детства. Приехал к началу второй пары. Сначала зашёл к Иванычу, учителю по теплотехнике и теплодинамике, пару которого пропустил. Зашёл на перемене, увидел недовольное лицо препода, и сразу в атаку.

— Сестра заболела, Николай Ваньч... Сидеть некому было. Я отработаю в случ чо... Когда скажете. Мне и завтра тоже день надо — дела.

Жека положил полтос на стол препода и вышел из кабинета.

— Соловьёв! На уроки ходить надо! На работе так не получится у тебя! — засмеялся Иваныч, суя купюру себе в карман.

Второй парой была экономика. Этот предмет Жека любил. В первую очередь из-за преподавательницы. Звали её Римма Эдуардовна. Имя-то вычурное, но более всего вычурна сама Римма. Была она не первой свежести, лет 38-ми, но умело скрывала это. Только при ближайшем рассмотрении можно было увидеть, что безжалостное время всё-таки подобралось к ней. Была она очень высокой, очень стройной и худенькой. Плюя на все этикетки, ходила на работу в красивых платьях, строго до колена, никаких мини, но при этом такого тонкого кроя, что под ними видно было абсолютно всё. В том числе и напряжённые торчащие как пули соски на небольших полукруглых грудях. Рукава Риммы Эдуардовны были до середины предплечья и позволяли созерцать тонкие руки и изящные кисти, ногти на пальцах которых были слишком длинны для какой-то черновой работы, и всегда окрашены кроваво-красным лаком. Жека сидел на первой парте, прямо перед ней, и видел всё это в мельчайших подробностях.

А если слегка заглянуть под парту, можно было видеть длинные тонкие пальчики ног с точно таким же кроваво-красным лаком, торчащие из босоножек Риммы Эдуардовны, потому что она всегда, в любое время года ходила в технаре без колготок, и в босоножках. То

ли директора это устраивало, то ли всем было плевать. Впрочем, босоножки были не сильно открытые, и если иногда Римма Эдуардовна надевала бежевые колготки, так даже и незаметные. Понятно, что она переобувалась в учительской. Если красивые ноги, почему бы и не показать часть их вечно ненасытному молодому студенчеству. Нравилось ей так ходить, что тут поделаться...

Была она на язык довольно острословна, да ещё и голос такой низкий, с хрипотцой, донельзя сексуальный алыт. Похоже, Римма Эдуардовна курила. Но курила неприметно. Кроме Шанель номер пять, от неё ничем не пахло.

Естественно, все пацаны были влюблены в неё, и представляли во влажных мечтах, конечно же, одно — как они раздвигают Римме Эдуардовне ноги. Однако учительница ещё на первом уроке поставила границу.

— Сообщаю всем, — с улыбкой сказала она. — В кино, ресторан, на дискотеку можете не приглашать. Я учитель. Вы ученики. И наша коммуникация будет именно в таком вот ключе. А сейчас я расскажу, что такое экономика, и в чём разница между экономикой социалистической и капиталистической.

— А у нас разве есть экономика, — заржали пацаны. — В СССР ничего нет. Сахара и тс нет. И муки. Ахахаха!

Перестройка шагала семимильными шагами, и то, за что сажали ещё лет 6–7 назад, сейчас говорили совершенно открыто, даже с какой-то пафосной смелостью. Я-де, за перестройку, демократию, и против совков!

— Если бы не было экономики, ты бы жил даже сейчас при свете лучины и в холодной квартире! — умело парировала училка. — Чтобы дома были тепло и свет, нужно добыть уголь, используя горные машины, заплатить их производителям и работникам, потом заплатить шахтёрам, обслуживающему персоналу, потом привезти их на станцию, отправить железной дорогой. И так далее. И каждая часть экономической цепочки должна работать не в убыток. Вот это мы и разберём. В том числе, почему сложилась такая ситуация, как сейчас.

Пацаны ещё тревожили возрастную бабёнку дурными вопросиками, а Жека смотрел на её торчащие из-под платья соски на маленьких грудях. С дальних парт их было невидно, а здесь только так. Жека представил, как ласкает их ртом... Чёрт... А куда ещё смотреть, как не на учителя? Иногда, правда, Римма Эдуардовна вскакивала с места, что-то рисовала, поворачиваясь к группе тонкой изящной задницей, обтянутой платьем, но потом садилась опять.

Естественно, чутьём самки, ждущей плоти, она прочухала, что Жека пялится на неё с близкого расстояния. И это ей, похоже что, льстило. Её устраивало такое вот любование с расстояния. Вот и сейчас... Жека посмотрел ей на белую шею, где не видно ещё ни одной морщинки, на ложбинку под ней с золотой цепочкой, скользнул на нежные тонкие пальцы с длинными красными ногтями, пишущие что-то на листке. То ли план уроков, то ли ещё что-то.

Неожиданно Римма Эдуардовна подняла глаза и посмотрела на Жеку. При этом улыбнувшись уголком рта. Её пальцы чуть дрогнули, и ручка выпала из них. Жека тоже смутился. Но не нашёл ничего лучше, чем посмотреть опять на груди Риммы Эдуардовны. Потом его ручка скатилась со стола, он поднялся, чтоб поднять его, и в полуметре от себя увидел тонкие пальчики ног с красными ногтями. Они сжались так, что стали абсолютно белыми. Римма Эдуардовна слишком эмоционально отреагировала на Жеку. И он вдруг понял, что она не проста так одевается. А так как стал он человеком рискованным, то захотел

проверить сразу же, что получится.

Когда прозвенел звонок, и все стали выходить, Жека выходил последним. Подойдя к двери, осторожно закрыл её на замок, и медленно подошёл к Риме Эдуардовне. Она, услышав, как щёлкнул замок, подняла голову, и посмотрела ярко накрашенными красивыми глазами на Жеку. В её взгляде... Было лишь лёгкое удивление.

— Соловьёв, чего тебе? — насмешливо спросила она. — Урок закончен, ты свободен.

Жека рукой погладил её нежную шею под волосами, и она вдруг закрыла глаза и прижалась головой к его руке. Это был непроизвольный знак, потому что она тут же откинула его руку, строго сказав:

— Руки держи на расстоянии. Ты что творишь? Что тебе надо?

Однако Жека ни слова не говоря, подхватил её под мышки, поднял, и посадил на стол. Была она, несмотря на свой высокий рост под 180, совсем худышкой и лёгкой. Как мешок сахара, килограмм 50, а то и ещё меньше. Веточка...

Жека одной рукой схватил её за талию. Какая она тонкая! Другой за голову и закрыл ей рот смачным поцелуем. И она ему ответила! Не выдержала! Да и то... Что ей терять-то... Жека нащупал под платьем маленькую грудь, нащупал её вечно набухший сосок, крупный как виноградина, потёр его через ткань, потом поднял платье, рывком снял белые трусики, и придвинул к себе...

— Соловьёв... Надеюсь, это останется между нами! — строго проговорила Римма Эдуардовна через десять минут, когда Жека собрался уходить.

Была она всё ещё порядком взбудоражена, и не могла прийти в себя. Сидела за столом, смотря на Жеку, и стуча наманикюрными ноготками по столу.

— Конечно нет, Римма Эдуардовна, — заверил Жека, подошёл, и снова засосал её на прощание, коснувшись грудей.

Выходя из кабинета, прикрыл дверь, и пошёл по почти пустому крылу на следующую пару, гидравлику, как вдруг из-за угла показался комсорг Владимир Станиславич. Жека чуть не столкнулся с ним, но вовремя тормознул.

— Во! Соловьёв! Хорошо, что попался! Ты объявление видел на доске?

— Нет. Не обратил внимание, — недоумённо ответил Жека. — А чё там?

— Знаешь... Мне не нравится твоё отношение к общественной и политической жизни, — сокрушённо покачал головой комсорг. — Собрание сегодня. После пар. В актовом зале. Ещё вопросы?

— Нет, — ответил Жека. — Ну ладно. Приду, раз так.

— Приходи. И не опаздывай. Будет важное объявление. И ничего не планируй сегодня на вечер.

После пар собрались в актовом зале. Было тут всё совково-деревяннo. И духом застоя пахло за версту. Длинные секции дермантиново-деревянных сидушек, что стоят в кино, изрезанных и исписанных студентами, вышорканный линолеум. Отделка стен из лаковой обрешётки с лакированными панелями. На возвышении большой стол, за солом большое алюминиевое панно с лицами Владимира Ильича Ленина, Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Под потолком старый красный транспарант «Народ и партия — едины», а поверх него более свежий плакат «Перестройка — дело каждого!»

На столе стоял графин с водой и гранёный стакан. За столом — комсорг Владимир Станиславич. На первых рядах сидели человек 30, Жека не разглядел. И большая часть из них тёлки, парней только меньше половины, включая и Жеку. И почти все пацаны слыли

лохами и задротами. Больше комсомол в технаре был не нужен никому. Жека конечно, выгодно смотрелся на их фоне. Почти все тёлки оглянулись на него.

— Вот и последний. Соловьёв. Ладно. Начнём, — сказал Владимир Станиславич. — Городским комитетом ВЛКСМ в собственность нашей первичной организации передана лыжная база в посёлке Еловый. Вы знаете его, у вас там была лыжная физкультура на первом курсе. Теперь смотреть за порядком, очищать от мусора, придётся нам. Как юные ленинцы мы должны приветствовать почин старших товарищей. Так что сегодня, прямо сейчас, получаем у завхоза вёдра, тряпки, лопаты для уборки снега, и едем на лыжную базу. Автобус нам предоставят шефы.

— Голосования не будет! — поднял руки комсорг, пресекая поднявшийся недовольный шум. — И возражения не принимаются! Вы все взрослые люди, и должны понимать, что такое слово НАДО. Не вздумайте свинтить куда-то! Я поеду с вами! Всё! Собрание закончено! Все свободны! Жду у входа в главный корпус с шанцевым инструментом!

Жека посмотрел на комсомольцев, а точнее, на комсомолок. Девчонки учились лучше, много отличниц было, и все они конечно же, состояли в комсомоле. Были и откровенно некрасивые, но были и ничё так... И подержаться есть за что. Ну что ж, раз надо ехать, так надо. Сегодня вечером всё равно дел особых нет.

Когда все стали вставать, гремя опрокидывающимися сидухами, и идти к выходу, Жека засмотрелся на одну тёлку. Звали её Марина, что значит «Морская». И это имя давно нравилось Жеке. Нравилась и Марина. Училась она на технолога пищевого производства. Было ей уже 18. В узкой полосатой юбочке до колен, позволявшей видеть её обтянутую трикотажем попу и стройные бёдра, обтягивающей сиреневой кофточке, отягощённой спереди крупными грудями, с красивым нежным лицом, большими синими глазами, казалась она девочкой красивой, и не слишком-то скромной. Ну, хоть будет с кем побазарить и поугарать. Жека в любой ситуации искал положительные стороны.

Завхоз, Ирина Леонидовна, была женщиной строгой, и ответственной. Поэтому сразу прикинула кому, куда и сколько. На удивление Жеки, человек двадцать, невзирая на грозные предупреждения Владимира Станиславича, сбежали через чёрный ход, забив на объявленное мероприятие. Остались лишь три лоховатых парня, Жека и шесть тёлок. И одна из них Марина. Конечно же она была самая симпатичная из тех, что остались.

Ирина Леонидовна подали девочке ведро и тряпку.

— За тобой закрепляю. Как фамилия?

— Калинина.

— Хахаха! Прямо как Всесоюзного старосты! — рассмеялась Леонидовна. — Сюда тащить это потом не надо. Положите всё в автобус. Он завтра завезёт.

— А твоя фамилия как? — обратилась она к Жеке.

— Соловьёв.

— А тебе лопата. Смотри не сломай Соловей! — усмехнулась Леонидовна. — Идите — там уже автобус наверное приехал.

Ну что ж... Пора ехать на лыжную базу...

Глава 31. Комсомольское поручение

Когда выходили из комнатёнки завхоза, Жека взял ведро с тряпкой у Маринки, как будто невзначай коснувшись нежной ладошки девушки.

— Марин... Ну чё ты надсажаешься... Давай я понесу.

Марина посмотрела на высокого симпатичного парня в варёнках, кожаной турецкой курточке до середины бедра, спортивной шапке. Выглядит нормально. Взгляд уверенный. Улыбка притягательная. Такой классный, надёжный!

— Откуда ты знаешь меня? — словно ненароком спросила она, и отдала ведро, смущённо опустив глаза.

— Тебя все знают. Как не знать такую красавицу, — польстил Жека. — А меня Жека звать. То есть, Евгений.

— Я знаю, — улыбнулась она. — И тебя все знают, Женя.

— Марина... У тебя такая фигура спортивная. Спортом занимаешься?

На самом деле, фигурка у Маринки, конечно, не была спортивной. Килограммов 5 лишних точно было. Но она высоконькая, под 170, и смотрелась гармонично. С таким приятным небольшим жирком. Эххх, потрогать бы её, память слегка...

А Маринке польстил комплимент Жеки. Вся расплылась в милой улыбке. И тут же покраснела..

— Занимаюсь немного. Так... Танцами. А ты?

— И я немного, — улыбнулся Жека. — Тоже так... Качаюсь иногда. Но в основном на даче у родителей бегаю туда-сюда.

— О... У вас есть дача?

Обладать дачей в СССР считалось престижно. Даже если это халупа на участке в 3 сотки. А у Жекиных родителей целый дом в деревне! Да ещё и огород в 30 соток. Когда в деревне нарезали землю для огородов, её давали по принципу — бери не хочу. В Сибири землю жалеть что-ли? Дед если бы захотел, хоть сотню соток бы взял в совхозе, там за огородом кроме леса и гор всё равно ничего не было.

Зимой дом в деревне пустовал — чего там делать-то? Однако Жека вдруг подумал, как классно бы завалиться туда с Мариной. Затопить печку... Сидеть обнявшись, а потом греться в постели друг об друга... И трогать это нежное мягкое тело...

Пока базарили о том, да о сём, подоспел и автобус — зелёный ПАЗик с длинной надписью красным на борту «Всесоюзная Ленинская Организация Молодёжи» и значком комсомола. Вошли. Расселись кто куда. Жека рядом с Мариной. Пока ехали, болтали о всяком... Музыка, то да сё. Марине больше нравились Технология, Био, Депеш Мод, и в целом синтипоп. Жеке тоже нравился этот стиль, как и набравший ход Кар-мен с Титомиром и Лемохом — сто раз показывали в «50 на 50» и в «До 16 и старше». Появилось много групп, которые исполняли более жёсткую танцевальную музыку, чем теряющее свою популярность диско. Лика Стар та же...

Марина была девушка умная и начитанная. Любила фантастику. Вечерами не ходила никуда, опасаясь вечернего города, в основном. Милая, красивая, домашняя. Да и парня ещё нет...

Приехали на базу, а там снега по колено. Даже к воротам не пробиться — накануне был снегопад, и всё занесло, даже автобус проехал с трудом. На базе было кирпичное здание, в

котором хранилище для лыж, палок и ботинок. Сколько их там? Как он помнил, пару лет назад было много, штук 100–200 лыж только. Ботинок не меньше. Правда, часть лыж ломаные. Но починить-то недолго... Была раздевалка со шкафчиками. Была баня и душ, правда, не работающие. Небольшая котельная, сторожка. В штате были сторожа, кочегар и дежурный, выдававший лыжи. Можно было и обычным гражданам взять лыжи напрокат, на стенке висел лист с расценками. Для залога требовался паспорт. Сколько, интересно, в день приносит эта база? В месяц? Трассы-то хорошие, как помнил Жека по урокам физры. То подъёмы, то спуски. Иногда даже крутые попадают. Если бы кафе открыть, душ, баню сделать. Гостиницу небольшую — цены бы этой базе не было. Сейчас же она прозябала, принимая студентов и случайных любителей бега на лыжах.

Трассу на базе чистили несколько раз в год обычным «Кировцем», оставляющем огромные траки на снегу, но между ними пролегли аж три параллельных лыжни. Вокруг ещё не тайга, но уже пригород всё-таки... Сосны, ели, солнце. Место хорошее...

Пока Жека раздумывая о том — о сём, торил дорожку к кирпичной ограде, остальные комсомольцы пролезли по чужим следам на территорию. И занялись каждый своим делом. Девчонкам наблюдающий накачал воды из колонки, пробитой прямо в помещении. Добавили кипятка из титана, стали отмывать стены, полы, веками не мывшиеся. Пацаны откидывали снег от базы, от каждой стороны.

Владимир Станиславич ничего не делал — только важно раздавал советы и руководил. Когда Жека закончил на улице, помог пацанам, потом покурил, глядя на занимающийся вечер. Стало немного прохладно, и он зашёл внутрь. А там почти уже закончили, но ещё понемногу ковырялись. Комсорг, увидев Жеку, даже посидеть не дал, погреться.

— Вот хорошо, Соловьёв, что ты пришёл. Иди там, в хранилище лыж порядок наведи. А то сколько мы тут ковыряться будем... Посидим, почаёвничаем потом. Я баранок и ватрушек захватил.

Жека заглянул в хранилище, а там... мама не горюй... Лыжи должны стоять у стены, аккуратно. Рядом палки. Ботинки на стеллаже, каждый по своему размеру. Да тут неделю ковыряться можно, и фиг сделаешь! Жека удивлённо присвистнул, на что сразу же откликнулся комсорг.

— Что засвистел, Соловей? Забоялся? Это тебе комсомольское поручение!

Голос Владимира Станиславича был какой-то злой до чёртиков. Ясное дело, завидует привлекательному парню, на которого заглядываются все юные комсомолки. На комсорга-то смотрят только с боязливым уважением, не ожидая, чего ждать. Но такого взгляда, как на Соловьёва, и близко нет... Справедливости ради, девочки смотрели и на других парней, смущённо отворачивающихся от такого внимания. А в целом, чувствовалась некая общность, и даже молодёжная романтика. Что принадлежат к партии юных ленинцев, делают общее дело...

— Женя... Я помогу... — в проёме двери появилась Марина.

Держась рукой за косяк, она стояла, и смущённо смотрела на Жеку, чуть больше оперевшись на правую ногу. И была эта поза такой соблазнительной... Изящные линии стройных бёдер по узкой юбкой, красивые икры, торчащие из коротеньких сапожек, немного свесившиеся на сторону груди, оставляющие следы от бретелек и чашечек под тоненькой кофточкой. «Интересно, какие они голые, какого цвета и размера её соски» — подумал Жека, и показал рукой через себя.

— Конечно, Марин, а то я тут не справлюсь...

Марин стала протискиваться мимо Жеки в узком проходе, и тут то он поймал её. Обхватил тонкую талию, прижал к себе, наслаждаясь душистым запахом девичьих волос, вперемежку с дорогим парфюмом. Одной рукой откинул тёмно-русые волосы, увидев чуть испуганные, но и восхищённые глаза, крепко поцеловал пухлые губки, ощутил нежный язычок. Провёл рукой по спине, охватил и чуть сжал крупенькую грудь. Но она в лифчике и кофточке. Эх... Но и так прикольно.

Девочка поплыла, расслабилась, закрыла глаза, крепко охватила Жеку за спину, провела по твёрдым мышцам нежной ладонью... Эх... Сейчас бы комнату, музыку медлячок, приглушённый свет, да кровать рядом, или хотя бы диван... Была Марина тёплой и желанной.

— Вы чё там затихли? Трахаетесь что-ли? — грубо пошутил Владимир Станиславич, как царь и бог сидевший за столом.

Раздался дружный хохот парней и девчонок, угарнувших над скабрёзной шуточкой. А была Марина-то, наверное, вообще нецелованной... Она резко оттолкнула Жеку, смущенно и виновато посмотрела на него, и принялась разбирать лыжи. Жека тоже включился в работу, не забывая помогать девушке, где надо поддерживая, где надо подтаскивая. Так и сработались. Минут через пятнадцать Владимир Станиславич громко хлопнул в ладоши.

— Так! Всё! Хватит! А то вечер уже. Давайте чай пить! Заслужили!

Нашлись на базе и железные кружки, и чайник, где заварили воду из титана. Пили чай, тайком вытаскивая чайники, прилипшие к губам. Ели твёрдые баранки, засохшие ватрушки из кафетерия, и казалось, ничего вкуснее не едали. Смеялись каким-то милым, обыденным вещам. Кто и что делал, кто что не сделал... Жека смотрел на Марину, сидевшую напротив, и ему казалось, что её чудесные голубые глаза под тонкими выщипанными бровями как-то загадочно блестят. Она тоже изредка смеялась, показывая маленькие белоснежные зубки между свежих алых девичьих губ, и это выглядело так трогательно, вместе с ямочками на белых щеках...

И Жека опять подумал — вот она, настоящая жизнь. Сидеть и вот так вот смеяться каждой шутке. А перед тобой девочка, которая нравится тебе. И которой, похоже что, нравишься и ты...

За окном совсем свечерело, и Владимир Станиславич скомандовал выдвигаться. Собрались, побросали весь инвентарь в автобус, сели сами. Автобус медленно тронулся. Жека сидел рядом с Мариной, приземлившейся у окна. Сложив маленькие ручки на коленях, она смотрела в окно, на тёмный лес, но иногда забавно косилась на Жеку из-под мохерового капора, тут же улыбаясь, и отворачиваясь.

Жека сверху накрыл своей ладонью её озябшие ручки, чувствуя, какие они холодные. И она не убрала! Только улыбнулась в ответ. Так и доехали до города.

— Автобус не будет развозить по домам! — объявил комсорг. — Водителю тоже домой надо! Договаривайтесь и провожайте друг друга! Я иду по улице Строителей Коммунизма, до 16 дома! Кому по пути, идите со мной! Воронкова, тебе вроде бы по пути?

— Да... Да... Владимир Станиславич! — робко улыбнулась низенькая девушка в чёрной мутоновой шубе и большой круглой норковой шапке. — Я пойду с вами!

Автобус тормознул на остановке, на которой всё-таки ещё стоял народ. Конечно, в это тёмное время гопота охотилась за норковыми шапками, но ценились ушанки, которые легко сбегать на любой барахолке... Так что Воронкова Дарья могла быть спокойна за свою. Но всё равно пошла с комсоргом, да и ещё двое увязались. Остальные разбрелись в разные

стороны.

— Ну что, Марина... Тебе куда? — спросил Жека. У девушки не было норковой шапки, но зато была коричневая дублёночка, за которую и убить могли.

— Да недалеко... Спасибо, Жень... Я сама дойду, — смущённо улыбнулась Марина.

— Ну уж нет! — решительно возразил Жека. — Пошли давай! Провожу тебя, и потом домой.

Потихоньку пошли, пиная свежий снежок, и болтая о всяком, конечно же, в основном, о технаре. Марина училась на технолога, в будущем планировала стать главным технологом в кафе или ресторане. В техникуме Советской Торговли технологи были самой привилегированной кастой из всех. Половину учёбы они проводили в лаборатории, в которую приходили многие.

Лабораторией назывался настоящий производственный цех общественного питания в половину лабораторного корпуса. Он делился на холодильную камеру, горячий цех, холодный цех, и раздачу. И все приходили туда с разными целями. Механики смотрели устройство оборудования, как устроена холодильная камера, вентиляция, электро- и водоснабжение. Бухгалтеры на примере живого работающего оборудования обсчитывали доходы-расходы и прибыль. А вот технологи пищевого производства...

Они приходили для своего прямого дела — готовить. Они приносили из дома заранее распределённые преподавателем продукты, весь день готовили по ГОСТовскому меню первое, второе, пекли булочки, кексы, или пироги, варили компот, а потом в конце практики садились в раздачу, за большой длинный стол, и все вместе дружно это поедали, приготовленное самими же.

И приготовить-то надо было не на простой плитке, а используя всё технологическое оборудование общепита. Нарезать хлеб на хлеборезке. Начистить картошку и овощи в картофелечистке, шинковать шинкователем, замесить тесто в тестомесе. В горячем цехе стояла огромная варочная электроплита, электрический котёл, духовой шкаф, фритюр, мармиты для горячих блюд. Всё это надо было использовать по назначению. Половину учебного времени технологи ходили в белых халатах и шапочках, как врачи в медицинском. Они были элитой, безусловно....

— Кем будешь? — спросил Жека. — Третий курс уже.

— Или в ресторан работать пойду, или... — Марина задумалась. — В областной пищевой институт поеду. Мама советует учиться дальше.

— Правильно! Правильно делаешь! — с воодушевлением поддержал Жека. — Учись! Самое главное это! Потом большим начальником будешь!

— А ты кем хочешь стать? — лукаво улыбнулась Марина.

— Кооператив открою! — уверенно ответил Жека. — Чтоб семья всегда сыта была! И дело чтоб радость приносило!

— И это правильно! — согласилась Марина. — Ой! Вот мой подъезд! В этом доме!

Жила она не сказать чтоб далеко от речки, н опару остановок проехать всё таки надо...

— Ну уж нет! — не согласился Жека. — Провожу, так до самой двери.

Зашли в подъезд панельки. Встали на первом этаже. Марина опять загадочно посмотрела на него, улыбаясь. Ну а что тут сделаешь? Оба в одежде, только с холода вошли. Жека обнял за талию, чуть притянул к себе... Немного пососались, потом Марина отстранилась.

— Ладно, Жень... Мне пора. Поздно уже. Наверное, родители волнуются. Увидимся в

техникуме! Не провожай! Я на втором живу!

Она опять мило улыбнулась, помахав на прощание ручкой, и пошла домой, покачивая стройными бёдрами в узкой юбочке. Жека подождал, пока хлопнула квартирная дверь, и только тогда почти выбежал на улицу.

На улице уже никого. Ходить вечером людям-то и некуда. Магазины все до 8 часов работали. А в кафе и рестораны старались на такси ездить. Жека неспеша шёл по улице, смотря на огни вокруг, на стук проезжавших трамваев, на редкие автобусы. И тут на пустом тротуаре услышал сзади шаги. Шли несколько человек, и даже не шли, а догоняли, почти бегом. Вот кто по такому гололёду сломя голову будет ломиться куда-то? Жека остановился, и спокойно оглянулся. Сзади почти бежали трое парней. Простенько одетые, в болоневые куртки и кроличьи шапки.

— Эй ты! Куртку скидывай, сука! — заорал первый, доставая нож.

— Тихо, тихо, пацаны! — поднял руки Жека, показывая, что не собирается драться. — Я дам вам бабла, и пойдёте спокойно!

Старался разрулить нормально, вспоминая себя, и вокруг таких же мажоров, как и он щас.... Но пацаны мирного предложения не заценили, думая, что мажор в кожанке зассал.

— Ах ты сука! — самый здоровый и наезжий замахнулся, пытаясь ударить, но Жека легко ушёл в сторону, и поставив подножку, опрокинул нападавшего на спину, тут же зарядив ногой в рожу. А потом ещё раз. Напал и тот, что с ножом, но пользоваться он им не умел, просто беспорядочно тыкая и махая перед собой. Жека проверенным ударом сломал ему колено носком ботинка, потом выбил нож, и уложил прямым в челюху. Третий зассал, и видя своих друганов на снегу, побежал прочь, куда-то за угол дома.

Побежал и Жека. Но не потому что боялся кого-то, а чтоб его не видели тут рядом с этими гопниками, а то мусорам ещё попадаться лишний раз... По колено в снегу перебрался через газон, перебежал трамвайные пути и дорогу на другую сторону, и там уже спокойно пошёл домой.

— Где был? — спросила мать, когда Жека разделся и сел ужинать. О! Котлеты с толчёнкой! Нормально!

— По комсомольской части занят был! — ответил Жека с набитым ртом. — Порядок наводили на лыжной базе в Еловке. Работы навалом. Только-только освободились. Да ещё пешком пришлось от бассейна идти, шофёр не повёз.

— Ничё себе! — удивилась мать. — Ладно. Ешь, да спать. Завтра в техникум рано поди?

— Да! — ответил Жека.

Завтра, действительно, рано вставать. Придётся ехать и охранять директора шахты Загорная, которого могут попытаться завалить неизвестные бандиты. Единственное что тревожило Жеку, это что опять придётся с учёбы отпрашиваться задним числом, а то и заносить кому надо.

С этими невесёлыми мыслями Жека уснул. Завтрашний день намечался горячим.

Глава 32. Нападение на директора шахты Загорная

Утром встал по будильнику, чётко. Завтракать не стал. Жека вообще до обеда старался не есть — обходился лишь чаем. Всегда весёлый, голодный и злой — вспомнив Шевчука, улыбнулся, оделся и пошёл из дома. Спускался как всегда, пешком по лестнице, на лифте не поехал.

В окнах только зажигался свет — люди вставали на работу. Небольшой морозец, снежок похрустывает. По прозрачному воздуху слышно работу завода. Гудки тепловозов, лязг вагонов, рёв ТЭЦ. Город живёт.

Крот уже приехал — вишнёвая девятка у базы, в окнах свет. Жека зашёл в подвал, засунул ствол под кожанку, в кобуру — решил камуфляж не надевать. Финку в носок, как всегда. Жека незадолго до этого чуть прибарахлился — купил на толчке высокие зимние адики, и сейчас нож лежал в них идеально.

На втором этаже уже вся главная банда в сборе. Крот, Славян, Митяй. Чай пьют, покуривают. Заспанные ещё. Поздоровался со всеми, тоже налил чаю. Закурил.

— Ну чё? Как вы?

— Нормально. С директором ты поедешь? — спросил Славян.

— Я. Ты с Кротом на девятине. Сзади страховать будете.

— Ясно.

— Щас по пути посмотрим, откуда они налететь могут. Там своротков не так-то много. Всё снегом завалено, на дачи не проехать.

Перед тем как выйти, ещё раз проверили стволы, ножи. Крот с ухмылкой смотрел на пацанов. Так смотрит тертый калач на зелёную шпану.

— Чё лыбишься? — усмехнулся Жека. — Людей охранять будем.

— Ясно... — неопределенно ответил Крот. — Ну чё? Готовы?

— Поехали.

А ехать-то порядком... Сорок километров, да по зимней трассе... Да по Сибири... Быстро миновали пробуждающийся город с толпами людей на остановках, штурмующими забитые до отказа ЛИАЗы и Икарусы-гармошки. Промелькнул частный сектор с заваленными снегом домами и дымящимися трубами. Запахло горелым углем.

— Не... Здесь нет нормальных мест для засады, да и от города недалеко. В Еловке пост ГАИ опять же. Дальше, — заявил Жека.

Минули одну деревню, другую. Потом подъем в гору с крутым поворотом. Дорога обледенела — лишь две узкие колеи туда и обратно. Справа небольшой свороток на дачный поселок. Грейдер сгребал тут снег с дороги, и сделал небольшой карман. И Жека словно учуял. Вот оно. Самое место для засады. Машину видать издали, а в бинокль так вообще как рядом. На горе джип наверняка сбросит скорость перед поворотом, тут его и тормознуть можно. И не деться никуда — справа гора, слева ограждение из рельс, обрыв, а внизу река.

— Стопудово тут будут пасти. А ну, тормозни, Крот... Стой тут. Точняк. Лучше места я не видел, — сказал Жека. — Я тут подумал... Я с тобой поеду. Нечего мне перед директором палиться.

— Лады, — согласился Славян. — Я уже сам об этом подумал. Прокачусь хоть на Патруле.

— Ты думаешь, тот сарай лучше, чем эта? Лучше девятки тачки нет! — усмехнулся

Крот, внимательно смотря за зимней дорогой. — Патруль конечно здоровый. Жирные жопы возить в самый раз. Но маневренности нет у него. Такую колымагу только на бездорожье использовать надо. В городе он никуда. Ни развернуться, ни встать путём.

Отсюда уже недалеко и городишко Берёзки. Небольшой шахтёрский город, и живущий-то только за счёт двух шахт на окраине, и разреза чуть поодаль. Жека со Славяном тут были, когда толкнули золото грузину. И вот пришлось приехать опять.

Шахта на противоположной стороне города, за промзоной. Но и отсюда видно высоченный рыжий террикон и лебёдку с огромным колесом наверху — город в большинстве мелкий, из двух-трехэтажных засыпух ещё времён Сталина. На фасадах домов выложены цифры 1947 — время стройки города и шахт. Дома осыпающиеся, с полуразрушенными балконами и отвалившийся штукатуркой. Именно в этом городе начались первые забастовки шахтеров СССР в 1988 году. Шахтеры требовали улучшений условий проживания, повышения зарплат. Прошло два года. Что с зарплатами неизвестно, но дома остались всё такими же засыпушками. Разве что машин у них добавилось.

Здесь дороги вообще как будто не чистили. И гололёд, и снежные наносы. Жека и то чувствовал как машину кидает из стороны в сторону. Крот ехал медленно и аккуратно. Вот и шахта Загорная. У конторы вид тоже не ахти — окна старые, фасад осыпался. Приехали нормально, во время — уже занимался рассвет.

— Ну я пошёл! — сказал Славян, вышел из машины, и оглянулся, показав двумя руками знак дружбы. Вид у него конечно был такой ещё... Одел камуфляжную афганку и берцы, сверху кожаная куртка. На голове вязаная шапка-гондон с надписью ALP. Как раз такие воши в моду среди дворовых. Из-под кожанки торчит демократизатор, как иронично называли первые российские дубинки у милиции. Пришлось перенимать западный опыт — митинги, демонстрации и забастовки стали частыми в Стране Советов.

Пока Славян ковырялся там в конторе, из проходной выехал Патруль. Остановился у входа в администрацию. Сначала вышел Славян. Огляделся внимательно, потом что-то крикнул, и уже после этого вышли три мужика. Один, в дубленке и пыжиковой шапке пирожком, явно директор, с ним референт, молодой парень в дубленке, с дипломатом. И похоже, шахтный охранник. Так и есть. Пожилой седоволосый мужик в синей телогрейке, штанах, ушанке со значком и кирзовых сапогах. У него даже дубинки не было.

— А оттуда вон палит кто-то, — заметил Крот. — Вон смотри. Из окна второго этажа. И телефон в руке. Походу, бандитам названивает.

А Крот глазастый! Пока Жека не сводил глаз с компании, усаживающейся в Патруль, он внимательно оглядывал окрестности. И всё-таки засёк наблюдателя.

— Точно. Палит, сука, — Жека посмотрел на контору. — Они если на двух машинах нападают, одна здесь уже должна быть. Где-то в этой дыре. Давай езжай потихоньку. Где-нибудь тормозни, они проедут, потом за ними давай. Метров 50 держись, далеко не отпускай.

Крот тронулся, и поехал по направлению к выезду из Берёзок. На первой попавшейся автобусной остановке тормознул. Двигатель не стал глушить. Когда проехал Патруль, тронулся, и пристроился за ним. Так и выехали из городишки.

Крот и Жека постоянно смотрели назад, но вроде бы нормально — никаких машин не было. Однако когда стали подъезжать к предполагаемому месту засады, сзади показалась черная девятка. Летела за стоху — ничего не боялись. Пристроились сзади, и стали мигать фарами и сигналить, чтоб пропустили. Жека посмотрел на сидящих там — все в масках.

— Клиенты, — довольно кивнул головой Крот. — Сейчас на обгон пойдут.

Девятка хотела обогнать, но Крот мастерски перегородил дорогу, и бандитам пришлось притормозить. Немного отстали.

— Патруль тормозит! — там впереди ещё одна девятка! Перегородила им дорогу!

— Значит, пора! — невозмутимо сказал Крот. — Открой окно, стреляй!

Жека открыл полностью окно, достал вольту, и высунулся наружу наполовину. Тут же почувствовал хлесткий удар ветра по лицу. Девятка нападавших была метрах в 20-ти, и уже сбавила ход следом за Кротом.

Первый выстрел мимо, второй тоже. Третий попал в капот, четвертый в лобовое стекло, и убил водителя. Девятку сразу же закрутило по трассе, и выбросило в снег. Удар был резким. Слышно как вскрикнули от боли пассажиры.

— Давай, давай, мочи их! — крикнул Крот, и чуть ли не втолкнул Жеку из остановившейся машины. — Вали там! Я к Патрулю!

Жека, поскальзываясь, побежал к девятки. Там уже открылась передняя дверь, рядом с водителем, и стала показываться рука, держащая пистолет, но Жека встал на колени, и держа ствол двумя руками выстрелил точно в бандита.

Но в машине кто-то ещё был — слышно, как пытались открыть дверь. Жека выстрелил несколько раз сквозь стекло, пока не кончился магазин. Стекло осыпалось. Тогда только возня стихла. Поменял магазин, и осторожно подошёл к машине. Кажись, все готовые. Два спереди, два сзади. Но вдруг один из задних пошевелился.

— А ну лежать, сука! Щас мочкану! Лежи, ты! Чёрт гнойный! — заорал Жека, заглядывая внутрь.

Четверо. Одеты в кто в спортивные, кто в кожу. На головах маски из прорезанных черных шапок-гондонов. Жека сорвал маску с ближайшего. Горец. И как раз один из тех, кого видел на базаре у Шамяля. Всё ясно. Живого можно и не допрашивать.

— Брат! Брат! — заголосил тот, что живой. — Моя семья Кавказ ест! На убивай!

— Ладно, — пожал плечами Жека, и выстрелил в лицо горца.

Потом ещё раз осмотрелся, и побежал к Патрулю. Со стороны Берёзок приближался грузовой автомобиль. Кажись, КАМАЗ, судя по натужно рычащему звуку. Скоро тут будут люди. Но как скоро? Пока поедут в город, вызовут мусоров. Время есть ещё.

На дороге стояла синяя девятка, перегородившая путь Патрулю, за которым стояла девятка Крота. Сам он сидел на корточках за ней, пригнувшись.

— Стреляют! — мотнул головой вперёд.

— Ну чё? — Жека подбежал к Славяну, вместе с клиентами прячущимся за Патрулем, порядком пострадавшем от стрельбы. — Живы? Никого не задело?

— Живы! Ттт.... Таммм! — директор шахты трясся от страха, и не мог вымолвить ни словечка. Референт тоже обмочился. Один дед-вахтёр сохранил спокойствие.

— Там вроде бы ещё один живой, — сказал он. — Прячется. За машиной.

— Ясно. Щас займусь, — заверил Жека. — Славян! Прикрой!

— Осторожней! Он там! — крикнул Славян, чуть высунувший из-за Патруля, и тут же раздался выстрел. Пуля свистнула где-то рядом.

Славян высунул руку из-за капота Патруля, и несколько раз выстрелил в девятку бандитов. Стекла разлетелись, лопнула шина. В это время Жека, пользуясь тем, что стрелявший отморозок на время замолк, побежал к девятке, упал на асфальт перед ней, и увидел ноги стрелявшего в дорожном просвете. Прицелился, пару раз выстрелил, попал в

ступню и голень. Бандит взвыл, свалился на асфальт, и тут Жека увидел его лицо в маске. И бандит увидел ствол, направленный прямо ему в лицо. Один выстрел в лицо и из головы брызнула кровь.

— Все! Давайте, давайте! Езжайте! — крикнул Жека, показывая что путь свободен.

У Патруля пробито лобовое стекло, но ехать можно. Славян затолкал клиентов в машину, сел сам, и машина рванула с места. Жека запрыгнул в девятку, следом залетел Крот, и тоже рванул по газам. КамАЗ, ехавший с Берёзок, остановился у первой девятки бандитов, снесённой в сугроб. Жека в зеркало видел, как водитель осторожно осматривает её. Потом, увидев, что это не авария, а криминал, побежал обратно к грузовику.

— Щас через час мусорам могут сообщить, — сказал Жека. — Лишь бы на посту не тормознули.

— Эту тачку с этими номерами не тормознут, усмехнулся Крот. — Куда сейчас-то?

— Поехали на базу, куда ещё.

— А Славян — то справится? Вдруг ещё кто наедет?

Жека задумался. Могло быть и так конечно. Посомневался, но всё таки принял решение.

— Ладно. Давай их проводим до выставки.

Крот пристроился за Патрулем, и неотрывно следовал до города, а потом и по городу. И только потом, когда уже доехали до большого здания, перед которым стояли новенькие БелАЗы, и другая карьерная техника, перевели дух. Крот заглушил двигатель, и закурил.

— Ну что? Видел кто? Абреки?

— Да. Шамильские. Я одного узнал, — Жека тоже закурил. — Он нам житья не даст. Сколько у него их?

— Да кто ж знает, — усмехнулся Крот. — Но семерых уже нет.

— Надо его самого валить, а то так и будет продолжаться.

— Смотри... Дело твоё... — невозмутимо ответил Крот. — Сейчас — то куда, на базу?

— Не. Я щас в технарь поеду, уже на две пары опоздал. А ты жди Славяна. Потом наверное тебе обратно с ними в Берёзки ехать надо. Чтоб забрать его. Это зависит, чё директор шахты удумает. Короче, жди Славяна, с ним решите. Оружие я под сидушку суну, куда я с ним...

Жека пожал руку Кроту, и вышел из машины. Посмотрел на себя при свете дня, и в спокойной обстановке — ёлки палки... Джинсы в грязи, куртка тоже. Остановился, потрусил снегом, обтерся хоть немного...

Поймал бомбилу, и за трешку доехал до технаря. За рубль уже никто не хотел возить. Шёл, разгребая ногами нападавший снег, без учебников, без чертежей. А сегодня гидравлика как назло. Да и опоздал на две пары... Жрать хотелось как не в себя — с утра не ел. Хорошо хоть столовка работала...

Взял борщ, минтай жареный с пюрехой, булочку, чай, два куска хлеба. Стандартный столовский обед простого советского человека. Бросил куртку на сиденье рядом с собой, только приступил к еде, как нарисовался комсорг. Увидев Жеку, подошёл, сел рядом, уставился прямо в тарелку. А Жека сызмальства стеснялся есть при посторонних.

— Вот смотрю я на тебя, Соловьев, и не пойму, что ты за человек. Захотел пришёл, захотел ушел.

— Сестрёнку в садик некому было вести, — осторожно соврал Жека. — Я ж пришел.

— Пришёл, — согласился комсорг. — Только уже вторая пара идёт. А ты не в кабинет, а первым делом кишку набить.

— Владимир Станиславич, — возразил Жека. — Жрать охота. С утра ничего не ел. Вот... Заскочил...

— Чтоб больше такого не было! — грозным тоном предупредил комсорг, поднялся, задев за стол, и чуть не разлив Жекин обед, пошёл к себе.

Жека вдруг подумал, что не мешало бы перетереть одну тему... Спокойно пообедал, пошёл на улицу, покурил. Потом отправился к комсоргу. Вошёл в кабинет.

— Соловьёв.... Тебя стучать не учили? — Владимир Станиславич как всегда, просто сидел за столом, и смотрел в потолок. — Чего тебе?

— Владимир Станиславич, да тут мысль одна есть комсомольско-молодежная. А чё бы нам кооператив не открыть на лыжной базе? Место хорошее. Бойкое. Сделать ремонт, купить новые лыжи. Кафе открыть. Со временем и гостиницу можно. Была бы комсомольско-молодежная спортивная база. Она же сейчас нашей организации принадлежит?

— Нет! — как отрезал Владимир Станиславич. — Так и знал, Соловьёв, что есть у тебя капиталистические замашки. Но пока я комсорг, никаких кооперативов и стяжательства на территории техникума не будет. И на базе в том числе. Я не дам разбазаривать народное достояние! Всё. Свободен, Соловьёв! Тема закрыта!

— Ну ладно... — пожал плечами Жека и вышел из кабинета комсорга.

Придётся решать проблему другим путём... Если например, Владимир Станиславич неожиданно помрёт, кого выберут комсоргом Техникума Советской Торговли? Наверняка Соловьёва. У него и отзывы хорошие, да и директор технаря нормально относится... Жека решил грохнуть Владимира Станиславича, чтобы отжать у комсомольской ячейки лыжную базу. Задача выглядела не такой уж невозможной. Всё обкатано на начальнике строительного управления, который гниёт сейчас в земле. А мог быть как его заместитель. Живой и с бабками... Ладно... Пока не к спеху, но и тянуть не следует. А то найдутся ухари, провернут на раз, пока зеваешь... Однако, самое главное — сначала надо разобраться с Шамилем. Но самое главное — с гидравликой.

Дождавшись в крыле на лавочке, когда начнется перемена, не торопясь пошёл на последнюю пару. София Николаевна, преподаватель гидравлики была женщиной в возрасте. Сухопарая, маленькая, имела она шептливый насмешливый характер, и как отреагирует, что один из лучших учеников пришел на пару без ничего, было невозможно.

Однако обошлось. Преподаша объясняла новую тему, и всё время говорила почти не переставая, чертила что-то на доске, и на Жеку не обращала никакого внимания. Ну а с пропущенной механикой придется разбираться деньгами...

С технаря не заходя домой зашёл в кооператив. А там все как всегда — парни в камуфляже тренируются, Митяй со своей Тоней обжимаются на втором этаже. Жека плюхнулся в кресло, и закурил.

— Чё, Славян с Кротом не приезжали?

— Не, только Крот был, — ответил Митяй, вальяжно сидя за председательским столом. — Славян в Березках остался.

— Чё делает?

— Директор так зассал, что на сутки Славяна оставил. Он у него дома щас.

— А Крот чё делает?

— Уехал. Сказал, надо, так позвоните.

Посидели, потрепались ни о чём, потом Жека пошёл домой. Славяна нет — базарить не

Глава 33. Ночь у директора шахты

Хоть на следующий день было дохренища пар, и прям с самого утра, но всё-таки нашёл время вечерком забежать к Сахарихе. Жаль, с пустыми руками — ничего не захватил. На речке не было нормальных магазинов, и всё приходилось таскать с города. Однако Сахариха понимала это прекрасно, да и в целом была чужда таких условностей, что «в гости не с пустыми руками». Ну, получилось так, чё теперь...

Сахара дома ещё не было — походу, в картишки играл с блатными, поэтому Светка встретила его одна. В своём любимом розовом халатике, едва достигающем до верхней трети бедра, и босиком. Открыв дверь, подтащила к себе, и сладко поцеловала, а потом глянула снизу лукавым зелёным глазом. Жека сколько не мучил с ней, так и не мог догадаться, что означает этот взгляд — то ли напакостит, защекотив под мышками, и захихикав, убежит вприпрыжку, то ли поцелует враскос, и даст поцеловать груди. Сахариха была абсолютно непредсказуема. Этим и привлекала, неудержимо и страстно. Вот встречался он с Мариной. Да. Хорошая, милая, романтическая девушка. Наверняка будет хорошей матерью и женой. Но... Такой как Светка ей не стать никогда. И даже такой как Пуца.

— Извини Свет, дела были... Кооператив. То да сё...

— Я понимаю, — коротко ответила она, и прижалась поплотнее, обняв тонкими руками плечи Жеки.

Иногда он думал, знает ли она, чем занимается её брат. Что возможно, у него уже целое персональное кладбище. Как она относится к этому. Но тут же догадывался, что конечно знает. И ей абсолютно без разницы — ведь она-то хорошая.

Сахариха поставила Лику Стар на своей «Соньке» и завалилась на кровать, красиво вытянув стройные длинные ножки. Лукаво смотрела на Жеку, сжимая и разжимая пальчики ног. Время пролетело быстро...

Дома мать в панике. Сестрёнку захотели отдать в музыкальную школу на класс фортепиано.

— А чё не на гитару? — недоумённо спросил Жека. Казалось ему что гитаристкой можно и группу свою замутить, да и в целом она посовременнее, чем эти рояли. Но мать, несмотря на деревенское происхождение, была большой поклонницей высокой культуры. Сама в молодости пела в заводском хоре при ДК, любила смотреть по телевизору фигурное катание, слушать классические концерты, поэтому хотела видеть дочь лишь пианисткой, без всяких компромиссов. Мечтала увидеть её по телевизору в белом платье перед белым фортепиано.

Однако чтоб учиться в классе фортепиано, нужен был свой, домашний инструмент. И где ж взять многодетной семье денег на него, если новый стоит 800 рублей, а за бэушный просят 500? Опять в рассрочку залезать?

Жека без базара отслюнявил матери тысячу. 800 на пианино, 200 колов на продукты. Мать с изумлением посмотрела на него.

— Женька... Ты чем занимаешься? Постоянно при деньгах. В дорогих вещах..

— Работаю, — коротко бросил Жека, и пошёл набивать кулаки.

В технаре, конечно, пришлось отработать пропуски. Холодильщик, Виктор Николаич, большой весельчак и балагур, ни в какую не хотел брать деньги. Чисто в воспитательных целях. Прогулял — отработай.

— И чё делать? — спросил Жека.

— Берёшь ведро. Вон там, в углу. Швабру, тряпку. И моешь пол в кабинете после пар. Как тебе такая отработка, Соловьёв?

— Нормально, — пожал плечами Жека. И в самом деле, нормально. Чё такого-то.... В деревне чё только не приходилось делать... И мыть всё подряд.

Поднял стулья на парты. Принёс воды. Намотал тряпку на швабру, и по-молодецки за 10 минут всё помыл. Вылил грязную воду из ведра, сполоснул тряпку, повешал на ведро сушиться. Вытер руки о шторы, надеясь, что никто не заметит. Ага... Где там...

— Соловьёв! Ты дома так же делаешь? — раздался насмешливый голос Риммы Эдуардовны. Скрестив руки на невысокой груди, она стояла в обтягивающем багровом платье. Таким же как лак на ногтях рук и ног. Накрашенные карие глаза из-под кудрявых волос смотрелись эффектно. Этакая Кармен композитора Бизе. Не хватало только карминной розы в волосах.

Римма Эдуардовна закрыла дверь на ключ, подошла к Жеке, и сняла платье через голову. Как змея сбрасывает шкуру. Она была абсолютно голая, даже без трусиков. Какая она высокая, худая и стройная! Небольшие груди мягкие и нежные, коричневые соски торчат как виноградинки... Жека подошёл, засосал в губы, а потом поднял на руки. Время пролетело быстро...

Римма Эдуардовна оказалась горячей штучкой. Потомственная интеллигентка как будто застряла в русском серебряном веке. Сейчас то Жека понял, что живёт она не в свое время. Ей бы жить в начале 20 века. Гулять и сношаться с Маяковским, и мощной когортой русских поэтов и художников — декадентов и символистов. Она была как босоножка Айседора Дункан, чудом попавшая в поздний СССР, маявшаяся в нём среди чопорной публики, не расцветшая в наступившую эпоху бесстыдства.

— А ты хорош, Соловьёв, — насмешливо сказала она, надевая своё платье на обнажённое тело, потом подойдя к Жеке, и касаясь его щеки нежной длиннопалой интеллигентской ладошкой. — Милый мой юноша.

После технаря опять зашёл в тир, и стрелял долго, даже до какого — то остервенения, пока Михалыч, наблюдающий, охотник старой советской закваски не подошёл, и не похлопал по плечу.

— Женя! Ты всё мишени издырявил уже! Тебе нечему учиться — белку в глаз бить будешь.

Дома наскоро сделал уроки, сходил за газетами до ящика, принес целый ворох, но первым делом заглянул в «Н-ий рабочий». И как оказалось, не напрасно. На передовице была большая статья об очередной бандитской разборке. На удивление, Жека не нашел никакого упоминания о нападении на директора шахты. Написали лишь что недалеко от дороги произошла перестрелка между бандитскими группировками, в ходе которой были убиты два человека. Тут Жека усмехнулся. Милиция проводит расследование, и несомненно, найдет преступников.

Очевидно, что настоящее событие, власти скрыли. Или просто не знали. Надо поговорить со Славяном.

Славян зависал на базе. В деловом костюме, галстук и очках. И выглядел как советский служащий средней руки, молодой, да ранний.

— Чай, кофе? — предложил он. — Сам только недавно приехал.

— Чё там у вас?

— Ничего, — заверил Славян. — Директор не стал заяву в мусарню писать. Знает что бесполезно, да и я ему не советовал. Если б написал, у меня щас проблемы были бы, на тему, где мы стволы взяли. Врать бы пришлось. Могли и работу тормознуть. Тогда бы точно чувак без защиты остался.

— Надо с Шамилем вопрос решать, — мрачно заявил Жека. — Не даст он нам жизни. Валить его надо, и всю кодлу его. Мы кстати видели, кто семафорил ему с той шахтной конторки. Плюгавый такой мужичонка с длинным рылом как у крысы, со второго этажа конторы.

— Это наверное, заместитель директора, Бекзот, или как-то так. Директор подозревает, что копают под него. Вчера разоткровенничался, когда я спросил, кто пасёт его. Походу шамилевские шахту хотят отжать. Бекзот директору кооператив предложил открыть, и весь уголь через него гнать. Бабло себе. Он отказался. Потому что как директор предприятия не может быть председателем кооператива на его территории. Всё деньги через Бекзота и мафию шли бы.

— А тема- то здравая, как ни крути... — задумался Жека. — Жаль, что не наша.

— Куда ты полезешь там, братан! — рассмеялся Славян. — Там порвут как тузик грелку. Это же мафия! Против кого ты попрешь? Что делать будешь?

— Делать... В первую очередь разобраться с этим Бекзотом. Узнать, кто за ним стоит. Где живут. Сколько их. Не на рынке же Шамиля валить будем.

— Сёдня поедем?

— Не знаю. Где его искать- то Бекзота этого? До конца дня время всего ничего. Надо бы узнать — где он трётся, на чем ездит, где живёт.

— Директор опять заказал сегодня встретить, и после работы домой сопроводить, а утром опять увезти на работу. Езжай ты. Я уже сутки считай отдежурил. Спать охота, звиздец. А послать некого. Не пацанов же. Дело серьезное. Надо самим разрулить. На Митяя надежды нет. Он кооператоров поехал охранять у завода.

Жека посмотрел на часы. Время три. Нормально.

— Звони Кроту. Поеду я. Только мамке скажу, что не приду по работе, а то волноваться будет.

Через полчаса уже ехали опять в Берёзки. Девятка летела по заснеженной дороге, оставляя позади леса и горы. Вот и место вчерашнего нападения бандитов. Машины уже убрали, и ничего не напоминало о вчерашней бойне.

— Словно так и надо, — усмехнулся Жека. — Короче, сделаем так. Я директора охранять буду, как положено по договору, а ты за тем хмырем проследи, который вчера пялился на нас. Помнишь? Где живёт, куда ездит, чё делает. Сейчас после работы прямо проследи, а потом домой езжай. Завтра я директора на работу провожу, и приедешь за мной.

— Так точно, товарищ командир, — шутливо отсалютовал Крот.

Доехали до конторы шахты, Жека пошёл в здание, а Крот пристроился поодаль, чтоб сильно не маячить. В окне второго этажа, откуда вчера наблюдал Бекзот, сейчас никого не было.

На вахте сидел пожилой мужик в своей форме и берете — из вневедомственной охраны шахты. Что мог сделать этот пенсионер, если на шахту ворвались бы бандиты? Да ничего. У него даже дубинки нет, не говоря уж про оружие. Разве что позвонить по телефону в милицию...

— Я из охранного кооператива «Удар». Прибыл для сопровождения директора

шахты, — объявил Жека. — Где подождать можно?

— А вот тут. На лавочке, — охранник показал рукой на дермантиновую скамеечку напротив себя. — Хотите, так можете к кабинету пройти. Это там, на втором этаже

— Неее... Я здесь подожду, — отказался Жека, и присел на лавку.

Через несколько минут подали машину, и по шуму двигателя Жека понял, что это директорский Патруль. Вскоре появился и сам директор. Он с удивлением посмотрел на Жеку, явно узнавая его.

— Здравствуйте? Вы охранник?

— Я. Звать Евгений. Сейчас я посмотрю что снаружи, и дам знак выходить.

Жека выглянул, и осмотрел обстановку на улице. Вроде нормально. Прямо перед дверью директорский джип. Чисто.

— Выходите, пожалуйста, всё хорошо, — доложил Жека, и занял место между дверями машины и конторы. Директор быстро вышел, сел в Патруль на заднее сиденье. Дипломат положил рядом с собой. Жека огляделся, и захлопнул дверь. Сам сел на первое сиденье, рядом с водителем, молодым парнем лет 25-ти, в дублёнке и костюме под ней..

— Саша, сегодня никуда не поедем. Езжай сразу домой, на Ленина, — распорядился директор.

— Хорошо, Михаил Андреевич, — услужливо ответил водитель, и тронулся площадки у конторы. Проехал мимо вишнёвой девятки Крота, казалось, спавшего, но Жека увидел, что он внимательно следит за обстановкой.

Ехать недолго. Жил директор в центре города Берёзки. И мамо собой, не в обычной панельке, а в доме стиля сталинский ампир. Хоть город и рабочий, были в нем и такие здания, где квартировала партийная и горисполкомовская верхушка, директора и главные инженера шахт. А теперь ещё кооператоры и крутые.

В Н-ке таких домов был целый Центральный район. Огромные 6 и 7 этажки целыми ансамблями наполняли его. С колоннами, арками, эркерами, балюстрадами. С часами на башенках. В Берёзках дома были попроще, но считались тоже элитными. С громадными квартирами и потолками с гипсовой лепниной.

Директор шахты жил на втором этаже, как и положено уважаемому человеку, в большой 4 комнатной квартире. Жека никогда не видел, как живут руководители предприятий. Он был у Сахара. Для советского времени авторитет жил офигенно круто и богато. Импортная теле и видеотехника, аудиоаппаратура высшего класса, дорогая мебель, одежда, средства гигиены, продукты, дорогая машина. На большее Сахару не хватало ума, да и было не нужно. Стал бы вот он коллекционировать старинные книги, иконы, картины? Да ни за что. Сахару нужен был лишь уровень ништяков, известный каждому. Директор шахты был не такой. Его квартира напоминала музей.

Обстановка выполнена в античном стиле. Колонны, портики, безрукие статуи баб. Огромные амфоры, блюда, висящие на стене. Много картин, фресок. Бархатные багровые портьеры с золотыми кисточками на концах. На полу паркет.

Директор переобулся в домашние тапочки, взял дипломат, и пошёл в глубь квартиры, но потом развернулся, как будто вспомнив, что привел с собой охранника.

— Можете присесть в комнате для прислуги. Ваш коллега обитал там же, пока дежурил. Комната сразу у двери.

Жека открыл дверь комнаты для прислуги, и офигел — обстановка лучше, чем у них дома. Ковры на стенах и на полу, а где не ковры, там обои и паркет. Люстра хрустальная.

Кровать, накрытая импортным пледом, кресло, телик в углу. Отдельный от господского туалет и ванная. Да здесь жить можно!

Жека сел в кресло и расслабился. Но тут в коридоре послышался приятный женский голос.

— Илюша, ты как учудишь, так учудишь... Нельзя же так... Человек же живой!

Хоть дверь была и открыта, в неё постучала изящная женская рука.

— К вам можно, молодой человек?

Не успел Жека ответить, как в комнату, цокая каблукочками по полу, вошла красивая женщина лет 40-ка. Была она одета в строгое чёрное платье с кружевным воротничком. На платье жемчужная брошь. На ногах черные туфельки и колготки. В руках поднос с дымящейся чашкой чая и блюдом с тремя ватрушками.

— Вы извините, молодой человек, Илья Александрович совсем забыл про вас. Вы наверное кушать хотите. Вот вам лёгкая закуска. Ужин позже Елена Сергеевна принесёт.

— Спасибо, — неловко поблагодарил Жека. Был он не в своей тарелке, и конечно, слегка смущён.

— Если что-то надо, не стесняйтесь.

Мило улыбнувшись, женщина ушла, цокая каблукочками по паркету. «Нифига, они ещё и в обуви ходят по дому. Наверное и к обеду переодеваются» — подумал Жека.

Чай хорош. Похоже, импортный, да и ватрушки неплохие. Закусил, потом включил от нечего делать небольшой чёрный белый телевизор, да так и уснул под его бубнёж. Разбудило чье-то прикосновение. Открыв глаза увидел небольшого роста девушку в длинном черном платье и белом переднике. Светлые волосы туго зачёсаны назад, и сколоты заколкой в аккуратный хвост. Ни грамма косметики на миловидном лице. Неужели служанка? В СССР?

— Я вам ужин принесла, — мило улыбнувшись сказала девушка и показала на разнос, где стояла тарелка с дымящимися пельменями и стаканом сока. Запах такой, что желудок свело.

— Ешьте, ешьте, не стесняйтесь! — улыбнулась девушка. — Только отвернитесь пожалуйста, мне переодеться надо.

Пока Жека наяривал пельмени, девушка переоделась в брючки и свитер, умылась, и села передохнуть перед дорогой.

Жека по быстрому заглотил пельмени, и думал, куда бы девать тарелку, но девушка успокоила его.

— Ничего, ничего, не переживайте. Оставьте здесь. Я завтра помою.

— Как звать тебя? Ты служанка что ли? — с любопытством спросил Жека.

— Меня Лена звать. Нет, я не служанка, а надомная работница, — рассмеялась девушка. — В СССР прислуги нет. А какая разница, где работаешь, у себя дома, или где ещё... Ночевать я здесь не остаюсь. Прихожу к 8, ухожу в 6. Готовлю, стираю, убираю. Мне нравится. Платят хорошо. У нас в Берёзках такой работы считай что и нет.

— Меня Жека звать. Я охранник. Буду тут до утра. Потом шефа на работу отправлю.

— Ну вот и познакомились, — снова засмеялась Лена, потом встала и накинула дублёнку. — Ладно. Мне пора. До свидания, Женя! Илья Александрович рано уезжает, так что когда я прийду, вас уже не будет наверное.

— Пока! — улыбнулся Жека. Какая приятная девушка!

Делать нефиг, время тянулось медленно. Выключил свет. Посмотрел по телеку «Время», потом «Прожектор перестройки». Вечером началась «Песня- 90». И под неё уснул,

прямо в кресле.

Проснулся ночью, от чьего лёгкого прикосновения. Чья-то рука гладила его по волосам, потом по плечам.

— Какой ты сильный, — прошептал нежный женский голос. — Тело словно железное.

Перед ним стояла хозяйка в черном шёлковом халате, расшитом драконами. Жека коснулся халата. Шёлк. А под ним упругое тело 40 — летней женщины. Неспроста же она пришла сюда?

Жека обхватил её за тонкую талию, и посадил к себе на колени. Зарылся лицом в распущенные волосы, коснулся губами нежной шеи. Хозяйка вздохнула и поцеловала его в щеку, но Жека коснулся губ и смачно засосал их, сжал тяжёлые груди.

Ночь, казавшаяся бесконечной, превратилась в сказку...

Глава 34. Похищение Бекзота

Утром Жеку разбудила хозяйка, включив свет.

— Вам пора. Илья Александрович уже одевается, — бесстрастно сказала она, словно ночью ничего не было, стараясь не смотреть на Жеку.

Как тут соберёшься то, если голый лежишь в кровати, а хозяйка не уходит? Однако встал, не прикрываясь, начал собираться. Хозяйка так и не отвела взгляд. Всё торчала в дверях. И пистолет с ножом пришлось при ней напяливать. Однако ей пофиг. Потом, уже когда полностью оделся, и хотел пройти мимо неё, высокомерная шелуха слетела с женщины как пух с тополей. В глазах зажглась страсть, она обхватила его за шею обеими руками, и опять стала целовать. Страстно, исступлённо, как здоровая зрелая женщина, изголодавшаяся по теплу и мужской ласке.

Жека осторожно погладил упругую задницу, сжал крупные груди, но из спальни выходил уже Илья Александрович, гремя подошвами по паркету, и хозяйка оттолкнула Жеку, застыв опять в неподвижной позе.

— Ну всё. Я пошел, дорогая, — директор шахты поцеловал жену в губы, которые только что терзал Жека, и вышел, держа дипломат в руках.

Жека направился следом, слегка улыбнувшись хозяйке, но она не ответила, даже не посмотрела на него. Жека обогнал клиента на площадке, спустился, вышел из подъезда. Джип уже стоял, сыто урча двигателем, и паря выхлопом на морозе. Дождался директора. Оглядевшись, Жека открыл заднюю дверь, посадил клиента, а сам, как вчера, уселся на первое место. Доехали без происшествий.

Когда подъезжали к конторе шахты, Жека увидел девятку Крота, стоявшую чуть поодаль. Он приехал забрать Жеку, и наверняка с какими то новостями насчёт Бекзота.

— Спасибо за вашу работу, — подойдя к двери, директор подал руку. — Сегодня вы приедете вечером?

— Не, другой будет, — заверил Жека. — Мне сейчас в техникум. А потом наверное, домашние задания делать буду.

— А... Так вы ещё учитесь? И где, если не секрет?

— В Техникуме Советской Торговли. На механика по ремонту холодильного оборудования.

— Ну, это хорошая специальность! Сытая! — засмеялся директор, и пошёл в контору.

А Жека закурил первым делом. Уже уши опухли, сколько терпел... Потом сел в машину Крота.

— Ну чё? Прочухал где тот хмырь обитает? — поздоровавшись, сразу приступил к делу.

— Узнал, — Крот завёл машину и поехал от конторы. — Тебя куда?

— Домой вези, потом в технарь поеду. Ствол возьми мой, до базы отвези.

— А чё не сразу в техникум? Как раз полвосьмого приедем в город.

— Мне конспекты, учебники взять надо. На такси или на трамвае уеду потом. Говори насчёт этого зама. Чё он там.

— Вышел позже всех. Поехал в ресторан «Космос». Это местный крутой кабак тут. На своей тачке, на белой «Волге». Пожрал, и домой, где-то через час. Живёт в самом центре, в сталинке. Но его там трудно будет взять — народу много. У ресторана тоже трудно. Тоже толпа. Если только прямо здесь, у шахты ломануть. Тут и народа мало. И окраина города.

— И как?

— Я чуть подрежу его, как будто нечаянно, и стукну слегка. Он выйдет на разборки, ты подскочишь, там мы его и повяжем. Лишь бы один был. Но надо будет ещё человечка.

— Зачем? — настороженно спросил Жека.

— А «Волгу» ты прямо там, посреди дороги бросишь? Заведённую и с горящими фарами?

— Это тоже человек Сахара будет?

— А у тебя есть кто-то на примете, кто вкупится в это? — усмехнулся Крот. — Кто машину водит? Кто в теме?

— Он с нами поедет?

— Нет. Приедет заранее. Засядет там же, рядом. О наших делах он не в курсе. Только заберёт тачло и отгонит в отстойник. Потом номера перебьёт, и толкнёт на базаре. Как тачку журналиста того. Кстати... Вот ваша доляга с прошлого тачла. Пацаны авансом дали. Каждому по два куска. Тебе и Митяю. Свои я уже взял, — Крот сунул Жеке 4 тысячи рублей за машину убитого журналиста.

— Умно. Сёдня провернём?

— Да. Когда Митяя на смену к директору повезём. Грохнуть уже этого Бекзота, и не мотаться сюда. Мне надоело каждый день в эту деревню мотаться, по сотне километров за день.

— Привыкай, — ухмыльнулся Жека. — Ты же оперативный водила.

— Оперативный и кооперативный, — заржал Крот, и так дал по газам, что девятину чуть не закрутило на обледенелой дороге.

Пришел домой как раз не вовремя — все толпой собирались кто в школу, кто на работу. Беготня, крики, ругань... Куски завтрака набегу. Жека это время не любил ещё со школы. Всегда старался уйти пораньше, и посидеть в техникуме в тишине, повторяя домашку.

По быстрому побросал в дипломат конспекты, учебники, ручки, карандаш, и побежал, толком ни с кем не поздоровавшись.

— Чё голодом-то пошёл? — вслед крикнула мать.

— В технаре пообедаю!

В трамвае среди хмурой толпы увидел знакомую дублёночку и капор. Это же Маринка! Стоит себе такая грустненькая, голову склонила. Рукавичкой с резинкой за поручень держится... Жека пробрался через толпу, стал рядом. Марина искоса посмотрела на него, и тут же заулыбалась.

— Привет, Женька! Как дела?

— Я не деловой. Какие у меня дела, — улыбнулся Жека. — А у тебя как?

— Прекрасно! — засмеялась Марина, показав белоснежные зубки. — На базу поедем ещё?

— Да можно! Если с тобой! С тобой — хоть куда!

Так базаря ни о чём, и доехали до остановки. При выходе из трамвая Жека подал руку, но Марина застеснялась, и не подала свою — вокруг девчонок много, ещё зашущукаются...

— Ладно, я с девчонками пойду. Пока, Жень!

Жека смотрел на Марину сзади, и думал — зачем вот к девчонке подкатывает? Она такая милая, домашняя. С ней бы дружить, в кино ходить по вечерам, пломбир ванильный есть по 24 копейки... У него же есть Сахариха. Кто вот из них лучше?

Но он был молодой парень, до 16 лет и не целовавшийся ни с кем, и за ручку даже не

державшийся, не говоря уж про секс, а тут вокруг такое множество девочек, и они всё такие милые, нежные, соблазнительные. Не говоря уж о женщинах, которые сами лезут в ширинку... Да и не обещал он пока ещё Сахарихе ничего. Так же впрочем, как и она ему...

Пришёл с технаря, на скорую руку перекусил. Серый раньше пришёл, сидел на диване в зале, читал что-то. Увидев, что Жека уходит, оторвал от книги глаза.

— Ты куда, Жек?

— Дело есть. В кооператив. Матери скажи, поздно приеду. В Берёзки надо съездить. К клиенту.

— Слушай, Жека... — замялся Серый. — Я давно тебя попросить хочу. Возьми меня на работу охранником. Чё ты меня всё динамишь? Уже хрен знает кого набрал, а меня всё динамишь.

— Серый... — замялся Жека. — Тебе бабки нужны?

— Нужны! — с вызовом ответил брат.

— На, — Жека дал брату сотню. — Но в кооперативе ты работать не будешь. Никогда.

— Почему?

— Потому! — чуть не крикнул Жека. — Чё с пацанами недавно случилось, забыл уже? Ты бомжей что-ли от клиентов отгонять будешь? Серёга... Пойми ты — там и бандиты, и ээки, и отморозки всякие напасть могут. Пришить. Или изувечить так, что срать всю жизнь под себя будешь. Это опасная работа. Не для тебя.

— А для кого? — спокойно возразил Серый. — Для пацанов с речки? Тебе значит на них похер?

— Не похер, — тяжело вздохнул Жека. — Но так устроена жизнь, что надо где-то работать. Они получают за это деньги. Хорошие деньги. Которые на заводе мало кто получает. И силой их туда никто не волокёт. Не хочешь в кооперативе... Иди на завод. Но я тебе последний раз говорю — ты мой брат, и работы там для тебя нет. Нужны деньги, с тёлкой сходить, или купить что — говори. Хочешь свои мутки мутить — тоже денег дам. Открой кооператив. Кассеты записывай. Или ещё что. На даче овощи выращивай и продавай. Без проблем, Серый. Сейчас время такое — палку воткни, расти будет. Но охрана — последнее, чем можно заниматься, если ты не босс. Всё. Я погнал.

В кооперативе все в сборе. Крот, Славян и Митяй. Митяй уже переоделся в камуфляж, и вертел в руках демократизатор.

— Ну воот! Заявился наконец-то! — заржали пацаны. — Ты как начальник! Позже всех! Или чё — начальство не опаздывает, а задерживается? Хахаха!

— Да иди вы нахер! — ухмыльнулся Жека. — Я студент-учащийся! В отличие от вас, оболтусов неграмотных!

— Не оболтусов, а честных кооператоров! — тут уже грохнул такой хохот, что на первом этаже охранники на миг перестали тренироваться.

— Чаю гоните, честные кооператоры! — заржал Жека.

— Наливай. Только заварили. Ещё не остыл.

Время было три часа. Не спеша попили чай. Покурили. Жека проверил пистолет, сунул в кобуру. Финку как всегда, в правый кроссовок. Митяй уже был полностью в курсе всех дел, да и сам размочился убийством, поэтому отнёсся спокойно. Надо — значит надо. Что было у Крота, кроме ножа в чехле под мышкой, Жека не знал. Он никогда не говорил, есть ли у него волына.

— Славян, нас не жди. Приедем может, поздно. Я сразу домой. Потом побазарим

Закрывай контору как обычно, — Жека затушил бычок. — Ладно. Погнали.

— Я впереди! — забухтел Митяй. — Я назад хрен влезу!

— Да садись ты садись! — согласился Жека. Мне одному сзади тоже нормально.

— А ты знаешь, что переднее сиденье самое опасное? — подковырнул Крот. — Если в Камаз въедешь, там лепёшка одна останется. И двигло на коленках стоять будет. А сзади ещё можно выжить.

— Да ну вас в баню! — отмахнулся Митяй. — Лучше в лепешку, чем в этой говновозке сзади давиться.

Шутя и препираясь, затолкались в девятку, и поехали опять в Берёзки, в какой уж раз. Митяй ещё не ездил здесь, поэтому с интересом смотрел в окно. Как назло, стал давить мороз, уже за минус 20 перевалило. Но в машине работает печка, тепло. Километр за километром проносится дорога. Опять леса, горы, замёрзшая река... Жека уже наизусть выучил эту дорогу.

Подъехали к шахте вовремя, полпятого, как раз перед окончанием рабочего дня. Не доезжая до конторы, Крот остановился, чтоб не палиться. Митяй вопросительно посмотрел на Жеку.

— Пожрать-то хоть дадут у него на хате?

— Дадут! — уверенно ответил Жека. — Меня 2 раза кормили. Нормально. Не помер. Не тебе может, побольше дадут, ты поздоровше.

— Чё ещё мне надо знать?

— Подойдёшь к проходной, к вахте. Скажешь старику дежурному, что охранник из кооператива «Удар». Дальше всё как обычно. Открываешь двери, смотришь что на улице. Открываешь дверь в тачку. Помогаешь сесть. Подаешь портфель, если надо. Вот и всё. Удачи, Митяй. Иди.

Митяй вышел из машины, и почапал к конторе шахты. Не стал оглядываться, молодец. Вдруг следит кто из окон.

— А вдруг этот хмырь уехал уже? — забеспокоился Жека.

— Да не! Свет в кабинете ж горел! — уверил Крот. — Раньше директора он не пойдёт, ты чё... А директор всегда тика в тика в 5 часов с работы идёт, как положено. Раньше него никто не уходит. Ссат.

Жека вспомнил, как на кондитерке сваливали на полчаса раньше, а работать бросали вообще за час, и только улыбнулся. Конечно, на виду у директора никто не пойдёт раньше. Но всегда есть чёрный ход...

К конторе подкатил Ниссан Патруль. Вышел Митяй и осмотрелся.

— Смотри! Директор сваливает! — спокойно сказал Крот. — Сейчас работать будем. Выходи. Встанешь там, за углом. Я стукну его в крыло. Он остановится, выйдет из машины. Ты будешь словно просто проходить мимо, и выруби его. Сразу пакуем ко мне в багажник, и уезжаем. Тачкой Бекзота тут же другой человечек займётся. Всё!!! Свет погас в его кабинете. Всё! Иди Жека! Ни пуха! Я на позицию выдвигаюсь.

Жека вышел из машины, и пошёл куда сказал Крот. Встал за углом то ли подсобки, то ли склада какого-то. Уже начало темнеть. Народу конечно, никого. Конторские шли в другую сторону, на остановку автобуса и трамвая. В этой краянке, в проезда на парковку, вообще никого. Чуть дальше стояли частные дома, которые с подработок всё никак не могли расселить. Директорская машина уехала. На парковке осталась только белая «Волга» Бекзота. Шестёрка, восьмёрка и девятка уехали сразу же после директора, почти не прогрив

моторы. «Блин, а он же может походу моторгреть. Волгу-то хрен заведёшь поди в такой дубак» — вдруг подумал Жека.

Однако Бекзот вышел, спокойно завёл машину, и почти сразу же поехал, как и предыдущие тачки. Походу, заранее выходили, прогревали. Как только «Волга» чуть показалась мордой на проезде, из-за угла вдруг вылетела девятка Крота, чуть притормозила, её занесло, и машина задела вскользь правым крылом о водительскую дверь и левое крыло «Волги». Крот остановился так, что перекрыл дорогу. Вышел из машины, посмотрел на повреждения, и сделал такой озадаченный вид, сдвинув хануриковую шапку на лоб, и почёсывая затылок, что Жека и то удивился — как будто простой пролетарий въехал в машину уважаемого человека, и не знал, что делать, почёсывая затылок и боясь последствий.

Вся эта игра была для Бекзота. И он купился. Открыл дверь, заорал матерно, подбежал к Кроту, стоявшему у багажника.

— Ты! Чёрт позорный! Ты в натуре знаешь, кто я? Я тебя прямо тут урою, гнида позорная! Ты знаешь, в кого въехал, чертила???? — разошёлся замдиректора шахты Бекзот Гумирович. Однако сзади шёл Жека, и подойдя, заехал хуком в челюху замдиректора. Бекзот мгновенно нокаутировался. Крот открыл багажник девятки, взял Бекзота под мышки, а Жека за ноги, и вдвоём закинули в багажник машины. Тут уже лежала бельевая верёвка, которой стянули руки. Крот накинул старое одеяло сверху тела.

— Ну чё? Погнали? Я тут место одно знаю...

По времени всё заняло две минуты. Оглянувшись, в зеркале Жека увидел, как какой-то парень в дублёнке и джинсах садится за руль Волги, и сначала едет за ними, а потом сворачивает в другую сторону. Крот ехал туда, где можно было спокойно допросить Бекзота. И ехать-то недалеко. Минут пять. Почти тут же, у шахты, на полутехнологической дороге, по которой гоняют и Белазы, и шахтёрские Уралы-вахтовки, был расчищен пятачок для разворота вахтовок и автобусов, привозящих шахтёров на смену. За ним, метрах в двадцати, какие-то кирпичные строения. К ним небольшая тропка в снегу — водилы бегали поспать, если приспичит. По ней и потащили связанного Бекзота, начавшего понемногу приходить в сознание.

Тропка вела к полуразрушенному кирпичному строению, на котором виднелась надпись «Вентиляционный шурф номер 13». Двери давно нет. Внутри воняет ссаниной. Оборудование шурфа давно растащено, и сдано или на металлолом, или применено в личном хозяйстве. Эта часть шахты давно выработана, и должна быть законсервирована. Возможно, по документам это так и было, но на деле нет. Ближе к стене зияло отверстие в бетоне пола размером примерно два на два метра. По этой дыре раньше в шахту нагнетали воздух для вентиляции. Но вентиляторы и фильтры давно демонтированы, а колодец глубиной 50 метров остался, хотя, по идее, должен быть давно взорван и завален. Среди местных ходили страшилки, что и любопытные дети туда падали, и жертвы похищений с изнасилованиями. Но жаловаться на эту дыру жителям частного сектора у шахты, сплошь алкашне и маргинальню, было не с руки, поэтому вот так...

Жека и Крот бросили шевелящегося Бекзота на пол, и слегка привели в чувство увесистыми пинками по рёбрам. Мужчина тут же пришёл в себя.

— А... Что? Где я? Кто вы? — встав на колени недоумённо спросил он, но потом огляделся, увидел Жеку с Кротом, и по их физиономиям понял, что ничего хорошего ему не светит. Но не запаниковал, попробовал поторговаться и узнать, что похитителям надо.

— Кто вы? Что вам надо? — неуверенно спросил он. — Я денег заплачу, сколько

скажете.

— Деньги... Давай! — Жека обыскал Бекзота. В кошельке лежало 800 рублей. В портфеле ничего. Всякий хлам — газеты, журналы. Носить Бекзоту в портфеле ничего не надо было, но он всё равно ходил с ним из-за важности.

— У меня к тебе такой вопрос, дядя, кому ты сдавал, когда и куда директор поедет? — спокойно спросил Жека.

— Никому не сдавал! Я вообще не при делах! — уверил Бекзот.

— А вот врать-то не надо! — укоризненно покачал головой Жека, и достал финку.

Разговор предстоял долгий и трудный...

Глава 35. Полёт Бекзота и гулянка в "Омуле"

Однако изошрённо пытаться и мучить Бекзота не пришлось. Как и любой человек, более-менее наделённый властью, был он слаб и морально и физически. Крот схватил его за ворот дублёнки, поставил на колени, а Жека финкой порезал ладонь и пальцы связанных рук.

— Ааа! Не надо! — начал было выть Бекзот, но Жека поднёс финку к глазу.

— Говори, сука, кому звонил? Кому сливаешь? С кем хотел кооператив по сбыту угля открыть?

— Шамиль! Шамиль Имранович! Не надо! Не трогайте меня!

— Номер, по которому звонил, говори! Адрес! Где живёт?

— 30-59-00! А место жительства — Посёлок Абрикосовый! Там у него дом, прямо при въезде в посёлок, у шоссе! Там кафе ещё кооперативное, прямо к дому примыкает. «У Ашота» называется!

Испуганный замдиректора шахты выложил всё, что знал. Деваться ему некуда, здесь кричи-некричи, никто не услышит, а даже если и услышит, побежит быстрее подальше. Услышав крик о помощи в безлюдном месте, у заброшенной шахты, зимой, в мороз, в потёмках, какой же идиот пойдёт разбираться в какие-то развалины. Бекзот знал это, поэтому перестал выть, а попытался договориться.

— У меня деньги есть! Много! Волгу забирайте! Дома! Отпустите, я вам привезу!

— Деньги, да ещё много... — ухмыльнулся Жека. — А ну говори, сука, где лежат? Или я тебе щас пальцы вообще отрежу.

Бекзот выдал и это, умоляя только не трогать семью. Однако, гарантировать это ему, конечно же, никто не стал.

— Ладно. Всё ясно. Погнали. Время много уже. Этого давай туда, — Жека кивнул головой на мрачно темнеющий шурф.

Тут-то наконец Бекзот понял, какая участь его ожидает. Забился, заколотился в истерике, но Крот с Жекой подтащили его к шурфу, и сбросили вниз. Было слышно как кричащий человек летит вниз, задевая за стены каменного колодца, а через несколько секунд глухо падает на скалу внизу. Жека прислушался — вроде тихо. 50 метров всё-таки не шутка. Да даже если и останется живой, наверняка будет переломан-перековеркан, и зови-не зови, стони-не стони, никто не услышит. Крот бросил следом за человеком портфель Бекзота и его шапку.

— В его хату за бабками не пойдём? — спросил Жека, пробираясь по тропинке к машине. — Он же сказал много там затарено.

— Паливо лишнее, — возразил Крот. — Много денег — понятие растяжимое. Может, у него пара косарей в записке лежит. Ну, пусть десять. Так это в центр ехать надо, палиться опять. Жена, дети опять же дома. Вычислять надо, когда уйдут. Не будешь же их мочить из-за денег. Денег и так вокруг — хоть жопой ешь. Только бери. Куда тебе ещё-то, Соловей?

Жека пожал плечами. С одной стороны никуда, с другой, он хотел заполучить лыжную базу, а там дел невпроворот, так же как и затрат.

— Ладно. Давай до базы, — велел Жека. — Там разберёмся, кто и куда.

Городишко маленький, ночной жизни никакой. Поэтому чуть стемнеет, и народа уже нет на улицах, только мороз, снег, и огни в окнах. Ехали одни по кривым заснеженным улочкам, потом выбрались за город. Здесь уже Крот поехал побыстрее.

— Этот посёлок, про который Бекзот говорил, недалеко от Еловки, — сказал Крот. — Зовут Абрикосовый. Вишь, какое название крутое.

— Чё за посёлок?

— Там коттеджи начали строить. У кого деньги есть. Место серьёзное.

— И чем крутое? — заинтересовался Жека, глядя в окно.

— А тем, что там все шишки строятся сейчас. Кто под дачи, кто для постоянного жилья. И ещё... — Крот помолчал. — Евгений Александрович тоже там строит себе дом. И много кто из авторитетов и людей поднявшихся. Но есть и простые жители. Начальники, рабочие с шахт и заводов, кто денег накопил. Там не слишком дорого обходится. Дом за 20 тысяч построить можно. Двухэтажный. Просторный. С отоплением, с водой будет. Да и есть уже, живёт кое-кто.

— И как они собрались все ужиться там? — удивился Жека. — Друг друга будут мочить. Чья поляна это?

— Поляна ничья. Официально местный совхоз хозяин земли. А строит якобы кооператив от совхоза. Но это конечно, всё для отвода глаз. Лажа. Строит каждый сам. Достаточно взнос в кооператив внести пятак косарей, и стройся. Проведут тебе коммуникации, электричество. Председатель кооператива — секретарь горсовета КПСС товарищ Слонов. Естественно, через свояков-родню. Ему и платят.

— Откуда ты знаешь-то?

— Так Евгений Александрович не скрывал это ни от кого. Он почти построил там дом. Скоро сваливать будет с вашего района.

— А... Свету? — стараясь, чтоб голос не дрогнул, спросил Жека.

— А вот этого я не знаю, — усмехнулся Крот. — Ну сам подумай — ей учиться ещё полтора года. Потом в институте ещё пять. Куда она из города? Наверное, у тётки будет жить. Или в городской хате оставит. Родители скоро освободятся. Это же их квартира. Не знаю, Жека... Ничего не могу сказать. Она взрослая. Почти. Ей самой жить надо.

— Да уж... — протянул Жека. — Её 15 так-то. С половиной...

— Одно тебе сказать могу, как мужик мужику, — голос Крота стал серьёзным как никогда. — Бери да живи с ней. Чё вы как дети малые. Только это надо, чтоб и она захотела.

Немного помолчали, потом Крот продолжил.

— А Шамиль я знаю где там живёт. Там забегаловка есть на въезде, как Бекзот и говорил. Кооперативное кафе «У Ашота» прямо на перекрёстке стоит. А рядом с ним большой дом. Весь участок оградой обнесён. В кафе парковка своя, за оградой. Гостиница небольшая, или мотель, как там по новому. Переночевать можно, поесть, если по трассе едешь куда. По субботам-воскресеньям для свадеб молодожёны кафе отнимают.

— Короче, народу там много трётся.

— Это так кажется. Дом Шамиля в двух шагах от кафе. Завтра суббота, и стопудово, что он будет играть в карты в «Гудке». Часов до 2 ночи обычно играют. Иногда раньше. Можно или в кафе зависнуть, или рядом перехватить.

— А ты за что? Как бы ты сделал? — поинтересовался Жека.

— Я за то, чтоб на дороге, рядом с кафе. Расстрелять машину и всё. Но он всегда на двух девятках ездит. В первой сам, во второй охрана. Я когда Евгения Александровича провожал, всё видел сам. Однако...

Крот помолчал, держась за руль. Молчал и Жека. Куда торопиться-то...

— Оружие не такое надо. Пистолетами против двух машин ничего не сделать, чтоб

верняк был. Выскочат, ти врассыпную по лесу, или грохнут, или дело затянется, помощь может подскочить, милиция приехать. Автоматы надо. По быстрому расстреляли рожок, воткнули другой, и контрольными...

— И где его взять-то? На дороге найти?

— Нет, — спокойно сказал Крот. — У меня есть. Я вам дам. На время.

Жека замолчал и задумался. Как-то складно всё получалось. Уж не хотят ли их как дурачков, использовать втёмную, чтоб грохнуть Шамиля? Тот же Сахар например. Надо с пацанами перетереть. Ясно, что Крот выполнял у Сахара именно такую работу — мочилово.

— Сомневаешься? — ухмыльнулся Крот.

— Я не пойму, какого хрена ты нам помогаешь, — признался Жека. — Какие дела у вас с Сахаром? Что он хочет от нас?

— Что хочет Роман Александрович, я не знаю, — пожал плечами Крот. — Откуда мне знать. Я лишь работаю на него. Мне он дал задание помогать вам. ВО ВСЁМ. Я — профессионал, и помогаю как могу. В ваши дела не лезу. Лишь говорю, как их лучше проверить. Сечёшь, Жека? Скажешь мне, что да — расходимся с Шамилем мирно, и окей. Так тому и быть. Езжайте к нему в чайхану на базар, чай пейте, за жизнь трите. Моё дело маленькое. Скажу тебе больше. Для Романа Александровича эта поляна слишком мелкая стала. Не зря он с дочкой директора завода замутил. Чуешь, чем дело пахнет? И вообще, что может быть?

— И что? — спросил Жека, хотя и так примерно представлял себе. Всё то же самое, как у них получилось со зданием подросткового клуба и ЖЭКа. Авторитеты собирались прибирать к рукам заводы, шахты, министерства. Они выросли из мелкого рэкета, и собирались играть в более высокой лиге.

— Увидишь, — опять усмехнулся Крот. — Куда тебе?

— Вези в кооператив.

— Со своими тереть будете? Правильно. Но помни — завтра нормально было бы. Тачка левая будет, непалевная. Та белая «Волга» Бекзота. Два автомата с двумя запасными рожками. Валить вы будете, а я покурю, посмотрю, чего вы стоите.

Приехали, уже темно было, почти 7 часов вечера. Крот высадил Жеку у кооператива, и уехал. Жека оставил оружие в подвале, и вошёл. Внутри, на первом этаже немногочисленно. Двое пацанов метелят друг друга. Один, в камуфляже, дежурит у входа. Поздоровался за руку. Жека поднялся на второй этаж, а там всё та же компашка. Славян, Сахариха, Пуща. Магнитофон играет «Крестину». Прикольная такая группёшка появилась. «Снег на розах, снег на розах, неожиданный для всех...»

Сахариха, в болгарской дублёночке. Длинный белый шарф чуть не до пола. Мороз, одела джинсы-пирамиды. Зимние сапожки. Даже в таком сибирском облике была она притягательна и соблазнительна. Увидев Жеку встала, крутнулась несколько раз и бросилась навстречу.

— Жеенькаааа!

Прыгнула, шальная, в объятия, чуть не повалила, обхватила руками, прижалась. Понятно, что придушивается, как всегда. Жека поцеловал волосы, но потом Сахариха подняла румяную рожицу, и вытянула губки, закрыв глаза. Тогда уже поцеловал в губы.

— Как ты долгооо! Мы тебя ждееём!

— А чё такое? — Жека налил себе чаю. — Поздно уже.

— Пфф... Семь часов! Слава сказал, что мы пойдём в ресторан!

Жека посмотрел на Славяна, а тот лишь развёл руками. Пришлось мол, братан, иначе не отбрехаться было.

— Ну, в рестик так в рестик, — согласился Жека. — Но... Надо же как-то переодеться, что ли...

— И так сойдёт! — пренебрежительно махнула рукой Сахариха. — Вот ещё по дубаку такому не таскаться бы в нарядном. Я что, дура что ли?

Сахариха всегда думала только о себе. Что думают другие на этот счёт, её не интересовало.

— Ладно. Куда едем? В «Гудок»?

— Не! — замотала головой Сахариха. — Там пенсионеры одни. Поехали в «Омуль». Потанцуем там, поугарем...

— Поехали, — обречённо согласился Жека. С Сахарихой то да, поугарешь...

Вызвонили таксон к кооперативу, выгнали всех младших пацанов на мороз, по домам, Славян закрыл дверь, и потом уже подъехала «Волга». До «Омуля» добрались быстро, куда тут ехать-то... Перед входом горят шаровые фонари на железных столбах, крашенных серебрянкой. За стеклянной дверью швейцар, придирчиво смотрящий через стекло наружу. Привычная табличка «Мест нет». Однако когда завалила дружная компания, даже не стал препятствовать — по виду понятно, что пришли люди с деньгами, и уважаемые. Жека проходя, сунул швейцару полтинник. Тот от счастья чуть не упал.

— Проходите, уважаемые товарищи, вот там гардероб. Здесь руки можно помыть.

На втором этаже полумрак. Знакомые шары на столах. Сказали метрдотелю, чтоб организовал местечко в углу, на что Сахариха угрюмо возразила, что она не мышь, чтоб виснуть в темноте. Пусть ей лучшее место дают! В центре! А желательно у сцены. Специально к походу в ресторан она не готовилась. Было видно, что решение принято с понталыку. В джинсах-пирамидах, плотном турецком свитере, сапожках, и с кое-как расчёсанными волосами, конечно вид у неё был как у обычной девушки, но Сахарихе настолько было пофиг на мнение окружающих, что она даже не задумывалась об этом. Да и вся компания, одета не так, как положено для фешенебельного местечка, где коротают скучные вечера городские элитарии, готовящиеся к походу в ресторан, на встречу с себе подобными, чуть ли не за сутки. А тут беспринципная молодёжь приходит, и самый козырный и дорогой столик оккупирует. Есть за что фыркать.

— Чё заказывать будем? — Жека полистал меню, и понял, что не особо и есть-то охота.

— Давай я за тебя выберу! Ты мужик, и должен есть хорошо! — Сахариха забрала меню и наказывала всякой дряни, по своему вкусу. Омлет с грибами, телячью отбивную, жульен с курицей и шампиньонами. Бутылку белого вина.

Славян с Пущей заказали харчо и зразы с гарниром. И водочки, само собой. Пуща крепким не брезговала. Жека поглядел на ароматный дымящийся харчо, и подумал, что вот хорошо бы такой супчик, но сам виноват, не стал меню читать. Да и пофиг в конце-то концов...

Сахариха с аппетитом ела и пила. За столом она себя вести умела. Знала, в отличие от Жеки, какой рукой держать нож, а какой вилку, да и в целом ориентировалась в столовых приборах. Жека тоже знал. По курсу «Предприятия общественного питания». Но если ему приходилось что-то вспоминать, лезть в память, то Сахарихе, привыкшей с братом накоротке забегать в такие кабаки на завтрак, обед, и ужин, это казалось совершенно естественным. Немного захмелев, она захотела потанцевать.

Ресторанная группа «Воробей» была довольно известна в городе. Постоянно были статьи в местной газете, что ничем не хуже они московских групп, играют и каверы, и свои песни в стиле диско и поп. Но на работе они всегда лабали нечто блюзовое, располагающее к медленным танцам в полумраке. Вот и сейчас у сцены под медленную мелодию с солирующим саксофоном, положив головы на плечи друг другу, умирали несколько возрастных пар.

Сахариха вверглась в этот уютный мирок интима совершенно нагло и беспардонно, сунув сотню лабухам, и приказав им играть то, что нравится ей. А нравилась ей как раз диско-группа «Кристина», только-только начавшая раскручиваться. Музыканты были профессионалами, и могли изобразить, что угодно. Блюз стих. Зажёгся свет.

— А сейчас для нашей дорогой гостьи Светланы Александровны Сахаровой исполняется песня «Снег на розах», — объявил один из музыкантов, длинноволосый парень в джинсовке.

Конечно, музыкантам, хотелось играть модную музыку, испытать себя в драйве, ритме и кураже. Сначала негромко, потом всё громче и громче затеребенькала бас гитара, отбивая простой четверной диско-ритм. Тут же включился ударник, попав в ритм. Разогналась соло гитара в руках длинноволосого, и наконец-то вступили клавишник и саксофонист, заиграв основной мотив.

Это был вечер Сахарихи! Как она танцевала! В гордом одиночестве, ведь пацанам, так же как и Пуще, как-то неловко было включаться в веселье. Но потом Пуща выдохнула, замахнула стопарь, хлопнула розовыми ладошками по джинсе, и побежала спасать лучшую подругу. И теперь уже две оторвы танцевали прямо перед группой. То выставляя ножки в красивых позах, то ручками топорща волосы, а потом откидывая их назад, и поднимая ручки вверх. Замигала цветомузыка на потолке зала, а потом несколько разноцветных прожекторов загорелись, и сосредоточились на девчонках.

— Ай, да ну нафиг! — Славян жажнул ещё один стопарь, и тоже присоединился к ним. Танцевал он, на удивление, неплохо, двигаясь в такт музыке. Все движения словно у профессионального танцора где-нибудь на телевидении. Уже и другие начали присоединиться, в первую очередь из городской богемы. Сначала вышел невысокий парень в вельветовом пиджаке, джинсах, и чёрном свитере, потом его мажористая девушка в мини-юбочке и гетрах, потом ещё кто-то. Жеке сидеть стало совсем уж стрёмно, и он тоже хлебнул для храбрости, и неспеша отправился к танцующим.

А танцевать-то и не умеет! У родителей праздников никогда не отмечали. На дискотеки ходить денег не было. Да и дрались там часто, район на район, а Жека ещё совсем недавно чтоб драться — да что ты... Разве что в пионерском лагере, куда ездил совсем зелёным, в клубе по субботам были дискотеки с живой музыкой. Приезжала какая-то группа из студентов. Жека до сих пор помнил как пели «белая медведица, где твой медведь» и «кучкудук, три колодца».

Вот и сейчас встал напротив веселящейся оторвы Сахарихи, и неловко переминался с ноги на ногу, согнув руки в локтях перед собой, и сжав кулаки. Даже сейчас неловко как-то... Жека смотрел на Светкино лицо, а в нём было столько искреннего счастья, столько радости, что казалось, ещё немного, и она засветится как прожектор.

— Жеееенькааа! Ну что тыыы! — протянула она, и взяла Жеку за руки, красиво завивая бёдрами, показывая как держать ритм. Потом отпустила, и снова закружилась в танце.

— Как у вас тут весело! — раздался музыкальный женский голос.

Жека оглянулся — сзади, слегка пританцовывая с фужером шампанского в руке, стояла сахаровская невеста Элеонора.

Глава 36. Кавардак в ресторане

Элеонора выглядела дорого и породисто. Высокая. Ростом с Жеку, а это 183. Стройная, но при этом в меру спортивная. Когда нет ни грамма лишнего веса, но при этом и кости не торчат. Аэробикой занимается? Бальными танцами? Всё тело женское и красивое, без примеси мальчишества, характерного для высоких женщин. Тонкое продолговатое лицо с прямым носом, красивым разлётом глаз и бровей, чуть подкрашенные губы правильной формы и размера. Длинные белокурые волосы падают на плечи просто и элегантно. Одета в короткое шерстяное платье с полосатым рисунком, белое с чёрным, длинные изящные ноги в чёрных шерстяных лосинах. Тонкие изящные лодыжки торчат из импортных ботиночек на каблук, чуть удлинённый носок которых говорит о 37 размере и ступнях идеальной формы. Элеонора слегка танцевала, держа в длинных тонких пальцах фужер с пригубленным шампанским.

Женщина смотрела на него, улыбаясь, и чуть наклоня голову, а он и не знал, что ответить. Что сказать такой красавице?

— Да... Немного весело. Потанцевать вот решили.

— Я решила! — Сахариха вплотную подобралась к Элеоноре, и танцевала прямо перед ней. Была она на голову ниже невесты брата, но при этом смотрелась абсолютно гармонично. Рост только поменьше, а пропорциональность точно та же.

— Ты решила, а друзья подхватили? Мило, — улыбнулась Элеонора, продолжая так же слегка покачиваться, прихлёбывая из фужера. — А можно мне с вами?

— Давай! — милостиво разрешила Сахариха. Взяла у Элеоноры бокал, и отхлебнула шампанского. А Сахариха-то, похоже, нормально относится к невесте брата...

Вот уж Жека ни за что бы не подумал, что такая знающая себе цену кукла будет так отплясывать. Однако Элеонора ускорила темп, и стала танцевать энергичнее, показывая всю красоту своего модельного тела. Грудь натягивали платье, и просились на свободу. Ох, какая она зажигательная, тридцатилеточка! Жека почувствовал тяжесть в одном месте, засмутился, оглянулся, ища глазами Сахару. С кем же она ещё-то притащилась сюда? Однако с изумлением увидел за соседним столиком пожилого мужика в костюме и галстук бабочке, лицом как две капли воды похожего на неё. Элеонора пришла в ресторан с отцом! С директором крупного металлургического комбината. И он сейчас смотрел и лыбился, наблюдая, как веселится дочь. Увидев, что на него смотрит Жека, мужик помахал рукой и жестом подозвал Жеку к себе. Чё ему надо-то?

Мужик подозвал Жеку к себе, и показал на стул. Налил коньяка в первую попавшуюся свободную рюмку, и протянул Жеке.

— Эля сказала, вы деловой партнёр её жениха, вот решил с вами познакомиться, молодой человек. Меня звать Юрий Алексеевич.

— Евгений. Кооператор, — представился Жека, и замахнул коньяк.

— Она сразу заметила, когда ваша компания устроила здесь кавардак, — засмеялся мужик. Был он уже на взводе, а сейчас ему конкретно захорошело. — У нас с давних пор обычай с дочерью, ходить по пятницам в «Омуль». Вот. Решили не изменять ему в очередной раз.

— А мы просто пошли, — не стал лукавить Жека. — Подружка захотела, не отвяжешься. Пришлось. Ладно, расслабиться-то можно. А то постоянно всё в работе да е

работе.

— А вы, Евгений, простите, в какой сфере деятельности трудитесь?

— Охрана. Я в правлении охранного кооператива «Удар». Точнее, основатель, можно сказать и так, — похвалился Жека. — А это мои друзья.

— А эта прекрасная блондинка с вами, это как я полагаю, сестра Романа Александровича?

— Да. Мы давние друзья со Светкой. То есть Светланой, — неловко поправился Жека.

— А я знаю, представьте себе! Я же был на её юбилее полгода назад. Тогда тоже всё вышло так спонтанно, и по молодому... вы уж извините меня, поговорить захотелось старику! — хмельно засмеялся мужик. — Ладно... Не буду вам мешать! Идите к друзьям!

Жека пожал мужику на прощание руку, и опять присоединился к дискотеке. А там Сахариха совсем уже разошлась. Сняла с себя свитер, и размахивала им, попадая то в одного, то в другого ближайшего танцора. Пуца встревоженно посмотрела на Жеку, и постучала по запястью, показывая, что надо бы и прекращать кураж. Жека подошёл к веселящейся Сахарихе, и хотел уже сказать, что пора бы и честь знать. Опасался что начнёт придуриваться, и закатит скандал, но Светка пожалала плечами, прицепила свитер на пояс, и пошла к столику. Упругие груди без лифчика свободно бултыхались под майкой.

— Ну чё? Когда домой? Надоело уже! — совершенно трезво и спокойно спросила Сахариха. И этот переход от абсолютного веселья до абсолютного спокойствия, и даже раздражительности был крайне характерен для неё.

Быстро допили и доели, что взяли, заплатили с чаем сто двадцать рублей, и пошли одеваться, на первый этаж. Выйдя на улицу, вдохнули морозного воздуха, посмотрели на звёзды, на огни в окнах, и не спеша почапали домой. Решили прогуляться пешком. Девчонки о чём-то шептались, и шли впереди, взяв друг друга под руки, Славян с Жекой чуть отстали. Им было о чём побазарить.

— Ну чё, как прошло всё? — тихо спросил Славян.

— Нормально. Успокоили.

— Узнали чё?

— Шамиль. Стопудово. Он заказывал. Всё на нём сходится. И с шахтой Загорной он мутил.

— Чё делать будем?

— Мочить. Как и хотели, — пожал плечами Жека. — Правда есть одни мелочи. Мы тут с Кротом побазарили, и я чё-то поверил.

Жека обсказал всё, что сообщил ему водила. Об оружии, «Волге», и посёлке для крутых у «Еловки». Славян покачал головой и вздохнул, не зная что сказать.

— Большое это дело, Жека. Валить таких людей не просто.

— Семерых уже грохнули, — возразил Жека. — Иначе никак, братан. Они знают, где мы виснем. Проследят, узнают где предки, где родня. Подкупят кого надо и где надо. Везде найдётся такая крыса как Бекзот. И чё нам? Всю жизнь теперь ходить, по сторонам оглядываться?

— Да прав ты, кто спорит-то... — согласился Славян. — Но всё равно... ссыкотно.

— А мне? И мне ссыкотно брат. Только дурак под пули без страха пойдёт.

— Ладно. Надо так надо. Чё, завтра значит?

— Завтра.

— Вдвоём, или Митяя возьмём? Он хоть стрелять-то умеет?

— С ним. Он завтра с суток будет. Поспит, и на вечер поедем. На НВП ходил? В тире стрелял? Значит сможет.

Так понемногу препираясь и слегка покуривая, почти добрались до речки, напрямую, через строящиеся районы и пустыри. Осталось только дорогу перейти, и вот он, родной микрорайон. Девки впереди шли, и хотели уже переходить, как увидели машину. Зелёный «Москвич» 2141 летел по дороге, но рядом с девонками, стал тормозить. Жека со Славяном чуть отстали, метрах в 20 позади шли, и сразу же насторожились. Из машины, приоткрыв пассажирскую дверь, выглянула здоровенная рожа в спортивной шапке, натянутой до глаз и кожанке, из-под которой торчала олимпийка.

— Опа!!! Какие тёлки! Сколько за раз берёте, соски?

— Оставьте пожалуйста, нас в покое, — вежливо обратилась Пуща. — Мы домой идём. Пропустите.

— А ещё чё? — пьяно расхохотался мужик. — Ребята! Хватайте их, и в тачку тащите!

Мрачная надувшаяся Сахариха прослушала, что говорит мужик, а потом с лёту как врезала ему прямо в рожу сапогом. И попала-то смачно. Прямо в нос, который сразу закровил. Однако хоть мужик и откинулся на сиденье, сзади вывалились ещё двое. Водитель тоже открыл дверь.

— Вы чё, шалавы, офигели?

— Эй, вы, садитесь в своё тачло, и валите отсюда, — медленно сказал подошедший Жека.

Любой другой здравомыслящий человек, тот час смотался бы, увидев парней, явно не боящихся ничего. Но мужики вдарили где-то, и захотелось вот бабской ласки. Но как же не повезло им наткнуться на Жеку со Славяном! Лёгкий угарный вечер перерос в мордобой.

— А ты кто такой? — к нему подходил здоровяк в дублёнке, и даже размахнулся, но пока он пытался что-то изобразить, как Жека подсечкой завалил его чуть не под машину, ничком прямо в снег, тут же хлястнув кроссовком по роже. Мужик заорал, выплёвывая передние зубы с потоками крови. Славян долбанул ногой по пассажирской двери, ещё раз заехав по жирной роже того, кто первым начал наезд. Дверь со всего маху ударила по носу, уже подбитому башмаком Сахарихи. И это наверно было очень больно, потому что мужик заорал, и согнулся, почти уткнувшись рожей в колени.

Славян на заднице перекатился через капот, и сразу атаковал водилу. Тот пытался пнуть, но стоял он на обледенелой дороге, не удержался на ногах, поскользнулся, свалился на капот, и тут Славян достал его прямым в ухо. А Жека в это время пинал ещё одного, вылезшего с пассажирского сиденья. Мужики были конечно, пьяненькие, и одолеть их особого труда не составило.

— Ты кто такой, чертило? — Жека поднял за шкварник валяющегося на проезжей части. — Как погоняло? С какого района?

— Мы не отсюда. С Фабричного. Я Колян, а это Саня. А там Диман и Лёха.

Вот так. Эти фраера ещё и приехали тёлок снимать в чужой район, чтоб не палиться в своём.

— А чё вы такие наезжие? — спросил Славян. — Машину забрать или на штраф пойдёте?

— Кто по жизни? Как погоняло? — опять спросил Жека. — Чё ты сука, Саню, Коляна поминаешь? Ты кто? Чучело? Чё тут грабли распускаешь?

— Короче так. Триста колов штрафа, или мы тачку забираем, а вас в расход, —

терпеливо сказал Славян. — Давайте собирайте. А то вот этот щас пришьёт вас.

Мужики, уже полностью протрезвевшие, лихорадочно считали деньги, передавая купюры друг другу, потом отдали Славяну. Тот не глядя сунул их в карман куртки.

— Ввот.

— Валите отсюда. Если увижу ещё раз тут, убью, — негромко предупредил Жека.

Лохи по быстрому попрыгали в Москвич, и с пробуксовкой ломанулись прочь. Были это простые рабочие или шахтёры с Фабричного, да ещё и бухие вдобавок.

— Ну чё, пойдём дальше? — рассмеялся Жека. — Светка! Нормально ты заехала ему! Карате что-ли училась?

Сахариха, сияя довольной улыбкой, опять взяла Пущу под локоть, и неспешно пошла вперёд, так и не ответив ничего. Для спорта она конечно, была хиленькой и тонкой, но пару ударов могла тренировать. На районе разошлись, Славян с Пущей в одну сторону, Жека с Сахарихой остановились у её подъезда.

— Ну ладно, я пойду Жень. Холодно, — промурлыкала она, зябко пожимая плечи. — Спасибо.

— За что? — удивился Жека.

— За всё. За прекрасный вечер. И за то, что ты есть, — Сахариха привстала, и коснулась холодными губами его губ, но тут же оттолкнулась, и вприпрыжку побежала домой.

— На морозе целоваться нельзя! — крикнула она на прощание, и засмеялась.

В субботу Жека с утра упорно занимался тем, что задали на дом. Практически не выходил из комнаты, только поесть бегал, да покурить на улицу пару-тройку раз. Чем ближе к вечеру, тем больше волновался. Но всё-таки пересилил себя, добил всё, что планировал.

— Поздно придёшь? — спросила мать, глядя, как Жека одевается. — Доходишь на свою шею...

— Я ж работаю! — недовольно возразил Жека. — Значит надо идти. Деньги просто так не приходят.

Мать махнула рукой и пошла стираться. Для родителей, конечно лучше было бы, если б он работал на заводе. Вот это хорошо! Это по нашенски, по семейному! Хоть хрен без соли доедай, зато при деле, в мазуте, в холоде и голоде!

В кооператив пошёл часам к 8 вечера. Крота ещё не было. В подвале сразу взял оружие. На втором этаже сидели как всегда, Славян с Митяем. Поздоровался со всеми.

— Наливай чай, братан!

— Чё, Крот не звонил?

— Сказал, занят пока, но скоро приедет, — покуривая Мальборо, сказал Славян, а потом признался, вздохнув. — Не нравится мне это, Жека... Всё как-то по стрёмному. Чую, как будто идём на поводу у кого-то, прогнулись.

— Аналогично. Но ничё, утрясётся всё...

Пока пили чай, слушали музыку, курили, подъехал Крот.

— О, что так невесело, ребятки? — усмехнулся он, заходя и тоже наливая чай. — Всё нормально будет. Не впервой. Не ссыте.

— Ты сразу на «Волге» приехал? — спросил Жека.

— Ага, я ж идиот. Что б паливную машину сюда к вам пригнать. Нет, Жека. Волга в надёжном месте стоит, в снятом гараже. Оттуда поедем.

— Во сколько?

— Через час. Нам торопиться некуда. Я к рынку ездил. Проследил немного. Шамили

поехал в «Гудок» в карты играть. Так что всё пока по плану идёт.

— А он не может свалить куда? — недоверчиво спросил Славян. — Вдруг к шлюхам решит поехать, или в другой кабак?

— У него дома всё есть. Чё он шариться будет.

— Что есть? — не понял Жека.

— Бабы есть, — спокойно ответил Крот. — У него при кафешке бордель ещё для своих. А может, и сам их окучивает.

Пока слушали музыку, да болтали ни о чём, час пролетел быстро.

— Поехали. Пора, — наконец встал Крот.

Митяй сунул пистолет в карман куртки. По его виду нельзя было сказать, волнуется он или нет.

— Стрелял хоть? — спросил Жека.

— Стрелял. Всё нормально, — спокойно ответил Митяй, положив Макаров в кобуру, и застёгивая куртку.

Сели в девятку, Жека спереди, выехали по дворовым проездам речки на объездную, и погнались куда-то в сторону гаражей в промзоне центрального района. В основном гаражном кооперативе, за оградой, были гаражи капитальные, а рядом уже начали ставить, и поставили целый ряд железных. Со сторожки их не видно, и здесь-то Крот и хранил Волгу Бекзота.

Подъехал к одному из гаражей, и поставил девятку так, чтобы фары освещали ворота.

— Сидите пока тут, — бросил он, и пошёл открывать гараж. — Пока заведу, пока мотор прогрею.

Открыл, завёл Волгу — из трубы повалил густой белый дым. Минут через пять выехал, поставил рядом с девятиной, и дал знак, чтоб подходили. Пацаны встали покурить, пока Крот загонял девятку и закрывал гараж.

— Это Сахаровский? — спросил Жека, когда Крот присоединился к курительной компании.

— Нет. Это чей надо гараж, — не стал вдаваться в подробности Крот. — Роман Александрович сейчас машину на автобазе одной хранит, прямо в боксе. Там с неё пылинки сдувают. Если надо ехать куда-то — звонит, и машину подают, уже прогретую. А так всегда в тепле стоит, в любой момент позвонил, и приедет. Прямо как я к вам. Садитесь.

Крот засмеялся и показал на машину.

— Автоматы сзади. В мешке. Кто лучше стреляет, садись спереди. Шамиль на двух машинах поедет. В чёрной девятке спереди он, а в красной тачке охрана, сзади. Но может и наоборот поехать, или сесть в другую машину, просто, для надёжности. План такой. Я буду стоять мордой к ним. На этой же стороне дороги. Якобы сломался. С переднего сиденья выскакивай, сразу вали тех, кто в первой машине. Геройствовать не надо. Стреляйте сразу в стёкла. Сначала один рожок, потом поменяйте и другой ставьте — добивать. Те, кто сзади сидят, выпрыгивайте сразу и валите тех, кто на второй машине. Не давайте им развернуться, и уехать. Они постараются сразу свалить. Даже не будут пытаться огрызнуться.

— А если?... — пытался спросить Митяй, но его Крот перебил.

— Никаких если! Стреляйте сразу! Как можно больше! Пока патроны есть! Давите их! Не давайте головы поднять. Всё! Поехали!

Жека стрелял лучше всех, бесспорно — не зря днями руку в тире набивал. Поэтому сел спереди, как и советовал Крот. Перед тем, как забраться в просторную Волгу вытащили из

мешка АКМы. Коротенькие, без приклада. Один взял Жека, второй Славян. Запасной рожок сунул во внутренний карман кожанки. Торчит наполовину, лишь бы не выпал...

А как в «Волге»-то просторно! «Волга» ГАЗ 24 считалась символом богатства и благополучия советского человека. Купить эту машину простому человеку было совершенно невозможно — и цена высокая, и очередь на годы, которые могли растягиваться до бесконечности, потому что покупали эти машины лишь люди денежные и уважаемые. Сплошь начальство, горисполкомовцы, и партийцы. Да и то, в основном, белого, серого, жёлтого и других цветов, кроме чёрного. На чёрных ездила исключительно высшая городская и областная номенклатура. Даже Бекзот, несмотря на денежную и уважаемую должность заместителя директора крупной шахты, мог позволить себе только белую «Волгу».

Однако Крот без малейшего почтения рулил престижной тачкой.

— Корыто пенсионерское, — ворчал он. — Я уже привык на переднем приводе, а здесь жопу постоянно таскает по гололёду. Едешь как на санях.

Однако худо ли, хорошо ли, но ехали. Мимо заводов, частого сектора, дымящего печками... Ехали прочь из города. Мочить Шамиля, кооператора и авторитета, перешедшего дорогу молодой банде.

Глава 37. Убийство Шамиля

В этой краянке Жека ещё не бывал. Проходила здесь дорога всесоюзного значения. Прямоком на Алтай. Через снег, горы и тайгу. Дорога слыла опасной из-за крутых подъёмов и спусков, резких поворотов и ограниченной видимости. На всём протяжении минимум населённых пунктов, да и до тех ещё дотилипать надо. По обочинам где сосновые боры, а где и мрачно высится черновая тайга 20 метровыми ёлками и лиственницами. Как назло, началась непогода. Задул ветер и началась метель — не видно ни зги. «Волга», светя фарами, пробиралась через пургу, метущую поперёк дороги. Кто в такую погоду куда поедет? Хозяин собаку из дому не выгонит. Однако ж ехали вот...

Поднялись на гору, и впереди показались тусклые огни.

— Приехали! — показал Крот. — Тут и начинается посёлок Абрикосовый. А там — кафе «У Ашота». Здесь, на своротке и встанем. Они по любому скорость сбросят, чтоб повернуть. И отсюда видно трассу более менее. Сейчас я ещё дорогу перегорожу.

Крот осторожно заелозил по дороге, открыв дверь. Развернулся в несколько приёмов и встал, чуть-чуть съехав с асфальта. Но так, чтобы можно было тронуться в лёгкую. Включил аварийку. Машин в это время мало. Никто не поехал не межгород в такую погоду. Дорога пуста и темна. Через некоторое время пурга стихла, видимость стала лучше.

Ближе к полуночи вдалеке, в начале подъёма, показались фары двух автомобилей. Ехали они не быстро — вверх, в гору, да ещё и дорогу занесло.

— Они! Готовьтесь! — скомандовал Крот. — Несколько раз долбаните по радиаторам на всякий пожарный — далеко не уедут.

Жека со Славяном сняли автоматы с предохранителей, передёрнули затворы, досылая патрон в патронник. Боевое оружие грозно смотрелось в руках пацанов. Огни приблизились. Крот замигал фарами, дальним светом, словно прося помощи. Стало видно, что впереди чёрная девятка, сзади красная. Сейчас это стало очевидно. Приблизившись почти вплотную, на девятках непрерывно засигналили, требуя дорогу. Что было бы, если здесь действительно застрял горе-водитель? Вполне возможно, не нашли бы больше ни его, ни машину. Однако сейчас было совсем не так.

— Давайте! Пошли! — скомандовал Крот, и уже на полную включил дальний свет, ослепляя первую машину. В ветровом стекле хорошо стали видны лица горцев.

Жека открыл дверь, вывалился наружу, встал на колени, и через лобовое стекло расстрелял передних. Стекло осыпалось. В это время Славян выбежал на дорогу, справа от машины, и открыл огонь по второй машине. У обоих рассыпались стёкла. Повалил дым из пробитых радиаторов. Слева, по бёдра в снегу, стоял Митяй и лупил из Макарова по второй машине. Она сначала сделала попытку развернуться, как тут же заглохла.

Жека, чуя, что в первой уже никого из живых нет, несколько раз выстрелил во вторую.

— Тихо! Тихо! Пацаны! Всё вроде! — крикнул из Волги Крот. — Проверьте там. Осторожно только!

Жека свистнул Славяну, чтоб шёл к первой машине, а сам, пригнувшись, подбежал ко второй. Почти ползком добрался до неё, рывком отворил заднюю дверь. И тут же вывалился мёртвый бандит. Там сидело четверо. Все мертвы, кажется. Но среди них нет Шамиля!

Вдруг сзади опять стали стрелять. Славян несколько раз шмальнул по чёрной девятке.

— Всё! Шас точно всё! Чё у тебя, Жек?

— Нормально! Все откинулись! Лежат! В кроватке! Посмотри, Шамиль там?

— Тут! Сзади сидит! Ты его сразу угандошил!

Жека подошёл к расстрелянной машине, заглянул, для верности выстрелил ещё раз Шамилю в лоб, и махнул рукой сворачиваться.

— Всё! Всё! Погнались!

Пацаны запрыгнули в «Волгу», Крот дал по газам, и машина заехала по снегу, но всё-таки выкарабкалась, где более-менее нормальная дорога. Всё... Управились.

— Ну что? — ухмыльнулся Крот. — Вот и всё. Говорил же — было бы оружие, а грохнуть не проблема. Чё бы вы с пистолетами там делали? Пришибли бы вас и всё. Они бы в лес разбежались один за одним, а потом ищи — свищи их...

— Чё, куда автоматы-то? — спросил Славян, тщательно вытирая оружие. Жека тоже, глядя на него, вытер. Фиг его занет, к кому оно потом попадёт... Может, прямиком на стол к криминалисту...

— Кладите в мешок, — небрежно сказал Крот. — Вместе с машиной уедет на юга.

— Себе не оставишь? — удивлённо спросил Митяй. — Это ж вещь!

— Оставишь, а потом милиция найдёт, отстреляет первым делом, и что? — засмеялся Крот. — И повесят ещё и это. Зачем повод давать к себе прикопаться? Надо будет — ещё достанем! Не ссыте! Самое главное, чтоб гаишники на посту шас не тормознули!

— Чтооо? — чуть не присели пацаны.

— Так через пост же ехать. Сюда-то мы ехали, метель была, им лень было выходить. А сейчас могут и выйти.

— Да брось! Время-то! — недоверчиво сказал Жека. — Дрыхнут поди!

— Тут сказать невозможно! Мы одни едем. Одну машину чего бы и не тормознуть. Не вереница же... — пожал плечами Крот. — Летом они всю ночь пасут — дальнобоев тормозят, трясут их.

— А чё, дальнобой по ночам ездят?

— По разному. Они по плечам ездят. Знают, где можно ночью, в где и днём. Обычно ночью едут, останавливаются под утро на стояке чуть передохнуть, дух перевести. Утром опять в дорогу. Вечером опять привал. В полночь выезжают, и опять почти до утра. Но вообще, по всякому получается, конечно...

Однако на дороге опять началась метель, видимость упала, и пост ГАИ миновали благополучно. Там даже света не было. Впереди сквозь мглу замаячили огни городского освещения. Крот повернул направо, и той же дорогой доехал до гаража, открыл его, прогрел двигатель на девятке, и дал знак садиться в неё.

— Вас куда? — спросил он когда загнал Волжанку и запер гараж. — По домам?

— Вези в кооператив сначала. Стволы там сбросим, — махнул рукой Жека, глядя в окно. Чё вот делать сейчас? Время 2 часа ночи. Домой идти — спят уже все.

Ехали по ночному городу быстро. И вдруг... Да что ж ты... Проезжали мимо горсовета, а там на площади... Ёлка! Огромная! Вся огнями переливается! Пля!!! Забыли совсем! Новый год же на носу! 1991! Эх... Всё бились, колотились за работу... А сейчас главный праздник на носу, но забыли как-то!

И похоже что, одинаковые чувства напали сразу на всю троицу. Тёплые воспоминания... Утренник в детском саду, когда мальчики-зайчики или гномики, а девочки снежинки. Приходит дед Мороз, хочет зажечь ёлку, но она не горит, пока двадцать детских голосов не скажут громко, хором: «Раз, два, три. Ёлочка. Гори!»! А дед Мороз обязательно

сдуркует. Приложит ладонь к уху и скажет:

— Не слышу! Тихо говорите! А ну-ка, кричите громче, а то ща свалю!

Потом дети крикнут изо всех сил, и большая лесная ёлка в игрушках и мишуре тут же загорается огнями. А потом дед Мороз (он же настоящий!) просит тебя рассказать стишок, и ты, давя слова и картавя от волнения, усердно вытягивая шею, и держа руки по швам, говоришь с усердием:

«У зеленой ели ветки поседели —
Значит, на дворе зима, вьюги и метели.
Значит, скоро Новый год
Обязательно придет!»

И дед Мороз потом обязательно даст тебе подарок, в котором несколько дорогих шоколадных конфет, которые ты будешь есть потихоньку, по одной в день, или даже по половинке. Пара горстей карамели. Несколько батончиков. Большая шоколадка, маленькая шоколадка. Одно яблоко, одна апельсинка и две мандаринки. Ты их так редко видишь... Только на Новый год! Хочешь угостить маму, но она отнекивается — «ешь, ешь давай, мы с отцом вот недавно их наелись». И только сейчас, будучи взрослым, вдруг ты понимаешь, что ничего-то они и не ели. Всё оставляли и совали тебе... Всё бились-колотились, чтоб хоть ты-то сытый был, чтоб хоть ты-то накормлен был...

А потом будет праздничный стол. Винегрет, обязательно голубцы с картошкой. Обязательно огромные самолепные пельмени. Обязательно холодец из свиных ног. Дома горит гирлянда на ёлке, и вся семья смотрит «Голубой огонёк» до 4 часов ночи. Раз в году телевизор показывал так поздно. А потом, на следующий день, можно пойти с родителями на ёлку. Именно сюда, к горсовету, где столько детей... И где ты будешь кататься с горки, а потом отец сфотает тебя на фоне точно такой же громадной ёлки, с точно таким же гигантскими игрушками... И ты будешь смотреть чёрно-белые фотки, которые вместе проявляли при красном фонаре, через много-много лет, когда станешь уже большой...

— Слушай, Крот! Давай заедем на ёлку! — вдруг попросил Жека. — Горку хоть посмотреть, какую забубенили в этом году.

— Да! Давай! Чё нам... Куда торопиться-то! — поддержали пацаны.

— Эх, ну давайте! — улыбнулся Крот, свернул на площадь, и высадил пацанов у горки. Те толкаясь и хохоча, побежали на громадную горку, вперегонки забрались по скользким ступеням, и скатились, как и положено настоящим пацанам, стоя, ухватившись друг за друга, за плечи! Не упали!

— Давайте ещё раз! — заржал Митяй.

Скатились ещё раз. Потом вперегонки запустились, кто первый до лесенки добежит. Ну чисто дети малые. Хотя и были-то они по сути, дети, куда там... По 18 лет-то всего!

— Эх! Щас бы выпить! — крикнул вспотевший Жека. — Как здорово-то!

— Держи, студент! — подошедший Крот подал Жеке початую бутылку коньяка, и одну стопку на всю братву. — Возил же в машине... Вот пригодилась.

— Ты будешь? — Жека налил полстопки и дал Митяю.

— Не. Я ж за рулём, потом гульнём какнибудь, — отказался ответственный Крот. — Отдыхайте. Я по другому развлекусь.

Крот сел в девятку, газанул, и стал нарезать круги вокруг ёлки, постоянно уходя то в занос, то описывая самые невозможные фигуры на льду. Потом давай сигналить на весь город.

— Ненормальный! — заржали пацаны. — Не... Он реально ненормальный. Но мужик мировой!

Потом ещё прокатились пару раз, допили коньяк, покурили, и поехали на район. Вроде отпустило. Доехали до кооператива, Славян вышел, открыл дверь, потом постояли на улице, покурили.

— Мужики! — крикнул от машины Крот.

Все посмотрели на него. А он стоит довольный, кулаки вверх поднял, приветствуя.

— Молодцы!

Потом сел в машину, и поехал домой. Пацаны пошли внутрь. Жека забрал у Митяя ствол, вместе со своим положил в тайник. Поднялись к себе. А за окном ночной район. Редко-редко где горит свет. Вскипятили чай, покурили. О чём говорить? И так ясно без слов. Новый год! Но даже и сейчас работа важнее всего!

— Ну что, по домам? — спросил Славян. — Не здесь же виснуть до утра.

— Завтра кто к директору в Берёзки поедет? — спросил Жека.

— Завтра воскресенье же, — напомнил Митяй. — Он сказал, чтоб больше не приезжали. Расторгает договор. Деньги вон отдал, на что наработали.

— А чё так? — удивился Жека. — Не боится больше?

— Наверное, нет.

— Ты-то нормально отдежурил, Митяич?

— Да нормально. Чё там... Встретил, поехали в ресторан. Я внизу посидел там, в фойе. Потом домой. В комнате для прислуги посидел, потом спать лёг. Утро на работу отвёз его, и всё. Там уже и Крот приехал. Эх, отходняк сейчас будет. Догнаться бы...

— Нормально! Проспишься. Ладно, пойду я наверное, до дома. Спать хочу, не могу.

— Чё завтра делать будешь? — спросил Славян.

— Не знаю... Может, на горку ещё схожу со Светкой. Хотя... Там народу завтра будет.

— А чё? Давайте! — сразу загудел Митяй. — Я только за! Тоньку позову!

На том и порешили. Сколько можно-то отказывать себе во всём.

Домой Жека пришёл поздней ночью, Уже все спали. Стараясь не колобродить и не стучать, достал кастрюлю борща из холодильника, натрескался, и завалился спать. Проспал прилично. Встал, а время уже к полудню. Зашёл Серый.

— Чё делать собираешься?

— Да... На горку с пацанами собрались сходить. А ты?

— Да я тоже, но ближе к вечеру.

— Один? Нашёл кого-нибудь?

— Да... Так.... — Замялся братан. — Есть тут одна... Встретил. Мировая девчонка.

— Пошлите вместе. Бухлишка возьмём.

— Ладно. Посмотрю, — засмеялся Серый.

— Подгребайте вечером туда.

— А ты куда?

— До кооператива, куда ж ещё, — сказал Жека, вскочил с кровати, и стал понемногу разминаться.

Собрался уже уходить, как мать крикнула:

— Женька, на рынок съезди за мясом! Пельмени сегодня лепить будем.

— Ладно! — уже из подъезда отозвался Жека.

Пришёл на базу в полдень. За председательским столом вездесущий Славян. Сидит,

покуривает.

— Где все? — спросил Жека, наливая чай. — Когда пойдём? Серый обещал подгрести вечерком на горку.

— Ещё не звонил никому, сейчас.

— Давай я позвоню, — набрал номер Сахара. Сначала гудки, потом... Жека услышал томный женский голос.

— Элеонора слушает...

Блин... А тридцаточка-то закрепились уже там... И на звонки отвечает.

— Здравствуйте, Элеонора, мне Светлану можно услышать? — спросил даже с какой-то неловкостью в голосе.

— О, Евгений... — женщина сразу же узнала Жеку. — Да конечно... Минутку. Светочка, тебя твой парень спрашивает!

Через несколько секунд к телефону подгрехала Сахариха. И разговаривала она, судя по всему, с набитым ртом. Похоже что ела.

— О, Женёк, привет. Ты где?

— Я в кооперативе. На горку пойдёшь? Все наши собираются.

— Приходи, перетрем, — игриво предложила Сахариха. — Мы тут... Обедаем. Представляешь? Лети давай как пуля! Ха-ха-ха!

Жека конечно, не видел ничего смешного, но решил сходить. Может, Сахар скажет что про убитого Шамяля.

— Светка пообедать зовёт. Пойду прогуляюсь. Может, узнаю чего. Ну ты понял, — сказал Жека Славяну, попивающему чаёк. Тот кивнул головой, соглашаясь.

— Сходи. Я сейчас Пуце позвоню. Пусть приходит сюда к 5 часам. Митяй сказал, тоже примерно в это время с Тонькой подтянется.

Жека подошёл к подъезду, и обратил внимание, что Сахаровского джипа нет. Куда-то уехал, но Элеонора дома виснет. Значит, по делам. А Жеку ждут две очаровательные девушки.

Дверь открыла Сахариха в коротком халатике и босиком. Облокотилась о косяк и вызывающе смотрит.

— Чё надо? Ты кто?

Жека сделал попытку схватить этого бесёнка, но она вырвалась, чуть не лягнув ногой, и захихикав, ускользнула вглубь квартиры.

— Я щас кого — то поймаю! — предупредил Жека, раздеваясь. — И кому то не поздоровится!

— И кого же тыймаешь? — в проёме кухонной двери стояла Элеонора. — И что тогда будет?

Хороша, конечно! Высокая, стройная. Тоже в коротеньком красном халатике с распахнутым воротом, откуда торчат два крупных полушария, обрамлённых белоснежным кружевом лифчика. Красивое лицо улыбается. Светлые волосы водопадом льются по плечам. Длинные стройные ноги перекрещены, от чего кажутся ещё длиннее. На пальцах ног блестит красный лак.

— Какие люди! Привет, Женя! А мы тут пельмешки лепим, к Новому году готовимся. Не желаешь присоединиться?

— Да я с радостью! — обрадовался Жека.

Лепка домашних пельменей к Новому году это же целый ритуал для советского

человека! И родители, сколь бедно они не жили, к Новому году лепили пельмени целыми поддонами — семья- то большая.

Покупали на базаре говядину с косточками, но чтоб и мякоть была. Покупали свинину. Отец резал мясо на куски, ставил ручную мясорубку, прикручивая её к столу, под мясорубку большую чашку, и принимался крутить фарш. Потом резал лук, от которого слезились глаза, и вместе с солью мешал с фаршем. Мать заводила тесто из муки, воды и яйца. Раскатывали его в длинные колбаски, потом резали на части. И каждую часть мать раскатывали скалкой в лепешечку, которые, посыпая мукой складывала в кучку.

Потом вся семья садилась, и лепила пельмени. В левую руку берешь лепешечку меж двух пальцев, чуть сжимаешь, а правой берешь вилку, поддеваешь фарш, кладешь в лепешку, залепляешь её, сворачиваешь, и кладешь готовый пельмень на противень.

Обязательно кто-нибудь шутки ради делает «счастливый» пельмень, напихав внутрь одного лука, либо посыпав фарш несметным количеством перца, а потом все вместе смеялись над счастливчиком, которому достанется такой деликатес. Да, безусловно, лепка пельменей был самый настоящий новогодний ритуал.

И сейчас нужно повторить этот ритуал в компании двух прекрасных девушек.

Глава 38. Сибирские пельмени от красоток

Судя по всему, у Сахарихи всё было ровно так же. Тоже ритуал, только не с детьми, а с невесткой. Они сидели в халатиках на просторной кухне, где играл Светкин кассетник на окне, и проворно, чисто по женски управлялись с делом, невзирая на длиннющие ногти. Как они вообще такими что-то делают?

На окне же стояла открытая бутылка шампанского с двумя фужерами, а на плите готовилась закипать кастрюлька с водой.

— Это тебе сейчас поставим, — обворожительно улыбнулась Сахариха. — Потерпи немного.

И это тоже была часть ритуала. Небольшую часть пельменей надо сварить сразу же, на пробу. Какие получились. Может, фарш ещё посолить надо, или наоборот, слишком солёный, подкрутить ещё мяса.

Ну что ж... Рядом с такими красотками можно и потерпеть...

— Давай, за Новый год! — Сахариха достала ещё один фужер, налила половину шампанского, и протянула Жеке. Он смотрел, и не знал, что с ним сделать. Не привыкши он вот так вот, как белые люди, попивать неспеша вино вместо сока, просто потому что оно вкусное, и от него приятно во рту. Жека привык, чтоб пили всегда ударом по мозгам, чтобы опьянеть. По настоящему, по пролетарски. Водку, коньяк. Но всё-таки не отказался от предложенного, не стал обижать красоток.

Пока Сахариха долепляла остатки пельменей, Элеонора встала у окна, налила себе шампанского, и опёрлась задницей о подоконник, как раз напротив Жеки. Приложив фужер ко рту, чуть отпила, и так и осталась стоять, с поднятым бокалом у лица, придерживая левой рукой правую за локоть. И была эта поза такая женская, такая чувственная, что Жека просто залюбовался тридцатилеточкой. А она пила шампанское, скрестив длинные стройные ноги, и с юмором посматривала на Жеку. Наслаждалась эффектом.

Тут закипела вода в кастрюле, и она засуетилась.

— Ну вот! Прошляпила, как всегда. Сейчас плитку зальёт.

Женщина осторожно, чтоб не обжечь нежные пальчики, положила пельмени в кастрюлю, и закрыла крышкой. Сама принялась резать чёрный хлеб, поджарила его на сковородке, потом сделала крошечные бутербродики, намазав гренки майонезом, положив сверху каждой кусочек шпрота и половинку маринованного огурца.

— Это тарталетки! Очень вкусно! Попробуй!

И действительно, вкусно. Никогда не пробовал. А блюдо-то простое... И надо-то всего лишь чёрный хлеб по 10 копеек, латвийские шпроты, майонез и огурцы. Но родители Жеки, выросшие в деревне, даже не знали, что можно делать нечто этакое...

— А где Роман? — спросил Жека, поедая тарталетки с пельменями.

— Собрание у них. Сегодня ночью Шамяля с охраной кто-то расстрелял. Сидят наверное, в «Гудке», или ещё где, решают что делать, — сообщила Сахариха.

— Вот нифига себе! — удивился Жека. — Сейчас там все наверное на ушах.

— Не то слово! — согласилась Сахариха. — Там типа с ним в машине сын и племянник ехали, и их тоже убили.

— Ну как же так! — возмущённо покачал головой Жека. — И чё, нашли, кто это сделал?

— Нет. Они успели уехать. Но один шамилевский вроде бы живой остался, сейчас в

первой больнице лежит. В реанимации. Ромка говорит, его охраняют с милицией. Хотят допросить, если очухается.

— Живой... — задумчиво сказал Жека. — Это хорошо. Повезло.

— Ну... вот и всё. На Новый год притарились, — заявила Сахариха, складывая в холодильник листики с пельменями. — Посиди немного, я уберусь тут сейчас, и пойдём.

— Ты на рынок не хочешь съездить? Мамка наказала мяса на пельмени купить, — попросил Жека. Сахариха радостно согласилась, как и любая дама. Тратить деньги, да ещё не свои — что ты! Только в путь!

— Поехали, Женька. Куплю там себе чёнибудь.

Пока Сахариха с Элеонорой прибирались на кухне, Жека нет-нет да зыркал на них обоих. То на голые ляжки, то на мягкие округлости под халатиками.

Потом Светка собралась, накрасилась, и собралась выходить из дома, как вдруг вспомнила про такси.

— Щас по телефону вызову машинку. Тачло вызвоню!

— Такси что ли?

— Нет. Рома нам давно свою даёт, другую, чёрную. С водителем. А... Ты не знаешь...

Жека недоуменно посмотрел на Сахариху, не зная, что и сказать-то. Вот если станет она его женой, сможет ли он содержать её так, как она привыкла? Вопрос интересный. И Сахариха... Неплохо поднялся за два года! Уже как барин какой-то живёт. Тачек пресс. Людей много, которые любую проблему утрясти могут. Недавно вот только с двумя качками в девятке рысачил по городу... Вся его бригада была...

Пока выходили из подъезда, во двор въехала чёрная Волга. А за рулём сидел... Крот.

— О! Так этот мужик у нас в кооперативе работает! — удивился Жека. — Только на вашей девятке.

— Ну да... — застенчиво ответила Сахариха. — Девятина — хорошее тачло. Чур, я спереди!

Жека засмеялся, и подтолкнул её к машине. Господи, чем бы дитя не тешилось! Жека ездил с директором, и знал, что самые крутые шишкарки ездят сзади, а спереди лишь их obsлуга. Вот и сейчас, он ехал сзади как царь-барон, развалившись на широченном заднем диване черной Волги. Скажи ему кто-нибудь ещё два года назад, когда он ходил в поносовой искусственной шубе и ботинках «Прощай молодость», что всего через два года поедет на черной Волге с сестрой Сахары, с персональным водителем, а в кармане у него будет лежать штука на мелкие расходы, поверил бы он? Да он ещё весной, до практики на кондитерке, рассмеялся бы этому человеку в лицо. Буквально всего за полгода в нем развилась деловая хватка, как у акулы, которая как схватит, то своего уже не выпустит, и которая видит за километр, что и где можно урвать.

Жека даже сейчас имел в уме три плана, как подняться вверх ещё больше, только получится ли... Охранный кооператив стал ему уже скучен. Пусть пока Славян или Митяй мутят там.

Крот остановил Волгу почти у крытого рынка, у блока 2, где торговали мясом, и где он ещё этим летом видел Шамякина. Интересно, кто сейчас будет директором рынка? Зашли внутрь, а там как всегда — птицы летают, и под потолком чирикают, рубщики мяса рубят. На прилавках аппетитные куски лежат. Покупателей в этот раз заметно больше — на носу Новый год, и люди деньги не жалеют.

— Вай, вай, какой маладой, какой у тыбя дэвушка красивый! — закричал грузин в

кепке-аэродроме и грязно-красном переднике поверх кожанки. — Сматры какой мяс карош. Говядын, свынын! Во!

Грузин тряс самыми смачными кусманами, и Жека подошёл к его прилавку. А куски-то и в самом деле хороши!

— Сколько? — уверенно спросил Жека, показывая, что околпашить себя не даст.

— Говядын шест, свынын пят за кылограм. За всё вмэст.... Эээ... Трисать четырь рубля.

— Гонишь! — возразил Жека. — Руку убери с весов!

— Щас пырывэшай! — нисколько не покраснев, сказал грузин, и поднял руку, показывая, что не придерживает весы.

Пока грузин заново взвешивал, и на счётах отсчитывал мясо, Жека услышал невдалеке знакомый голос, и оглянулся.

Сахар! Это был он! И шёл он здесь, как хозяин! Рядом с ним семенило два мужика в костюмах, и что-то ему тарабарили. Сахар в длинной норковой шубе с бобровым воротником, и огромной норковой кепке. За ним неспешно дефилируют два амбала в дублёнках, здоровенные, как квадраты. И рожи квадратные в том числе.

Свято место пусто не бывает. Шамяля опрокинули — сразу появился новый хозяин на рынке, тут же вошедший в курс дела. Рынок был очень лакомым куском. Через него текли миллионы неконтролируемых никем и ничем денег. Кто посчитает, сколько тряс Шамяль за аренду с каждого из тысяч продавцов? Куда он их отправлял? Кому давал? На Кавказе стало беспокойно в последнее время...

Кто посчитает, сколько будет трясти Сахар за аренду? Рынок разрастался. Строились кафе, шашлычные, магазины, уже в планах было построить рядом огромный оптовый вещевой рынок. Смерть Шамяля оказалась Сахару крайне выгодна. Так же как и Жеке. Шамяль оказался невыгоден никому — полез топтать чужую поляну, сахаровскую, наехал на кооператив «Удар», в котором у него был свой интерес, полез в другой город отжимать шахту. Чем и заслужил справедливый с точки зрения братвы конец. А... Может, это Сахар с помощью пацанов расправился с конкурентом, чтоб застолбить эту часть города? Жека подумал, что может быть и так. Для Сахара всё совпало удачно, как нельзя лучше.

— Во! А чё это вы тут делаете? — недоуменно спросил Сахар, увидев Жеку со своей сестрой.

— Мясо на Новый год покупаю, — спокойно ответил Жека.

— А... Ну покупай, Соловей, покупай! — неизвестно чему заржал Сахар. — Хочешь, я тебе его даром отдам? Ха-ха-ха!

Сахар махнул рукой, и пошел со своей кодлой дальше, в холодильник, в контору, где раньше квартировал Шамяль.

— Слещ, парын! — испуганно сказал грузин, подавая Жеке пакет с мясом. — Я тебе бысплатна отдам его!

Сдрейфил он, что Жека знает такого уважаемого человека, а тот знает его. Однако Жека отказался брать мясо бесплатно. Он чё, рэкетир какой-то сраный или бандит с большой дороги? Деньги у него есть. Сам заработал!

— Не нужны мне твои деньги, брат. Я мужчина, и за всё всегда плачу сам. Сам живу, и другим жить даю, своё не отдам, но и чужого мне не надо, — с достоинством ответил Жека, и подал грузину четвертак.

— Какой ты крутой! — восторженно прошептала Сахариха, повиснув у Жеки на руке. — Какой ты настоящий мужик!

— Да! Я такой! — заржал Жека, и чуть не на себе потащил подружку во фруктовый отдел.

Набрали мандаринов. Настоящих. Абхазских. С листиками. Стоили правда, мама не горюй, по 7 рублей за кило, но на что не пойдешь ради праздника. Потом забурились в кооперативный. Здесь уже набрали шоколада, и конфет, и всего, чего душе угодно.

Потащились до машины как ишаки, аккуратно сложили всё в багажник. Сахариха сунула одну мандаринку и одну маленькую шоколадку Кроту.

— Это вам, Николай. С наступающим!

— Спасибо, Света! — Крот так искренне улыбнулся Сахарихе, что Жека даже удивился — думал, что водила только криво и ехидно ухмыляться умеет.

Когда приехали на район, Жека хотел из багажника забрать только свои покупки, но Светка возмущённо заявила:

— Эй, Женёк! Нееееет! Забирай всё! Мне не надо! У нас всё есть!

— Как не надо? Зачем тогда покупала?

— Это твои родственникам в подарок, от меня, на праздник, — ухмыльнулась Сахариха. — Ну ладно, давай, подплывай потом в вашу хибару! Пойдем на горку ходим!

Дома конечно, рады не рады — целые сумки добра притащил. Вот это Новый год так Новый год!

— Ты куда пошёл? Сел бы поел, — крикнула мать. — Я супу наварила!

— Не, не хочу! А где Серёга?

— Ушёл куда-то! Сказал, придёт поздно. Может, встретитесь.

Жека оделся, и пошёл в кооператив. А там было видно, что идёт гульба. Гремит музыка. Слышно как визжит Сахариха. Она одна могла раскачать всю компанию. Домой не ходила вообще что-ли? Только зашёл на первый этаж, почувствовал, что на втором стены и пол трясутся.

А там то ли гулянка, то ли дискотека. Дым столбом. На стенах и окнах гирлянды развешаны — девочки постарались. Магнитофон «Вега -235» надсажается, изрыгая «Комиссар». На столе Славяна бухло, коньяк, шампанское. Мандарины, конфеты шоколадные, наломанный шоколад «Бабаевский» и «Алёнка». Гулянка не хуже, чем в ресторане!

Вся развеселая компания пляшет, как будто на дискотеке. Сахариха, понятное дело, в центре внимания, в турецком мохеровом свитере, и светлых пирамидах, вытанцовывает нечто энергичное. Но красиво. Пришли Митяй с Тонькой, Пуща. Все одеты простенько, в предчувствии катания на горке. Жека лишь один притащился не подумав, в кожанке и чистых джинсах, если не брать в расчет Сахариху — ей-то целость и ценность одежды вообще без разницы. Порвётся — купят ещё.

На улице зябко, и Антонина с Пущей оделись в шерстяную лыжную форму и пуховики. Сейчас тоже что-то отплясывали, периодически взвизгивая.

— Женькааа! — увидев Жеку, завизжала Сахариха, и побежала обниматься, словно не виделись буквально полчаса назад. — Давай, в круг! Танцуй, ну!

Жека покривлялся немного в такт музыке, но так как он единственный трезвый среди пьющей компании, было ему неловко. Поэтому подошёл к столу Славяна, налил коньяка, выпил, зажевав долькой мандаринки. Достал сигареты.

Славян тоже невозмутимо сидел за столом, словно и не выходил никуда, иногда дёргая головой в такт музыке.

— А один-то живой, — спокойно сказал Жека. — Горный.

— Кто сказал? — сразу стал серьезным Славян.

— Светка. А ей Сахар. Большой кипишь говорит, среди блататы. Но самое главное, не поверишь...

Жека рассказал Славяну, что Сахар сейчас директор рынка, и чувствует там себя сейчас вполне вольготно. Ходит хозяином. На другой половине города. Похоже, что и Вован, отец Фотича, и Веня Одессит, не против... Да и Добей, наверное, язык прикусил...

— Вот тебе на. Вроде бы всех перебили. И где он шас?

— В реанимации. В первой больнице.

— Трудно добраться, — вздохнул Славян.

— Да почему, — задумался Жека. — Трудно, но можно.

— И как? Там в больнице хоть охраны и нет, так знаешь, сколько медичек? Хрен пройдешь. Надо по месту глянуть. Помню я там кое-чë...

— Есть два способа, — невозмутимо сказал Жека. — Первый — самому туда попасть, в ту же реанимацию. И второй — купить белый халат и пройти внаглую. Как студенту-медику.

— Ну, братан! — протянул Славян. — Это всё как-то на вялого. По разным причинам.

— Почему на вялого? — не согласился Жека. — Если я на той горке свалюсь, и буду лежать типа без сознания, люди вызовут скорую, врачи отвезут в больницу. А там уже разобраться по ходу дела.

— Вот именно, братан, что по ходу дела! — настаивал Славян. — Ты пока скорую дождешься, очуришься там на снегу. Сам встанешь, и греться побежишь. Ну ты чë? Пока там на горке телефон найдут, да и на автоматах трубки все срезаны, как всегда. Пока врачи приедут. Не... Так не пойдёт. Фуфел галимый. И в больнице тебя непонятно куда ещё затарят. Может, в другое отделение. Или вообще в другую больницу увезут. А ходить тебе нельзя будет — ты ж больной. Любая бабка — санитарка увидит, и шум поднимет.

— Ну... Ладно. Убазарил, — согласился Жека. — А чë нельзя мотнуться как студенту-врачу?

— Да они знают там всех своих врачей как пять пальцев. Запалишься и всё. Тем более студент — не врач. Его тоже спросить могут, куда он чапает в поздний час по реанимации.

— И чë делать? Может, плюнуть на него — пусть живёт? Может, он и в сознание — то не придет, и кирдыкнется завтра же, а мы тут базарим попусту.

— Придёт — не придет, мы не знаем. Может и не прийти. А может, уже через неделю будет сестричек там за жопу мацать, и сдаст мусорам всё, что видел. Нет, брат... В таких делах на авось нет надежды. Выжил — надо мочить.

— И как? Колись, чë у тебя.

— А у меня всё просто. Я уже придумал на ходу. Оденешь спецуру, фoфан рабочий. Возьмёшь газовый ключ, и пойдешь, типа сантехник. Всем насрать будет. А спросят — скажешь, что батареи там холодные. А они стопудово, все там холодные. И делай чë хочешь. Короче, завтра я смотыляюсь туда с Кротом, и посмотрю, где там чë. Если его с пулевыми привезли, значит в хирургическом лежит в реанимации. Приедешь завтра с технаря, и в кооператив. Всё нужное уже ждать будет. Так дела делают!

— Ну так-то вроде идея здравая. Где только спецуру рабочую раздобыть?

— Братан! У меня этих спецур навалом! Батя всё на дачу просил. И ключ есть. Только если мочить, то не ключём, или финкарем. Подушку на рожу и всё. Чтоб подозрений не было, что мочканули. А так типа сам помер. Плохой был, чë... Здоровье не выдержало

— Ладно... Убазарил ты меня, — признался Жека. — Давай по-твоему сделаем.

— Кто что сделает? — прервала беседу Пуща, сев Славяну на колени, и обняв за шею. —

Славааа! Ну когда пойдеееем? Я на ёлку хочу!

— Да пошли, пошли! — засмеялся Славян, слегка потеревив подружку за щёчку. —

Сейчас я такси вызову!

— Но нас же шеестеееро! Мы там не поместимся!

— Значит, вызову скорую! — парировал Славян.

— И как мы поедем на скорой?

— А вот увидишь.

Скорая вместо такси? Возможно ли это?

Глава 39. Скорая, ёлка, и городская больница

Жека знал конечно, куда хотел звонить Славян. У металлургического комбината была своя медсанчасть. И в ней всегда дежурили две машины для оказания экстренной помощи пострадавшим на производстве. Естественно, травмы происходили не каждый день, и два УАЗика постоянно стояли у медсанчасти, перед проходной комбината. Водителям с врачами делать было нефиг, и за определенную мзду они барыжили извозом по вечерам и ночам, когда начальство спит. Надо только телефон скорой медсанчасти знать. А Славян его знал. Это первое, чему работяги учили на комбинате. И что за червонец водила в любую дыру приедет.

— Всё! Выходим! Через 10 минут будут! Собирайте бухло и хафчик в пакет! — скомандовал Славян.

Однако, тёплая компания, разгулявшись, уже совсем не хотела выходить на мороз, и встретила требование громким свистом, визгом, и улюлюканьем. Потом всё равно понемногу стали собираться.

Когда вышли на улицу, у кооператива уже стояла скорая помощь. Восторженная толпа завалила туда, и расположилась на скамейке вдоль бортов.

— Ахаха! — засмеялась Сахариха, держась за Жекину руку, стараясь не свалиться со скользкой дермантиновой обивки скамейки, но всё-таки не удержалась, свалилась на пол при очень крутом повороте, однако это вызвало у неё лишь очередной приступ смеха. Да и остальные не уступали. Ржали от души. А чего ещё делать-то перед Новым годом, когда ощущение праздника заполняет с головы до ног?

Доехали быстро. У городской ёлки толпы людей. Много с детьми, с санками. Дежурит милиция, но народ всё равно кучкуется на скамейках, попивает крепенькое из горла. За углом громадной сталинки с горящей на крыше надписью «Слава КПСС!», так целая компания бухает в открытую. Водитель скорой затормозил на стоянке у памятника Ленину с поднятой рукой, высадил весёлых пассажиров. Славян сунул ему чирик, как договаривались, и машина уехала. А банда пошла на горку.

Расположились сначала ней горкой, чтоб мусора не видели. Выпили, закусили, пританцовывая. Из рупоров над площадью играли старые советские новогодние песни из теле- и кинофильмов, так и побуждая пуститься в пляс.

— Ну чё, кататься-то пойдём? — наехала Пуца. — Вы чё, бухать сюда пришли?

— Даааа! — дружно забухтели пацаны. — Давайте ещё по одной.

Закинули ещё по немного, и уже собрались идти, когда сзади Жеку кто-то толкнул в спину.

— Привет, братан!

Обернулся, а там... Серый! И не один, а с Мариной! Это что ли его девушка? Как они стыканулись-то? Сказать, что Жека был удивлён — это ничего считай что не сказать. Да и Марина сильно удивилась, а потом расхохоталась.

— Вот так да! Евгений! Так это ты тот самый крутой богатый брат, о котором Серёжка всё замолкнуть не может!

— Жека... — неловко сказал Серёга, тоже ничего не понимая. — Ты что, знаешь Маринку?

— Конечно знаю! Это же Марина! Отличница из нашего технаря, комсомолка,

спортсменка, и хорошая работница. Мы с комсомольской дружиной ездили порядок на лыжной базе в Еловке наводить. А вы чё где стыкнулись?

— А мы с Серёжей на танцы ходим в ДК Metallургов. Вот, — слегка жеманно сказала Марина, переводя взгляд с Серёги на Жеку и обратно. Выбирает, что-ли? А ведь они и на самом деле чуть разные. Серёга больше в отца, черноволосый, и с чуть более крупным носом, а Жека больше в мать, светловолосый и светлоглазый. Правда, безжалостная природа дала большие уши отцу Жеке, а маленькие материнские — Серёге. А так-то да, сходство было.

Самое поразительное, что Жека первый раз слышал, что Серёга ходит на какие-то танцы. Отделился Жека от братана, от всей семьи, ох отделился... Откупился деньгами, вот все и отвяли. Где он, что он — пофиг.

Марина в дублёночке и шерстяных гетрах, в том же вишнёвом капоре. Стоит, такая очаровашка, улыбается, глядя на дату компашку.

— Ну, за знакомство! — предложил Жека, и Марина согласилась. Пригубила немножко коньяка, а потом и Серёга следом. Если бы девушка не стала пить, то и Серёга бы, наверно, не стал.

— Ну Жееняяя! — Сахариха схватила Жеку за рукав и стала дёргать, призывая идти кататься. — О! У Серёги девушка. Как звать? Меня Света.

— Марина, — очаровательно улыбнулась Маринка. — А ты Женина девушка, да?

— Нет! Я сама по себе! — нахально заявила Сахариха. — Вот ещё! Я ничья!

— Всё! Сейчас я тебя! — Жека заржал и побежал за ней, но она ловко забежала на горку, подождала его среди толпы, а потом обхватила руками за талию, прижалась, подняла розовощёкую мордашку и спросила, как будто о чём-то догадываясь:

— А я же лучше её, да Женька?

— Да! Ты самая лучшая!

Потом катались уже все, кому не лень. И всей толпой, взявшись друг за друга, и поодионочке. Накатались до того, что несмотря на мороз, пот лился градом со всех. Потом решили ещё раз вдарить, подошли к пакету, а его там уже нет. Свинтил кто-то! Правда, и оставалось-то только кропаль. Рассмеялись, и пошли по домам. Вечер удался.

Утром в технарь. Начались зачёты. Сегодня и завтра. Завтра последний день, и вечером дискотека в актовом зале, вроде новогоднего бала. Занятия уже так, на отвяжись. Все оценки получены, всё ясно, кто на что научился. Зачёты чисто для проформы. Жека отстрелялся быстро, сходил на обед, и собрался уже ехать домой, как опять выцепил его комсорг.

— Соловьев! Как хорошо, что ты всегда во время попадаешься!

— Чё опять? — недовольно спросил Жека.

— Не чё, а есть русское слово «што». Ты же в курсе, что завтра новогодний вечер, и дискотека?

— Ну в курсе, и чё?

— А то, что необходимо зал украсить к празднику. Так понятно? Развесить мишуру, гирлянды, плакаты, которые девочки в общежитии сделали. Праздник к нам приходит, Соловьев! А ты опять с кислой физиономией!

— Чё, щас прямо идти?

— Да. Быстрее начнем, быстрее закончим.

Жека недовольно поперся в актовый зал. Его уже поди ждали в кооперативе — надо ехать в горбольницу мочить выжившего бандита, а тут эти черти со своей дискотеккой...

А в актовом зале работа уже кипела вовсю. Девочки-комсомолки, как более активные во все начинаниях, раскладывали по полу длиннющие гирлянды, которые должны были идти наперекрест через весь зал. Раскладывали на стульях большие самодельные ёлочные игрушки из ватмана и тряпок внутри. Плакаты готовили с забавными надписями. Но требовалась мужская рука, чтоб все это приколотить и повесить.

— Соловьев! Вот тебе комсомольское поручение! Идите с Гавриловым к завхозу, Терентию Палычу, возьмите стремянку, и тащите сюда! Развесите всё, что надо, приколотите, и свободны!

Гаврилов, небольшого роста деревенский вихрастый паренёк в джинсах и домашнем свитере, второкурсник, поздоровался с Женой за руку.

— Лёха.

— Жека. Чё, за лестницей пойдём?

— Да я её вытащил уже от завхоза, только сюда припереть надо.

Кандейка завхоза была на первом этаже, недалеко, но надо было пройти через переход, ведущий в общагу. Лёха, парень шептун и весёлый, тараторил почти не переставая, неся всякую чушь.

— Мы тут матрасы в женских комнатах летом меняли старые на новые — коменда заставила. И все старые как на подбор. С пятнами посередине.

— С какими пятнами? — не понял Жека.

— С дефлорационными! — заржал Лёха. — Сколько там целок перебито за долгие годы на каждом матрасе! Ха-ха-ха!

— А ты тоже в общаге живёшь?

— Ну. Кое как выбил. Тебе типа, не положено. Деревня в 80 километрах, типа можно добираться на электричке. А к нам ехать два часа. И только одна электричка в день идёт. Вот. Пришлось в комсомол вступать. Как комсомольцу дали кровать в общаге.

— И сколько вас там в комнате?

— Четверо. Но все четверо редко ночуем. Кто хату поднимает. Кто к тёлке пойдёт ночевать. Нормально, в общем. Бабы опять же, всегда под рукой. Есть и ниче такие. Сговорчивые...

Так пересмеиваясь и притащили стремянку до актового зала. Поставили, Жека стал залазить и зацеплять гирлянды за крючки. Потом прикрепили плакаты, огромные игрушки. Яркие, красочные... Девчонки постарались! Жека прошлые года не ходил на дискотеки, а в этот раз решил пойти. Почему бы и нет? Может, Марина будет... Стоп! Она же с братом ходит! Ну, наверняка там и кроме Марины дофига тёлок будет? Может, Сахариху позвать? Опять же, вдруг Светка что учудит здесь... А ему учиться ещё. Но попытаться то можно...

Так размышляя о том да о сём, Жека закончил дело, с Лёхой утащили стремянку обратно, потом пришли послушать, что скажет комсорг.

— Молодцы, тимуровцы! — довольно похлопал в ладоши Владимир Станиславич. — Справились. Все свободны. А парням скажу — завтра после зачётов пойдём к завхозу аудиотехнику притащим. Так что имейте в виду. К 12 часам жду вас.

— Так а если мы раньше закончим с учебой? Чё нам, сидеть дожидаться 12 часов?

— Именно так, Соловьев! — согласно кивнул головой Владимир Станиславич. — Какой ты догадливый. Посидишь. Сходишь в столовую. Ничего сложного. А сейчас идите. До завтра!

У технаря поймал бомбилу и сразу дёрнул в кооператив. А его там уже ждут.

— Всё готово, — сообщил Славян. — Вот фوفан, роба, шапка, сумка с ключами. Как поедешь, переоденься.

— Светка сказала, этого мужика мусора пасут, — предупредил Жека. — Как с этим-то быть? Придется вам отвлекать его как-то.

— Отвлечем, не ссы, брат, — успокоил Славян. — Драку устроим с Митяем внизу лестницы. Я там все прочухал. Зайдешь с черного хода. Там сразу спуск в подвал, в раздевалку для посетителей, и прямо в вестибюль. Мы в вестибюль с белого хода войдем, встанем, а ты через подвал пройдешь, там ещё одна лестница будет. Для врачей запасная. По ней поднимешься, и на втором этаже будет вход в реанимацию. Эта дверь как запасной выход, поэтому она никогда не закрыта. Про эту дорогу мало кто знает, только самые прошаренные больные. Они туда курить выходят.

— А ты откуда знаешь?

— У меня батя там лежал. Грыжу вырезали. Я там все входы-выходы знаю, братан. И сегодня я по твоему, чё делал с утра? Ездили с Кротом, всё там проверил. Всё как раньше. Проходи в больницу кто хочешь.

— Вечером пойдём? — Жека налил чаю и неспеша закурил. — Мутить, так ближе к вечеру.

— Не, совсем вечером паливно, — не согласился Славян. — Народу вечером меньше, щас то там и с передачками все тащатся, народу левого дофига ещё. Вечером будет меньше, и уже запалить могут. Щас конечно, и врачей там много. Но я думаю лучше времени нет чем часов 5. Врачи домой собираются, только дежурные остаются. Но левый народ ещё ходит. Посещение больных и передачи до 6.

Жека посмотрел на часы — времени ещё порядком. Есть когда посидеть, в шахматы поиграть. Ближе к 5 стал одевать Славянову спецуру. А она на размер меньше оказалась. Кое-как налезла.

— Это чё такое? — возмутился Жека. — Я в ней как подстрельш. Не, вы чё, угараете?

— Нормально всё. Где я тебе твоего размера возьму? — возмутился Славян. — Какая была у меня, такую и дал. Как от сердца оторвал! А ты всё возбужаешь! Я на заводе в ней работал! Под станы прокатные лазил! В мазуте по колено! А ты!!!

Крот и Митяй заржали, не в силах уже сдержаться, следом рассмеялся и Жека.

— Да ну вас... Оболтусы. Хватит языком чесать! Погнали!

Рядом был ЖЭК, поэтому вид молодого рабочего с сумкой инструментов ни у кого не вызвал подозрения. Разве что селся он в девятку в окружении дюжих парней, да и то, кто знает — вдруг где-то трубу прорвало. Обычное дело.

Поехали шустро. Остановились не доезжая больницы, метров за 300.

— На втором этаже заглянешь в стекло на двери — у палаты посреди коридора мусор сидит. Мы когда с Митяем возню затеем в вестибюле, Крот крикнет, что мол где милиция, милицию вызовите! Мусор сорвётся вниз бежать, тогда и заходи. Ну всё, Жека, иди. Мы чуть попозже.

Жека вышел из машины, оглянулся, и почапал к больнице. Народ на улицах ещё был. И порядком. Но внимание никто не обратил — мало ли сантехников ходит зимой устранять неработающие батареи.

Больница громадная, построена в конце 50-х, и ещё имела признаки гигантизма, присущего той эпохе. Но страшная. По виду как будто пережила бомбардировку. Похоже, ремонт с эпохи вождя народов толком и не делали. Корпуса отдельно, между ними крытые

переходы. Жеке нужен был хирургический корпус, как раз за административным. С обратной стороны хирургического корпуса и находился тот черный вход, про который говорил Славян. Были наверняка и другие подобные входы, в больницу привозят продукты, медикаменты, и массу других вещей, всё это надо как-то затаскивать, да и санитарки с медсёстрами постоянно бегали туда-сюда. Проходной двор.

Нашёл этот вход быстро. Большая скрипучая дверь без крыльца, за ней небольшая площадка, справа спуск в подвал с надписью «Раздевалка». Прямо проход в вестибюль, куда спускались ходячие больные за передачами. С обратной стороны здания как раз напротив, был главный вход в хирургический корпус — в вестибюль, из которого вела дверь в санпропускник, где две санитарки принимали передачи, и зорко следили, чтобы проходящие в больницу имели вторую обувь, и разделись в раздевалке.

В больницу пройти можно только по назначению лечащего врача из районной поликлиники, если требовалась консультация местного доктора, или процедура, которую в поликлинике не делают. Так что в целом по больнице туда-сюда много народу шаталось, и кто пришел, куда, и зачем, выяснить сразу было совершенно невозможно. Тем более, что санитарка на входе всегда можно было сунуть трешку и пройти без проблем. На сантехника вообще было всем плевать.

Жека спустился в подвал, откуда сразу пахло теплом и затхлостью. Раздевалка находилась сразу у лестницы, но он миновал её, и пошел дальше, по коридору. По бокам надписи на дверях «Санитарная техника», «Завхоз», «Грязный Инструмент». Через метров 50 справа виднелась ещё одна дверь, большая, и уже со стеклами. За ней наверх вела лестница. Открыв дверь, Жека прислушался — вроде всё тихо. Стал подниматься. На первом этаже точно такая же большая дверь со стеклами, а над ней белая эмалированная табличка «Отделение кардиологии». Не то. Стал подниматься выше. На втором этаже над дверью табличка «Отделение реанимации и интенсивной терапии»

Чуть заглянул в стекло, а там больничный коридор, крашенный унылой зелёной краской до половины, скамейки, обитые дерматином. И точно — на одной лавке сидит и дремлет мусор в шинельке. Ушанка рядом на лавочке. И тут раздалась какая-то возня внизу. Крики, ругань...

— Милиция! Срочно вызовите милицию!

Крот заорал! Потом послышались возмущенные женские голоса. Мусор вскочил, засуетился, думая бежать — не бежать. Потом всё таки решил вкупиться, и побежал в вестибюль. Жека открыл дверь и вошёл в отделение реанимации. В нём абсолютная тишина, слышно как в палатах медицинские приборы пикают, отмеряя ритм сердца.

Жека пошёл как человек, которому нечего бояться. В отделении вдалеке сидела медсестра на посту, и что-то писала, но она не обратила ни малейшего внимания на сантехника. Жека свободно прошел в нужную палату, сразу же узнал того, кто лежал под капельницей, и с трубками искусственной вентиляцией лёгких. Видел его в машине, которую расстрелял, на заднем сиденье. В него попало несколько пуль, и казалсядохлым, но поди ж ты... Выжил. Ещё и откачают... Жека быстро подошёл к лежащему, сжал руками горло, и что есть силы сдавил. В этот момент раненый пришел в себя. Открыл глаза, увидел Жеку, задергался, но сил было мало, и через короткое время обмяк. Реанимационные приборы издали долгое протяжное пищание. Всё! Отошёл! Дать бы ему ещё ключом по кумполу, да увидят синяк.

Жека вышел из коридора, и покинул отделение так же как и пришёл. Уже закрывая

дверь, услышал как внутри шухер начался, крики. Медсестра услышала, что один из пациентов отъехал, и подняла шум, но было уже поздно.

А на улице совсем смеркалось, хотя вроде и времени мало прошло. Девятка не на том же месте стояла. Осторожный Крот развернулся, и остановился на другой стороне улицы, в парковочном кармане. Пацаны уже на месте были. У Славяна синяк под глазом.

— Смотри, как меня этот буйвол приложил, — рассмеялся он, держа ледышку. — Такой и убьет, не поморщится.

— Слышь ты... — заржал Митяй в ответ. — Надо было чтоб всё взаправду. Я тебя чё, как девочку гладить должен был? По мужски чисто получилось!

— Я тебя в следующий раз тоже по мужски приложу, — пообещал Славян. — Ну чё, погнажи?

Крот выехал со стояка, и погнал в сторону района.

Глава 40. Новогодние хлопоты

Приехав, Жека переоделся, подогрел чай. Славян с Митяем налили себе. Крот уехал домой.

— А у нас дискотека завтра новогодняя, — заявил Жека, прихлёбывая грузинский чаёк.

— Кто за входом смотреть будет? — заинтересовался Славян.

— Да хрен знает. Там комсорг рулит всем. Он наверное и будет. Может, из учителей ещё кто.

— Мусора будут? Может, комсак ваш с нами договор заключит, чтоб мы там подежурили?

— Я не знаю, звиздеть не буду насчёт мусоров, — признался Жека. — Давайте сходим к нам, поугараем. Чё дома-то сидеть. Вроде с текущими делами закончено. Чё там по работе?

— Насчёт дискача не обещаю. Дома дел много. А по работе, Жека... — помрачнел Славян. — Всё хуже и хуже дела... Работа пока есть, но мало. Деньги есть, но всё меньше. Работаем только на зарплату, на текущие расходы. В развитие нечего вкладывать. На объявления никто не звонит. Старых бы клиентов удержать. Скоро кубышку придется открывать. С банка деньги снимать. Я чё тебя насчёт вашего дискача спросил... Хоть бы пару сотен заплатил ваш комсак, пацаны бы подежурили, подогрелись к Новому году.

— Прав был Сахар, как ни крути. Не мы ж одни будем поляну топтать. Охранников уже как собак не резанных, — согласился Жека. — Надо нам соскакивать с этой темы, пока не поздно. Чё-то другое мутить начинать. Щас ещё пара месяцев, и на еду только работать будем. А потом всё, стоп, зубы на полку.

— Так что предлагаешь-то?

— Щас пока рано об этом базарить. Не всё ясно пока. После Нового года. Там видно будет. Ладно. Если не хотите на дискач завтра, пойду я к Светке. И да...

Жека остановился у выхода, глядя на Славяна.

— Я спрошу у комсорга насчёт охраны. За пару сотен.

Почти спрыгнул с крыльца кооператива и побежал к Сахарихе. Та встретила приветливо, но целоваться не полезла.

— Светочка, пойдём завтра к нам в технарь на дискотеку?

— Чё я там у вас забыла. У нас своя дискотека в школе будет, — пренебрежительно отказалась Сахариха.

— Но меня ж не пустят к вам? — недоуменно спросил Жека.

— Правильно. Не пустят, — согласилась Сахариха. — Потому что она для школьников. А ты уже большой пацан. А я пойду туда, потому что комсомолка, и буду смотреть за порядком. Чтоб не бухал никто. Вот!

Тут уже Жека не нашелся что сказать. С трудом удержался, чтобы не рассмеяться. Дискотеке труба!

— Ну ладно, как хочешь! Пока.

— Пока. Можешь идти, — благосклонно разрешила Сахариха. — Ничё, как нить ещё в рестик сходим, погудим.

Ну что ж... Придется тащиться одному... Никто не хочет составить компанию корифану. А дискотека что в школе, что в училище, техникуме, институте, меж тем, всегда была делом опасным, и притягивала массу чёрт-те кого. С одной стороны, вроде как,

дискотека для своих, с другой стороны, наверняка все местные отморозки подтянутся. Это ж такая халява. И шапки поснимать со студаков можно, и денег поднять. И тёлку приголубить впятером в подъезде, зажав рот трусиками... Причём ходили за поживой не только местная шпана, но и вполне взрослые бродяги по жизни. Грохот музыки и толпы молодёжи на улице привлекали много кого...

Домой пришёл, там уныние — батя ёлку купить не смог, хоть с утра ходил. Очередь занимал в 6 часов. Ёлки продавали лишь в одном месте в городе — в большом павильоне с простой и лаконичной вывеской «ЁЛКИ» Летом на этом же павильоне красовалась надпись «ЦВЕТЫ». Но так как цветов в СССР зимой отродясь не продавали, с наступлением холодов распродал последние запасы сентябрин, хризантем, астр и бархатцев, павильон стоял пустой. Ближе к Новому году завозили сюда ёлки от Лесхоза. Специально для Нового года ёлки никто не выращивал. Лесхоз чистил лес, и привозил для продажи советским гражданам всякую дрянь — лысые, косые, кривые, с 3–4 стволами, и тому подобные некачественные ёлки. Всё, что негодно и не имело интереса для будущей лесозаготовки, для которой требовалась качественная прямая древесина. А иногда лесхоз борзел до того, что привозил вместо ёлок молодые лиственницы и сосны — и так сойдёт! Купите и это!

Однако на всех не хватало даже и таких уродливых ёлок. Перед Новым годом очередь за ними занимали с 6 утра. Сегодня отец пошёл к 6 часам, по ещё пустому тёмному городу, но в очереди был уже 35-й. А ёлок осталось в павильоне всего 21 штука, и всё это была такая лютая некондиция, что плакать хотелось. Огромные 3х метровые лысые стволы с несколькими веточками по цене полтора рубля за метр. Но разобрали и их, когда в 8 часов павильон открылся. Как в Новый год без ёлки-то? Отец пришёл домой даже не то, что злой, а расстроенный донельзя. Как так — у людей праздник, а у нас нет. Дети расстроенные, собрались наряжать уже, игрушки, серпантин достали... Простоял на морозе 3 часа, и впустую...

— Щас! — бросил Жека, и вышел из дому не раздеваясь.

Поймал тачку, за трёшку доехал до вокзала, подошёл к таксисту на стояке, постучал в окошко, протянул четвертак.

— Братан, ёлка нужна, выручай!

Тот открыл багажник, а там лежали две ёлочки. Небольшие, полутораметровые, но густющие! Такие только в кино показывают. Их тайно, с большой опаской рубили в лесу, на заранее подсмотренных летом делянах, и везли в город, отдавая деньги за провоз через посты ГАИ и лесхозов. Однако продавать открыто их было нельзя. Продавали или своим, или знающим чё почём.

— Беру одну! Поехали на речку!

Все таксисты знали дворовое название района, и ориентировались без проблем. Привёз домой, отдал отцу. Там у малых радости полные штаны! Они и ёлок-то таких отродясь не видели! Настолько густая, что ствол даже не видно. И намного красивее смотрится, чем лысая палка 3 х метровой высоты. Батя поставил ёлочку на подставку, потом на крестовину набросали старой ваты, типа снег. Девчонки аккуратно стали вешать игрушки, некоторые ещё старые, из папье-маше, неизвестно как сохранившиеся до современности. Братья Серёга и Диман развесили гирлянды, одну из мигающих лампочек. Включили её — классно. И сразу запахло ёлкой и Новым годом. Теперь свет в зале вечерами и не включали — хватало освещения от ёлочной гирлянды.

Утром следующего дня пошёл сдавать последние зачёты. Отстрелялся быстро, ещё в 11,

но пришлось ждать до 12 часов, как и предупреждал вчера комсорг Владимир Станиславич. Подтянулся Лёха. Сидели вместе, базарили ни о чём. Лёха тоже оказывается, занимался единоборствами. Когда поступил в технарь, пошёл в секцию бокса для любителей в подростковом клубе «Заря», потом там же открылась секция кикбоксинга. Стал ходить в неё.

— Чисто для себя, — усмехнулся Лёха. — В таком городе лишним не будет.

— Дрался уже? Приходилось? — поинтересовался Жека.

— Конечно. Наезжали. Да и сюда в общагу к девкам постоянно таскаются всякие.

Иногда орут, приходится отбивать.

— На ринге не хочешь подраться? У меня у друганов охранный кооператив, там для тренировки охранников есть тренажёры, место для разминки, ринг. Я сам частенько там бываю. Тоже тренируюсь. Иногда дерёмся в прикол.

— Конечно. Говори адресок. Приду на новогодних. Всё равно делать нефиг будет. В деревню к себе тоже не хочу. Тут делать нефиг, а там и подавно. Водку только глушить, да в клуб ходить на танцы, а это не моё.

Чем-то приглянулся Лёха Жеке. Показался надёжным, простым. Попробовать притянуть его к делам? Давать пока простые поручения. В последнее время Жека не доверял никому, кроме старых пацанов. Из молодых одни слишком пили, или шмалялись наркотой. На речке это не скрыть. Другие сильно благовали. Были жестокими гопстопщиками и беспредельщиками, что для дела очень нехорошо. Такие для дела наоборот, вредны. Будут мочить всех подряд по тупому — и сами сядут, и всех за собой по тупости утянут. Некоторые уже по зоне пошли, прихватив друганов прицепом. Сам Жека никого просто так никогда не бил, из озорства или по приколу. К обычным людям всегда относился с симпатией и дружелюбием, всегда старался поддержать советом, а если бы попросили, то и материально тем, кому оно нужно.

— О... Молодцы! — довольно сказал Владимир Станиславич, увидев Жеку и Лёху. — Пойдёмте, принесём аудиоаппаратуру. Давайте за мной, пошлите к завхозу.

Комсорг медленно, с чувством собственного достоинства, пошёл впереди пацанов. Жека, привыкший ходить быстро, практически бегом, вынужден был сильно замедлять шаг, и тащиться практически как Робот Вертер из «Алисы Селезнёвой». И обогнать-то никак. А Лёха так вообще стал копировать робота Вертера, ступая так же, размеренно переставляя руки и ноги под прямыми углами, вышагивая за завхозом.

Так понемногу перешли в другой корпус. В небольшой комнатке, рядом с комендантшей общаги, сидел завхоз, Терентий Палыч, мужик грубый и пошлый. Было ему уже лет под 60. Постоянно ходил в замызганной матерчатой куртке и старой кепке. Но ходили слухи, что при копеешной зарплате из его гаража добро просто валится, и невозможно даже пройти к машине. Причём всё какая-то дрянь — веники, щётки-смётки, электролампочки, молотки, и прочее дерьмо.

С нескрываемым обожанием смотрел он на молоденьких студенток, что было совсем уже неприлично в его возрасте. Один раз, во время выборов депутатов, комсомольцев отправили помочь страшим товарищам оборудовать избирательный участок в главной рекреации техникума. Взрослые ставили кабинки для голосования, собирая из металлических трубок, а студенты обтягивали их красной материей.

— Как делать-то? — спросил недоумённо спросил Жека у завхоза, рулившего делом.

— А ты... Паренёк... Скрепляй их вот так, чтобы она волнами маленькими была, изогнутая, как девичья писька, — сально облизал пересохшие губы завхоз, глядя Жеке прямо

в глаза своими бесцветными шарами навькат. — Видел же? Ты видел её? Трогал?

И стал завхоз настолько мерзок, что захотелось сразу дать ему в табло, чтоб присел на жопу. Но Жека сдержался, понятное дело... Однако с тех пор относился к нему как к какой-то мерзости.

Вот и сейчас, завхоз сидит в маленькой каптерке, слушает радио по говорунку, попивает горячий чай, шевеля как таракан порыжевшими от Беломорканала усами, но кажется настолько мерзким, что даже смотреть не охота.

— Терентий Палыч, здравствуйте! Мы за техникой! — комсорг ввалился в киндейку завхоза как к себе домой, выпятив пузо. — Как здоровычко? С наступающим!

— И тебя с наступающим, Станиславич! — ухмыльнулся завхоз. — Да как здоровычко? Стоит как кол! А больше и не надо! А ты как? Как сам? Чё там? Воронкова дала?

Завхоз сжал прокуренный палец кольцом, и несколько раз ткнул указательным пальцем другой руки туда-сюда.

— Да... Как сказать... — довольно рассмеялся комсорг. — Потом расскажу. Не при этих.

Кивнул он на Жеку и Леху, топтавших в дверном проёме.

— Ладно. Пошлите уже, — завхоз взял связку ключей, и вывалился из киндейки. — Пойдёмте!

Открыл тот же маленький склад, откуда Жека с Лехой вчера вытаскивали стремянку. Там в углу стояли большие колонки АС-90. На них усилитель Одиссей и кассетная дека Нота 220. И если колонки и усилитель были высшего класса, то магнитофон так себе, средненький. Но для дискотеки пойдет.

— Берите и тащите! — скомандовал комсорг. — Я удлинитель принесу следом!

Всё пыльное, грязное. А пацаны в чистой одежде. Сейчас весь вымажешься, и домой идти как свинтусам!

— Тряпку то дайте хоть протереть! — недовольно сказал Лёха, обращаясь к завхозу. — Чё мы такую грязь поволокем?

— Бери. Вон. На ведре лежит, — ухмыльнулся завхоз. — Только не испачкайте!

На ведре лежала половая тряпка. Жека взял её, бережно вытер пыль с техники. Всегда он к аудиоаппаратуре испытывал какой — то трепет, так как лишён был её в своем бедном детстве. А тут... Такое обращение...

Вытерев аппаратуру, пацаны притащили её в актальный зал, подсоединили к удлинителю. Комсорг принес несколько кассет. И была-то на них записана одна пурга. То, что нравилось 40-летним. Что нравилось Владимиру Станиславичу. Николаев, Добрынин, Пресняков... Но играло в целом громко и чисто. Упругий бас даже на половине громкости хорошо раскачивал актальный зал.

— Ну всё хорошо, — довольно ухмыльнулся комсорг. — Всё готово. Приходите вечером пораньше, часов в 6.

— А чё так? — недоуменно спросил Жека.

— А то, Соловьев. Ты ещё не понял? Вы как комсомольцы будете следить за порядком. Смотреть, чтоб ваши соратники так сказать, не принесли спиртное. Будете всех осматривать на входе. Отбирать алкоголь. Следить в зале, чтоб не было пьяных. А вы как? Думали, что развлекаться будете?

— Думали! — дерзко возразил Лёха. — Мы чё, не люди? Тоже повеселиться хотим!

— Гаврилов! Вы не люди! Вы комсомольцы! — возразил Владимир Станиславич. —

Это более высшее звание, чем обычные люди! И вы должны своим собственным примером показать, каким должно быть поведение настоящего советского человека и комсомольца! Это не обсуждается! И помни, почему ты вообще живёшь тут в общежитии!

— Так это... Владимир Станиславич... Тут у меня у друга кооператив охранный есть. Он говорит, за пару сотен пошлёт четверых ребят, и полный порядок будет, — глядя в глаза комсorghу, сказал Жека. — Деньги можно договором по безналу оформить через банк. От ВЛКСМ.

— Ещё чего, Соловьёв! Нажиться на молодёжи хотите как капиталисты? — пренебрежительно отказался Владимир Станиславич, отрицательно махнув пухлой бабской рукой. — А вы для чего нужны? Никаких непредвиденных расходов! Придёте с Гавриловым и отдежурите!

Хорошо что Жека не позвал Сахариху. Вот бы она долго угарала. Наверное, лопнула со смеху. Впрочем, она, наверное, и сама в таком же положении. Не зря говорила, что как комсомолку подпрягли присматривать там за всем. Только она что, не могла отказаться? Или ей это нравится? Впрочем, обуздать Сахариху кроме Жеки ещё никому не удалось, и вполне возможно, она пошла на дискотеку чтоб развлечься и поприкалываться в очередной раз.

А у Жеки вот беда... Стрёмным будет совсем другое. Придётся переступить через свои принципы, и как мусору, шмонать пацанов. Хотя, Жека был уверен, что всё это бестолку — наверняка бухло давно уже куплено, и притарено где-нибудь в технаре, в котором было полно тёмных местечек, начиная с того же подвала, где было бомбоубежище, какие-то каморки, закутки, наполненные всяким хламом. Или в той же общаге.

— Придётся пацанов шмонать... — упавшим голосом сказал Лёха. — Ну чё за невезуха. Потом уважать не будут.

— Это ничё, братан! — утешающе ответил Жека. — Ты же не по своей воле, а заставили. Так надо. Не пойдёшь — из общаги вылетишь. Не, Лёх, тебе никак нельзя против идти. Да и я не собираюсь. У меня последний курс. Осталось учиться всего ничего. А там работу искать надо будет. Характеристика нужна. Пацаны покосятся, и похрен им... Забудут тут же. А тебе, да и мне, жить потом. Так что, держись! Ладно! До вечера!

После зашёл в столовую пообедать — желудок уже прихватило. Взял рыбный суп с фрикадельками, горошницу с котлетой, булочку, хлеб, компот. Чётко первое-второе-третье. Жека сызмальства не любил ни салаты, ни каши, да и чай столовский так себе — чуть тёпленькая жижка без крепости.

— У вас не занято, молодой человек? — над ухом раздался знакомый голос. — Можно присесть?

Маринка! Как всегда, хороша! Прелесть! Любила она узенькие юбочки и обтягивающие кофточки, позволявшие смотреть на аппетитную фигурку. Вот и сейчас. Тонкая то ли блузка, то ли кофточка с укороченным рукавом, полиэстеровая блестящая юбочка серого оттенка чуть повыше колена. Стройные бёдра, икры в коротеньких сапожках. Такая женственная, такая милая. С обворожительной улыбочкой она стояла у стола с разносом в руках, и выжидательно смотрела на Жеку. И он вдруг застеснялся. В первую очередь из-за того, что мацал девушку брата, получается. И сосался с ней. Но и она тоже виновата... Ходит с одним, и тут же позволяет распускать руки другому. Хотя, как они там мутят с Серёгой, Жека не знал, поэтому пока своё мнение оставил при себе.

— Конечно садись, Марин, что за вопрос! — чуть не подавился супом Жека. Блин...

Сейчас ещё не хватало как-нибудь оконфузиться перед ней.

Почти как романтический обед. В технарской столовке...

Глава 41. Новогодняя дискотека

А Маринка без всякого стеснения принялась за еду, иногда лукаво поглядывая на Жеку. И ела она так по-женски мило и аккуратно, что он даже засмотрелся, как она аккуратно берёт ложкой немного молочной рисовой каши, кладёт себе в ротик, пережёвывает, двигая красивыми пухлыми губками алого цвета, а потом тут же чуть-чуть облизывает их кончиком язычка. Увидев, что Жека смотрит на неё, она улыбнулась и отложила ложку.

— А вы что не кушаете, молодой человек?

Взяла она немного, как девушка, чуть склонная к небольшой полноте, боящаяся сделать её ещё больше. Рисовая каша, винегрет и чай.

— Да... Так... — Жека принялся за еду. Но как вот сейчас набирать в ложку суп? А если с неё упадёт кусок обратно в тарелку, да ещё обрызгает её жиром? Вот неловко-то будет. Потом решил не шухериться, а брать быка за рога. Вот ещё... Бояться девчонки...

— Марин... У вас с Серёгой серьёзно? Вы встречаетесь?

— Мы встречаемся, да, — согласилась Маринка. — Но до взаимных обязательств и до свадьбы далеко. Мы друзья. И партнёры по танцам. Я же тебе говорила, что танцую иногда. Нет. Не бальные. Обычный современный танец. Рок-н-ролл, твист, брейк-данс, электро техно дэнс.

— А что тогда там? На базе?

— А что там было на базе? — спокойно ответила Марина. — Ты же взрослый пацан. Там ничего не было. Минутная страсть. Неужели мы теперь по такому поводу загоняться будем? Это же фигня, Жень.

— Я это и собирался выяснить, — признался Жека. — Просто неловко перед Серым было бы, если я бы его девушку... Трогал...

— Но у нас с Серым даже и этого не было! — возразила Марина, потом встала, одёрнула юбочку, оголившую аппетитные бёдра в чёрном капроне, и помахала нежной розовой ладошкой.

— Пока! Увидимся на дискотеке!

Потом взяла поднос, и понесла на конвейер, куда складывали грязную посуду после обеда. У выхода из столовой оглянулась, и ещё раз помахала рукой на прощание. Взгляд её при этом был лукавый, и... До безумия желанный.

Дискотека могла стать горячей...

Из технаря поехал домой, в кооператив заходить пока не стал — и так дел по горло. Оставил дома конспекты, положив в стол, с учебниками. Прибрал всё в столе. После Нового года были короткие каникулы. Всего-то 3 дня, потом 3 дня подготовки, и с 8-го числа экзамены за семестр. После экзаменов учёба считалась официально прекращённой. После выставления оценок был месяц технологической практики, и уже с середины февраля дипломирование. Технологическая практика включала в себя просиживание с документами в архиве предприятия, и изучение технологии работы оборудования предприятия. Но так как практика эта мало что значила, руководитель, мастер Степнов Николай Егорович, порекомендовал устроиться куда-нибудь на месяц хоть дворником, и принести потом с места работы характеристику. Поставит практику и так.

А вот дипломирование было делом серьёзным — не зря на него уделялось три месяца. В проект входили четыре чертежа формата А0, и пояснительная записка не менее чем 80

страниц, исписанных чертёжным почерком по шаблонам, и переплетённая в переплётной мастерской. При защите диплома это всё надо не просто так сдать абы кому, а диплом надо будет ЗАЩИТИТЬ. Т. е. положить чертежи на кульманы перед государственной комиссией, отдать председателю пояснительную записку для проверки, и обосновать проект. А относиться к нему госкомиссия будет очень и очень недоверчиво. Искать слабые стороны. И надо уметь отвечать на каверзные вопросы, и что именно отвечать. А комиссия уже сделает вывод, защищён диплом или нет. Если нет — три года учёбы в техникуме прошли напрасно, дадут справку, что такой-то имярек просиживал штаны. И с ней тут же добро пожаловать в армию, после которой или начинай всё сначала, или займись чем-нибудь другим. Например, уборкой улиц.

Если получил диплом, то ты — молодой специалист. МЕХАНИК. Ни слесарь, ни рядовой рабочий, а лицо инженерно-техническое, которое может работать и бригадиром, и мастером, и начальником участка. И не только в сфере холодильного оборудования, но и вообще в любой отрасли, где используются механические устройства.

Но сейчас-то предстоят несколько дней праздников. И наверное, всё-таки работы... Куда ж без неё. А насчёт работы надо было побазарить со Славяном. Зашёл к нему домой, но мать сказала, что он на работе. Где ж ещё быть-то ему... Зная Славяна...

Поднялся на второй этаж кооператива, а он виснет там. Руководитель! В костюме, чёрной рубашке, с галстуком.

— Привет, дон Корлеоне! — поздоровался Жека. — Ты ж говорил, дела дома.

— А... Ну нафиг... — махнул рукой Славян, и тут же налил дружбану чая. Посидели, попили чаёк, покурили. Потом Жека начал базар.

— Я насчёт сегодня...

— Во! Чё на тебе комсомольский значок? — перебил Славян.

— Слушай! Предложил я короче, комсоргу, чтоб пацанов наших для охраны послать, они ни в какую. Вы комсомольцы типа! Должны за так охранять! Короче, пойду на дискотеку не веселиться, а как охранник. Шмонать пацанов, чтоб бухло не таскали, и смотреть за порядком. Бухих и наезжих выгонять. Вот я и со значком!

— Вот чертила! — невозмутимо сказал Славян, покуривая Мальборо. — Есть такие гондоны — ни себе, ни другим. Точнее, они эти бабки не нам дали заработать, а своруют сами. А на таких как ты выедут нахаляву. Вот так это работает, брат. Это и есть настоящее воровство. Плюс подставлялово людей нахаляву.

— Да знаю я! — досадливо заметил Жека. — Но чё я сделать-то могу? У меня дипломирование скоро. А он будет рекомендацию подписывать. По любому. Ещё хочу кое о чём сказать. В Еловке есть спортивная база. Стоит на балансе комсомольской ячейки техникума. Конечно, подзапущено там всё. Но она даже и в таком состоянии работает шас. Какие-то копейки, но приносит. Но место сказочное! Недалеко от города. Лес хороший, горы. Сама трасса неплохая — я на физре по ней бегал. Врубаешься, брат?

— Почти, — невозмутимо ответил Славян, глядя на Жеку из-под тёмных очков.

— Кароч, предложил ему открыть кооператив. Мы бы вложились. Сделали ремонт. Построили кафе, небольшую гостиницу. Сауну, баню, душ. Зимнюю веранду для бухалова и посиделок. Мангал для шашлыков. Лыжи новые купить. Ботинки. Сколько это принесло бы денег?

Славян закурил, и так же через очки посмотрел на Жеку.

— Много, брат. Много денег. Это же считай что курорт. И охрана была бы из наших

пацанов. Чё дальше?

— Он ни в какую! — продолжил Жека. — Это капитализма! Это нажива! Всё в том же духе. Такое место простаивает без дела! Его получишь — оно всю жизнь кормить будет.

— А по остаточной оно сколько бы стоило, если в аренду взять с правом выкупа?

— Да там гроши! — уверенно сказал Жека. — Главное — здание целое, отопление есть, но лыжи ломаные наполовину. Если бы я был комсоргом, за косарь отдал бы тебе эту базу.

— Если б ты был комсоргом? Тебя точно выбрали бы, если ваш кони бросит?

— Стопудово! Там этот комсомол нахрен никому не нужен! Всем домой лишь бы побыстрее свинтить!

— Значит, получается, комсорг ваш лишний стал?

— Получается, лишний, — пожал плечами Жека. — Не мы, так другие его завалят. Подкатят раз, два, и шлёпнут. Просто никто из ушлых ещё не прочухали про эту базу. Там в основном лыжная физра проводилась, ну и до кучи кто знающие ходили, за копейки лыжи брали в прокат.

— Ясно. Денег много на ремонт базы надо?

— Там... — замылся Жека. — Там ремонта особого пока не надо, для того, что есть сейчас. Что надо — именно сейчас, это лыжи купить с ботинками разных размеров, и хоть какую-то закусную открыть. Даже помещение есть. Купить печку, холодильник, пусть старые и по объявлениям. Нанять кого-нибудь, чтоб пирожки хоть пекли, или беляши. Чай разливать, газ-воду, чтоб людям перекусить что-то было. Рекламку дать в газету и в телевидение. Уже сейчас деньги пойдут хоть какие-то. А пока можно деньги припасать на большое строительство. Или стройматериалы хотя бы.

— Но деньги-то у нас есть! — возразил Славян. — И в банке, и под половицей. Всё вместе... Тысяч 20 наберётся.

— Двадцать хватит на ремонт! Тем более сейчас, зимой, делать ничего всё равно не будешь.

— Это всё круто выглядит, — медленно сказал Славян. — Но ты же помнишь, что Сахар сказал? Мутить только на его территории. Там чья поляна?

— Да хрен знает чья. Это вроде как за городом уже. Кто там у этих деревенских авторитет?

— Ладно. С этим потом разберёмся... Надо сначала с комсоргом вопрос утрясти.

— Надо, — согласно кивнул головой Жека. — И лучше чем сегодня времени не найти.

— Я понял, — в свою очередь согласился Славян. — Он же будет там, на дискотеке? По любому будет?

— Да. Но там дел много на сегодня. Сначала выманить его на улицу, чтоб он вышел. С чёрного входа, который на аллею выходит. Там мочкануть. Типа залётные хулиганы в драке зарезали комсорга. Вот типа, к чему приводит отсутствие охраны на мероприятии. Потом все дискотеки только под охраной. Нашей охраной.

— А ты силён братан! — восхитился Славян. — Звоню Митяю и Кроту?

— Звони. А теперь слушай, братан. Действовать будем строго по часам. Иначе никак. Время сверим? На моих четыре часа.

— На моих тоже, — Славян посмотрел на свою «Монтану».

— Он сказал приехать к 6 вечера, шмонать пацанов. В 7 начинается дискотека. Ровно в 8 часов я сделаю так, чтоб он вышел к чёрному выходу из лабораторий, где грохнули Фотича. Помнишь, я тебе говорил? Да. Вот. Он будет закрыт, но я его заранее открою. В том крыле

свет будет выключен. Туда будут ходить студаки и студачки. Бухануть, пососаться, потрахаться... Неважно. Я скажу комсorghу, что там у чёрного входа комсомольцы трахают его тёлку, тоже комсомолку.

— Он купится? — пожал плечами Славян. — Это же лажа даже для меня. Я б сроду не пошёл, а сначала в мусарню позвонил бы.

— Он пойдёт! — уверил Жека. — Он идейный. Это раз. И он извращенец, и захочет без мусоров посмотреть, что там. Это два. И он же меня возьмёт с собой. Это три. Три причины. брат, что он побежит вприпрыжку туда!

— Чё дальше?

— Вы с Митяем в 8-15 подходите к входу в общагу. Там наверняка будет стоять толпа пацанов и тёлок. Курить, просто тереть. Наезжайте на парочку, а потом, как те позовут на подмогу, просто сматывайтесь куда хотите. Ваше дело, чтоб немного шухер был. Чтоб на хулиганов всё спихнуть. Мусора копать будут, кто комсорга убил, подумают, что он кого-то из хулиганов пускать не хотел, и те его мочканули. Но мне надо, чтоб вы именно 8-15 подошли, чтоб тело до драки не нашли. Если найдут — без драки на хулиганов уже трудно будет столкнуть.

— Всё ясно, — пожал плечами Славян. — 8-15 подойти и начистить хлебало кому-то из ваших.

— Меня не ждите потом — доберусь как-нибудь. Сразу разъезжайтесь, — предупредил Жека.

Ещё немного посидели, потом Жека в половине шестого пошёл в технарь. Но перед этим в подвале взял короткий кавказский нож в кожаных ножнах, который забрали у охранников Тимура этой весной. Жека решил чтоб мусора пошли по этому следу. Нож засунул в правый кроссовок. Попрыгал — нормально. Пошёл ловить тачанку к остановке.

Приехал в технарь уже стемнелось. Никого ещё не было. Свет ни в одной рекреации не горел. Вход в актoвый зал похоже сделали лишь со стороны общежития. Жека кстати, так и предполагал. У входа, под бетонной плитой козырька, стоял комсорг Владимир Степанович и несколько парней. Раздавался разговор на повышенных тонах. Комсорг не хотел пускать парней в здание.

— Вы комсомольцы? Нет? Что тогда притазились так рано? Вход в семь часов!

— А чё за привилегии такие у комсомольцев? — дерзко спросил здоровенный парень из параллельной группы. — Вам всё можно, да?

— Да, — кивнул головой комсорг. — Это первичная ячейка ВЛКСМ техникума организовала праздник. И я имею полное право не пускать вас. Чё вам там делать?

— Мы в общаге живём здесь! — сипло сказал Вован, чувак со второго курса. — Нам чё, ночевать тут теперь?

— Сейчас я спрошу у коменданта, живёте вы или нет! — беспрекословно сказал Владимир Станиславич, и увидев Жеку, обронил. — А вот и Соловьёв! А ну-ка, не пускай пока вот этих товарищей никуда! Сейчас я с Михалной приду.

Когда комсорг ушёл, пацаны угрюмо посмотрели на Жеку, но тот лишь развёл руками.

— Бухло притарили что ли? — спросил Жека.

— Ну. Хотели затарить сразу, а этот чёрт не пускает.

— Если водяра, суньте в снег где-нибудь за углом, да и всё, — посоветовал Жека. — Потом выйдете типа покурить, и притараните. Ща шмон будет капитальный.

Пацаны рассудили, что так будет получше, и отошли. Почти в это же время подрёб

Лёха.

— О. Уже подваливают. Привет, — за руку поздоровался он. — Бухло пошли тарить?

— А ты откуда знаешь? — рассмеялся Жека.

— Поживёшь в общаге, уже всё будешь знать. — заверил Лёха. — Чё там Станиславич?

— Сказал стоять и пока не пускать никого. Пошёл за комендой в общагу.

А запускать внутрь начали только полседьмого. Но особого шмона не было — не будешь же каждого осматривать на морозе. Владимир Станиславич стоял, и только зорко смотрел на каждого, чтоб не было заранее пьяных. И девушек. Воронкова, которую он втихаря клеил и доклеил, навряд ли бы пришла на подобное мероприятие, поэтому мог поглазеть на других юных красавиц. Пришла и Марина. Лукаво улыбнулась Жеке и помахала варежкой.

В семь часов собрались все, кто хотел. Наверное, Владимир Станиславич сказал какую-то речь, но Жека этого не слышал, потому что он с Лёхой наблюдал за входом. Пока никого левого не было, заходили вроде все свои. Потом подошли пара левых оборванцев, стрёмно одетых, хотели пройти, но Жека перегородил им дорогу.

— Куда идёшь? — нагло спросил он. — Сюда нельзя.

— Да мы это, братан... Учимся тут! — не нашёл ничего лучшего один из подошедших, мужик неопределённого возраста в цигейковой шапке и старой замызганной шубе. Его друган, в фуфайке и облезлой кроличьей шапке, согласно закивал головой, вытирая соплю кулаком с наколкой солнца на кисти.

— Валите нахер отсюда! — заявил Лёха, потирая кулаки. — Тебе чё, ещё повторить?

— И чё ты мне сделаешь? — быканул первый и достал кухонный нож. — Я щас всю братвы сюда позову. Нас тут все знают. Мы тут...

Жека не дав договорить, заехал ему в челюху, отчего мужика подкосило. Он закатил глаза и упал на колени. Но сознание не потерял.

— Нокдаун! — захохотал Лёха.

— Слышь ты! Бери своего дружбана и валите отсюда! — негромко сказал Жека второму. Тот сразу же подхватил первого, поднял на ноги, и кое-как потащил его в сторону дворов. Жека ногой откинул нож обрыгана в сторону, в снег.

— Неслабо ты его приласкал! — Славян проводил взглядом нож, хотел взять его, но Жека не дал.

— Не трогай никогда ничего такого! Они может, недавно кого-то прирезали им, а ты хватаешь. Потом найдут твои отпечатки — вовек не отмоешься. Это прямое доказательство.

— Да прогнал чё-то, — по-деревенски прямолинейно признался Лёха.

Примерно через двадцать минут всё смешалось. Пацаны, девчонки стали выходить покурить, просто подышать воздухом. Можно было уже не торчать тут.

— Чё, пойдём, посмотрим? — предложил Жека. — Чё торчать-то тут.

— А... Пошли...

В актовом зале открытая дверь, из которой то входит, то выходит народ. Грохочет музыка. Как Жека и ожидал, за столом с приставкой и усишком сидел Владимир Станиславич, и на свой вкус ставил музыку. В основном, ту же, что и раньше, днём. И ставил по своему вкусу. То, что нравилось только ему. Молодёжь хотела бы потанцевать под что-нибудь современное. Зарубежку — Фэнси, Джой, Блю Систем, или хотя бы Комиссар, Стеллу, Андрея Державина. Хороших групп стало великое множество, но комсорг выбирал музыку по личным предпочтениям.

— Королевствоооо кривых зеркала! Бум! Бум! Бум! — надрывались колонки.

Жека внимательно огляделся, чѐ почѐм.

Глава 42. Новый 1991 год

В актовом зале полумрак. Горит только ряд светильников над крайними дальними рядами сидений, где в кучу сбросаны куртки, дублёнки, и прочая верхняя одежда. Средние и первые ряды заняты праздно сидящими. Танцуют пока ещё мало, как это всегда бывает, пока трезвые. Да и то в основном девушки. Куража особо нет, но компании ходят туда-сюда, наверное, разогреваясь принесённым и затаренным бухлом где-то в глубине технаря.

Владимир Станиславич сидит прямо за столом с аппаратурой, включая и выключая её на свой вкус. Захотел — включил кассету. Девчонки с подтянувшимися парнями начали танцевать. А комсоргу не понравилось — на середине песни вырубил, и похер, что люди танцуют, давай другую кассету искать. На сцене мигает четырьмя лампочками принесённая кем-то цветомузыка, но в целом в этом районе очень темно, да и на комсорга мало кто смотрит, ожидая от него какой-нибудь пакости.

Жека пошёл проверить выход на аллею, где намеревался мочить Владимира Станиславича. Идти-то всего-ничего, метров 30. Вышел из актового зала, повернул налево, мимо шумной компании у входа в общагу, прошёл двадцать метров, снова повернул налево, и вошёл в тёмный лабораторный корпус. Света здесь не было, но в глубине слышалось какое-то то ли шуршание, то ли шушуканье. Или пили втихоря, или трахались. Справа виднелась дверь на улицу, на аллею. И была она закрыта на засов, как и ожидалось.

Жека отворил засов, открыл дверь, и выглянул на аллею. Освещение на ней отсутствовало. Ходили редко, а ездили машины и того реже. Да и была дорога для машин за стеной густого кустарника, через который даже зимой, в темноте, мало что увидишь. Увидев, что всё в ажуре, Жека вернулся на дискотеку, лишь слегка прикрыв дверь.

А там всего буквально за несколько минут произошли изменения. Обрато стали возвращаться подбухавшие компании, уже более прогретые, более раскованные. Раздались крики, танцующих стало намного больше, к девчонкам присоединились парни. Уже трое парней стояли перед комсоргом, и поясняли ему за то, что он включает какое-то говно. Естественно, многие пришли со своими кассетами, надеясь похвастаться записями перед знакомыми. Комсорг сначала отбрёхивался, потом махнул рукой и плюнул — ставьте сами чё хотите. А потом и вовсе стал выходить из-за стола. Жека глянул на часы — почти 8. Решил, что надо приступать. Одед перчатки на руки. Оставлять следы ни к чему.

Комсорг почти вышел из двери, когда Жека шепнул ему на ухо, перекрывая грохот музыки:

— Владимир Станиславич!

— Чего тебе, Соловьёв? Тоже пришёл нервы мотать? — комсорг недовольно глянул на Жеку.

— Да не! Там какие-то левые мужики Воронкову насилуют! Раздели уже!

— Чтооо? — округлились глаза у комсорга. — Она что, здесь? Я её не видел тут! Она сказала, что не пойдёт.

— Ну, наверное, решила идти! Они там! Быстрее! Уже раздели!

Жека махнул рукой, и вышел из актового зала. Комсорг с неожиданной для него быстротой пошёл следом. Жека вышел на улицу, достал из кроссовка кривой нож, и спрятал руку за спину.

— Ну, где тут кто кого насилует? — комсорг вышел на улицу и огляделся. — Соловьёв!

Что это за шуточки?

Жека подошёл, схватил комсорга за шею, и ударил ножом в сердце, потом ещё раз, и ещё. А после чиркнул по шее, по сонной артерии. Потом толкнул тело захрипевшего комсорга от себя, прямо в кусты. Его конечно, было видать вблизи, да и кровь на снегу, но вдали, метрах в 20, уже нет. Пора идти дальше по плану. Жека вытер рукоятку ножа перчаткой, чтобы стереть возможные отпечатки, и бросил его в снег. Пусть мусора думают, что убийца потерял нож в снегу. Потом быстро пошёл в сторону входа в общагу с улицы. В технарь заходить не стал.

А у входа кильдым, как и ожидалось. Несколько компаний своих же парней уже поясняют за жизнь. Базары идут на повышенных тонах. Ещё немного, и до мордобоя дойдёт. Тут же несколько хихикающих девчонок с сигаретами стоят. Жека закурил в небольшом отдалении от скандалящих, и увидел как прямо к входу подходят Митяй со Славяном. Бухие парни, конечно же, видя что какие-то чужие мордвороты хотят пройти на дискотеку, и никто их не тормозит, решили вкупиться сами — сила требовала выхода.

— Э! Вы кто такие? А ну стоять?

— А чё? — Митяй подошёл, потирая кулаки. — А ты чё такой наезжий?

Лица пацанов было трудно разглядеть — на глаза надвинуты шапки, олимпийки натянуты до носа.

Дальше никто ничего не говорил. Завязалась драка. Жека тут же забежал на дискотеку, и крикнул в зал:

— Там на улице наших бьют!

Потом соскочил со сцены, и опять выбежал на улицу. Тут уже Митяй со Славяном сбежали, а парни свистели им вслед, но Жека ударил ближайшего в ухо, тот упал, и в это время выбежала разгорячённая толпа парней с дискотеки. Жека предусмотрительно свинтил в сторону, справедливо зная, что будет дальше.

Дело в том, что на дискотеку часто приходили не только студенты. Приглашали знакомых, те своих. Шли в надежде оттянуться, бухануть, потусовать с девчонками. И со стопроцентной вероятностью никто друг друга не знал. А если и знал, то мозг уже отягощён алкоголем, молодостью, и желанием почесать кулаки.

А дальше началась всеобщая массовая драка. Кто, с кем, и за кого, было без разницы. С дискотеки раздался клич, что наших бьют, и драка только разрослась. Надо было валить отсюда, прихватив Маринку.

Получив пару случайных тумачков, Жека забежал в актовый зал, и увидел Марину. Она растерянно одевалась, не зная что делать дальше. Попался на глаза Лёха. Был он подбухавши, но голову не потерял, в драку не лез.

— Пойду в общагу к себе! Пусть метелятся, долбаки! — пожал руку Жеке, и пошёл прочь.

— Ты же меня спасёшь? — Марина с лёгкой усмешкой смотрела на Жеку. Видела она в нём уверенность и силу. Давно ещё увидела, на лыжной базе.

— Без проблем, Марин! Пошли! — Жека взял девушку за руку, и повёл следом. Пошли направо, в тёмный главный корпус. Дверь главного входа там явно закрыта снаружи на ключ, но на чёрном входе столовой был лишь засов изнутри. Жека надеялся пройти там, где как-то дрался с Максом. Через лабораторию идти было неохота — там у входа лежал мёртвый комсорг, а от этого места следовало держаться подальше, иначе затаскают. У входа в общагу была драка — там тоже идти не фонарь. Могли толпой наброситься, да и Марине досталось

бы.

К выходу пришлось пробираться в полной темноте, почти наощупь. Хорошо, что не было никаких лестниц. Крепко держал Маринку за нежную ладошку и почти тащил её за собой. Нашупал дверь, открыл засов, толкнул, и вышел наружу. Здесь уже было посветлее. От звёзд, от домов, от уличного освещения.

Вдохнули морозного воздуха. Где-то за корпусом было слышно вопли и треск разрываемой одежды. Вдали завывала милицейская сирена.

— Ладно. Пошли, я тебя провожу, — предложил Жека, и протянул Марине локоть. Она с удовольствием ухватила за него. Некоторое время шли молча.

— Как-то всё неудачно получилось, — сказала Марина, и глянула блеснувшими глазами на Жеку. — Вот надо было так вечер портить?

— Так это всегда так, — уверил девушку Жека. — Все пьяные. Молодые, чё... Один начал, другой ответил, и понеслось. Я там вообще много левых видел, кто даже и близко не наши. Они походу и начали эту бузу.

— А где Владимир Станиславич-то был? Почему не остановил? — недоумённо спросила Марина.

— Да ну, Марин, ты чё... Там разве остановишь такой замес? Там самого убьют. Даже я не полез — побоялся, что убьют. Только просто посмотрел, что там, на улице творится, и то пару оплеух отхватил. Не... Ну нафиг. Тут только милиция может помочь. Ща упакуют всех активных, увезут куда надо. Там проспятся. Хорошо, лишь бы не поубивали друг друга, или тяжкие не причинили. Тогда да. Целое дело будет... Всем придётся в милицию ходить, показания давать...

Так, понемногу разговаривая ни о чём, шли по вечернему городу. Вовсю уже светились ёлки в окнах, мигали гирлянды. По улицам спешили люди с полными сумками. Близкий праздник ощущался как никогда. Так дошли и до Маринкиного подъезда.

— Доведу до квартиры уже, чтоб быть спокойным, — улыбнулся Жека.

— Ну... Доведи... — в ответ улыбнулась Марина. — Можешь даже на чашку чая зайти.

— Конечно. И погреться заодно, — согласился Жека, ничего такого не имея в виду.

Разве что чуть-чуть.

Поднялись на этаж, Марина открыла дверь, вошла в квартиру. А там явно никого не было.

— Ты одна? Где родители? — удивился Жека.

— Уехали с младшей сестрёнкой к родственникам. Меня оставили квартиру сторожить. Да я особо и не хотела туда. Свободой надо дорожить.

Марина переделась в домашнее — халатик и вязаные носочки, позвала в зал. Была у них обычная хрущёвка-двушка, обставлена просто, но со вкусом. В зале книжный шкаф, тумбочка с цветным телевизором. Магнитофон «Комета—225». Родители у Марины не сказать, что бедные, но и не особо богатые. Обычные советские люди. Отец — водитель на автобазе, мать — медсестра в больнице. На двоих дочерей денег у них вполне хватало.

Марина поставила чайник, а потом включила магнитофон, поставила «Маленький принц». «Мы встретимся снова, пусть свечи сгорели и кончился бал...».

— Вот мы и встретились снова. Да, Женя? — Марина села рядом на диван, сложила руки на прижатых друг к другу коленках, как примерная девочка, и с улыбкой посмотрела на Жеку. Вот чё ей надо?

— Да... — неопределённо ответил Жека, и посмотрел в её глаза. В них было

любопытство и симпатия.

— А ты правда в кооперативе работаешь?

— Ага, — оживился Жека. — Уже полгода.

— Ну и как. Нравится?

— Ну... — задумался Жека. Нравилось ли ему? Конечно да! На кондитерке чувствовал себя рабом и подневольным человеком. Сказали идти — иди. Сказали стоять — стой. В кооперативе же, пришёл, дело сделал, да ушёл. Сам себе хозяин. Нарботал — получил. Не нарботал — не получил. Всё просто.

— Пожалуй что нравится. Свобода. Денег больше. Сам себе хозяин, — уверенно ответил Жека. — А ты бы хотела на себя работать? Не на дядю?

— Да уже подумываю... Но где что найдёшь? У нас и знакомых таких крутых нет, — с лёгкой тенью разочарования ответила Марина. — А так... Подработать можно было бы, хоть пирожки печь. Я знаешь, как печь умею? Вкусненько!

И тут Жеку осенило. Вот же! Вот тебе и девушка для готовки на будущей лыжной базе! Да ещё со средне специальным образованием. Всю технологию знает, какое оборудование надо для ассортимента.

— Слушай, это пока ещё так себе... Но у меня тут друзья открывать кое-что хотят. Типа кооперативного мини-кафе. Может, найдётся для тебя место!

— Правда? — счастливо заулыбалась Марина.

— Ну... Это не сразу прям так вот, — ответил Жека. — Они сейчас прикидывают только что, да как. Но это точно будет. Я тебе сразу скажу.

Марина счастливо рассмеялась, в шутку обняла Жеку, и поцеловала в щёку. И тут началось... Ведь не хотели же! Долго скрываемое влечение друг к другу вспыхнуло как бензин, плеснутый в едва тлеющий костёр. Жека в ответ обнял её тонкую талию под халатиком, коснулся губами нежной щеки, и началось! Да и Марина потеряла голову! Вот какого хрена Серёга её не окучивал? Ходил, с танцами с этими! Видишь красивую девочку, которая равнодушна к тебе — чё тянуть-то резину?

Молодая здоровая 18 летняя девушка, вполне созревшая, что хочет? Танцы она конечно, тоже хочет, но в большинстве она хочет любви и романтики! Марина целовалась страстно, и даже как-то ненасытно. Жека гладил нежное, чуть пухленькое тело сначала по халату, потом запустил жадные руки в вырез, коснулся лифчика, чуть сжал крупные тяжёлые шары, провёл рукой по шейке, ключицам... И началось безумство...

Пока на кухне пластал чайник, окутывая всё паром, в зале было интересно и чувственно, но когда пар дошёл и до развлекающейся молодёжи, Марина вскрикнула, и как была, нагишом побежала снимать его с печки. Потом, согнувшись, и закрывая тело руками, пришла обратно, и набросила халатик, неловко улыбаясь.

— Вот... Как-то так получилось... — неловко пробормотала она.

— Ничего. Бывает! — успокоил Жека, и полез ещё целоваться, но девушке уже стало стыдно, и она отстранилась.

— Ещё подумаешь что-нибудь, — смущённо заулыбалась она, и застегнула халат. — А я не такая!

— Да я знаю, знаю, Марин! — уверил Жека. — Ты хорошая! Всё хорошо будет!

Потом пили чай, говорили о чём-то, как будто ничего не произошло. Потом Жека засобирался.

— Ладно, Марин, пойду я... Родители ждут.

— Пока! — так же мило улыбнулась девушка, и привстав, поцеловала Жеку на прощание. — Удачного праздника! С Новым годом! Заходи! Можешь... Даже со своей девушкой!

— Хорошо. Посмотрю, — Жека вышел из квартиры и затопал вниз по лестнице. А всё-таки он был у Маринки первый... Серёга не успел. Ну что ж... Кто не успел, тот опоздал...

Сразу пошёл в кооператив. Там Славян и Митяй. Початая бутылка коньяка на столе. Чуть выпившие, но веселья не видно.

— Чё рожи сквасили? — Жека бухнулся на диван, и налил себе полрюмки. — Похороны чтоль у кого?

— Тебя ждём! — ответил Славян. — С чего бухать-то, если дело хрен знает, то ли прошло, то ли нет.

— Прошло. Всё нормально пока. Вроде никто не видел. Там драка потом была, как уши, мама не горюй. Хрен кого найдёшь...

— Ну вот щас можно и выпить! Давайте! С наступающим!

Посидели с полчаса, потом по домам. Завтра 31 число. И целых 3 дня выходных!

— Я-то всё равно приходить буду — работа, — уверил Славян. — Надо пацанов по оставшимся заказам отправлять. То да сё. Вы тоже подгребайте, если делать нечего.

— Ладно. Я пошёл, — Жека пожал всем руку на прощание и пошёл домой. Завтра праздник!

Однако праздничный день начался не так, как ожидалось. А начался он со званка в дверь примерно в 11 часов. Милиция! К Жеке пришла милиция! Два сержанта, в зимних пальто и ушанках стояли в прихожке, внимательно осматривая бедновастенькую обстановку. Дети сбежались конечно же. Братан недоумённо смотрит на неловко одевающегося Жеку.

— Соловьёв Евгений тут проживает? — спросили мусора.

— Здесь, — растерянно ответила мать. — А что случилось? За что его?

— Там всё скажут, — не стали вдаваться в подробности мусора. — Паспорт пусть возьмёт с собой.

Но наручники не одели, что уже хорошо. На допрос потянули как свидетеля походу. Мать в своём репертуаре. Нет чтоб помолчать, заныла, запричитала.

— Вот, Женька! Говорила я тебе, приходишься по ночам! Я тебе не буду передачи в тюрьму носить!

Вышли, посадили Жеку на заднее сиденье жёлто-синего бобика, повезли, судя по маршруту, в центральный РОВД. Там провели мимо дежурного, кутузки с галдящими алкашами, провели на второй этаж, и посадили на лавку у двери с табличкой «Капитан Егоров Сергей Константинович, оперативный сотрудник».

— Сиди тут. Вызовут.

В коридоре табачищем воняет, хоть топор вешай. Сотрудники ходят туда-сюда, не обращая на Жеку ни малейшего внимания. А он посмотрел на табличку ещё раз, и вспомнил, что это тот же самый мент, что приходил в технарь после убийства Фотича. И который потом притянул его отца, чтобы посадить на измену пацанов. Значит, и сейчас он будет дело комсорга копать. Второе убийство в одном и том же месте — это подозрительно, по всем признакам. До капитана за два года дослужился...

— Ты Евгений Соловьёв? Проходи! — в двери показался Егоров. Был он, судя по расстёгнутому пиджаку, довольной улыбке, в лёгком расслабоне. — Садись сюда. Паспорт давай. Ты знаешь, зачем тебя вызвали?

— Нееет! — недоумённо протянул Жека. — Даже не в курсе.

— Ты вчера был на дискотеке в Техникуме Советской Торговли?

— Был, — согласился Жека. — Я там был по своей обязанности. Как комсомолец, наблюдал за порядком.

— И что? Пояснить что-нибудь можешь насчёт вчерашнего? — строго спросил Егоров.

— Нам комсорг поручение дал — следить, чтобы посторонние не входили, и наши спиртное чтобы не проносили, ну мы...

— Так. Стоп. Кто это мы?

— Лёха Гаврилов. Со второго курса. Мы с ним дежурили.

— Гаврилов Алексей, — по слогам проговорил Егоров и записал что-то на листке бумаги. — Дальше давай.

— Потом никого нового не было, стали наши выходить курить.

— Кто ваши?

— Технарские. А кто... Я не знаю. Мы замёрзли и пошли внутрь. Потом все начали драться и мы убежали.

— С кем убежали? Куда? — спросил Егоров, глядя на Жеку.

— Девушка там знакомая. Марина. Тоже комсомолка. Мы ушли, потому что страшно стало, — признался Жека. — Я потом до дома её проводил. Посидели у неё, чай попили, и я домой пошёл.

Долго ещё допрашивал Жеку оперуполномоченный уголовного розыска Егоров о всех мелочах прошедшей дискотеки, но что именно произошло, так и не сказал. Ждал, что Жека сам упомянет мёртвого комсорга, а ведь если он невиновен, то знать не должен, что он мёртв. Но Жека ни словом не выдал, что знает что-то сверх того, что сказал.

Потом Егоров заставил написать объяснительную, расписаться в протоколе допроса, и отпустил Жеку, отдав паспорт.

— Иди, Соловьёв. Если надо, вызовем ещё... Вот тебе бумажка с моей росписью. Покажешь дежурному, он выпустит.

Жека взял бумажку, спустился на первый этаж, показал дежурному, и тот выпустил парня на свободу. Жека шёл по улице, курил "Мальборо", смотрел по сторонам, и увидел красочный плакат в витрине винного магазина "С НОВЫМ 1991 ГОДОМ!".

Да. Наступал 1991 год. Великий переломный год. Когда рухнула великая страна. И начались "лихие 90-е". И Жека встретил их весьма и весьма прошаренным пацаном.

Конец 1-го тома.

Во втором томе — лихие 90-е. Захват банков, заводов, шахт и прочего народного достояния. И Жеке там тоже надо отхватить кусочек халявы! В жёсткой борьбе с партией, уголовными авторитетами, мафией и всем, что вылезло из подполья!

Больше книг на сайте - Knigoed.net